ШКАФЪ IX
ПОЛКА 7
МѢСТО КНИГИ НА ПОЛКѢ 22.

Russ.

224 ℓ/1

ШКАФЪ IX
ПОЛКА 7
МѢСТО КНИГИ НА ПОЛКѢ 22.

Инв. 479.
шк. III
пол. 5.
мпф. 20.
Pogodin

Russ.
224 ℞/1

XXX. 14

ШКАФЪ IX
ПОЛКА 7
МѢСТО КНИГИ НА ПОЛКѢ 22.

Инв. 479.
шк III
пол. 5.
мѣст. 20.

Russ.
224 $\frac{P}{1}$
Pogodin

3m – 5p
D XXX.14
Liste 9

ШКАФЪ IX
ПОЛКА 7
МѢСТО КНИГИ НА ПОЛКѢ 22.

Инв. 479.

шк. III
пол. 5.
мѣст. 20.

Russ.

224 ℗/1

Pogodin

D XXX.14

ИЗСЛѢДОВАНІЯ,

ЗАМѢЧАНІЯ И ЛЕКЦІИ

О РУССКОЙ ИСТОРІИ.

Инв 479.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ,

ЗАМѢЧАНІЯ и ЛЕКЦІИ,

М. ПОГОДИНА,

О РУССКОЙ ИСТОРІИ.

ИЗДАНЫ

ИМПЕРАТОРСКИМЪ Московскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ.

ТОМЪ I.

ВСТУПЛЕНІЕ.

ОБЪ ИСТОЧНИКАХЪ ДРЕВНЕЙ РУССКОЙ ИСТОРІИ, ПРЕИМУЩЕСТВЕННО О НЕСТОРѢ.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.
1846.

G. n. 5126

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Апрѣля 23 дня, 1846 года.

Цензоръ, Стат. Сов. и Кавалеръ ***И. Снегиревъ.***

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемые нынѣ три тома изслѣдованій о Русской Исторіи (862—1054 г.) были давно уже приготовлены къ печати, хоть и не вполнѣ, но изданіе ихъ замедлялось по разнымъ причинамъ.

Сначала ожидалъ я возвращенія Археографической Экспедиціи, въ надеждѣ получить отъ ея поисковъ какія нибудь новыя важныя свидѣтельства. Потомъ останавливало меня мнѣніе, поданное ею, въ Хронологическомъ указаніи источниковъ Русской Исторіи (1834), что наши лѣтописи не такъ древни, какъ мы полагали, и что извѣстные подъ этимъ именемъ сборники принадлежатъ къ XIV столѣтію.

Это объявленіе было для меня слишкомъ важно, ибо всѣ мои изслѣдованія основывались на Несторѣ, какъ лѣтописателѣ XI вѣка. Должно было ожидать доказательствъ новаго мнѣнія, которое, противоположное моему, измѣняло совершенно видъ дѣла, — чтобъ, сообразуясь съ ними

исправить, передѣлать, или дополнить, подтвердить мои положенія.

Желая вызвать скорѣе эти доказательства, я бросилъ тотчасъ противникамъ перчатку разсужденіями о Несторѣ, кои началъ печатать въ Журналахъ, но отвѣта не воспослѣдовало, и я вскорѣ увидѣлъ, что шумъ былъ сдѣланъ по пустому, какъ говоритъ Шекспиръ, и что бояться за Нестора нѣтъ никакихъ причинъ, а сомнѣнія такъ названной скептической школы, начавшей почти тогда же свой дѣтскій лепетъ, не заслуживали никакаго вниманія знатоковъ.

За то, съ другой стороны, Копенгагенское общество Сѣверныхъ Антикваріевъ сообщило ученому свѣту свое намѣреніе издать Русскія Древности, (Antiquitates Rossicae), обѣщая извлечь изъ сѣверныхъ источниковъ, большею частію неизвѣстныхъ, свидѣтельства, до насъ касающіяся, точно какъ Стриттеръ сдѣлалъ то съ Византійскими лѣтописями. Новая причина останавливаться — уже отъ радости, какъ прежде отъ страха: я ласкалъ себя надеждою утвердить свое мнѣніе новыми доказательствами.

Копенгагенское изданіе откладывалось однакожъ годъ отъ году по разнымъ уважительнымъ причинамъ, и я по тщетномъ ожиданіи рѣшился приступить къ своему, по крайней мѣрѣ, издать вступленіе: въ 1838 году напечатанъ былъ мой Несторъ, дополненный новыми разсужденіями, въ

особенности о древнихъ договорахъ, въ отношенiи къ Несторовой лѣтописи, договорахъ, которые составляли главный камень преткновенiя для новыхъ судей. Въ 1840 году, мая 4 дня, Императорское Московское Общество Исторiи и Древностей Россiйскихъ, содѣйствовавшее, въ последнее время, своимъ пособiемъ всѣмъ трудамъ въ Москвѣ по части Русской Исторiи, опредѣлило печатать продолженiе моихъ изслѣдованiй на свой счетъ, и я занялся происхожденiемъ Руси, вопросомъ, который, по моему мнѣнiю, наименѣе могъ измѣниться при какихъ бы то ни было новыхъ открытiяхъ.

По окончанiи его, въ 1842 году, отправился я въ Копенгагенъ, чтобъ познакомиться съ тамошними знаменитыми учеными, и узнать навѣрное, что и когда должно ожидать отъ общества Сѣверныхъ Антикварiевъ.

Изданiя его только что обдумывались, приготовлялись. Притомъ я удостовѣрился, что Русская Исторiя должна ожидать отъ нихъ величайшей пользы, въ смыслѣ дополненiй, поясненiй, подтвержденiй, но отнюдь не переворотовъ, и что мои изслѣдованiя не могутъ ни въ какомъ случаѣ подвергнуться значительнымъ измѣненiямъ.

И такъ, возвратясь, я принялся опять за изданiе. Кто знакомъ съ подобными трудами, тотъ согласится, что книга, съ тысячами справокъ и подлинныхъ словъ изъ разныхъ свидѣтельствъ, не можетъ идти слишкомъ скоро. Я приближался къ половинѣ, какъ вдругъ тяжкая болѣзнь и разныя не-

счастныя обстоятельства прервали мои занятія въ 1844 году.

Уже въ 1845 г., собравшись съ силами, я могъ предаться имъ вполнѣ, — и теперь кончилъ три первые тома, лежавшіе у меня камнемъ на сердцѣ.

Первой томъ посвященъ *источникамъ* древнѣйшей Русской Исторіи, и преимущественно Несторовой лѣтописи. Въ составъ его вошло прежде напечатанное, извѣстное публикѣ, изслѣдованіе, къ которому присоединены замѣчанія о прочихъ источникахъ, какъ то: Русской правдѣ, церковныхъ уставахъ, сѣверныхъ сагахъ, и проч., — также разборъ всѣхъ мнѣній о Несторовой лѣтописи, вопросовъ, къ ней соприкосновенныхъ, разборъ всѣхъ разсужденій скептической школы, объясненіе ея недоразумѣній и разрѣшеніе ея сомнѣній. Разборы эти были слишкомъ для меня скучны и утомительны, отняли у меня много драгоцѣннаго времени, но я почелъ обязанностью очистить заданный себѣ вопросъ со всѣхъ сторонъ, отклонить всякой поводъ или предлогъ къ обвиненію въ неполнотѣ, вразумить молодыхъ людей, готовыхъ всегда гоняться за новизною, расположенныхъ по природѣ болѣе къ сомнѣнію и отрицанію, чѣмъ утвержденію и довѣрію, и наконецъ, предохранить Русскую Исторію на будущее время отъ подобныхъ покушеній.

Предметъ втораго тома есть *происхожденіе Варяговъ-Руси.* Здѣсь помѣщено первое мое разсужденіе объ этомъ предметѣ, исправленное и дополненное новыми открытіями и изслѣдованіями, сдѣланными впродолженіи двадцати слишкомъ лѣтъ послѣ его перваго изданія, какъ мною, такъ и другими, отъ чего оно увеличилось почти вдвое. Я почелъ также необходимымъ разобрать новыя мнѣнія о происхожденіи Варяговъ-Руси, опровергнуть возникшія сомнѣнія, какъ у противниковъ, такъ и у поборниковъ, и отвѣчать на всѣ относящіеся сюда вопросы. Къ второму тому присоединилъ я лекціи свои о Славянахъ, въ коихъ заключается краткое извлеченіе изъ Славянскихъ Древностей Шафарика, переведенныхъ Г. Бодянскимъ, почти вездѣ собственными словами автора. Извлеченіе это дѣлалъ я вотъ съ какою цѣлію: мнѣ хотѣлось показать, при этомъ случаѣ, въ какой связи Русская Исторія находится съ древле-Славянскою, на которую многіе молодые люди начали обращать у насъ особенное вниманіе, чего отъ нея, на какихъ путяхъ, ожидать можно, и отъ какихъ заблужденій остерегаться должно; наконецъ это извлеченіе доставляетъ данныя, съ коими слѣдуетъ приступать къ разсмотрѣнію нашихъ Славянъ, пропускаемыхъ нами до сихъ поръ безъ вниманія, хотя изъ нихъ собственно составилось государство.

Третій томъ содержитъ изслѣдованія и замѣчанія о событіяхъ и прочихъ явленіяхъ перва-

го періода, которой я называю Варяжскимъ или *Норманскимъ*, (862—1054 г.), съ объясненіемъ, по принадлежности, всѣхъ мѣстъ Несторовой лѣтописи, и наконецъ сравненіе нашего начала съ началомъ прочихъ западныхъ государствъ, гдѣ показанъ источникъ различія между ихъ послѣдующими Исторіями, даже до настоящаго времени. (Нѣкоторые статьи отсюда были помѣщены въ журналахъ и другихъ изданіяхъ).

Посвящаю мои изслѣдованія молодымъ друзьямъ Русской Исторіи, студентамъ Университетовъ, и въ особенности студентамъ Московскаго Университета, между которыми произошли онѣ, среди лекцій, впродолженіи двадцати лѣтъ. Желаю искренно, чтобъ ученики мои воспользовались моими трудами, и распространили ихъ далѣе и далѣе, лучше и лучше, на пользу науки, на славу отечества, къ чести своего имени. Русская Исторія, по своей обширности, по богатству источниковъ, по своему значенію въ кругу наукъ, по своей важности въ системѣ гражданскаго образованія, по своимъ отношеніямъ къ настоящему времени, которое можетъ, если захочетъ, научиться отъ нея многому, и наконецъ по своей близости къ нашему сердцу, къ нашей плоти и крови, есть предметъ достойный изученія внимательнаго, глубокаго, постояннаго! Чѣмъ больше будемъ мы искать въ ней, тѣмъ больше находить,

Методъ, употребленный мною, смѣю почитать сообразнѣйшимъ съ цѣлію, еще болѣе — думаю, что только посредствомъ его и можно достигать до заключеній вѣрныхъ и положительныхъ. Прежде всѣхъ разсужденій, толкованій и высшихъ взглядовъ, должно, по моему мнѣнію, собирать *всѣ мѣста* изъ лѣтописей, грамотъ и другихъ источниковъ, объ извѣстномъ предметѣ, и потомъ уже, имѣя ихъ предъ глазами, дѣлать выводы объ его значеніи и отношеніи, въ какомъ онъ находится къ другимъ смежнымъ предметамъ, и вообще ко всей Исторіи, провѣряя свои выводы прочими свѣдѣніями. Работа трудная и вмѣстѣ легкая, за которую можетъ приниматься всякій юноша, не имѣя даже нужды въ особливыхъ способностяхъ. Объясните намъ такимъ образомъ бояръ, дѣтей боярскихъ, пасынковъ, дѣтскихъ, дворянъ, жильцевъ, тіуновъ, цѣловальниковъ, куны, гривны, рубли, денги, города, слободы, помѣстья, отчины, поле, правежъ, полюдье, кормленье, опричину, поклоны, пошлины, дары; составьте сводныя грамоты всѣхъ родовъ; разберите по частямъ все управленіе, духовное, гражданское, военное, — и такимъ образомъ въ теченіи немногихъ лѣтъ, Русская Исторія возведена будетъ на степень, на которой быть ей подобаетъ, и вразумленная публика перестанетъ толковать о вещахъ, противныхъ нашему духу, развитію, происхожденію, научится уважать свой народъ, возпользуется своими опытами, и начнетъ искать добра тамъ, гдѣ

его найдти можно, то есть въ своей землѣ, а не подъ тропиками Рака или Козерога.

Я говорилъ о работѣ, доступной для всякаго трудолюбиваго молодаго человѣка — но она не должна останавливать другихъ, одаренныхъ особенными способностями, чующихъ въ себѣ присутствіе высшей силы. Пусть такіе избранные обращаются къ самой Исторіи, выбираютъ себѣ тотъ или другой періодъ — Норманновъ, Монголовъ, Москву, Новгородъ, пятнадцатый вѣкъ, смутное время, Малороссію, стрѣльцовъ, или посвящаютъ свое перо одному какому лицу — Ивану третьему, Грозному, Годунову, Хмѣльницкому, Петру. У насъ разпространилось недавно повѣрье, что за такія сочиненія приниматься не время еще теперь, пока не обработаны всѣ источники, и пока не кончились всѣ приготовительные труды. Это мнѣніе, совершенно ложное. Еслибъ имѣли его Татищевъ, Стриттеръ, Карамзинъ, то до сихъ поръ у насъ не было бы никакой Исторіи. Если же Татищевъ, Стриттеръ, Карамзинъ, принимались въ свое время за сочиненіе Исторіи, и поступили въ этомъ случаѣ прекрасно, то кольми паче возможно это теперь, послѣ ихъ трудовъ, при обнародованіи матеріаловъ, когда проложена уже, такъ сказать, столбовая дорога Исторіи. Лишь былъ бы умъ, жаръ, талантъ, даръ Божій! Отъ Историка недолжно спрашивать новыхъ изслѣдованій, а только искуства возпользоваться сдѣланными. Всякой вѣкъ имѣетъ свои требованія и

свой взглядъ на вещи, и во всякомъ вѣкѣ должна возобновляться картина Исторіи, сообразно съ состояніемъ науки и матеріаловъ въ его время.

Я почелъ нужнымъ сказать здѣсь нѣсколько словъ объ этомъ повѣрьѣ, опасаясь, чтобъ оно не задержало какой нибудь талантъ испытывать свои силы на прекрасномъ и блистательномъ поприщѣ.

Но довольно -- въ слѣдующихъ томахъ молодые читатели увидятъ еще яснѣе мои совѣты о предлежащихъ работахъ для Русской Исторіи: четвертый и пятый томы, объ удѣльномъ періодѣ, которые мнѣ должно только исправить и дополнить по новымъ изданіямъ Археографической комиссіи, надѣюсь я издать въ слѣдующемъ году; о прочихъ томахъ, обнимающихъ продолженіе Русской Исторіи, до единодержавія Петра I, хотя не смѣю теперь ничего загадывать; но могу сказать, что приложу все свое стараніе, дабы кончить ихъ какъ можно скорѣе, и отдать полный отчетъ соотечественникамъ въ своей Университетской службѣ.

Нѣкоторыя статьи изъ этихъ томовъ, печатанныя въ журналахъ, о предметахъ и лицахъ Русской Исторіи, наиболѣе занимательныхъ для публики, по своему изложенію, мною собраны, и выйдутъ немедленно въ особой книгѣ.

Заключу мое предисловіе словами Мниха Лаврентія, которому одолжены мы древнѣйшимъ

спискомъ Несторовой лѣтописи, положеннымъ въ основаніе этихъ изслѣдованій:

„Радуется купецъ прикупъ створивъ, и кормчій въ отишье приставъ, странникъ въ отечество свое пришедъ: такоже радуется и книжный списатель, дошедъ конца книгамъ...... И нынѣ, Господа отци и братья, оже ся гдѣ буду описалъ, или переписалъ, или недописалъ, чтите исправливая Бога дѣля, а не кляните"....!

Михаилъ Погодинъ.

1846.

Апрѣля 26 дня.

ПРИВОДИМЫЕ АВТОРЫ И ИХЪ СОЧИНЕНІЯ,

съ объясненіемъ сокращеній.

Арцыбышевъ. АПР. Повѣствованіе о Россіи. Томы 1, 2, 3. въ 6 частяхъ. Издано И. Московскимъ обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ. 1838—1843. Москва.

Приступъ къ повѣсти о Рускихъ. СПБ. 1811.

Байеръ. Его разсужденія въ комментаріяхъ И. Петербургскія Академіи наукъ. Избранныя въ Клоцевомъ изданіи: T. S. Bajeri opuscula etc. ed. C. A. Klotzius. Halae 1770.

Бодянскій. Разсужденіе о народной поэзіи племенъ Славянскихъ. Москва. 1837.

Болтинъ. Примѣчанія на Исторію... Россіи Леклерка 2 т. СПБ. 1786. Князя Щербатова, 1793. 2 тома.

Бутковъ (ОЛР. ОРЛ.) Оборона лѣтописи Русской, Несторовой, отъ навѣта скептиковъ. СПБ. 1840. Другія его изслѣдованія въ журналахъ: Библіотекѣ для чтенія, Сынѣ Отечества, Журналѣ Министерства внутреннихъ дѣлъ.

Вахтеръ. (CCB) Snorri Sturlesons Weltkreis (Heimskringla) übersetzt und erl. von D. Fr. Wachter. 2 Bande. Leipzig. 1835.

Венелинъ. Древніе и нынѣшніе Болгаре, въ.... ихъ отношеніи къ Россіянамъ. Томъ I. Москва, 1829.

Скандинавоманія и ея поклонники, или столѣтнія изысканія о Варягахъ. Москва. 1842.

Востоковъ. ОЕ. Остромирово Евангеліе. 1842 г. СПБ.
Гагемейстеръ. О финансахъ древней Россіи. 1828. СПБ.
Гейеръ. (GSUS.) Schwedens Urgeschichte von Gejer. Sulzbach. 1826.
Geschichte Schwedens. Hamburg. 1832.
Геренъ. Ideen über die Politik, den Verkehr und den Handel der vornähmsten Völker der alten Welt. Göttingen. 1842.
Глинка. (Ѳ. Н.) Его изслѣдованіе въ Русскомъ Историческомъ Сборникѣ.
Гольманъ. Рустрингія, первоначальное отечество Рюрика, пер. И. *Снегирева.* Москва. 1819.
Горскій. Его изслѣдованія въ Твореніяхъ Святыхъ Отцевъ, съ прибавленіями, изд. Моск. Духовной Академіей.
Готье д'Аркъ. Histoire des conquetes des Normands en Italie, en Sicile, et en Grece, par E. Gantier d'Arc. Paris. 1830.
Григорьевъ. В. В. Его изслѣдованіе въ запискахъ Одесскаго Общества любителей Русской Исторіи и ЖМНП.
Даниловичь. Его изслѣдованіе въ Русскомъ историческомъ Сборникѣ.
Деппингъ. Histoire des expeditions maritimes des Normands, et de leur etablissement en France au X siecle, par Depping. 2 tom. Paris 1826.
Евгеній. Митрополітъ ОКС. Описаніе Кіевософійскаго Собора... Кіевъ. 1825.
СРПЕ. Словарь Историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина. 2 тома. Изд. 2. 1827. СПБ.
К. Калайдовичь.(ІЭБ.) Іоаннъ, Эксархъ Болгарскій. М. 1824.
Памятники Русской Словесности XII вѣка. М. 1821.
Разсужденіе въ ТМОИР.

Капфигъ. Essai sur les invasions maritimes des Normands dans les Gaules. Paris. 1823.

Каченовскій. (ИК. ОК.) Два опыта изслѣдованій о Древностяхъ Русскихъ, не конченные. Они же печатались въ Вѣстникѣ Европы и Ученыхъ запискахъ.

Карамзинъ. Исторія Государства Россійскаго. 12 томовъ. СПБ. 1818—1821.

Кеппенъ. БЛК. Библіографическіе листы Кеппена, 1825. СПБ.
КОРП. Списокъ Русскимъ памятникамъ. Москва. 1822.

Кругъ. (ДРМ. ОРМ. ОРМК.) Критич. разысканія о древнихъ Русскихъ монетахъ. СПБ. 1807.
Kritischer Versuch zur Aufklärung der Byzantischen Chronologie. СПБ. 1807.

Крузе. Его изслѣдованія въ ЖМНП. Necroliwonica. Dorpat. 1844.

Лербергъ. (ИЛ.) Изслѣдованія, служащія къ объясненію древней Русской Исторіи, перев. Д. Языковъ. СПБ. 1819.

Ломоносовъ. (ЛРИ) Древняя Россійская Исторія... до кончины В. К. Ярослава I. СПБ. 1766.

Максимовичь. (ОИРЗ). Откуда идетъ Русская земля. 1837. Кіевъ.

Миллеръ. (SRS) Sammlung Russischer Geschichte. въ 9 т. 1732—1764. СПБ.

Морошкинъ. (ОЗИР.) О значеніи имени Славянъ и Руси. Москва. 1840.
Историко-Критическія изслѣдованія о Руссахъ и Славянахъ. 1842. СПБ.

Мусинъ-Пушкинъ. (ИМПТ.) Историч. изслѣдованіе о мѣстоположеніи древняго Тмутораканскаго Княжества СПБ. 1794.

Нейманъ. (ОЖР. ЖДР.) О жилищахъ древнѣйшихъ Руссовъ, сочиненіе Гна N, и критическій разборъ

М. Погодина. Москва. 1826. Подлинникъ: Uber die Wohnsitze der ältesten Russen. Sendschreibeu an... Ewers. Dorpat. 1825.

Надеждинъ. Въ книгѣ: Торжественное собраніе Одесскаго общества любителей Исторіи и Древностей. Одесса. 1840.

Перевощиковъ. О Русскихъ лѣтописяхъ и лѣтописателяхъ по 1240 г. СПБ. 1840.

Размуссенъ. De Orientis commercio cum Russia et Scandinavia medio aevo, disseruit D... Rasmussen. Hauniae. 1825.

Рейцъ. (ИРЗ. РИРЗ.) Опытъ Исторіи Россійскихъ Государ. и Гражд. законовъ. Изд. Ѳ. Морошкинъ. Москва. 1836.

Розенкампфъ. РОКК. Обозрѣніе кормчей книги, изданіе 2. СПБ. Анастасевича.

Сабининъ. Его изслѣдованія въ ЖМНП.

Сарторіусъ. Geschichte des Hanseatischen Bundes. Göttingen. 1802—1803. въ 3 частяхъ.

Сенковскій. Его изслѣдованіе въ Библіотекѣ для чтенія. 1834.

Скромненко. (ОС.) Критическій взглядъ на статью подъ заглавіемъ: Скандинавскія саги. Москва. 1834.

Снегиревъ. РПС. Русскіе простонародные праздники и суевѣрные обряды. Москва. 1837—1839.

Спасскій. Г. И. Его изслѣдованіе въ Отеч. запискахъ. 1844 г.

Стриттеръ. (ПВИ. СВИ. MPS.) Memoriae populorum, olim ad Danubium.... incolentium, e scriptoribus Historiae Bysantinae erutae et digestae a.... Strittero. Petropoli. 4 тома.

Извѣстія Византійскихъ Историковъ... въ 4 частяхъ. СПБ. 1770—1774.

Стрингольмъ. Wikingszüge, Staatsverfassung und Sitten der alten Skandinavier. Hamburg. 1839. въ 2 частяхъ.

Строевъ. П. М. СВ. Софійскій Временникъ, или Русская лѣтопись съ 862 по 1634 г. Москва. 1821. Обстоят. описаніе Славяно-Россійскихъ рукописей... Графа Толстаго. Москва. 1825.

Струве. HNR. Dissertation sur les anciens Russes, 1785 Discours sur l'origine et les changements des loix Russiens. 1756. СПБ., помѣщенная извлеченно у Шлецера въ Haigolds Beilagen zum neuveränderten Russland. Riga. 1769.

Татищевъ. Исторія Россійская, въ 4 томахъ. 1768—1784. Москва.

Тобіенъ. (TSQ.) Die Blutrache nach dem altem Russichem Rechte. Dorpat. 1840.

Тредьяковскій. Три разсужденія о трехъ главнѣйшихъ древностяхъ Россійскихъ... СПБ. 1773.

Тунманъ. Untersuchungen über die alte Geschichte der Nordischer Völker. Berlin. 1772.—... östlicher Leipzig. 1774.

Тьери. Histoire de la conquete de l'Angleterre par les Normands... par Augustin Thierry. 3 ed. 5 vol. Paris. 1830.

Фатеръ. Его разсужденіе, перев сокращенно въ Вѣстникѣ Европы.

Френъ. Ibn-Fozlans und anderer Araber Berichte über die Russen âlterer Zeit. S. Petersb. 1823.

Ходаковскій. Его изслѣдованія въ РИС.

Чертковъ. Его изслѣдованія въ РИС.

Шафарикъ. (СДШ.) Славянскія Древности, пер. С. Бодянскаго, изд. М. Погодинъ, томъ I, книги 1—3. 1837—1838.

Шегренъ. (ШФМ. ФМ.) Uber das Werk... Finn Magnusen Runamo og runerne betitelt. Bericht.... von

Sjögren. СПБ. 1842. Его изслѣдованія помѣщены въ Memoires de l'Akademie... de Petersburg.

Шлецеръ. (ШН. НШ.) Несторъ, Русскія лѣтописи... пер. Д. Языковъ, въ 3 частяхъ СПБ. 1809—1819. SNS. Nordische Geschichte Галле, 1771. (Fortsetzung der allgemeinen Welt historie, ч. 31). ПРШ. Правда Руская. СПБ. 1767.

Шлецеръ, сынъ. О происхожденіи Словенъ вообще и въ особенности Словенъ Россійскихъ. Москва. 1810.

Шторхъ. Gemählde des Russischen Reichs. 9 Bande 1797.

Эверсъ. (ЭКИ. ДПР.) Предварительныя критическія Изслѣдованія для Россійской Исторіи, въ 2 кн. перев. съ Нѣм. М. Погодинымъ. Москва. 1826.

Kritische Vorarbeiten zur Geschichte der Russen. 2 Ban. Dorpat. 1814.

Vom Ursprunge des Russischen Staats. Dorpat. 1808.

Древнѣйшее Русское право, пер. Платонова. 1835. (Das älteste Recht der Russen.. Dorpat. 1826).

Языковъ. Его переводы: Несторъ Шлецеровъ, Изслѣдованія Лерберга. Собраніе путешествій къ Татарамъ.. I. Плано-Карпини. СПБ. 1825.

Лѣтописи.

ИВИ. См. Стриттеръ.

ЛД. ЛДК. Исторія Льва, діакона Калойскаго, и проч. пер. съ Греч. Д. Поповымъ. СПБ. 1820.

MPS. См. Стриттеръ.

НВ. Русская лѣтопись съ Воскресенскаго списка. СПБ. 1793.

НК. Лѣтопись Несторова съ продолжателями по Кенигсбергскому списку, до 1206 г. въ Библіотекѣ Россійской Исторической... СПБ. 1767.

НЛ. Лѣтопись Нестора, по списку Мниха Лаврентія, Москва. 1824. Изд. Пр. Тимковскимъ при Им. Московскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ.

НН. Русская лѣтопись по Никонову списку. СПБ. 1767—1791. въ 8 частяхъ.

НСЛ. НСРЛ. СРЛ. Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, издано по Высочайшему повелѣнію Археографическою Коммиссіею. Три тома. 1840 1843, 1845.

НЛВ. Новогородскій лѣтописецъ въ продолженіи древней Рос. Вивліоѳеки, ч. II.

НЛС. ЛНС. Лѣтописецъ Новогородскій (по Синодальному списку) Москва. 1781.

Псковская Лѣтопись, изд. М. Погодинымъ, при Имп. Московскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Росс. 1838. Москва.

СВИ. См. Стриттеръ.

СВ. СВС. См. Строевъ.

СК. Степенная книга, въ 2 ч. 1775. Москва.

ССВ. См. Вахтеръ.

ССР. Heimskringla... sive Historiae... a Snorrone Sturlonide conscriptae, quas... edidit Peringskiold. Stokholmiae. 1697.

Грамоты.

ААЭ. Акты, собранные Археографическою Экспедиціею. Томы I—IV. СПБ. 1836.

ПР. Правда Русская, или законы Великихъ Князей. 1792. СПБ.

ПРШ. См. Шлецеръ.

СГГ. Собраніе Государственныхъ грамотъ и договоровъ (Румянцовское). Москва. Т. I—IV. 1813—1824.

Собранія Археографическія.

SRG. См. Миллеръ.

MAS. Memoires de l'Akademie imperiale des sciences de S. Petersbourg. Tome I, 2. 1832.

ПДВ. Продолженіе древней Россійской Вивліоѳики. СПБ. 1786.

РД. Русскія Достопамятности, изд. при Имп. Московскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ. Ч. 1—3. 1814, 1843, 1844.

РИС. Русскій Историческій Сборникъ, ч. I—VII. Редакторъ Проф. Погодинъ. 1836—1842.

ТМОИДР. ТМОИР. ТМОИДР. ТМОИР. Записки и Труды ИМП. Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, т. 1—8. 1814—1835.

Журналы.

БЛК. См. Кеппенъ.

БЧ. БЧС. Библіотека для чтенія, изд. Сенковскимъ.

ВЕ. Вѣстникъ Европы, журналъ, изд. Каченовскимъ.

BSAP. Bulletin scientifique publié par l'Academie des sciences de Petersb.

Ежемѣсячныя сочиненія. Москва. 1755—1764.

ЖМНП. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Москвитянинъ, изд. М. Погодинымъ, съ 1841 г.

Московскій Вѣстникъ, изд. М. Погодинымъ, 1827—1830.

Отечественныя Записки, изд. А. Краевскимъ.

СА. Сѣверный Архивъ, журналъ изд. Ѳ. Булгаринымъ.

СО. Сынъ Отечества, журналъ изд. Ѳ. Булгаринымъ и Н. Гречемъ.

ТСО. Творенія Святыхъ Отцевъ, съ прибавленіями, изд. при Московской Духовной Академіи.

УЗ. УЧ. Ученыя Записки, изд. при Имп. Московскомъ Университетѣ.

Чтенія въ Имп. Академіи наукъ. СПБ. книжка I.

Объясненіе прочихъ сокращеній.

АИР. См. *Арцыбышевъ.*
ВОЕ. См. *Востоковъ.*
GSUG. См. *Гейеръ.*
ДПР. ДПРЭ. См. *Эверсъ.*
ДРМ. См. *Кругъ.*
ЕОЛП. См. *Евгеній.*
HNR. См. *Струбе.*
ЖДР. См. *Нейманъ.*
ИЛ. См. *Лербергъ.*
ИМПТ. См. *Мусинъ-Пушкинъ.*
ИРЗ. См. *Рейцъ.*
ИРТ. См. *Татищевъ.*
ИК. См. *Каченовскій.*
ІЕБ. См. *Калайдовичь.*
КОРП. См. *Кеппенъ.*
ЛРИ. См. *Ломоносовъ.*
ОЗИР. См. *Морошкинъ.*
ОЖР. См. *Нейманъ.*
ОИРЗ. См. *Максимовичь.*
ОКС. См. *Евгеній.*
ОРМ. ОРМК. См. *Кругъ.*
ОС. См. *Скромненко.*
РИРЗ. См. *Рейцъ.*
РОКК. См. *Розенкампфъ.*
РПС. См. *Снегиревъ.*
СДШ. См. *Шафарикъ.*
СРПЕ. См. *Евгеній.*
SNG. См. *Шлецеръ.*
TSQ. См. *Тобіенъ.*
ФМ. См. *Шегренъ.*
ШН. См. *Шлецеръ*,
ШФМ. См. *Шегренъ.*
ЭКИ. См. *Эверсъ.*

Остальныя сочиненія указаны полными титулами.

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВАГО ТОМА.

ИСТОЧНИКИ РУССКОЙ ДРЕВНЕЙ ИСТОРІИ.

НЕСТОРЪ.

Глава I.

О достовѣрности древней Русской Исторіи и лѣтописи вообще.

с. 1—14.

Свидѣтельства иностранныхъ современниковъ о главнѣйшихъ происшествіяхъ: Фотія, Массуди, Ибн-Фоцлана, Ліутпранда, Имп. Константина Багрянороднаго, Льва Діакона, Дитмара Мерзебургскаго, Кедрина, Григорія VII, с. 1—7. Достовѣрность свидѣтельствъ, 8. Очеркъ древней Русской Исторіи по онымъ, 9. Сходство и тожество его съ нашей лѣтописью. 10. Повѣрка отъ неоспоримо-извѣстнаго въ 12 вѣкѣ о спорномъ въ 9, 10, 11 вѣкахъ, 11. Заключеніе 13.

Глава II.

О времени и мѣстѣ сочиненія первой лѣтописи.

16—58.

Гдѣ она написана? Въ Кіевѣ, 18. Доказательства, 19. Разпространеніе ея и продолженія, 20. Она написана въ 11 вѣкѣ и началѣ 12го. Доказательства:

свидѣтельство переписчика въ 1110 году, 22; перерывъ, умноженіе извѣстій послѣ перерыва, 23; двойное описаніе послѣднихъ лѣтъ, 24; извѣстія съ личными мѣстоименіями, и явными признаками современности: подъ г. 1065, объ уродѣ, 26; подъ г. 1051 о прибытіи лѣтописателя въ монастырь, 27; о преставленіи Митрополита Іоанна, 27; о прибытіи другаго Іоанна, 28; подъ г. 1093 объ открытіи мощей Св. Ѳеодосія, 29; подъ г. 1094 и 1096 о нападеніи Половцевъ 30, 31; подъ г. 1097 о ранѣ Василька 32; о переговорѣ лѣтописателя съ Василькомъ, 33; о язвѣ Всеслава, 34; о кончинѣ Яна, 34. Вообще объ упоминовеніяхъ лѣтописателей о себѣ, 36—38. О Хронологической таблицѣ предъ лѣтописью, 39. О старцѣ Іереміи, 40. Живость преданія, 40. Языкъ 43. Форма драматическая 45. Опущенія, прекращеніе баснословныхъ сказаній въ концѣ 11 вѣка, 45.

Доказательства отъ противнаго: Варяги немогли быть описаны такъ вѣрно послѣ 12 вѣка, 47. Славянскія племена также, 48. Разореніе Кіева Монголами въ 13 вѣкѣ, и невозможность описывать древнія произшествія наизусть, безъ противорѣчій, 53.

Свѣдѣнія о лѣтописи, бывшей въ рукахъ у Христіана Прусскаго, въ XIII в. с. 56, о лѣтописи Быховца, 57.

Глава III.

Лѣтописецъ Несторъ.

с. 59—74.

Кто написалъ лѣтопись—значеніе этого вопроса сравнительно съ предыдущими, 61. Доказательства принадлежности лѣтописи Нестору: имя на нѣкоторыхъ спискахъ, 61—66, какъ преданіе о Несторѣ. Свидѣтельство Поликарпа (1228 г.) 67. Прозваніе Нестора лѣтописателя при

мощахъ, 69. О Патерикѣ, 70. Связь житія Ѳеодосіева съ лѣтописью, 71. Лѣтопись Ѳеодосія Сафоновича, 72. о Василіи, 74. О Борисовомъ житіи другаго сочинителя, 74.

Глава IV.

Несторова лѣтопись.

с. 75—86.

Въ какомъ видѣ она дошла до насъ? Мнѣніе Шлецера и всѣхъ изслѣдователей объ искаженіяхъ, 77—79. Опровержение. Она дошла въ своемъ видѣ. Доказательства въ сходствѣ начала во всѣхъ спискахъ, 80. Незначительность отмѣнъ, 85.

Глава V.

Источники Несторовой лѣтописи.

с. 86—112.

Прежнія записки — Доказательства, 90; (слѣды 91—94; невозможность Нестору привесть нѣкоторыя извѣстія, 97; Языкъ 95.) Собственное удостовѣреніе. Извѣстія современниковъ, 97. Болгарскія лѣтописи, 97. О сношеніяхъ съ Болгаріей, 97—99. Греческія лѣтописи, и слѣды ихъ, 101. Извѣстія Варяговъ, 102. Удобность въ Кіевѣ собирать извѣстія, 104. Преданіе, 105. Письменные документы, 105. Народныя пѣсни, 105. О граматности въ Несторово время, 109: Даніилъ, Нифонтъ, Мономахъ, и проч.

Глава VI.

О договорахъ Русскихъ Князей, Олега, Игоря и Святослава, съ Греками.

113—154.

Мнѣніе Эверсово, 115. Шлецерово, 117. —

Доказательства подлинности: обыкновеніе Грековъ заключать договоры, 119. Норманновъ, 120. Свидѣтель-

ства Грековъ о договорахъ: Константина Багрянароднаго, Льва Діакона, Кедрина, 121. Свидѣтельство И. Константина о постоянныхъ сношеніяхъ Греческаго двора съ Русскими Князьями, 122. На какомъ языкѣ писаны договоры, 123. Слѣды другихъ пропавшихъ договоровъ, 126.

Доказательства подлинности въ разности содержанія смотря по обстоятельствамъ, 127, 128. Указаніе статей, подтверждаемыхъ другими свидѣтелями, 129, носящихъ внутренніе признаки достовѣрности, 137. Доказательства въ именахъ, 142. Уничтоженіе хронологическихъ Шлецеровыхъ затрудненій Кругомъ, 144. Связь договоровъ съ Русскою правдою, 145, съ лѣтописью, 146. Темнота языка, 147. Объясненіе недоразумѣній, 147. Опроверженіе подозрѣній, 148. О сходствѣ съ Ганзейскими договорами, 149. Исчисленіе статей, о коихъ въ Ганзейскихъ договорахъ помину нѣтъ, 150. Вообще о сходствахъ, 152.

Глава VII.

Обозрѣніе Несторовой лѣтописи по источникамъ.

155—172.

Раздѣленіе на статьи, съ показаніемъ, откуда каждая могла быть заимствована.

Глава VIII.

Сказки въ Несторовой лѣтописи.

с. 173—195.

Происхожденіе сказокъ, 176. Баснословныя подробности о смерти Аскольда и Дира, 176. Суда на колесахъ Олега подъ Царьградомъ. Намѣреніе отравить. Пар-

чевые паруса, 177. Смерть Олега по предреченію Волхвовъ, 178. Месть Ольги: какъ засыпаны и сожжены Древлянскіе послы, 180. Взятіе Коростена посредствомъ воробьевъ и голубей, 181. Сватовство Им. Константина, 181. Избавленіе отрокомъ Кіева отъ Печенѣговъ, 182. Похожденія Святославовы въ Болгаріи, 185. Осада Бѣлогорода, 187. Поединокъ Яна съ Печенѣжиномъ, 187. Предложеніе о вѣрахъ, 189.

Глава IX.

Достовѣрность извѣстій Несторовыхъ.

197—226.

Доказательства: согласіе съ свидѣтельствами отечественными, современными и близкими (Никифоровъ продолженный лѣтописецъ, 200, похвала Владиміру, слѣды льготныхъ грамотъ, 201, Остромірово Евангеліе, 202, Святославовъ сборникъ, Даніилово путешествіе, 203, духовная Владиміра Мономаха, письма его къ Олегу, 204, извѣстіе Симона объ основаніи церкви Печерской, посланіе его къ Поликарпу, 205, посланіе Поликарпа къ Акиндину, 206, Церковный уставъ Владимировъ 206, житіе Св. Θеодосія, Бориса и Глѣба, 208, посланіе Луки Жидяты, слово о полку Игоревѣ, 207, слово Даніила Заточеника, 207). Согласіе съ свидѣтельствами иностранными писателей современныхъ (Им. Константинъ, Эймундова Сага, Левъ Діаконъ и проч.) 210—216. Географическія доказательства, 217. Внутреннія доказательства правды, 221. О личномъ характерѣ Нестора, 223. О свидѣтельствахъ позднѣйшихъ, 225.

Заключеніе лекцій о Несторѣ, 226.

Глава X.

Русская Правда.

232—260.

О Русской Правдѣ, какъ источникѣ Русской Исторіи. Доказательства подлинности вообще, 234. Мнѣніе Каченовскаго о подлогѣ, 235. Его доказательства; историческія и дипломатическія: нѣтъ подлинника, 236. Опровержение, 237. Сочиненіе на своемъ языкѣ—отвѣтъ, 238. Раннее появленіе — отвѣтъ, 239. Заключеніе Каченовскаго и вопросы сомнѣнія — разрѣшеніе ихъ по пунктамъ, 240. Справки археологическія К. съ отвѣтами: о словѣ голова, 242 Русинъ, 244, гридинъ, 246, купецъ, 247, гость, 248, тіунъ, 249, ябедникъ, 250, мечникъ, 251, изгои, 251 Словенинъ 252. Лишнія замѣчанія въ Вѣстникѣ Европѣ 253. Заключительныя догадки К. и отвѣтъ, 254. Вообще о подлогѣ, 256. Происхожденіе сомнѣній К., 256. Указаніе разныхъ обстоятельствъ въ пользу подлинности, 258.

Уставъ о мостовыхъ, и доказательства подлинности 259.

Глава XI.

Церковный уставъ Владимира.

с. 261—274.

Сомнительность его 262. Мнѣніе Карамзина о подлогѣ и доказательства: анахронизмъ Фотія, несогласіе съ Правдою, 264. Подлинность. О содержаніи согласномъ съ Исторіей современной и послѣдующей, 265. Имя Фотія въ разныхъ документахъ, 267. Мнѣніе М. Евгенія, 267. Доказательства его подлинности, 268. Разборъ ихъ. 269. Исправленіе чтенія, 271. Мнѣніе Розенкампфа, 272.

Цер. Уставъ Ярославовъ, сомнѣнія Карамзина, 272. Отвѣтъ Розенкампфа 273.

Глава XII

О сѣверныхъ сагахъ.

275—316.

Стурлезоново введеніе. Объ его предшественникахъ. Мнѣніе Шлецера и его послѣдователей, 282. Новые труды надъ сагами. Отзывы Деппинга, Вахтера, Гейера, 283. Важность сагъ для Рус. Исторіи вообще и въ частности, 285. Чего искать надо въ сагахъ, и чего не надо, 286. Разборъ статьи Сенковскаго о сагахъ: ея достоинства и крайности, 287. Мнѣніе о Несторѣ и опроверженіе, 294. Объ Іоакимѣ, 298. Замѣчанія, 299. Объ имени Славянинъ, 299. Объ остальныхъ мысляхъ Сенковскаго, 303. Заключеніе, 305. Разборъ возраженій Скромненка, 306.

Глава XIII.

Прочіе источники древнѣйшей Русской исторіи.

317—322.

О лѣтописяхъ Греческихъ, 319. Арабскихъ, 320. Западныхъ, 321. Памятники, монеты, 322.

Глава XIV.

О скептическомъ повѣтріи.

324 — 446.

Каченовскій. Обозрѣніе его ученой дѣятельности, 325. Начало сомнѣній, 327. Строевъ и его путешествіе, 329. Образованіе скептической школы, 321. Разсужденія, выданныя ею, и разборъ ихъ:

1. О кожаныхъ деньгахъ, Профессора Каченовскаго, 334.

2. О Русской Правдѣ, его же, 346.

3. О баснословномъ времени въ Россійской Исторіи, 346.

4. О пользѣ изученія Россійской Исторіи въ связи со всеобщею, 360.

5. О первоначальномъ заселеніи Новагорода, 384.

6. О причинахъ постепеннаго возвышенія Москвы до Іоанна III, 395.

7. Объ историческихъ трудахъ и заслугахъ Болтина, 396.

8. Объ историческихъ трудахъ и заслугахъ Миллера, 398.

9. О мнѣніяхъ касательно происхожденія Руси, 399.

10. Критическій взглядъ на статью Скандинавскія Саги, 406.

11. О недостовѣрности древней Русской Исторіи и ложности мнѣнія, касательно древности Русскихъ лѣтописей, 417.

12. Кто писалъ нынѣ намъ извѣстныя лѣтописи, 433.

13. О первобытномъ видѣ и источникахъ нынѣ намъ извѣстныхъ лѣтописей, 447.

Итогъ скептическихъ положеній и возраженій на оныя.

447—62.

Варяги=Вагры, Славяне, 447.

Новгородъ основанъ въ 11 или 12 вѣкѣ, 450.
Имя Руси принадлежитъ Югу.

Византійцы свидѣтельствуютъ будто бы, что Русь есть племя Азіатское, Турецкое, 451.

Что Русь жила при Черномъ морѣ, 453.

Арабы говорятъ будто бы тоже, 453.

Договоры Олега, Игоря и Святослава не могли быть заключены сими Князьями, 455.

Имя Руси принадлежитъ къ Югу, 457.

Торговли въ 11 вѣкѣ не могло быть никакой, 457.

Исландскія саги безполезны для Русской Исторіи, 459.

Русской Правды не могло быть въ XI вѣкѣ, 458.

Не было кожаныхъ денегъ, 459.

Лѣтопись Несторова сочинена въ 13 или 14 вѣкѣ, 461.

Объ апоѳегмахъ Г. Строева, 463.

Новый отзывъ Г. Бередникова, 468.

О трудахъ ГГ. Буткова и Кубарева, относительно Нестора. I, с. 470. II, с. 484.

Исправленія и дополненія къ первому тому 487

О ДОСТОВѢРНОСТИ
ДРЕВНЕЙ РУССКОЙ ИСТОРІИ
И ЛѢТОПИСИ ВООБЩЕ.

BAYERISCHE
STAATS-
BIBLIOTHEK
MUENCHEN

Прежде нежели предложу я свои изслѣдованія о древней Русской Исторіи, почитаю нужнымъ показать *вообще* ея достовѣрность, тѣмъ болѣе, что въ наше время нѣкоторые легкомысленные писатели силятся привести ее въ подозрѣніе, и совѣтуютъ начинать гораздо позднѣе.

Русская Исторія такъ счастлива, что самыя первыя, главныя ея положенія, (покрытыя въ другихъ Исторіяхъ мракомъ неизвѣстности или сомнительнымъ свѣтомъ, перемѣшанныя съ баснями до такой степени, что ихъ раздѣлить нельзя,) засвидѣтельствованы иностранцами — современниками и очевидцами.

Константинопольскій Патріархъ *Фотій* въ грамотѣ своей, вскорѣ *послѣ 866 года*, свидѣтельствуетъ о Руссахъ, которые *при немъ* нападали на Константинополь (1).

(1) „Народъ столь часто многими превозносимый, и какъ жестокостію, такъ и жаждою человѣческой крови, всѣ другіе народы превосходящій, я говорю Руссы, которые покоривъ окружные сосѣдніе народы, возгордились, и имѣя о себѣ весьма высокія мысли, подъяли оружіе на Римскую державу, теперь и сами преложили нечестивое языческое суевѣріе на чистую и неблазную

Походъ Руссовъ на берега Каспійскаго моря *въ 913 году* описанъ у *Массуди, почти современника* (2).

Ибн-Фоцланъ разсказываетъ множество подробностей о пріѣзжихъ торговцахъ Русскихъ, которыхъ *онъ видѣлъ* на Волгѣ *въ 921 году* (3).

Есть *современное* описаніе опустошенія Барды *въ 944 году* (4).

Кремонскій Епископъ Луитпрандъ, бывшій посломъ въ Константинополѣ въ 946 г., описалъ

Христіанскую вѣру, и ведутъ себя, яко послушные сыны и друзья, не смотря на то, что *незадолго предъ симъ тревожили насъ своими разбоями, и учинили великое злодѣяніе.*" Шлецеровъ Несторъ II, 40. — Подробнѣе о семъ походѣ пишутъ Левъ Грамматикъ, Георгій Монахъ и проч.

(2) Руссы, плывъ по Волгѣ „достигли до города Итиля, и чрезъ городъ до устья рѣки въ Козарское море. Потомъ разсѣялись суда Руссовъ по сему морю, выходя на берегъ толпами въ Джилѣ, Дейлемѣ, Табарестанѣ, Абисекунѣ, (прибрежной области Джордшана), и Нефтяной землѣ, до самой области Адербайджанской, ибо отъ Ардебиля города, находящагося въ Адербайджанѣ, до моря только три дня пути и проч. Вездѣ Руссы проливали много крови, похищали женъ и дѣтей, грабили всякое достояніе, палили и жгли. Возстенали тогда устрашенные народы, жившіе по тому морю. *Никогда, съ незапамятныхъ временъ, не видали они* никакаго врага, который бы нападалъ на нихъ съ моря, гдѣ доселѣ плавали только суда купцевъ и рыболововъ". Френа Ibn-Fozlan's und anderer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit, с. 245. Разсужденіе Г. Григорьева, помѣщенное въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1835 г. въ Февралѣ. с. 236.

(3) у Френа.

(4) Тамъ же. с. 59.

походъ Игоря 941 года, *какъ слышалъ отъ своего отчима*, *очевидца* (5).

Ольгу крестилъ Императоръ Константинъ Багрянородный, и говоритъ подробно объ ея пребываніи въ Константинополѣ *около 955 года* (6).

Онъ же описалъ намъ собираніе дани Русскими Князьями изъ Кіева съ подвластныхъ имъ Славянскихъ племенъ (7), плаваніе ихъ по Днѣпру на Константинополь (8). Далѣе — у него на-

(5) Шл. Нест. III, 43. „Послѣ сего Ингеръ въ большемъ безпорядкѣ возвратился во свояси. Греки же, одержавъ побѣду, съ радостію возвратились въ Константинополь, ведя съ собою многихъ плѣнныхъ, которымъ всѣмъ Романъ, *въ присутствіи Гугонова посла*, *моего отчима*, *велѣлъ отрубить головы.*“

(6) Извѣстія Виз. Историковъ, Стриттера III, 47—55.

(7) Тамъ же. с. 58. Какъ скоро наступитъ Ноябрь мѣсяцъ, то *Россійскіе Князья*, *оставивъ со всѣмъ своимъ народомъ Кіевъ*, разъѣзжались по другимъ городамъ, которые у нихъ назывались Гирами; или отправлялись въ земли Вервянъ (Древлянъ), Другувичей (Дреговичей), Кривичей, Сервянъ (Сѣверянъ), и другихъ, Россамъ подчиненныхъ Славянъ. Здѣсь провождали они зиму: а какъ Днѣпръ вскроется, то отъѣзжали назадъ въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ въ Кіевъ, и вооруживъ надлежащимъ, какъ выше объявлено, образомъ суда свои, предпринимали *обыкновенное путешествіе въ Грецію.*

(8) Тамъ же с. 34. „Суда, на которыхъ Россы приходили ко Царюгороду, были изъ Немогарды (Новгородъ) столицы Россійскаго Князя Сѳендослава, сына Ингорева, также изъ Милиниски (Смоленскъ), Теліюцы (Любечь), Чернигоги и Вусеграда (Вышегорода). Отъ сихъ городовъ привозили ихъ сперва на рѣку Днѣпръ, а наконецъ собирались у Кіова, который прозванъ былъ Самватасъ.“ (Это слово по объясненію Добровскаго значитъ сборное мѣсто лодокъ: Sam, по Шведски, вмѣ-

ходятся извѣстія о племенахъ Славянскихъ съ разными подробностями (9), о торговлѣ Русской.

Святослава лицемъ къ лицу видѣлъ Левъ Діаконъ, и описалъ даже его наружность въ подробной Исторіи войны сего Князя при Императорахъ Никифорѣ и Цимисхіѣ (10), представилъ содержаніе договора, заключеннаго съ нимъ.

О родствѣ Владиміра съ Греческими Императорами и о принятіи Христіанскія вѣры свидѣтельствуютъ Историки Нѣмецкіе, Греческіе и Арабскіе (11).

Дитмаръ, Епископъ Мерзебургскій, разсказываетъ о *современномъ ему Святополкѣ*, по поводу родства его съ Болеславомъ Польскимъ, съ коимъ въ Русскомъ походѣ были его знакомцы (12).

стѣ, а lat, лодка или ботъ). Плаваніе чрезъ Днѣпровскіе пороги описано преподробно 36—42.

(9) Тамъ же с. 34. „Подчиненные Россамъ Славяне, а именно Кривитяпине, Лензанине и прочія Славянскія отродія, рубили зимою у себя на горахъ лѣсъ для оныхъ судовъ и строили ихъ. А какъ ледъ растаетъ, то немедленно сплавливали ихъ въ поближнія озера, и потомъ далѣе по рѣкѣ Днѣпру въ Кіевъ. Здѣсь вытаскивали они ихъ на берегъ, и продавали Россіянамъ, которые брали одни токмо ладьи.“

Не почитаю нужнымъ замѣчать и объяснять нѣкоторыя отмѣны въ собственныхъ именахъ у Греческаго писателя. Впрочемъ онъ писалъ даже необыкновенно правильно въ сравненіи съ тѣмъ, какъ нынѣ иностранцы искажаютъ наши имена: къ Милинску надо прибавить только букву С; кто въ Вусеградѣ не увидитъ съ перваго взгляда Вышеграда, въ Кривитанахъ Кривичей и т. под.?

(10) См. Льва Діакона Калойскаго перев. Г. Попова, 1820 г

(11) См. указанія у Кар. I, пр. 452.

(12) у Кар. II, прим. I.

Послѣдній походъ Руссовъ на Грековъ *при Ярославѣ* вслѣдствіе ссоры между купцами описанъ *Кедриномъ* (13).

О Ярославѣ, бракѣ его съ Ингигердою, дочерью Шведскаго Короля Олова, и его войнахъ, много современныхъ извѣстій у сѣверныхъ лѣтописателей (14).

Изяславъ, выгнанный братьями изъ Кіева, былъ у Нѣмецкаго Императора *Генриха IV*, который посылалъ пословъ къ Святославу брату его, что засвидѣтельствовано *современнымъ лѣтописцемъ Ламбертомъ* Ашаффенбургскимъ, Зигбертомъ Гемблурскимъ. Есть письма объ немъ Папы Григорія VII къ Болеславу Польскому (15).

О богатствѣ Руси говорятъ историки Нѣмецкіе.

Симъ свидѣтелямъ нельзя не вѣрить! Это всё очевидцы, современники описанныхъ ими происшествій, въ коихъ инымъ случилось быть даже дѣйствующими лицами. Они не сговаривались между собою: одинъ жилъ въ Константинополѣ, другой въ Багдадѣ, третій внутри Германіи, четвертой на островѣ Исландіи, пятой въ Кремонѣ, шестый въ Александріи. Они не списывали другъ у друга: Византіецъ не зналъ по

(13) Изв. Виз. Истор. Ч. 3, с. 107—116.

(14) См. указанія у Кар. II, пр. 27, 32, 33, 58. 59 и проч.

(15) Тамъ же II, пр. 128.

Арабски, Арабъ по Исландски, Нѣмецъ по Арабски. Имъ не было нужды выдумывать, ибо они описывали другіе предметы, а объ насъ большею частію роняли по нѣскольку словъ мимоходомъ. И такъ имъ нельзя не вѣрить — даже стыдно доказывать ихъ достовѣрность.

(О прочихъ близкихъ и позднихъ свидѣтеляхъ, о другихъ произшествіяхъ, описанныхъ не современниками, а близкими потомками, которыхъ на всякое почти произшествіе можно набрать много, я не говорилъ ни слова, чтобъ не подать повода къ частнымъ спорамъ мимо главнаго вопроса). (16).

Теперь вообразимъ, что мы не имѣемъ рѣшительно никакихъ собственныхъ лѣтописей, никакихъ свидѣтельствъ о 9, 10, 11 вѣкѣ нашей Исторіи. Составимъ изъ этихъ извѣстій иностранныхъ начало Русской Исторіи, — что выйдетъ?

Вверхъ по Днѣпру по сторонамъ жили въ 9 вѣкѣ разныя племена Славянскія.

Сіи племена были подчинены, и платили дань Руси, племени судоходному, коей Князья ѣзжали за нею изъ Кіева.

Руссы чрезъ Днѣпръ и Черное море нападали часто на Константинополь.

(16) Любопытные могутъ справиться въ Стриттеровыхъ извлеченіяхъ, Ч. III. Произшествія относящіяся до Греціи описывали, кромѣ напримѣръ, вышеименованныхъ писателей: Левъ грамматикъ, Константиновъ продолжатель, Симеонъ Логоѳета, Георгій монахъ, Кедринъ, Зонара. Точно такъ же повторены Арабскія, Скандинавскія, извѣстія, у *разныхъ* писателей.

Первое ихъ нападе́ніе (неудачное) относится къ 866 году, *до* котораго они были тамъ не извѣстны. Тогда же нѣкоторые изъ нихъ приняли Христіанскую вѣру.

Съ 912 года нападали они на берега Каспійскаго моря, спокойные *дотолѣ*.

Въ 941 г. Князь ихъ Игорь былъ прогнанъ отъ Константинополя.

Ольга, супруга его, съ многочисленною свитою, была въ Константинополѣ, и приняла тамъ (если не прежде) Святое крещеніе.

Святославъ, сынъ Игоревъ, покорилъ Болгарію по договору для Греческаго Императора Никифора Фоки, хотѣлъ остаться тамъ навсегда по вторичномъ прибытіи, но былъ послѣ упорнаго сопротивленія принужденъ Цимисхіемъ оставить Болгарію, и убитъ на слѣдующую весну Печенегами въ порогахъ Днѣпровскихъ.

Владимиръ, женатый на сестрѣ Византійскихъ Императоровъ, Василія и Константина, и принявшій Христіанскую вѣру, жилъ въ согласіи съ Греками, — а вскорѣ потомъ была война (послѣдняя) по поводу ссоры Русскихъ купцевъ, которыхъ всегда очень много торговало въ Константинополѣ.

Послѣ него начинаются междоусобія.

Вотъ очеркъ Исторіи въ 9, 10, 11 вѣкѣ, безъ помощи нашихъ лѣтописей, изъ однихъ иностранныхъ, вѣрныхъ, неоспоримыхъ свидѣтельствъ.

Теперь обратимся къ нашимъ лѣтописямъ, въ томъ видѣ, какъ онѣ намъ съ перваго взгляда представляются.

Первый вопросъ: не противорѣчатъ ли онѣ извѣстіямъ, на кои указалъ я теперь?

Нѣтъ.

По крайней мѣрѣ онѣ не представляютъ сихъ извѣстій, а даютъ намъ иныя?

Нельзя не признаться, что въ нихъ тѣ же самыя извѣстія, хотя лѣтописатели наши вѣрно не знали ни по Арабски, ни по Исландски, ни по Латинѣ, *если* и знали по Гречески. Они говорятъ и объ раздѣленіи племенъ, и о сбираніи дани Руссами съ Славянъ, и о походѣ Игоря, и о путешествіи Ольги, и о двукратной войнѣ Святослава, и о намѣреніи его остаться въ Болгаріи, и о договорѣ съ Цимисхіемъ, и объ умерщвленіи Печенегами, и о помощи Болеславовой Святополку, и о междоусобіи сыновъ Ярославовыхъ, и о посольствѣ Нѣмецкомъ. У нихъ тѣ же извѣстія съ небольшими измѣненіями; однѣ подробнѣе, другія короче.

Русская лѣтопись Несторова, или лѣтопись подъ буквою А, или начало ея, или Русской лѣтописатель X, или Z, или Y, говоритъ тоже, что Арабъ, что Грекъ, что Нѣмецъ, что Исландецъ, что Италіанецъ, съ которыми онъ изъ глубокой и темной своей пещеры не могъ ни сговариваться, ни перемигиваться, — какъ же ему не вѣрить! Но о лѣтописи пока еще мимоходомъ, вообще. Частности, подробности послѣ.

Слѣдовательно лѣтопись наша достовѣрна въ главномъ, подтверждаясь свидѣтельствами иностранными.

Слѣдовательно Исторія наша 9, 10, 11 вѣка сугубо достовѣрна, бывъ основана на иностранныхъ свидѣтельствахъ, и подтверждена отечественными.

Вотъ еще какую повѣрку можно сдѣлать надъ древнѣйшей нашей Исторіей:

Вообразимъ, что мы не имѣемъ не только своихъ лѣтописей, но даже иностранныхъ извѣстій, теперь предложенныхъ, о 9, 10, 11 вѣкѣ. Русская Исторія и безъ нихъ останется на своемъ основаніи.

Дайте мнѣ точку, съ которой думалъ бы кто либо начинать несомнѣнную Русскую Исторію.

Представимъ себѣ, что кто нибудь хочетъ начинать ее съ 12 столѣтія.

Очень хорошо. Слушайте:

Въ 12 столѣтіи являются на сценѣ слѣдующія дѣйствующія лица:

Святополкъ Изяславичь, Владиміръ Всеволодовичь, Олегъ Святославичь, Давидъ Игоревичь, Володарь Ростиславичь, Василько Ростиславичь, Рюрикъ Ростиславичь, Мстиславъ Святополковичь, Ярославъ Святополковичь, и проч.

Всѣ они двоюродные братья и дяди между собою, какъ замѣчаю я при первыхъ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, допускаемыхъ вами. Слѣдовательно,

разсуждаю я далѣе, (по образцу геометрической пропорціи, въ коей тремя извѣстными членами отыскивается четвертый неизвѣстный), сторона наша искони принадлежала одному роду. Слѣдовадовательно она не была завоевана, ибо, еслибъ была завоевана, то былабъ роздана, какъ вездѣ, между завоевателями. Слѣдовательно она была занята мало по малу по мѣрѣ размноженія сего рода, точно какъ и въ эту допускаемую эпоху, одинъ Князь Ярославъ Святославичь, выгнанный племянниками изъ Чернигова, идетъ предъ моими глазами въ сторону Рязанскую, и основываетъ тамъ особое Рязанское Княжество; другой, Владимирко Володаревичь Галицкое; третій, Георгій Владиміровичь — Владимирское. Отдѣльные Новогородцы, призывая и изгоняя Князей, указываютъ мнѣ на древній свой обычай. Земля несплошь населенная, съ областями, кои отдѣлены одна отъ другой степями, лѣсами, болотами, подтверждаетъ мои выводы.

Далѣе: имена, встрѣчаемыя мною въ этомъ допускаемомъ 12 столѣтіи, кажутся мнѣ двухъ родовъ (кромѣ Христіанскихъ): однѣ имѣютъ смыслъ на нашемъ языкѣ — Святославъ, Святополкъ, Мстиславъ; другихъ я никакъ объяснить не могу: Олегъ, Игорь, Рюрикъ. Сіи имена, разсуждаю я по прежнему, принадлежатъ вѣрно другому племени. Слѣдовательно у насъ, какъ и вездѣ по Европѣ, были пришлецы и туземцы. Кому же принадлежатъ имена сіи, пришлому племени, или туземному? Разумѣется пришлому, ибо сихъ непонят-

ныхъ именъ несравненно меньше понятныхъ, принадлежащихъ туземцамъ. Слѣдовательно пришельцы сіи явились у насъ вѣрно за долго до 12 столѣтія, ибо языкъ ихъ, сколько можно судить съ перваго взгляда, потерялся, и даже именъ ихъ осталось мало въ употребленіи.

Гдѣ же находятся подобныя имена? На Сѣверѣ я встрѣчаю множество сихъ именъ въ это время; изъ этого и заключаю, что пришлое племя родомъ съ Сѣвера, Норманны.

Наконецъ я вижу, что всѣ сіи Князья и ихъ подданные исповѣдуютъ вѣру Греческую. Слѣдовательно предки ихъ получили ее изъ Константинополя, слѣдовательно имѣли связь съ симъ городомъ больше, нежели съ Западомъ, и съ юга, а не съ сѣвера.

Вотъ заключенія о древней нашей Исторіи, выводимыя посредствомъ немногихъ посылокъ - назадъ изъ состоянія нашей стороны, даже въ 12 вѣкѣ.

Сіи заключенія касаются до главныхъ предметовъ Исторіи — о составѣ народа, о взаимномъ отношеніи племенъ, ихъ свойствахъ, о образѣ управленія, о Религіи. Онѣ совершенно согласны съ Исторіею, составленною нами изъ иностранныхъ свидѣтельствъ, и нашими лѣтописями о томъ времени.

Иностранныя свидѣтельства, математическія заключенія отъ извѣстнаго, безспорнаго, о неизвѣстномъ, и наши лѣтописи, говорятъ одно. Какую историко-критическую силу имѣетъ это согласіе!

Этимъ согласіемъ каждое положеніе подтверждается еще болѣе, и слѣдовательно древняя Исторія наша достовѣрна, достовѣрна какъ Французская, Англійская, Германская, достовѣрнѣе Греческой, Римской, Шведской, Польской, и проч.

И слѣдовательно ее должно начинать съ 9, какъ доселѣ было принято, а не съ 12, не съ 11, даже не съ 10 столѣтія, какъ бредятъ нѣкоторые.

И слѣдовательно начало нашихъ лѣтописей, когда бы, гдѣ бы, кѣмъ бы ни было писано, достовѣрно, что касается до главныхъ положеній.

О времени и мѣстѣ сочиненія

первой русской лѣтописи.

Въ предыдущемъ разсужденіи я старался доказать, что достовѣрную Русскую Исторію должно начинать по крайней мѣрѣ съ 9 столѣтія, и заключилъ, что начало нашей лѣтописи, согласное съ иностранными свидѣтельствами и логическими выводами, достовѣрно въ главныхъ положеніяхъ, когда бы, гдѣ бы, кѣмъ бы ни было писано.

Теперь представлю я опытъ рѣшенія другой задачи — *о времени* и мѣстѣ его сочиненія. Послѣ вопроса о достовѣрности, это задача важнѣйшая.

—

Начну прискорбіемъ о томъ, что лѣтописи наши до сихъ поръ большею частію скрываются подъ спудомъ въ неприступныхъ архивахъ и библіотекахъ; прискорбіемъ, которое изъявлялъ я въ каждой своей исторической статьѣ съ 1824 года, равно какъ и многіе наши изслѣдователи, а громогласнѣе всѣхъ Шлецеръ (1). Только тогда можно

(1) См. его Нестора и предисловіе къ Софійскому Временнику, П. М. Строева.

Любители Исторіи имѣютъ право надѣяться теперь на скорое изданіе Лѣтописей Археографическою Комиссіей. Да будетъ она счастливѣе всѣхъ прежнихъ Комиссій, которыя только что собирали рукописи, — и теряли ихъ, не только что портили!

будетъ произнести рѣшительный приговоръ имъ, только тогда можно будетъ пользоваться ими вполнѣ Историку, когда онѣ будутъ сличены, разсмотрѣны, описаны и изданы, какъ завѣщалъ намъ этотъ славной нашъ учитель. Теперь мы можемъ судить о нихъ приблизительно, можемъ извлекать изъ нихъ одно главное, общее, ясное.

Я буду говорить здѣсь о лѣтописяхъ по печатнымъ изданiямъ, которыя у всѣхъ въ рукахъ.

—

Беру начало лѣтописи, какъ оно дошло до насъ, въ невѣрныхъ спискахъ, со всѣми ошибками, описками, приписками, словомъ, безъ малѣйшей очистки и обработки.

Гдѣ положено основанiе нашимъ лѣтописямъ, т. е. гдѣ написано это начало, которымъ начинаются всѣ наши лѣтописи?

Безъ всякаго сомнѣнiя въ Кiевѣ.

Вотъ ея заглавiе по лучшимъ и древнѣйшимъ спискамъ — по Лаврентьевскому: Се повѣсти времяньныхъ лѣтъ, откуду есть пошла Руская земля, кто *въ Киевѣ* нача первѣе княжити, и откуду Руская земля стала есть.

По Ипатьевскому: Лѣтописецъ *Киевскии* съ Богомъ починаемь, и проч. (2).

Довольно взглянуть вообще на лѣтопись, чтобъ утвердить рѣшительно сочиненiе ея въ Кiевѣ. Всѣ

(2) О Руснихъ Лѣтописяхъ и Лѣтописателяхъ по 1240 г. Перевощикова, 7. 11.

произшествія, описанныя ею, относятся къ Кіеву и южной Россіи, которая остается главнымъ мѣстомъ дѣйствія во все ея продолженіе: „Наченшю Михаилу царствовати, начася прозывати Руска земля. О семь бо увѣдахомъ, яко при семь Цари приходиша Русь на Царьгородъ, яко же пишется в лѣтописаньи Грѣчьстѣмь: тѣмже отселѣ почнем и числа положимъ.—... А отъ перваго лѣта Михаилова до перваго лѣта Олгова, Рускаго Князя, лѣтъ 28, а отъ перваго лѣта Олгова, *понеже сѣде въ Кіевѣ*," и проч. (3). Жизнь всѣхъ первыхъ Князей — Аскольда и Дира, Олега, Игоря, Ольги, Святослава, Ярополка, Владимира, Ярослава, проходитъ въ Кіевѣ. Всѣ ихъ походы, путешествія, предпринимаются оттуда. Нашествія непріятелей описываются только въ отношеніи къ Кіеву, на пр. нашествія Печенеговъ, прохожденіе Угровъ. Послѣ Ярослава Кіевъ дѣлается предметомъ раздора между его потомками, и средоточіемъ всѣхъ описаній. Однимъ словомъ, вся Лѣтопись есть Лѣтопись города Кіева по преимуществу.

Приложимъ нѣкоторыя внѣшнія примѣты: въ 1065 году рыболовы ловили рыбу *въ Кіевѣ*, выволокли дѣтище въ неводѣ, на которое *мы* смотрѣли и проч. (4).

И раздѣлиста по Днѣпръ Русьскую землю: Ярославъ прія *сю* сторону, а Мстиславъ ону. (5).

(3) НЛ. (=Несторъ по Лавр. списку) с. 11. (4) См. ниже, с. 26. (5) Кар. II, пр. 28.

Половцы взяли Кіевъ, пришли въ монастырь Печерскій, *намъ сущимъ по кельямъ почивающимъ.* (6).

Припомнимъ мѣста, въ коихъ говорится объ открытіи раки Θеодосіевой, (7) и проч.

Эта Кіевская лѣтопись разошлась немедленно, вмѣстѣ съ Печерскими монахами, по другимъ монастырямъ и городамъ Русскимъ, переписывалась вездѣ, и продолжалась описаніемъ ихъ произшествій. Вездѣ нашлись грамотные монахи, которые по ея образцу начали описывать собственныя произшествія, и присоединять свои описанія къ общему началу, то есть ко Кіевской Лѣтописи, сокращая и измѣняя ее, точно такъ какъ поступилъ ея первый сочинитель съ Византійскою или Болгарскою (8), къ которой приложилъ онъ свои, то есть, Кіевскія произшествія. Новогородскій лѣтописецъ къ Кіевскому началу приставилъ свое сочиненіе о Новѣгородѣ, Волынскій о Волыни. Въ Псковъ попала вѣроятно Новогородская Лѣтопись, а не Кіевская, была сокращена тамъ и продолжена уже описаніемъ Псковскихъ произшествій.

(Во всѣхъ продолженіяхъ, о которыхъ мы будемъ говорить впослѣдствіи, также ясно видны отчизны ихъ сочинителей: такъ Новгородцы прилагаютъ Русскую Правду, которой нѣтъ въ спискахъ Кіевскихъ и Владимирскихъ, и на оборотъ исключаютъ договоры).

(6) См. ниже с. 31. (7) См. ниже с. 28. (8) См. въ 4 разсужденіи.

Приступимъ теперь къ важному вопросу о времени: когда же было написано въ Кіевѣ это начало?

Во многихъ древнихъ спискахъ, по свидѣтельству Карамзина (9), подъ годомъ 1110, находятся слѣдующія строки: „Игуменъ Сильвестръ Св. Михаила написахъ (10) книгы си лѣтописецъ, надѣяся отъ Бога милость пріяти, при Князи Володимерѣ, княжащю ему Кыевѣ, а мнѣ въ то время игуменящю у Св. Михаила въ 6624, Индикта 9 лѣта; а иже чтеть книгы си, то буди ми въ молитвахъ (11).“

(9) Ист. Госуд. Рос. Т. II, пр. 213.

Благодаря труду В. М. Перевощикова, с. 7 и 9), мы знаемъ теперь именно, что эта приписка находится въ спискахъ *Лаврентьевскомъ* и Кенигсбергскомъ, кромѣ Никоновскаго.

(10) „*Написахъ*, говоритъ Карамзинъ, (тамъ же), значитъ списалъ: въ концѣ многихъ рукописныхъ Евангелій, Псалтирей и другихъ церковныхъ книгъ видимъ такія подписи“ и проч. Впрочемъ намъ до этого теперь нѣтъ дѣла: списалъ или написалъ — это для насъ пока все равно. Мы толкуемъ теперь о времени сочиненія, а не объ именахъ сочинителей. См. ниже.

(11) Эта приписка въ Никоновскомъ спискѣ (=НН) вотъ уже какъ разпространена и изукрашена (Ч. II, с. 51): „Се азъ грѣшный інокъ Селивестръ Игуменъ Святаго Михаила написахъ книги сия, глаголемыя Греческимъ языкомъ Хронографъ, Рускимъ же языкомъ толкуется времянникъ, еже есть лѣтописецъ, во священно и божественно священноначальства Господина Никифора, Митрополита Кіевского и всеа Русіи, во обладаніе державы Киевские православнаго и благочестивого Великого Князя Владимера Манамаха, сына Всеволожа, внука Ярославля, правнука великого и равноапостол-

Въ этихъ строкахъ я вижу, что начало лѣтописи было переписано извѣстнымъ лицемъ 11 и 12 столѣтія, и слѣдовательно было сочинено по крайней мѣрѣ около этого времени. (12).

—

ного Святаго Владимера, нареченнаго въ Святемъ Крещенiи Василия, креститвшаго всю Рускую землю. Писаже вся сия любве ради Господа Бога и Пречистые Богородицы и Святыхъ его, и своего ради отечества Руския земли, во спасение и пользу всѣмъ, и молю всѣхъ прочитающихъ книги сия, да помолятся о мнѣ во святыхъ своихъ молитвахъ, да сладостный і радостный гласъ услышу от Господа Бога, вдень онъ суда великого избавленъ буду безконечныхъ мученiї, и обещанныхъ благихъ отъ Господа получю, молитвами Пречистые Богородицы и всѣхъ Святыхъ. Аминь."

Я нарочно привожу ее здѣсь для примѣра, какъ древнія извѣстія разпространяются и изукрашаются въ позднѣйшихъ спискахъ.

(12) Но эта приписка ничего не значитъ: она вымышленная, подложная, — говоритъ Г. Строевъ, въ своемъ хронологическомъ указанiи матеріаловъ Рос. Исторіи и проч. подъ § 5 (см. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1834, Февраль).

Увѣреніе Г. Строева очень смѣло: видно у него есть сильныя доказательства! Но пока онъ не обнародуетъ ихъ, до тѣхъ поръ приписка Сильвестрова останется свидѣтельствомъ, что въ числѣ сочинителей или переписциковъ лѣтописи было извѣстное лице 11 и 12 столѣтія.

И почему, скажу впередъ, эта выдуманная приписка постановлена здѣсь, а не индѣ? Почему имя Сильвестра, а не какое другое? Во время Игуменства, а не Епископства? Неужели коварный переписщикъ 13 столѣтія (приписка, находясь во многихъ спискахъ, была и въ ихъ подлинникахъ) разсуждалъ такъ переписывая: „я скрою свое собственное имя, а увѣрю, что переписывалъ Игуменъ Сильвестръ; чтобъ этому повѣри-

Время отъ 1104 до 1110 года, до Сильве̃стровой приписки, оставлено по многимъ древнимъ спискамъ безъ описанія, которое слѣдуетъ уже за нею (13). То есть: шесть лѣтъ до 1110 года по порядку не описаны, а описаны послѣ онаго, хотя случились прежде. Боюсь, чтобъ не вышло какаго недоразумѣнія въ читателяхъ — объяснюсь еще варіантомъ: 1103 годъ, говорятъ, описанъ; 1104, 5, 6, 7, 8, 9, не описаны; за десятымъ приписка, а за припиской описаніе предыдущихъ пропущенныхъ лѣтъ.

Вотъ важнѣйшее для меня доказательство, что въ началѣ 12 столѣтія, или концѣ II, въ лѣтописи былъ перерывъ, (одинъ сочинитель кончилъ, другой захватилъ нѣсколько предыдущаго времени, неописаннаго у предшественника, и сталъ продолжать). Слѣдовательно начало ея оканчивалось около этого времени; и слѣдовательно было сочиняемо по крайней мѣрѣ въ 11 столѣтіи.

—

Далѣе — послѣ краткихъ извѣстій, около 1125 или 1127 года, замѣчаетъ Карамзинъ, извѣстія дѣлаются вдругъ гораздо подробнѣе. Онъ думаетъ, что это трудъ другаго, для насъ безы-

ли лучше, я вставлю мою приписку въ эпоху существованія Сильвестра?" Не слишкомъ ли это затѣйливо, остроумно! Какое хитрое разсужденіе, какой ученой подлогъ! См. ниже.

(13) Кар. II, пр. 213. Карамзинъ употребилъ это замѣчаніе только въ доказательство, что Сильвестръ былъ не сочинитель, а переписчикъ. Объ этомъ послѣ.

меннаго человѣка. И весьма вѣроятно, ибо отчего бы одному человѣку, на одномъ мѣстѣ, въ однѣхъ обстоятельствахъ, писать подробно, потомъ коротко, потомъ опять подробно? Новое доказательство, что въ началѣ 12 столѣтія былъ перерывъ.

Наконецъ: въ нѣкоторыхъ лучшихъ спискахъ, по замѣчанію Карамзина же (14), произшествія, бывшія въ концѣ 11 вѣка описаны въ двойнѣ, одинъ разъ подробно, а другой кратко. Напримѣръ война Святополкова съ Давидомъ, бѣдствіе Венгровъ въ Галиціи, и кончина Мстислава описаны весьма обстоятельно, а послѣ сказано опять: „въ лѣто 6607 изыде Святополкъ на Давида и прогна въ Ляхы; въ сеже лѣто побьени Угри у Перемышля; въ сеже лѣто убьенъ Мстиславъ, сынъ Святополчь.“ (15) Первой перепищикъ или писатель, повторившій сіи извѣстія, былъ человѣкъ безтолковый, это ясно; но я благодарю его отъ искренняго сердца, ибо онъ своимъ повтореніемъ указываетъ мнѣ прямо на бывшій перерывъ въ лѣтописи около этого времени: я вижу, въ допол-

(14) Пушкинскомъ, Хлѣбниковскомъ, Ипатьевскомъ и др., если я такъ понимаю слова его II, пр. 184.

(15) Въ Пуш. или Лавр. спискѣ, говоритъ теперь именно Г. Перевощиковъ, (с. 8), походъ Святополка и проч. на Половцевъ описанъ дважды: за припиской Сильвестровой, и прежде предъ повѣствованіемъ явленіи столпа огненнаго въ Печерскомъ монастырѣ.

неніе къ прежнимъ примѣтамъ, что кто-то кончилъ писать около 12 вѣка, ибо одинъ человѣкъ, по справедливому замѣчанію Карамзина, не могъ писать сперва подробно, а тамъ коротко о томъ же случаѣ.

Да, около 12 вѣка былъ перерывъ. Слѣдовательно начало лѣтописи написано въ 11 столѣтіи (16).

(Приложу здѣсь кстати нѣкоторыя, пока нерѣшенныя примѣты, указывающія впрочемъ все на 11 столѣтіе: Татищевъ говоритъ, что въ лѣтописи за годомъ 1094 находится слово аминь (17), которое по его мнѣнію указываетъ на окончаніе первоначальной Лѣтописи.

Возразятъ: Карамзинъ не нашелъ этого важнаго аминя (18).

Но Карамзинъ не нашелъ въ своихъ спискахъ, а у Татищева были другіе (19).

(16) Впрочемъ, повторю, все это требуетъ еще строжайшихъ, точнѣйшихъ изслѣдованій *надъ списками*, на которые слѣдуетъ взглянуть именно въ этомъ отношеніи. Надѣемся получить отвѣтъ въ изданіяхъ Комиссіи.

(17) Исторія Рос. Тат. I, 52.

(18) Кар. II, пр. 213.

(19) Татищева нельзя подозрѣвать въ выдумкѣ, по крайней мѣрѣ здѣсь: *для него разумѣется* все равно было, стоялъ ли аминь подъ 1093, или подъ 1094, или 1110 г. Замѣчу мимоходомъ: Исторія Татищева, заключая въ себѣ много прибавленій, (изъ коихъ при иныхъ вовсе и нельзя предполагать обмана, умысла), заслуживаетъ обстоятельнаго изслѣдованія. Вотъ занятіе для молодыхъ любителей науки — на первой случай хоть собрать прибавленія Татищева, (изъ Никоновскаго списка также). Онъ выдумалъ, *если выдумалъ*, Іоакима, положимъ, для какой нибудь цѣли, чтобъ подтвердить свое любимое мнѣніе и т. п., но для Нестора, для Сильвестра

Г. Перевощиковъ указываетъ на аминь, находящійся въ спискахъ Лаврентьевскомъ, Кенигсбергскомъ и Ипатьевскомъ, также въ Никоновскомъ, Софійскомъ временникѣ, въ Россійской Лѣтописи по списку Софійскому, и въ Воскресенской Лѣтописи, но не подъ 1094, а подъ 1073 годомъ, которой полагаетъ онъ и предѣломъ перваго сочиненія.

Въ Ипатьевскомъ спискѣ, послѣ 1073 года есть даже пробѣлъ въ полтора столпца и цѣлую страницу. — Отсюда начинаются, говоритъ Г. Перевощиковъ, что весьма важно, главныя и великія различія между списками: обоими Новогородскими, Софійскимъ временникомъ, Россійскою лѣтописью по списку Софійскому, Лаврентьевскимъ, Ипатьевскимъ, Кенигсбергскимъ, Воскресенскимъ, Лѣтописцемъ Русскимъ). (20).

Подъ годомъ 1065 въ лѣтописи встрѣчается извѣстіе:

„Того же лѣта в Киевѣ рыболове ловяше рыбы, выволокоша в неводе дѣтищъ, его же сходящися *позороваxомъ* до вечера дивящася, и паки вер-

(въ числѣ присутствовавшихъ при украшеніи раки Бориса и Глѣба, говоритъ онъ, сказано: и азъ Сильвестръ Михайловскій) для чего бы, кажется, ему обманывать? Съ какимъ почтеніемъ Лербергъ, Шегренъ, говорятъ объ уклоненіяхъ Татищева, находя подтвержденіе имъ въ мѣстныхъ описаніяхъ и собственныхъ своихъ изслѣдованіяхъ! У Татищева были въ рукахъ драгоцѣнные источники, для насъ погибшіе. Замѣтимъ еще, это сочиненіе Татищева оставалось при немъ въ рукописи, и напечатано чрезъ долгое время по его смерти.

(20) Доказательство, къ предыдущимъ, что должно напечатать ихъ порознь, кромѣ свода.

гоша его вводу: бяше бо у него на лицы срамни-удове; иного же *нельзе* сказати срама ради (21)."

Мы смотрѣли до вечера — кто можетъ говорить такъ кромѣ очевидца?

—

Послѣ 1051 года при повѣствованіи объ основаніи Печерскаго монастыря, которое послѣдовало послѣ, сказано:

„Θеодосіевижъ живущу въ монастырѣ, и правящу добродѣтельное житіе и чернецкое правило, и приимающу всякаго приходящаго кнему; *кнему жъ и азъ пріидохъ* худый, и пріятъ мя лѣтъ ми сущу семнадцати отъ рожденія моего." (22).

Можно ли предполагать здѣсь выдумку въ томъ, кто не сказываетъ даже своего имени. Простой, истинной разсказъ!

—

Подъ годомъ 1089 въ Никоновскомъ спискѣ читается извѣстіе:

Того же лѣта преставися Иванъ Митрополитъ Киевскиі и всеа Русиі. Бысть же сей Иванъ мужъ хитръ книгамъ и ученію, милостивъ ко убогимъ... речистъ же книгамъ Святымъ, и утѣшая печальныя. И таковаго не бысть в Руси преже, и по немъ, невѣмъ, будетъ ли таковъ." (23)

(21) НН. I, 153.

(22) Нес. по Кен. сп. (= НК.) 113. Объ этомъ мѣстѣ будетъ говорено въ 3 статьѣ.

(23) НН. I, 191.

Не очевидно ли, что лѣтописецъ написалъ сіи строки въ минуту кончины Іоанновой, и положилъ свое писало на столъ, пока не случилось другаго произшествія, которое вписать ему вздумалось!

Это подтверждается для меня еще болѣе слѣдующими строками, написанными, видно, уже послѣ, какъ пріѣхалъ другой Митрополитъ.

„Влѣто 1090 иде Янка ко Царюграду в Греки, дщи Всеволожа. И приведъ Янка Митрополита Киеву и всей Росиі Ивана скопца; о немъ же людіе рѣша: сей новый Иоаннъ пришелъ есть; но і будетъ ли таковъ, якоже первыі Иванъ?"

Какъ это истинно! Какая свѣжая молва!

„И от года до года пребысть, преставися; бѣже сей мужъ не книженъ, и умомъ простъ, и просторѣкъ." (24).

Неочевиденъ ли современникъ!

Подъ годомъ 1093 (25):

„Игуменъ Печерскиі со иноки совѣтъ сотворше и рѣша: не добро есть, лежати отцу нашему Феодосию кромѣ монастыря и церкві своея; понеже той есть основалъ церковь, и черноризцы совокупилъ. Тако повелѣша устроиті мѣсто, идѣже положити мощи его; и приспѣвшу празнику Успенія Святыя Богородицы тремя денми, и повелѣ Игуменъ рушіти, гдѣ лежатъ мощи отца нашего Феодосия. *Его же повелѣнию быхъ азъ грѣшныи*,

(24) Тамъ же. (25) НН. I. с. 192.

первое самовидецъ, еже скажу: не слухомъ бо слышахъ, но самъ, и о семъ начальникъ. Пришедши же Игумену ко мнѣ, и рекшу мі: пойдиве впещеру Феодосиеви. Азъ же пришедъ со Игуменомъ, невѣдуще никому же, разглядаше копати; і назнаменавше мѣсто, кудѣ копатi, кромѣ устия, рече ко мнѣ Игуменъ: не мози повѣдати никомуже, но поимi, его же хощеши, да ти поможетъ. Азъ же приспроихъ 3ю днiі прогалию, ею же копатi; и во вторникъ вечеръ пояхъ ссобою два брата, не вѣдующе никому же, прiидохомъ в пещеру, и отпѣвъ псалмы, почахъ копати, и трудився, и вдахъ другому брату, і копахомъ до полунощи, утрудихомся, и немогучися докопатi: и нача тужити, еда како на сторону копаемъ. Азъ же вземъ рогаль, начахъ копати рамено, а другу моему почивающу пред пещерою. И рече ми: удариша вбило, и азъ втой часъ прокопавъ на мощи Феодосиевы, оному глаголющу ко мнѣ: удариша в било, и мнѣ рекущу; прокопахъ уже. Егдаже прокопахъ, обдержаша мя ужасть, и начахъ звати: Господи помилуй...."

Невольно поражаешься внутреннею правдою мѣстъ, подобныхъ слѣдующимъ: во вторникъ ввечеру пошелъ я копать... или: я копалъ, усталъ и передалъ лопату другому брату; мы копали до полуночи, устали, ... тужили, тамъ ли копаемъ; или: онъ сказалъ мнѣ — ударили въ колоколъ, а я въ эту минуту докопался, и сказалъ ему: вотъ, докопался. Страхъ взялъ меня, и я началъ молиться: Господи помилуй..

Это написано самимъ дѣйствующимъ лицемъ безъ всякаго сомнѣнія.

—

Подъ годомъ 1094, въ описаніи Половецкаго нашествія, всякая строка свидѣтельствуетъ о современности сочиненія съ произшествіемъ. (26).

Лѣтопись, разсказавъ побѣду Половцевъ наканунѣ памяти Св. Бориса и Глѣба, говоритъ: Бысть плачь въ градѣ, а не радость, грѣхъ нашихъ ради.. се бо на ны Богъ попусти поганыхъ, и не яко милуя ихъ, но насъ кажа.... въ праздники Богъ намъ наводитъ сѣтованье: яко же ся створи въ *се лѣто* первое зло на Взнесенье Господне, второе же въ праздникъ Бориса и Глѣба, еже есть праздникъ *новый* Русьскыя *земли* (27).

По Кенигсбергскому и Никоновскому спискамъ послѣ описанія Половецкихъ опустошеній сказано: „Се бо паче инѣхъ казними есмы за грѣхи многи, якоже и *азъ грѣшный* много и часто Бога прогнѣваю, и часто согрѣшаю, но по милости своей Господи *спаси ны*“ (28).

—

Подъ тѣмъ же годомъ 1094 послѣ извѣстія о саранчѣ сказано: и не бѣ сего слышано въ днехъ

(26) Тамъ же II, ст. 6, 7, 8.

(27) Кар. II. пр. 167.

(28) Въ Кенигсбергскомъ спискѣ эта примолвка, равно какъ и предыдущія произшествія, подъ 1093 г.

первыхъ въ земли Русьстѣй, яже видѣста очи *наша* за грѣхи наши (29).

—

Подъ годомъ 1096 описано нападеніе Боняка Половецкаго на Кіевъ.

„Того же мѣсяца вплтокъ приде Б. е Босякъ, безбожныі, шелудивыі, отай, хищникъ х Киеву внезаапу, и мало во градъ не въѣхаша Половцы, и зажгоша болонье около града, и возвратишася вмонастырь, и зажгоша Стефановъ монастырь, и деревяне, (30), и приидоша вмонастырь Печерскиі, *намъ сущимъ по кѣлиямъ почивающимъ по заутрени*, і кликаша около монастыря, и поставиша стяга два, и вшедъ враты монастырскимі, *нам же бежащимъ* задомъ монастыря, *а другимъ возбѣгшимъ* на полатi. Безбожниі же сынове Измаилтевi высекоша врата монастырю, і пойдоша по кѣлиямъ высекающе двери, и износяху, что обретающе вкѣлияхъ. Посемъ зажгоша домъ Святыя Богородицы Владычицы нашея, і приидоша къ церкви, и вожгоша двери, еже къ югу устроенныя, другия же ксеверу, и влѣзше впритворъ у гроба Феодосиева, емлюще iконы, и зажигающе дверi.... Тогда же зажгоша и дворъ красныі, его же поставiлъ благовѣрныі Князь Всеволодъ на холму нарицаемемъ Выдобичю, то все окаянниі Половцы запалиша.... убиша бо нѣколико от братиі нашея оружиемъ и проч. (31).“

(29) Кар. II, 169. НН. II, 9.

(30) У Кар. деревянный Германовъ II, пр. 174.

(31) НН. II, 13, 14.

Это нападеніе совершенно подобно прочимъ нападеніямъ Половецкимъ въ 12 и 13 вѣкахъ. „Того же мѣсяца въ пятокъ“, „намъ сущимъ по кельямъ почивающимъ,“ — какъ предположить подлогъ въ такихъ выраженіяхъ? Кому придетъ въ голову вставлять такія строки въ сказочныя, выдуманныя описанія, какъ угодно почитать ихъ нѣкоторымъ? Ясно, что описаніе сдѣлано современникомъ, то есть въ 11 столѣтіи.

—

При описаніи ослѣпленія Василька въ 1097 году сказано... „и приступи Торчинъ, именемъ Беренди, овчюгъ Святополчь, держа ножь, и хотя ударити въ око, и грѣшися ока, и перерѣза ему лице, и есть рана та на Василькѣ и нынѣ“ (Василько умеръ въ 1124 году (32).

—

Подъ годомъ 1098 находится извѣстіе:

„Васильку же сущу в Володимери... и яко приближися постъ великиі, и мнѣ грѣшному тамо сущи в Володимери, и во едину нощъ присла по меня Князь Давыдъ Игоревичь, и придохъ кнему, и седяху около его дружина, и посадивъ мя, и рече ми: се молвилъ Василько сей нощи ко Улану и к Колчю, рекъ тако; се слышу, яко идетъ Володимеръ и Святополкъ на Давыда; даже бы мене Давыдъ послушалъ, да быхъ послалъ мужъ свой

(32) Кар. II. пр. 180.

к Володимеру: воротися, ведебо ся съ нимъ, что молвилъ; да се Василю шлю тя, иди к Васильку *тезю своему* (такъ и въ спискѣ Пушкин., Хлѣбн., Ипат. и другихъ) ссима отрокома, и молві ему тако: оже хощещи послаті мужъ свой, и воротится Володимеръ, то вдамъ ти, которой ти градъ любъ, любо Всеволожъ, любо Теребовль, любо Передивль. Азже идохъ к Васильку, і повѣдахъ ему вся рѣчи Давыдовы. Онже рече: сего есьмь не молвилъ, но надѣюбося на Бога, ношлю, да быша не пролияли крови мене ради, и проч... Мнѣ же рѣче: иди к Давыду, и рцы ему: пришли ми Кулмѣя, да его послю к Володимеру. И не послуша его Давыдъ, и посла мя паки, рекъ: нѣсть Кулмѣя. И рече ми Василько: поседи мало. И повелѣ своему слузѣ ити вонъ, и седе со мною, и нача ми глаголати и проч. (33)."

Ясно, что все это писано самимъ дѣйствующимъ лицемъ, современникомъ, которой говоритъ вездѣ отъ перваго лица, слѣдовательно въ 11 столѣтіи. (34).

—

(33) НН. II, 25, 26.

(34) Но первое лице выдумано или вставлено здѣсь, говоритъ Г. Строевъ: „Не болѣе можно сказать о Василіи, Сильвестрѣ, и другихъ будто бы продолжателяхъ Нестора" см. статью, указанную выше на с. 22.

Очень мудрено *предположить* здѣсь выдумку, — развѣ Г. Строевъ имѣетъ ясную *улику*? Что же онъ не объявляетъ ея? Какая охота выдумывать человѣку, который умалчиваетъ все, что относится собственно до него, и по необходимости употребляетъ одно личное мѣстоименіе: поди къ своему тѣскѣ, и скажи ему... я

Въ хараттейныхъ спискахъ Нестора есть извѣстіе: „матери бо родивши, быстъ ему (Всеславу, умершему въ 1101 году,) язвено на главѣ его; рекоша бо волсви матери его: се язвено, навяжи нань, да носить е до живота своего — *еже носить Всеславъ* и *до сего дне* на собѣ; сего ради немилостивъ *есть* на кровопролитье (35).

Не слышно ли біеніе истины въ этихъ словахъ, какъ біеніе пульса въ жилахъ?

И такъ сіи строки писаны во время жизни Всеслава, то есть въ 11 столѣтіи.

—

Подъ годомъ 1106: „въ сеже лѣто преставися Янь, старецъ добрый, живъ лѣтъ 90, въ старости маститѣ, живъ по закону Божью; не хуже бѣ первыхъ праведникъ; *отъ него же и язъ многа словеса слышахъ*, еже и вписахъ въ лѣтописаньи семь. Бѣ бо мужъ благъ и кротокъ и смиренъ, отгребаяся всякоя вещи, его же и гробъ есь въ Печерьскомъ монастыри въ притворѣ, идѣ же лежить тѣло его, положено мѣсяца Іуня въ 24.“ (36)

—

пошелъ, сказалъ, а тотъ отвѣчалъ мнѣ вотъ что! Выдумываютъ сказанія затѣйливыя, страницы, а такаго простаго, строчнаго извѣстія, не стоило и труда выдумывать въ 13 или 14 столѣтіи.

(35) Кар. II, пр. 118. — Въ Софійскомъ временникѣ это уже перемѣнено. — I, 155.

(36) Кар. II, пр. 214. Этотъ Янъ, котораго любилъ Св. Ѳеодосій, сражался съ Половцами еще въ 1093 г., на берегахъ Стугны. Кар. II, пр. 165. Ник. I, 194.

Итакъ это писано въ самомъ началѣ 12 столѣтія.

—

(Обращу вниманіе и на то, что такія нечаянныя указанія о времени существованія того или другаго лѣтописателя встрѣчаются часто и послѣ: какъ одинъ лѣтописатель въ 11 столѣтіи, о которомъ идетъ рѣчь теперь у насъ, сказалъ, что его посылали къ Васильку для переговоровъ; другой, что нападеніе Половцевъ на Печерской монастырь было, ему сущу въ кельѣ почивающу; третій, а можетъ быть тотъ же, что Полоцкой Князь Всеславъ (бывшій долго въ Кіевѣ) въ его время носилъ повязку на головѣ; четвертый, что онъ ходилъ смотрѣть на урода пойманнаго рыболовами въ Кіевѣ; — такъ точно, послѣ сего 11 столѣтія, *одинъ* случайно говоритъ, что онъ былъ въ Ладогѣ (37); *другой*, что онъ былъ поставленъ священникомъ отъ Епископа Нифонта въ Новѣгородѣ въ 1144 году (38), *третій*, въ 1146 г., что съ Игоремъ вторымъ въ Владимирѣ въ церкви часто пѣвалъ (39); *четвертый*, описавъ кончину Боголюбскаго, въ молитвѣ своей къ покойнику даетъ намъ знать о себѣ, что онъ жилъ въ княженіе его брата Всеволода Георгіевича, въ концѣ 12 столѣтія: „молися Богу помиловати Князя нашего, господина Всеволода, своего же приснаго брата, да

(37) Кар. II, пр. 238.

(38) Кар. II, пр. 288. Лѣтописецъ Новогородскій. Москва. 1781 г. с. 25. Словарь Митропол. Евгенія, I, 255.

(39) Тат. I, с. 57. Татищеву къ чему выдумать такое извѣстіе? См. выше с. 25 — 26 и ниже с. 60.

3*

подасть ему побѣду на противныя и многа лѣта съ Княгынею и съ благородными дѣтми, и мирну державу и царство (40);“ а въ другомъ мѣстѣ: „не хотящихъ намъ (жителямъ Владимира) добра завистью граду сему и живущимъ въ немъ“ (41); *пятый* говоритъ, что въ 1180 году былъ пожаръ здѣсь (т. е. въ Кіевѣ) (42), и потомъ, что Рюрикъ-Василій построилъ въ 1198 году каменную стѣну подъ церковью Св. Михаила, стоявшею дотолѣ III лѣтъ: „благоволи Богъ въдохнути мысль благу Великому Князю Рюрикови-Василію: тогобо лѣта Іюля въ 10 день, въ суб., задожи стѣну каменну подъ церк. Св. Михаила у Днѣпра, иже на Выдобичи, о ней же мнози не дръзнуша помыслити отъ древнихъ, али но (не только) дѣлу ятися. Сто бо и одинадцать лѣтъ имать, отнелѣ же създана бысть, и мнозіи самодръжцы преидоша, дръжаще столъ Княженіа Кіевск., отъ тогоже боголюбив. Всеволода, иже създа церковь ту (въ 1088 году) (43);“ *шестый*, описавъ кончину Владимира Волынскаго въ 1289 году, призваніемъ его благословенія даетъ также разумѣть, что жилъ

(40) Кар. III, пр. 24. По новой методѣ (если можно назвать безметодье методою) слѣдовало бы здѣсь воскликнуть: царство! какъ царство? царство у насъ является въ 15 столѣтіи, или лучше въ 16, а здѣсь говорится о 12. Это подлогъ! это сказки!

(41) Кар. III, пр. 36. (42) Тамъ же, пр. 153, с. 100.

(43) Тамъ же, пр. 153. с. 104. Это — послѣднее извѣстіе Кіевской лѣтописи. Объ освященіи церкви Всеволодомъ см. Кар. II, пр. 158, въ концѣ.

въ его время: въстани отъ гроба... възведи очи, какоя ти что Господь тамо сподобивь, и на земли не безъ памяти тя оставилъ братомъ твоимъ Мьстиславомъ; востани и видь брата твоего красящаго столъ земли твоея. Къ сему же вижъ и благовѣрн. свою Княгиню, како поклоняется имени твоему (44), и проч."

Всѣ сіи очевидно-нечаянныя, такъ сказать оброненныя, а не умышленныя, не вставленныя указанія, по коимъ мы можемъ только угадывать время, и мѣсто жительства сочинителей, — одинаковы въ 11, 12, 13, 14, столѣтіяхъ, подтверждаются одно другимъ, имѣютъ связь между собою, носятъ на себѣ одну печать истины, и равно достовѣрны. Подлога никакого не возможно предположить при нихъ. Источники подлоговъ бываютъ вотъ какіе: краснобай хочетъ отличиться, убѣдить, тронуть; хвастунъ, чтобъ пріобрѣсти себѣ славу, подать о себѣ высокое мнѣніе; плутъ, чтобъ получить выгоду, себѣ или своимъ; льстецъ, чтобъ снискать благосклонность лица, котораго подвиги прославляетъ; фантазеръ, покаряясь своему піитическому расположенію; Аббатъ разсказываетъ о чудесахъ своего монастыря, о правахъ, данныхъ ему такимъ-то Герцогомъ, въ такой-то грамотѣ, о уваженіи къ нему такого-то Маркграфа. Такимъ образомъ понимаю я нѣкоторыя мѣста въ Никоновскомъ спискѣ, Степенной книгѣ, Синопсисѣ, пони-

(44) Кар. IV, стр. 111 въ примѣчаніяхъ.

маю древнія сказки объ Олегѣ, Игорѣ, Ольгѣ, Владимирѣ; такимъ образомъ понимаю я Саксона Грамматика, и другихъ баснословныхъ писателей. Но къ древней нашей лѣтописи, съ 11 вѣка, когда лѣтописцы руководствовались уже не преданіями, а личными свѣденіями, не льзя совершенно приложить ни одного такого разсужденія. Что мы находимъ въ нихъ? Сухія, голыя, строчныя извѣстія. Наши монахи писали *для себя,* а не для публики; кого имъ было обманывать? Вотъ обстоятельство, на которое не обращаютъ вниманія; я, признаюсь, никакъ не могу понять, чтобъ эти монахи вставляли кое-гдѣ по простому незначительному словцу, не для чего другаго, какъ для удостовѣренія, что лѣтописи писаны не ими!! Это былъ бы обманъ чудесной, поддѣлка глубокая, достойная развѣ только нашего времени, которой нѣтъ подобной во всей исторической литтературѣ. Почему въ 9, 10, въ началѣ 11 вѣка, нѣтъ такихъ личныхъ мѣстоименій? И что значатъ эти личныя мѣстоименія? Мы не знаемъ даже именъ, вмѣсто которыхъ поставлены сіи мѣстоименія: какое же здѣсь намѣреніе обманывать? Слѣдовательно всѣ сіи *азы* для насъ очень важны, и свидѣтельствуетъ неопровержимо о современности описаній съ происшествіями. Но довольно объ этомъ). (45). Возвратимся къ доказательствамъ.

(45) Характеръ нашихъ простодушныхъ лѣтописателей нигдѣ не схваченъ такъ вѣрно, какъ въ монологѣ Пимена у Пушкина, — будь сказано не во гнѣвъ педантамъ.

Въ самомъ началѣ лѣтописи помѣщена хронологическая таблица (46), которая оканчивается смертію Святополка (Михаила):

...„Тѣмже отъ смерти Святославли до смерти Ярославли лѣтъ 68, а отъ смерти Ярославли до смерти Святополчи лѣтъ 60." (Ярославъ скончался 1054 г. Февраля 19, а Святополкъ-Михаилъ 1113 г. Апрѣля 16, = 60 лѣтъ безъ малаго). „Но мы на прежнее возвратимся, скажемъ, что ся оудѣя лѣта си и проч."

Ясно, что Лѣтописатель жилъ въ время Святополка, который и скончался при немъ. Если бы онъ жилъ и писалъ позднѣе, то съ какой бы стати было ему прервать начатую таблицу Святополкомъ? Слѣдовательно это былъ послѣдній Князь Кіевскій, скончавшійся въ эпоху сочиненія лѣтописи. Слѣдовательно лѣтописатель жилъ въ концѣ 11 и началѣ 12 столѣтія.

Одно такое показаніе можно принять за достаточное при опредѣленіи времени всякаго лѣтописателя и сочинителя.

—

„Также бѣ," сказано въ лѣтописи подъ 1074 г., „и другіи братъ Еремия, иже помняше крещение Русгей земли (47)."

Должно полагать, что этотъ Іеремія былъ современникомъ лѣтописателю. Иначе, еслибы лѣто-

(46) НЛ. 11. (47) НН. I, 172.

писатель не засталъ уже его, съ чего было бы упомянуть, что онъ помнилъ крещеніе. До лѣтописателя безъ всякаго сомнѣнія жило много монаховъ, кои помнили крещеніе, начиная съ самаго Св. Антонія. Тутъ не было бы ничего удивительнаго, но Лѣтописатель ставилъ Іеремію именно какъ бы въ образецъ долголѣтія: онъ помнилъ крещеніе и живъ былъ еще при немъ. Это никто не могъ сказать, развѣ въ концѣ 11 и началѣ 12 столѣтія: долѣе доживать, по естественному порядку вещей, не могли ровесники крещенія. Если Іереміи было 10 лѣтъ при крещеніи, то въ концѣ 11 столѣтія было ему уже 112 лѣтъ. Слѣдовательно слова объ Іереміи служатъ также къ подтвержденію мнѣнія, что Лѣтописатель жилъ не позднѣе начала 12 вѣка.

—

Перейдемъ къ доказательствамъ другаго рода: Въ началѣ Лѣтописи разсѣяно множество выраженій, показывающихъ, что описанія сдѣланы какъ бы по горячимъ слѣдамъ произшествій, когда онѣ были еще въ свѣжей памяти у близкихъ потомковъ. Вотъ нѣсколько для примѣра:

„И оубиша Аскола и Дира, несоша на гору, и погребоша и на горѣ, *еже ся нынѣ зоветь Оугорьское, кде ныне Олъминъ дворъ;* на тои могилѣ поставп Олъма церковь Святаго Николу; а Дирова могила за Святою Ориною (48).“

(48) НЛ. с. 14.

„А хрестеяную Русь водиша ротѣ в церкви Святаго Ильи, *яже есть надъ ручаемъ*, *конець Пасынъчъ бесѣды и Козаръ* (49).“

„И погребенъ бысть Игорь; *есть могила его* оу Искоръстѣня града в Деревѣхъ *и до сего дне* (50).“

„И послаша Деревляне лучьшие мужи числомъ 20 въ лодьи к Ользѣ, и присташа подъ Боричевымъ в лодьи. Бѣ бо тогда вода текущи возлѣ горы Киевьския, и на Подольи не сѣдяху людье, но на горѣ; градъ же бѣ Киевъ, *идеже есть нынѣ дворъ Гордятинъ и Нифовъ*, а дворъ Княжь бяше в городѣ, *идеже есть дворъ Демьстиковъ*, за Святою Богородицею... (51).“

„Иде Вольга Новугороду, и оустави по Мьстѣ повосты и дани, и по Лузѣ оброки и дани; *ловища ея суть* по всей земли, знаменья и мѣста и повосты; *и сани ее стоять* въ *Плесковѣ и до сего дне*; и по Днѣпру перевѣсища и по Деснѣ; *и есть село ее Ольжичи и доселе* (52).“

„И погребоша Ольга (Олега, сына Святославова,) на мѣстѣ оу города Вручога, *и есть могила его и до сего дне* оу Вручего (53).

„Стояше Володимеръ обрывся на Дорогожичи межю Дорогожичемъ и Капичемъ, *и есть ровъ и до сего дне* (54).“

(49) Тамъ же с. 26. (50) Тамъ же, с. 27. (51) тамъ же, с. 28. (52) Тамъ же с. 31. (53) с. 44. (54) с. 45.

„А Володимеръ вниде в Киевъ, и осѣде Ярополка в Роднѣ, и бѣ гладъ великъ в немъ; *есть притча и до сего дне*: бѣда аки въ Роднѣ (55).“

„Жряху бѣсомъ, оскверняху землю теребами своими, и осквернися кровьми земля Руска и холм — отъ. Но преблагии Богъ не хотя смерти грѣшникомъ; *на томъ холмѣ нынѣ церкви стоитъ, Святаго Василья* есть, яко же послѣди скажемъ (56),“ и проч.

„Иде Володимеръ на Радимичи... и платять дань Руси, *повозъ везуть и до сего дне* (57).

„И положиша“ (Мстислава, котораго бытіе и смерть засвидѣтельствованы и Греческими Лѣтописателями,) „у Святаго Спаса, юже самъ заложилъ, бѣ бо създано ея принемъ възвыще *яко на кони стояще досящи*,“ то есть, человѣкъ, сидя на конѣ, не могъ уже рукою достать верхняго ряду кирпичей (58). Какое живое преданіе? Можетъ ли оно быть выдумано?

Примѣтны еще слѣды язычества, на примѣръ описывая обрядъ погребенія, Лѣтописецъ говоритъ: еже *творять* Вятичи *и нынѣ* (59).

Такихъ живыхъ преданій нельзя было имѣть позже 11 столѣтія.

(55) с. 46. (56) с. 48. (57) с. 51—52. (58) Кар. II, пр. 31. (59) НЛ. с. 8.

Языкъ многихъ мѣстъ въ началѣ Лѣтописи носитъ на себѣ явные признаки древности — относительной: стоитъ сравнить только описаніе произшествія древняго съ описаніемъ произшествія, бывшаго въ 13 или 14 вѣкѣ.

Напримѣръ объ Олегѣ: „Въ лѣто *SТЧА* (=883). Поча Олегъ воевати Деревляны, и примучивъ і, имаше на нихъ дань по чернѣ кунѣ. Въ лѣто *SТЧВ* (=884). Иде на Сѣверяне, и побѣди Сѣверяны, и възложи нань дань легъку, и не дастъ имъ Козаромъ дани платити, рекъ; азъ имь противенъ, а вамъ не чему. Въ лѣто *SТЧГ* (=885). Посла къ Радимичемъ, рька: камо дань даете? Они же рѣша: Козаромъ. И рече имъ Олегъ: не дайте Козаромъ, но мнѣ дайте; и въдаша Ольгові по щьлягу, якоже Козаромъ даху. И бѣ обладая Олегъ Поляны и Деревляны, Сѣверены и Радимичи, а Суличи и Тѣверци имяше рать (60).“

Это по древнѣйшему Лаврентьевскому списку, но вотъ другое извѣстіе о древнемъ происшествіи изъ подновленнаго Софійскаго:

Прииде Ярополкъ (въ 1087 г.) изъ Ляховъ и сътвори миръ съ Володимеромъ, и иде Володимеръ вспять къ Чернигову; а Ярополкъ сѣде въ Володимерѣ. И пребысть мало, изиде къ Звенигороду, и не дошедшу ему града, прободенъ бысть отъ проклятаго Нероднца, отъ діавола научена и отъ злыхъ

(60) Тамъ же с. 15.

человѣкъ; лежащу ему на возѣ, саблею съ коня прободе и, тогда въздвигнувся Ярополкъ, выторгъ изъ себе мечь, и рече велиимъ гласомъ: охъ, тотъ мя вороже прободе! И бѣжа Нерадца трекляпый къ Перемышлю, къ Рюриковичу; а Ярополка въземше отроци на конь предъ ся, Радко Ивоикинъ и иніи, несоша къ Володимерю, оттуду къ Кіеву (61)."

А вотъ какимъ языкомъ въ томъ же самомъ спискѣ описано произшествіе 1327 года:

„Того же лѣта пріѣха изъ Орды посолъ силенъ на Тфѣрь, именемъ Щолканъ, со множествомъ Татаръ, и велико насиліе начаша творити; а Князя Александра Михайловича и его брата хотяще убити, а самъ хотя сѣсти въ Тфѣри на Княженіе, а иныхъ Князей своихъ хотя посажати по инымъ городомъ по Русьскымъ, хотяще привести Христіяны въ Бесерменскую вѣру. Силою великого Спаса, и молитвою Пречистыя его Богоматере Владычица нашея Богородица, честнаго ея Успенія, и молитвою новоявленною Святыхъ Мученикъ Князей Русьскыхъ Бориса и Глѣба, созва Князь Тфѣричь, и пойде на Щолкана, рекъ: не азъ почалъ избивати, но онъ; Богъ да будетъ отместникъ крови отца моего, Великаго Князя Михаила, и брата моего Князя Дмитрія, зане пролія кровь праведну, егда же и мнѣ сеже створитъ — и пойде на нихъ (62)."

(61) Соф. Врем. I, 174. (62) Тамъ же. с. 316.

Ухо не чувствуетъ ли ясно, что эти описанія, не смотря на поправки, принадлежатъ разнымъ столѣтіямъ, и если послѣднее принадлежитъ 14 столѣтію, то первое (вмѣстѣ съ прежними) должно быть столѣтіями двумя старше.

—

Обращу вниманіе на форму драмматическую, форму древнѣйшую, въ которую отлито все начало лѣтописи (63). Найдите мнѣ ее въ 13, 14 или 15 столѣтіяхъ въ такомъ видѣ!

Съ другой стороны — сравнимъ начало лѣтописи съ продолженіемъ, напримѣръ описаніе 10го или начала 11 вѣка съ концемъ 11. Сколько пропусковъ въ первыхъ! По нѣскольку лѣтъ, даже иногда десятковъ лѣтъ, пропущено безъ малѣйшаго упоминовенія — показаны однѣ только числа. А въ концѣ 11 какая разница: тамъ произшествія, большею частію, описаны, и описаны подробно, годъ за годъ, безъ всякаго пропуска. Не ясно ли, что начали описывать современники?

—

Въ концѣ 11 вѣка въ лѣтописцѣ прекращаются сказанія, баснословныя описанія, странныя подробности, — опять доказательство, что началъ писать современникъ честный, которой самъ не выдумываетъ ничего о своемъ времени, хотя о прежнемъ

(63) См. нѣкоторые изъ вышеприведенныхъ примѣровъ.

добродушно повторялъ чужее преданіе.

—

Обратимъ вниманіе на характеръ повѣствованія. Оно совершенно различно въ 11 и какомъ нибудь 14 вѣкѣ: въ первомъ мы находимъ безпрестанно благочестивыя размышленія, мѣста изъ Священнаго Писанія; дальше этого почти нѣтъ. Первой повѣствователь ближе къ церковному языку, и кромѣ указанныхъ древнихъ мѣстъ, (о коихъ послѣ), показываетъ гораздо болѣе авторскихъ пріемовъ, нежели послѣдніе. (64)

(Г. Перевощиковъ примѣчаетъ еще иныя различія, и уже съ 1073 г.)

—

Кажется довольно, слишкомъ довольно доказательствъ, что начало нашихъ лѣтописей писано по крайней мѣрѣ въ началѣ 12 столѣтія, если не ранѣе, — доказательствъ разнообразныхъ и положительныхъ: примѣты перерыва, наружныя и внутреннія, указанія современности писателей съ лицами и произшествіями 11 вѣка, мѣста указывающія на близость къ произшествіямъ, на живость преданія, языкъ, форма драмматическая, характеръ содержанія, авторское искусство.

Предложивъ доказательства положительныя о сочиненіи первой Русской Лѣтописи въ 11 вѣкѣ, я предложу здѣсь доказательства отъ противнаго:

(64) Сравни ниже въ слѣдующихъ разсужденіяхъ.

Лѣтопись и не могла быть сочинена иначе, какъ въ концѣ 11 вѣка и началѣ 12.

Въ 9, 10, 11 вѣкахъ, главными дѣйствующими лицами я вижу Варяговъ. Впродолженіи этого времени они упоминаются до шестидесяти разъ въ Лѣтописи. Лѣтописецъ знаетъ ихъ коротко: всѣ дѣйствія его Варяговъ имѣютъ одну опредѣленную физіогномію, (точно какъ Славяне имѣютъ другую), и ни въ одномъ мѣстѣ не придетъ вамъ въ голову сказать: „нѣтъ, это не въ Варяжскомъ духѣ;" нигдѣ не найдете противорѣчія. Это очень замѣчательно: такой вѣрности въ изображеніи народнаго характера мудрено сохранить нынѣ, въ искусственномъ произведеніи, съ намѣреніемъ и желаніемъ, — а тогда! Слѣдовательно Варяги лѣтописные могли быть такъ списаны только съ натуры. Еслибы Лѣтопись была сочинена въ 14 или 13 вѣкѣ, то какъ могла бы она въ Кіевѣ не только приписывать вѣрно какія либо дѣйствія Варягамъ, но даже знать ихъ имя; ибо въ 13, 14, и даже въ 12 вѣкѣ, они сошли со сцены, перестали дѣйствовать, и имя это замолкло въ народѣ, по крайней мѣрѣ въ Кіевѣ, а у сосѣдей никогда и не слышалось, и слѣдъ Варяговъ уже пропадалъ. Съ чегобы взять ихъ было лѣтописателю, кто бы онъ ни былъ? Переводя съ Греческаго, онъ говорилъ бы о Скиѳахъ, Руссахъ, а не объ Варягахъ; въ Латинскихъ и Нѣмецкихъ Лѣтописателяхъ онъ не нашелъ бы этого имени съ такими аттрибутами, какъ не на-

ходимъ и мы; передъ собою онъ не видалъ уже тогда (то есть въ 13, 14, и даже въ концѣ 12 вѣка,) ни одного Варяга, и имя это сохранялось только въ собственныхъ именахъ урочищъ: Варяжская пещера, Варяжскій островъ.

Слѣдовательно начало нашей Лѣтописи писано въ ту эпоху, когда можно было знать о Варягахъ, въ эпоху близкую къ Варягамъ, слѣдовательно по крайней мѣрѣ въ 11 столѣтіи.

Пусть выдумаютъ, какое угодно лице, помѣстятъ его, куда пожелаютъ, въ какое бы то ни было время послѣ 11 столѣтія, окружатъ его какими угодно обстоятельствами, — ни какъ нельзя будетъ сообщить ему возможность такъ знать и такъ писать о Варягахъ, какъ мы читаемъ объ нихъ въ нашей Лѣтописи.

—

Почти то же можно сказать о племенахъ Славянскихъ, исчисленныхъ и описанныхъ въ Лѣтописи. Въ 12 столѣтіи онѣ начали пропадать, а въ 13 совсѣмъ почти пропали, замѣненныя именами Княженій и городовъ: въ 12 столѣтіи слѣдовательно было трудно, а въ 13 и 14, въ эпоху Монголовъ, не возможно собрать и размѣстить ихъ по мѣстамъ: тогда былъ уже Кіевъ, а не Поляне, Черниговъ, Новгородъ, а не Сѣверяне, Владимиръ а не Древляне, Смоленскъ а не Кривичи. Лѣтописецъ

не могъ списать ихъ у иностранныхъ писателей, ибо нигдѣ нѣтъ ихъ въ такой совокупности. Притомъ Греки доставили бы ему въ краткихъ своихъ извѣстіяхъ Кривитанъ, а не Кривичей, Другувитанъ, а не Дреговичей, и онъ не умѣлъ бы поправить ихъ, еслибъ самъ не зналъ изъ другихъ источниковъ. Слѣдовательно онъ описывалъ, и размѣщалъ племена, по принадлежащимъ имъ мѣстамъ, также съ натуры, съ живаго преданія, когда оно не успѣло еще затеряться. Имена сіи засвидѣтельствованы историческими источниками всѣхъ Славянскихъ племенъ въ Европѣ; размѣщеніе засвидѣтельствовано слѣдами, указаніями ближайшихъ лѣтописателей 12 столѣтія, которые мимоходомъ, нечаянно, называютъ еще иныя кое-гдѣ. (А въ 13 с. не слыхать кажется ни одного). Размѣщеніе другихъ засвидѣтельствовано собственными именами урочищъ, оставшихся въ назначенныхъ имъ мѣстахъ, изъ коихъ нѣкоторыя дошли даже до нашего времени:

Паки же Ольговичи (1136 г.) почаша воевати... и до Вышегорода и до *Деревъ* (65). Ярополкъ бо (+ 1086) всю жизнь дая (Богородицѣ) Небольскую волость и *Деревскую* и Лучьскую и около Кыева (66).

Изяславъ (1149) взялъ Курескъ и съ Посемьемъ и Сновскую тысячю у Изяслава и Случескъ, и Клецескъ, и всѣ *Дрегвичи* (67).

(65) Кар. II, пр. 263. (66) Кар. II, пр. 223. (67) Кар. II, пр. 320.

Владимиръ Мстиславичь (1169) воротися на *Радимичи* (чрезъ Сожскую область Радимичей, говоритъ Карамзинъ) (68).

Мономахъ ходилъ на *Вятичи* (69). И рече Игорь: даеть намъ (1142 г. старшій братъ) по городу... а отчины своея недаетъ *Вятичь*. — Онъ же *Вятичь* неступаше (70). — Черниговскіе Князья говорятъ Изяславу: Ольговичь Святославъ занялъ волость нашу *Вятичи*. — Повоевавъ (Святославъ) Корачевъ, бѣжа за лѣсъ въ *Вятичи*. И приде вѣсть изъ Корачева, иже Святославъ бѣжа въ *Вятичи*. (71)

Въ 1162 г. Рюрикъ и Святополкъ Юрьевичь Туровскій и Святославъ Всеволодовичь ... съ *Кривскими* Князи идоша къ Слуцку. (72)

Принадлежность имени *Словенъ* Новогородцамъ видна еще въ вопросахъ Кирика Новогородскому Епископу Нифонту и пр.: „и се ми повѣдалъ чернецъ Пискупль Лука-Овдокимъ: молитвы оглашеныя творити: Болгарину, Половчину, Чюдину, преди крещенія 40 дней поста, и съ церкви исходити отъ оглашеныхъ; *Словѣнину* за 8 дней (73). — *Словенскій* конецъ въ Новѣгородѣ, извѣстный до позднѣйшаго времени, указываетъ на то же.

Всѣ сіи имена исчезли уже, и не могли быть узнаны, а племена описаны, въ 13 или 14 вѣкѣ.

(68) Кар. II. пр. 417. (69) Кар. II, пр. 146. (70) Кар. II, пр. 279. (71) Кар. II, 297. (72) Кар. II, пр, 404. (73) Калайдовича Памятники Рус. Словесности XII вѣка, с. 180.

Имена *Сѣверы*, *Волынянъ*, *Бужанъ*, *Полочанъ*, присоединились къ землѣ, на которой они жили: Новгородъ Сѣверскій, Владиміръ Волынскій и проч.

—

Еще болѣе это сказать можно о племенахъ Финскихъ, описанныхъ въ нашей лѣтописи, которыхъ еще рѣшительнѣе нельзя было знать и такъ вѣрно размѣстить, ни въ 13 ни въ 14 вѣкѣ, когда прекратились связи Юга съ дальнимъ Сѣверо-Востокомъ. Какъ вѣрно отыскиваетъ ихъ Шегренъ по указаніямъ лѣтописи!

—

„Бѣша бо ходяще, *аки се Половци*," сказано объ Уграхъ при Олегѣ. Такое сравненіе употребляется въ лѣтописи и въ другихъ мѣстахъ. Ясно, что это писано до Монголовъ, которые въ 13 столѣтіи отчасти истребили, отчасти принудили Половцевъ удалиться изъ южныхъ нашихъ странъ далѣе на Западъ.

—

Въ 13 и 14 вѣкѣ, въ періодъ Монголовъ, (которые, скажу кстати, упущены совершенно изъ виду нашими новыми невѣжами, — какъ будто бы Монголовъ и не бывало!) Кіевъ былъ опустошенъ совершенно, выжженъ, обезлюденъ. Остальные жители разошлись по другимъ Княженіямъ, особенно въ Галичь; и самый Митрополитъ (1299 г.) переѣхалъ во Владиміръ. Современный путешественникъ Плано-Карпини (1246) именно говоритъ, что большая часть жителей была истреблена или от-

ведена въ плѣнъ (74). Монахъ западной церкви, очевидецъ, именемъ Іакинѳъ, описалъ Папѣ разореніе Кіева (75). Позднѣйшіе лѣтописатели, напр. Польскій Длугошъ, свидѣтельствуютъ то же. Не только лѣтописи, но житія Святыхъ, Святыхъ Кіевскихъ, первая драгоцѣнность монастыря Печерскаго, пропала. Кому и гдѣ было думать тогда о сочиненіи лѣтописей? Монастыри Кіевскіе и самый Печерскій опустѣли. Монахи скрылись. Вотъ почему мы не знаемъ почти ничего о произшествіяхъ 13 и 14 вѣка, въ здѣшней области, кромѣ того, объ чемъ случилось упомянуть стороною Волынскому лѣтописателю. Мы не знаемъ даже, когда именно досталcя Кіевъ Литвѣ, и проч. Въ надгробной надписи обновителя Печерской церкви Симеона Олельковича, Князя Слуцкаго, сказано, что сія церковь со времени Батыя 233 года оставалась только въ щебнѣ (76). Замѣтимъ, что большая часть лучшихъ списковъ лѣтописи оканчивается 12 или началомъ 13 вѣка — доказательство, что ихъ подлинники писаны до Татаръ; иначе они были бы продолжены, заключали бы описаніе нашествій.

Своего времени не кому было тогда описывать въ Кіевѣ, между тѣмъ какъ всѣ главные го-

(74) Плано-Карпини, въ переводѣ Языкова, с. 9,155. У Кар. IV, с. 41. (75) Кар. IV, пр. 9.

(76) Надпись эта у Кальнофойскаго, см. Евгеніево описаніе Печерской Лавры, с. 21.

рода Русскіе имѣли своихъ лѣтописателей, — кто же могъ думать о древнемъ, давно-прошедшемъ?

Какіе источники можно было имѣть не только для лѣтописи, но даже для сказокъ. Можно ли въ 13 или 14 вѣкѣ сочинить цѣлую генеалогію Князей удѣльныхъ 11 и 12 вѣка, такую сложную (слишкомъ 300 лицъ) и правильную, — которая однакожъ оправдывается многими свидѣтельствами, иностранными и отечественными, грамотами, приписками, предисловіями и послѣсловіями. Какъ можно было ихъ не перепутать?

Какъ можно было выдумать такое множество войнъ междоусобныхъ, и для каждой пріискать причину?

Откуда можно было, не бывъ современникомъ, набрать погодно всѣ сіи явленія кометъ, затмѣнія солнца, которыя рѣшительно подтверждаются лѣтописями Астрономіи?

Какъ можно было означить дни произшествій 11 вѣка, съ объясненіемъ, въ какой день недѣльный случилось то или другое произшествіе, какіе праздники приходились въ одинъ день, на примѣръ Лазарево Воскресенье и Благовѣщенье (въ 1111 году)? Какъ и откуда упомнить браки, засвидѣтельствованные иностранными лѣтописями? означить дни рожденій и кончинъ (77), кои всѣ оказываются согласными между собою, со всѣми обстоятельства-

(77) Напр. Ярославъ умеръ въ Дмитріеву суббошу. Кар. II, пр. 50. и тому под.

ми? Какъ въ тысячахъ показаній нигдѣ не сбиться! Однимъ словомъ — только люди сумасшедшіе или безумные могутъ дѣлать такія нелѣпыя предположенія! —

Этого довольно, но, если угодно, вотъ и еще соображенія:

Если бы Лѣтопись была сочинена въ 14 вѣкѣ, то она не могла бы попасть въ начало всѣхъ частныхъ Лѣтописей и на Волынь, и въ Кіевъ, и въ Новгородъ, и въ Псковъ. Всякой выдумалъ бы по своему, и какова бы путаница произошла въ выдумкахъ. А мы видѣмъ у всѣхъ одно. Какъ же она очутилась вездѣ?

Если Лѣтопись сочинена въ 14 вѣкѣ, то почему нѣтъ въ ней сказокъ о 13, 12 вѣкѣ? Гдѣ граница сказокъ, тамъ начало Лѣтописателей-современниковъ.

Въ 14 или 13 вѣкѣ нельзя знать имени земли Волошской, которое давно уже вышло изъ употребленія въ нашей сторонѣ? Отъ кого узнать въ 14 вѣкѣ объ austur-vigi или wester-vigi Норманновъ, давно уже въ то время переставшихъ ѣздить по симъ путямъ въ Грецію? Какъ сочинить сказку (Олегову) о купеческомъ путешествіи въ Грецію въ 14 вѣкѣ, когда путешествія Норманновъ давно прекратились? Какъ узнать о походахъ на Грецію? Отъ кого? А походы сіи засвидѣтельствованы иностранцами. Какъ въ 14 или 13 вѣкѣ могли Радимичи везти повозъ? Кому? Послѣ Монголовъ и Радимичей не стало! и проч. и проч. и проч.

—

Въ Новѣгородѣ всего менѣе могла быть, въ 13, или 14 вѣкѣ, сочинена Лѣтопись о Кіевѣ. Это сущая нелѣпость: всякой Лѣтописатель писалъ только о произшествіяхъ своего города. Въ 13 и 14 вѣкѣ при Монголахъ и Литовцахъ прекратилось почти совершенно сообщеніе между Новымгородомъ и Кіевомъ и проч. (См. выше с. 17—18).

—

Г. Руссовъ говоритъ весьма справедливо: „весьма ясно, что твореніе, приписываемое Нестору, въ XII столѣтіи не могло быть написано. Нынѣ, смотря на одну строку синхронической таблички, видимъ имена Государей, Государства и событія всего свѣта и всякаго столѣтія, какого угодно; но въ XIV столѣтіи такихъ табличекъ еще не было, и Рускому человѣку тогда не только лѣтописи IX и X столѣтій, но ниже десяти строкъ безъ анахронизмовъ написать было не можно, потому что въ твореніи, приписываемомъ Нестору, почти нѣтъ ни одного анахронизма: всѣ имена лицъ, названія городовъ и урочищъ, характеры народовъ и самыхъ происшествій, изображены, какъ очевидцемъ IX и X столѣтій. Чтобъ написать такую Лѣтопись въ XIV столѣтіи, надобно было имѣть нынѣшнюю Императорскую библіотеку и еще нѣсколько партикулярныхъ; безъ того даже и выдумать Несторовой Лѣтописи въ XIV вѣкѣ было не возможно; ибо тогда многое изъ бывшаго въ IX и X столѣтіяхъ измѣнилось, многое и совсѣмъ уже съ лица земли было изглажено. Это мы узна-

ли гораздо позже, и то отъ иностранныхъ современныхъ писателей.“

—

Прибавимъ, что эта лѣтопись сопряжена еще неразрывно съ сотнями другихъ свидѣтельствъ историческихъ, и филологическихъ памятниковъ!

—

Послѣ всѣхъ сихъ продолжительныхъ и упомительныхъ изысканій смѣло заключаю: первоначальная Лѣтопись наша составлена въ концѣ 11 и началѣ 12 вѣка.

—

Въ дополненіе укажемъ здѣсь на нѣкоторые слѣды существованія древнихъ Русскихъ Лѣтописателей у писателей иностранныхъ:

Древнѣйшій Лѣтописатель Пруссовъ, Епископъ Христіанъ, (писавшій около 1210—1239), пользовался при составленіи своего сочиненія одною Лѣтописью на Русскомъ языкѣ, Греческими (то есть Кирилловскими) буквами, которую доставилъ ему Пресвитеръ Ярославъ Плоцкій (изъ Плоцка въ Мазовіи или Полоцка?) для употребленія. Христіанова Лѣтопись пропала, но отрывки изъ нея сохранились у позднѣйшихъ Лѣтописателей Луки Давида и Симона Грунау. (78).

Чья бы и какая бы ни была эта Лѣтопись, достовѣрно то, что около 1200 г. Русскіе имѣ-

(78) Ioh Voigts Geschichte Preussens. Konigsberg. 1827. Ч. I. с. 623 — 624. Шафарика Славянскія древности. Книга I, с. 52.

ли Лѣтописи на своемъ языкѣ, бывшія извѣстными ихъ сосѣдямъ.

—

Г. Нарбуттъ говоритъ о вновь найденной Хроникѣ Быховца: „По моему мнѣнію Хроника Быховца есть копія съ Лѣтописи Русской, написанная Польскими буквами для кого-то не умѣвшаго читать по Русски, безъ сомнѣнія для Поляка, жившаго въ XVII вѣкѣ. — Разсматривая внимательно эту Лѣтопись, можно примѣтить, что оригиналъ составленъ изъ трехъ особыхъ хроникъ. Первая, простирающаяся до смерти Мендога, имѣетъ мѣста, образъ выраженія и оригинальность описаній, доказывающія, что она принадлежитъ къ древнѣйшимъ историческимъ памятникамъ Литовскимъ; даже слѣдуетъ догадываться, (?) что она была писана на другомъ языкѣ, а на Русскій только переведена. Вторая часть на с. 15 начинается словами: Potom że seyme wremia ne mało, y w oseni ubit byst Weliki Kniaż Litowski Mindowh. Тутъ хроника гораздо яснѣе; очевидно, что оригиналъ былъ писанъ по Русски; обо всѣмъ разсказывается понятно, въ порядкѣ происшествій мало хронологическихъ ошибокъ, хотя и есть нѣсколько промаховъ, или въ спискѣ не достаетъ нѣсколько мѣстъ подлинника. Третья часть начинается 1320 годомъ.“ (79).

(79) См. Журналъ Мин. Народ Просвѣщенія, 1838, Іюль, с. 108—114.

Желательно видѣть скорѣе эту Лѣтопись въ печати.

—

Теперь обратимся къ послѣднему вопросу, вопросу маловажному, въ сравненіи съ предыдущими, вопросу историческаго любопытства, а не нужды: кѣмъ положено основаніе нашимъ лѣтописямъ, сочиненное по предложенному изслѣдованію въ 11 вѣкѣ, въ томъ видѣ, какъ оно теперь дошло до насъ, — Павломъ или Павлиномъ, Василіемъ или Василискомъ, Несторіемъ или Несторомъ.

ЛѢТОПИСЕЦЪ НЕСТОРЪ.

Кѣмъ положено основаніе нашимъ Лѣтописямъ?

Я сказалъ прежде, что этотъ вопросъ ниже прежнихъ, и если важность перваго о достовѣрности древней Русской Исторіи, мы условимся выразить числомъ 9, то второй, о достовѣрности нашихъ Лѣтописей, будетъ равенъ 6, третій, о времени ихъ сочиненія 4, а для этого едва останется 2; сочиненіе написано тогда то, тамъ то,— не все ли почти равно для насъ, въ смыслѣ историко-критическомъ, какъ бы ни звали сочинителя.

Начало Лѣтописи приписывается у насъ монаху Кіево-печерскаго монастыря, *Нестору*.

До нашего времени никто не сомнѣвался у насъ въ этомъ мнѣніи, или лучше общемъ преданіи, и никто потому не заботился о подтвержденіи его доказательствами, о сообщеніи ему ученой формы. Радуюсь случаю, по которому эта обязанность досталась мнѣ. Вотъ мои доказательства:

На спискѣ Хлѣбниковскомъ, по свидѣтельству Карамзина, принадлежащемъ къ XV или XVI вѣку, поставлено *Имя Нестора* (1).

(1) Кар. I, XXVII. Я видѣлъ снимокъ этого заглавія съ именемъ Нестора, въ бумагахъ покойнаго Митрополита Евгенія, въ Воронежѣ, въ нынѣшнемъ году.

Имя Нестора находилось еще на трехъ спискахъ Татищевскихъ: Раскольничьемъ, оканчивавшемся 1107 годомъ, („которой былъ весьма древняго письма на пергаментѣ, и оной для древности нарѣчія и начертанія кромѣ того раскольника никто списать не могъ,“) Голицынскомъ, которой кончился также около этого времени, и Іосифовскомъ (съ юсами) (2). Не съ чего предположить, что Татищевъ выдумалъ эти извѣстія? Для какой бы цѣли онъ это сдѣлалъ? Не сказалъ же онъ, что имя Нестора есть на спискѣ напримѣръ Кенигсберскомъ! Напротивъ — онъ именно замѣтилъ, что тамъ нѣтъ его. Вообще описанія Татищевскія, судя по сохранившимся рукописямъ, очевидно добросовѣстны, вѣрны, слѣдовательно показаніе его объ имени Нестора на трехъ древнихъ спискахъ, до насъ не дошедшихъ, имѣетъ полную цѣну для критики: онъ описалъ нѣсколько списковъ, изъ коихъ одни дошли до насъ, другіе пропали; дошедшіе, видимъ мы, описаны вѣрно. Слѣдовательно и потерянные также. Татищевъ незналъ вѣдь какіе списки пропадутъ, какіе останутся. См. выше с. 25. Притомъ — Татищевъ не могъ предполагать нынѣшнихъ сомнѣній о Несторѣ, слѣдовательно ему не было никакой нужды предупреждать ихъ выдумками.

Миллеръ также говоритъ, что имя Нестора есть на нѣкоторыхъ спискахъ (3).

(2) Татищевъ I, 53, 64.
(3) Ежемѣсячныя сочиненія; 1755, т. 1. с. 281.

Въ Воскресенскомъ спискѣ, въ коемъ по свидѣтельству Карамзина и по моимъ собственнымъ замѣчаніямъ очень много важныхъ прибавленій противъ другихъ списковъ, Лѣтописатель при описаніи перенесенія мощей Ѳеодосія, говоря о своемъ участіи, прибавляетъ: азъ грѣшный, иже и Лѣтописанье се в то время писахъ. (4). Положимъ — это вставка переписчика, (ибо сіи слова находятся только въ одномъ этомъ спискѣ), но она показываетъ, что перепищикъ считалъ Лѣтопись сочиненіемъ Нестора (5).

Въ одномъ сборникѣ Архивскомъ, XV вѣка, принадлежавшемъ Императрицѣ Екатеринѣ, а нынѣ хранящемся въ библіотекѣ Московской Коллегіи иностранныхъ дѣлъ Архива, противъ словъ Лѣтописи: „къ нему же и азъ пріидохъ худый," на полѣ тою же рукою приписано Нестеръ (6).

На лучшемъ спискѣ Лѣтописи, Ипатьевскомъ, писанномъ по мнѣнію Карамзина въ XIV вѣкѣ, имѣющемъ въ нѣкоторыхъ важныхъ мѣстахъ, *впродолженіи одиннадцатаго столѣтія*, пробѣлы, указывающіе на древность его подлинниковъ, написано

(4) Кар. II, пр. 151.

(5) Вотъ малое доказательство, къ числу прочихъ, о важности прибавленій. Смотри кстати извѣстія помѣщенныя у Кар. II, пр. 114.

(6) Труды Общ. Истор. VIII, с. 251. (Эта рукопись предложена была А. Ѳ. Малиновскимъ, въ собраніи Общества, и всѣ члены разсматривали приписку).

въ заглавіи: Повѣсть временныхъ лѣтъ черноризца Θеодосьева монастыря Печерскаго.

Точно тоже написано въ заглавіи другаго важнаго списка, Кенигсберскаго (7).

Замѣтимъ, что и Несторъ именно называетъ Печерскій монастырь Θеодосіевымъ (8).

Спрашиваю: какъ могли всѣ сіи переписчики, жившіе въ разныя времена, въ разныхъ мѣстахъ, поставить на своихъ спискахъ имя Нестора, еслибъ оно не дошло до нихъ по общему, повсемѣстному живому преданію. Отъ чего они сошлись въ своемъ подлогѣ! Отъ чего одинъ не написалъ Нестора, а другой Θеодосія, а третій Варлаама? Почему приписали они Нестору, простому монаху 11 столѣтія, а не другому какому лицу значительнѣйшему?

Ни какъ нельзя предположить, что всѣ списки принадлежатъ къ одному роду и списаны другъ съ друга, то есть, что одинъ перепищикъ, написавшій имя Нестора, повторился во всѣхъ слѣдующихъ, и слѣдовательно всѣ ихъ свидѣтельства равняются одному. Нельзя, ибо они писаны въ разныя времена, въ разныхъ мѣстахъ, и содержатъ разныя прибавочныя извѣстія, (напримѣръ списокъ Раскольничій, Воскресенскій), и оканчиваются различно, одинъ раньше, въ сравненіи съ другимъ,

(7) См. Перевощикова.

(8) Кар. II, прим. 158.

другой позднѣе; третій пропускаетъ даже нарицательное имя, четвертой вставляетъ имя совершенно въ иномъ мѣстѣ.

Слѣдовательно списки, дошедшіе до насъ, списаны съ разныхъ списковъ пропавшихъ, и свидѣтельства ихъ, кому принадлежитъ подлинникъ, имѣютъ каждый свою собственную силу, поодиначкѣ.

И странно было бъ думать, даже безъ всякихъ разсужденій, что до насъ дошелъ именно одинъ розрядъ списковъ, а всѣ прочіе, которые могли бъ намъ доставить другія заключенія, потерялись какъ нарочно.

(Но еслибъ даже и уравнять ихъ, (что невозможно), одному списку-родоначальнику, списку, *современному съ подлинникомъ*, (ибо инаковаго предположить уже нельзя въ такомъ случаѣ), то вопросъ останется тотъ же: какъ попалось ему, древнему переписщику, имя Нестора? За чѣмъ онъ поставилъ это дьяконское имя? Смѣлъ ли онъ обманывать въ глаза современниковъ и своихъ товарищей? За чѣмъ два переписщика оставили только званіе лѣтописателя, а не имя? Читатели видятъ, что это предположеніе доводитъ до нелѣпостей.)

Что ни говорятъ, что ни скажутъ, а преданіе, ясное, видное для меня изъ всѣхъ заглавій, преданіе древнее, *современное сочиненію*, очень важно. Изъ монастыря Кіевопечерскаго оно распространилось по всѣмъ Русскимъ монастырямъ, которые имѣли безпрерывную связь между собою,

и особенно съ Печерскимъ, откуда получали по большей части Епископовъ, Архимандритовъ), (9), и было замѣчено монахами-переписчиками.

Безъ всякаго сомнѣнія въ надписи или заглавіи подлинника не было имени сочинителя: это было несогласно съ его скромностію, несогласно съ обычаемъ; мы не видимъ именъ и въ позднѣйшихъ лѣтописяхъ, да и въ другихъ сочиненіяхъ.

Имя сочинителя лѣтописи начали вставлять переписчики (10). Извѣстно, въ какомъ почетѣ вездѣ были первыя сочиненія, первыя лѣтописи; слава объ нихъ разносилась по всему грамотному міру между современниками, которые и сохраняли оное при случаѣ.

Я думаю, что настоящее, собственное Несторово заглавіе, сохранилось въ Ипатьевскомъ и Кенигсбергскомъ спискахъ: Повѣсть временныхъ лѣтъ черноризца Өеодосіева монастыря Печерскаго! Какъ ясно выражается въ ней смиреніе, простота Печерскаго отшельника XI вѣка!

(9) Памятники Рос. Слов. 12 вѣка, с. 265.

(10) Такихъ примѣровъ множество въ Исторіи Литтературы.

„Къ Римлянамъ посланіе Св. Апостола Павла." Надписаніе сіе, говоритъ Воскресное чтеніе, 1838, N 14, должно быть сдѣлано Церковію, получившею сіе посланіе, при снятіи списка съ подлинника, или при внесеніи многихъ посланій въ одну книгу. На Греческомъ спискѣ посланія есть древнее надписаніе: къ Римляномъ писано изъ Коринөа чрезъ Өиву діакониссу церкви въ Кенхреѣ.

Всѣ предложенныя показанія списковъ о сочиненіи лѣтописи именно Несторомъ, монахомъ Кіевопечерскимъ, сами по себѣ уже очень важны, достаточны, но онѣ еще болѣе утверждаются лицами близкими къ его времени, не подверженными никакому сомнѣнію, и принятыми отъ всѣхъ единогласно. Тамъ находимъ мы уже окончательныя, удовлетворительныя, доказательства:

Въ посланіи Печерскаго Поликарпа къ Архимандриту Акиндину, (1228), посланіи, котораго достовѣрность принимаетъ самъ Г. Строевъ, отвергающій, по какимъ-то тайнымъ причинамъ лѣтопись Несторову, (11), вотъ что сказано при окончаніи житія Агапитова: но аще повелитъ ми твое преподобствіе написати, ихже ми умъ постигнетъ и въ память принесетъ; аще тебѣ непотребно будетъ, но сущимъ по насъ пользы ради оставимъ. Якоже блаженный *Нестеръ въ Лѣтописцѣ* написа о преподобныхъ отцѣхъ, о Даміанѣ, Іереміи, и Матѳеи и Исакьи; въ житіи Святаго Антонія; вся си вписана суть житія ихъ, аще и вкратцѣ и пр. (12).

Какого доказательства сильнѣе? Лице историческое, близкое къ Нестору, инокъ монастыря, въ которомъ онъ жилъ, свидѣтельствуетъ въ документѣ, котораго не смѣетъ оспорить изслѣ-

(11) См. его вышеупом. статью с. 155.

(12) Синодальный списокъ подъ N. 945, с. 75. Въ другомъ (?) спискѣ, бывшемъ у Тимковскаго подъ N. 431, на с. 68. Труды Моск. Общества Исторіи и Древ. Рос. 1, с. 67.

дователь, принимающій мнѣніе противное! Я немогу придумать, какъ можно опровергнуть это свидѣтельство.

Справимся въ Лѣтописи. Есть ли тамъ описаніе жизни Даміана, Іереміи, Матвѣя, Исаакія? Только тогда вѣдь слова Поликарпа получатъ для насъ доказательную силу; только тогда мы удостовѣримся, что Поликарпъ говоритъ точно о томъ Лѣтописцѣ, которой и мы приписываемъ Нестору, а не о какомъ-либо иномъ. Въ противномъ случаѣ, если мы не найдемъ тамъ сихъ жизнеописаній, мы должны будемъ заключить, что наша лѣтопись не есть Несторова, а другая, Несторова же пропала.

Развертываемъ лѣтопись, и находимъ сіи самыя житія, которыя Архимандритъ Поликарпъ читалъ въ Несторовой лѣтописи, въ томъ же порядкѣ, видѣ и числѣ, и теперь еще во всѣхъ лучшихъ спискахъ, по свидѣтельству Профессора Тимковскаго. Горячій слѣдъ правды!

Слѣдовательно та лѣтопись, въ которой находятся изчисленныя житія, принадлежитъ Нестору.

—

И еще есть мѣста у Поликарпа, въ которыхъ именно называетъ онъ Нестора Лѣтописателемъ:

Въ житіи Св. Никиты затворника находится слѣдующее исчисленіе Святыхъ Отцевъ Печерскихъ, приходившихъ молиться о своемъ товарищѣ, по

древнѣйшему списку писанному въ 1406 году, которымъ мнѣ удалось пользоваться по благосклонности Ржевскаго купца Берсенева: „Сего не терпяще преподобнии ти мужи Никонъ игуменъ, Іоанъ иже бысть по немъ Игуменъ, Пуминъ постникъ, Матфѣи прозерливець, Исакѣи святыи печерникъ, Агапитъ лѣчець, Григории чюдотворець, Никола, иже бысть послѣ же Епископъ Тьмутороканю, *Нестеръ, иже написа Лѣтописець*, Григории, творець канунамъ, Феоктистъ, иже бысть Епископъ Чернигову, Онисифоръ прозорливець, си вси приидоша богоносци къ прелщеному и помолившеся и проч. (13).

Въ житіи Пимена сказано: во время же преставленія его, явишася тріе стопли надъ трапезницею, и оттуду на верхъ церкве придоша, о нихъ же речено бысть и *въ лѣтописцы*.

—

Въ дополненіе скажемъ: Нетлѣнныя мощи Преподобнаго Нестора почиваютъ въ ближнихъ пещерахъ, и извѣстны искони подъ именемъ мощей *Нестора-лѣтописателя*.

И вотъ что еще очень примѣчательно: въ дальнихъ пещерахъ почиваетъ другой Несторъ, которой прозывается *некнижнымъ*, (14). (Это прозваніе находится и въ древнемъ описаніи пещеръ Кальнофойскаго).

—

(13) См. приложенный facsimile. Въ синодальномъ спискѣ это извѣстіе на с. 65 на оборотъ.

(14) См. Евгеніево описаніе Лавры, 1826 с. 150.

Прозваніе лѣтописателя придается Нестору и нашими святцами (15).

—

Послѣ всѣхъ сихъ доказательствъ положительныхъ, позволительно привести свидѣтельство Патерика, сочиненнаго, какъ говоритъ Г. Строевъ, въ 1460 (16), и напечатаннаго въ первой разъ въ 1661 году.

Патерикъ приписываетъ дѣйствія, разсказанныя въ лѣтописи отъ перваго лица, — прибытіе въ Печерскій монастырь 17 лѣтъ, и открытіе мощей Преподобнаго Ѳеодосія, — именно Нестору; слѣдовательно Лѣтопись писанная симъ первымъ лицемъ принадлежитъ Нестору.

(На этомъ одномъ умозаключеніи прежніе изслѣдователи и приписывали Лѣтопись Нестору — Татищевъ (17), Миллеръ (18), Шлецеръ (19), Карамзинъ (20); съ этого умозаключенія начиналъ прежде и я свои доказательства. Свидѣтельство Патерика, разумѣется, есть свидѣтельство позднее, но не можетъ же быть, чтобъ сочинители на обумъ приписали Нестору такія извѣстныя дѣйствія, а равно и лѣтопись. Въ соединеніи съ предыдущими доказательствами, напримѣръ Поликарповымъ, оно получаетъ значительную силу).

(15) Когда дождемся мы розысканія о нашихъ святцахъ отъ П. И. Кеппена?

(16) Въ вышеприведенной статьѣ с. 161. (17) 1, 53. (18) Ежем. сочиненія 1,279. (19). ШН. (=Шлец. Несторъ) I. п̃—ѐі̃. (20) 1, XXVII.

Въ житіи Несторовомъ, находящемся въ печатномъ Патерикѣ, и неизвѣстно когда и кѣмъ сочиненномъ (21) сказано: „поживе же лѣта довольна *труждаяся въ дѣлахъ лѣтописанія,* и лѣта вѣчная поминая, и тако добрѣ угоди Творцу лѣтъ; къ нему же по лѣтахъ временныхъ довольныхъ преставися на вѣчность.“

Въ другомъ мѣстѣ на *л.* 68 издатели дѣлаютъ слѣдующее замѣчаніе: по семъ сказаніи блаженнаго Епископа Симона начинаются паки житія Святыхъ, написанныя блаженнымъ Несторомъ, отъ нихъ же житіе Святаго Стефана, Никона, Варлаама, Ефрема, Исаіи и Даміана воспоминаетъ блаженный Несторъ на различныхъ мѣстахъ въ житіи Преподобнаго Θеодосія. Наченъ же паки отъ Святаго Даміана, житіе Святаго Іереміи, Матθея и Исакія, воспоминаетъ *той же* въ своемъ *лѣтописаніи.*

Предложимъ здѣсь кстати въ пользу нашего мнѣнія нѣкоторыя соображенія Г. Кубарева, отъ котораго мы ожидаемъ обстоятельнаго изслѣдованія о Патерикѣ.

„Житіе Θеодосія,“ приписываемое нынѣ Нестору и Г. Строевымъ (22), „доказываетъ принадлежность

(21) Почему Татищевъ приписываетъ оное Нифонту, Епископу Новогородскому, скончавшемуся въ 1156 году? 1, 53, 54.

(22) Отвѣтъ на возраженія Тимковскаго см. у Кубарева. О доказательствахъ Перевощикова мы не знаемъ еще ничего.

ему и лѣтописи, ибо въ такомъ только случаѣ можно объяснить умолчаніе въ лѣтописи разныхъ обстоятельствъ, помѣщенныхъ въ житіи. Видно, что Несторъ не хотѣлъ повторять себя: относящееся къ жизни Ѳеодосіевой онъ описалъ въ житіи, а къ смерти, погребенію и открытію мощей, въ лѣтописи. Весьма не многое повторено, и то вкратцѣ, и для необходимой связи.

Прочитайте о чудесномъ виденіи Даміана въ обѣихъ сочиненіяхъ, говоритъ Г. Кубаревъ, и вы услышите одинъ и тотъ же голосъ, только въ послѣднемъ сочиненіи уже голосъ старца, повѣствующаго о такомъ событіи, для засвидѣтельствованія коего не было уже лицъ современныхъ. Назначеніе Игумена противъ желанія братіи при повѣствованіи объ успеніи Ѳеодосія немогло разсказано быть какъ по истеченіи долгаго времени: молодой человѣкъ не могъ еще порицать такъ въ глаза своихъ старшихъ товарищей.

Г. Кубаревъ замѣчаетъ, что даже нѣкоторыя ошибки въ лѣтописи могъ сдѣлать именно только одинъ Несторъ.

Онъ говоритъ также, что въ статьяхъ лѣтописи помѣщенныхъ позднѣйшими составителями въ нѣкоторые списки Патерика, вездѣ слѣдуетъ имя Нестора.

—

Наконецъ замѣтимъ здѣсь лѣтопись Ѳеодосія Сафоновича, которая носитъ на себѣ вотъ какое заглавіе: Хроника зъ лѣтописцевъ стародавныхъ, зъ

Святого Нестора Печерского и иншихъ, такжe зъ Хроникъ Польскихъ о Русіи, отколь Русь почалася и о первыхъ Князехъ Рускихъ и проч. собранная працою... Игумена монастыря Михайловскаго (въ Кіевѣ) отъ Р. Х. 1672 (23).

—

Несторъ и лѣтописатель — два нераздѣльныя понятія у насъ впродолженіи вѣковъ, и всѣ свидѣтельства о бытіи Несторовомъ вмѣстѣ съ свидѣтельствами объ сочиненіи имъ Лѣтописи такъ соединены между собою, что раздѣлить ихъ совершенно невозможно.

Заключаю: По всѣмъ извѣстнымъ доселѣ историческимъ документамъ достовѣрно, что монахъ Кіево-печерскаго монастыря Несторъ, жившій въ концѣ 11 и началѣ 12 столѣтія, составилъ Лѣтопись, извѣстную у насъ теперь подъ его именемъ.

—

Въ избѣжаніе недоразумѣній замѣчу здѣсь, что Лѣтопись Нестора тотчасъ послѣ него, а можетъ быть и при немъ, по списку съ его сочиненія, была продолжаема — Василіемъ, также лицемъ 11 вѣка, который въ своемъ продолженіи и говоритъ отъ перваго лица при описаніи произшествія 1098

(23) Обстоятельное описаніе Славяно-Россійскихъ рукописей Библіотеки Графа Толстаго, с. 84 Замѣтимъ, что Лѣтопись Сафоновича оканчивается 1283 г., какъ и списокъ Волынской Лѣтописи.

года, въ коемъ ему доводилось принимать личное участіе. См. выше с. 32.

Нестору приписывается почти безпрекословно всѣми нашими изслѣдователями житіе Св. Бориса и Глѣба (24). Житіе это описано было и другими. Изслѣдованіе объ оныхъ мы ожидаемъ также отъ Г. Кубарева. Но здѣсь кстати обращу вниманіе на слѣдующее *важное* мѣсто, которое нашелъ я въ одномъ Борисовомъ житіи, помѣщенномъ въ Синодальномъ сборникѣ (с. 121): „А отъ Рогнѣды 4 сыны имѣяше (Владиміръ): Изяслава, Мьстислава, Ярослава и Всеволода, а отъ иныя Святослава и Мьстислава, а отъ Болгарыни Бориса и Глѣба, и посажаша я вся по разнымъ градомъ и странамъ въ Княженьи, сего же индѣ скажемъ, о сихъ же убо исповѣмы"... (далѣе продолжается рѣчь объ однихъ Борисѣ и Глѣбѣ), т. е. о тѣхъ мы будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ, индѣ, а здѣсь мы будемъ говорить о Борисѣ и Глѣбѣ.

Теперь обратимся къ вопросу: въ какомъ видѣ дошла до насъ Лѣтопись Несторова? Объ этомъ я имѣю мнѣніе, еретически-противоположное мнѣнію Шлецера и Стриттера, Миллера и Карамзина, Тимковскаго и Строева, Калайдовича и Арцыбышева, словомъ противоположное мнѣнію всѣхъ нашихъ изслѣдователей, о коемъ въ слѣдующей статьѣ.

(24) См. статья Г. Строева с. 153.

НЕСТОРОВА ЛѢТОПИСЬ.

Въ какомъ видѣ дошла до насъ лѣтопись Несторова?

Общее господствующее мнѣніе состоитъ въ томъ, что лѣтопись Несторова дошла до насъ искаженная и обезображенная, украшенная и подновленная, разпространенная и сокращенная позднѣйшими перепищиками, со множествомъ вставокъ и пропусковъ, новыхъ сказокъ и басень, отъ коихъ должно очищать ее критикѣ, — словомъ, совершенно не въ томъ видѣ, какой далъ ей сочинитель.

„На почтеннаго Нестора," говоритъ Шлецеръ, „бросались всѣ; начали перемѣнять его слогъ, выкидывать слова, прибавлять, сокращать, вводить свое, толковать; пріятную простоту его изуродовали какимъ-то краснорѣчіемъ; повѣствованія его, въ которыхъ нѣтъ ничего посторонняго, завалили разсужденіями. Но это еще не все. Какъ въ первомъ столѣтіи онъ очень кратокъ, потому что будучи честнымъ и умнымъ человѣкомъ, повѣствуетъ только то, что знаетъ, и пишетъ только о томъ, что принадлежитъ къ его Исто-

ріи, что его начинили выписками изъ Византійцевъ, а наконецъ и глупыми бреднями, которыя не прежде 15 столѣтія перешли въ Москву отъ сосѣдей, и утвердились Степенною книгою. И эти такъ жалко искаженные временники, все еще назывались Несторовымъ временникомъ." (1)

Всѣ наши послѣдующіе изслѣдователи повторяли эти слова такъ или иначе. Онѣ сдѣлались какъ бы общими мѣстами, и встрѣчаются во всякомъ изслѣдованіи, относящемся до Русской Исторіи.

Мнѣ было бы очень легко, удобно и безопасно, повторить ихъ здѣсь, и такимъ образомъ уклониться отъ объясненія всѣхъ противорѣчій и несообразностей, отвѣтить однимъ разомъ на всѣ возраженія, прошедшія, настоящія и будущія, обратить всѣ вины на позднѣйшихъ переписчиковъ, и провозгласить торжественно: въ Несторѣ, точно, есть множество вещей мудреныхъ, но онѣ безъ всякаго сомнѣнія принадлежатъ не ему, и слѣдовательно никакъ не могутъ возбуждать недовѣрчивость къ его лѣтописи.

Это было бы для меня безопасно — подъ хоругвею всѣхъ нашихъ критиковъ, высшихъ и низшихъ, безъ исключенія; легко, ибо я однимъ вѣрнымъ ударомъ разрубилъ бы всѣ Гордіевы узлы;

(1) Шлец. Нест. I, пѐ. И во всѣхъ пяти частяхъ онъ повторяетъ безпрестанно тоже.

удобно, ибо я избавлялся бы отъ всѣхъ новыхъ разысканій и толкованій. „Вотъ произшествіе, о которомъ Несторъ не могъ знать,“ сказали бъ мнѣ противники. Несторъ и не зналъ объ немъ, отвѣчалъ бы я, а оно прибавлено перепищикомъ. — „Вотъ переводъ изъ писателя, о которомъ Нестору слышать было невозможно.“ Такъ что же — переводъ сдѣланъ послѣ, и вставленъ въ лѣтопись. „Вотъ слово пятнадцатаго столѣтія.“ Да оно и попало въ лѣтопись въ 15 столѣтіи, а Несторъ разумѣется объ немъ и не думалъ. Милостивые Государи, — такъ заключилъ бы я свой отвѣтъ, — все что вы говорите теперь, было уже предусмотрѣно, обдумано и сказано прежде васъ, гораздо яснѣе и сильнѣе, Шлецеромъ. Напрасно вы полагаете, что вами открывается что-то новое. Перечтите слова его, приведенныя въ началѣ разсужденія, и согласитесь, что вы начали спрашивать о томъ, на что уже давно сдѣланъ былъ отвѣтъ въ историко-критической Литтературѣ.

Послѣ такой рѣшительной отповѣди я могъ бы спокойно продолжать свои изслѣдованія, основываясь на Несторовой лѣтописи.

Но я ищу истины, я не могу скрывать тѣхъ затрудненій, которыя я нашелъ на пути своихъ разысканій, хотя бы ихъ и невидали мои противники, — и потому подвергаю себя новымъ возраженіямъ, завожу новое дѣло.

Нельзя ссылаться съ Шлецеромъ на переписчиковъ ; нельзя обвинять вставщиковъ, со всѣми нашими изслѣдователями : лѣтопись дошла до насъ въ томъ видѣ, въ какомъ написана первымъ своимъ сочинителемъ, что касается до происшествій и ихъ послѣдовательности.

Что это значитъ ? Возможно ли ? слышу я около себя восклицанія изумленныхъ противниковъ и последователей.

Да, я повторяю, лѣтопись дошла до насъ въ первоначальномъ своемъ видѣ, что касается до ея сущности.

Прошу выслушать :

Возмите извѣстные списки Лѣтописи. Лаврентьевскій, на пергаментѣ, которой писанъ въ 1377 году; (замѣтимъ, что первые сорокъ листовъ въ немъ писаны другимъ почеркомъ, древнѣйшимъ, сплошь, не монахомъ Лаврентіемъ, какъ утверждалъ Г. Тимковскій. Г. Востоковъ о почеркѣ свидѣтельствуетъ то же. Лаврентій вѣрно только приписывалъ къ первой древнѣйшей тетради); Троицкій, также на пергаментѣ, которой принадлежалъ къ 15 вѣку, (если не къ 14); Ипатьевскій 14го вѣка, Хлѣбниковскій 15го вѣка, Радзивиловскій 16го вѣка; прочіе списки младшіе, какъ то Новогородскіе, съ приписками лицъ 11 столѣтія, Татищевскіе, Щербатовскіе, сколько объ нихъ судить можно по извѣстіямъ сихъ писателей, на-

конецъ отдѣльныя Лѣтописи, Псковскую, Кіевскую, Волынскую, кои всѣ начинаются Несторомъ.

Выньте изъ всѣхъ этихъ списковъ начало, то есть повѣствованіе до 12 столѣтія—что мы увидимъ?

Совершенное сходство въ главныхъ чертахъ. Всѣ извѣстія идутъ однимъ порядкомъ: древняя космографія; описаніе земель и народовъ во время Лѣтописателя, ближнихъ и дальныхъ, по происхожденію ихъ отъ сыновъ Ноевыхъ; Вавилонское столпотвореніе, разсѣяніе народовъ; первое пришествіе Славянъ съ Дуная; переселеніе Славянъ въ нашу сторону; возможное судоходство моремъ и рѣками въ Русь и изъ нея, и кругомъ южной Европы въ Русь и Константинополь; путешествіе Св. Апостола Андрея въ Русь; начало города Кіева; племена народныя въ Руси, и такъ далѣе. См. оглавленіе Шлецерово къ Нестору (2).

Слѣдовательно сіи извѣстія находились въ томъ же порядкѣ и въ тѣхъ спискахъ, съ которыхъ эти списаны.

Мы можемъ судить и объ тѣхъ, хотя приблизительно.

Они, разумѣется, были древнѣе своихъ копій, до насъ дошедшихъ. Къ этому прибавить должно слѣдующія соображенія: Лаврентьевскій оканчивается 1305 годомъ, слѣдовательно подлинникъ его, который бы то ни было, принадлежалъ къ началу

(2) И въ новѣйшихъ спискахъ, на примѣръ Никоновскомъ, также, кромѣ разпространеній и украшеній.

14 вѣка. Монахъ Лаврентій былъ человѣкъ добросовѣстный: онъ оставлялъ даже мѣста для тѣхъ словъ, которыхъ не могъ разобрать во своемъ подлинникѣ — такъ онъ не смѣлъ поставить имени при разсказѣ о мѣстѣ прибытія Рюрика и проч. „занеже книгы ветшаны, а оумъ молодъ недошелъ.“ Достаточное доказательство, что подлинникъ или какая либо часть его была очень древна: пергаментъ не скоро вѣтшаетъ.

Подлинникъ Радзивиловскаго списка, также который бы то ни было, принадлежалъ къ началу 13 столѣтія, ибо онъ оканчивается 1206 годомъ.

Подлинникъ Ипатьевскаго принадлежалъ къ концу 13 столѣтія, ибо онъ оканчивается 1296 годомъ. (3).

Воскресенскій списокъ, не смотря на свою новизну, указываетъ на древній подлинникъ своими особенными прибавленіями, въ коихъ заключаются несомнѣнныя истины.

Подлинникъ Софійскаго временника, съ котораго дошло до насъ такъ много списковъ, принадлежалъ къ концу 12 или началу 13 столѣтія. Г. Строевъ издавая его, затруднялся, къ какому

(3) Точно также догадывается Добровскій, глава филологическихъ критиковъ, о времени сочинителя Далматской Лѣтописи: Da diese Chronik nur bis 1079 geht, so ist zu vermuthen, dass ihre ursprüngliche Abfassung in diese Zeit gehöre, т. е. такъ какъ эта лѣтопись оканчивается 1079 годомъ, то должно догадываться, что она первоначально сочинена около этого времени. Въ Вѣстникѣ Европы 1824 г. No 24 с. 259 помѣщена была статья съ Польскаго, въ которой эта догадка ученаго Добровскаго весьма одобряется.

времени отнести его, незная, кто были Александръ и Исаакъ, до которыхъ обѣщался разсказывать Лѣтописатель въ началѣ своего труда словами: „мы же отъ начала Русьской земли до сего лѣта, и вся по ряду извѣстно да скажемъ, отъ Михаила Царя до Александра и Исакія.“ „Стоитъ только разыскать,“ говоритъ Г. Строевъ въ предисловіи (4), „кто были сіи послѣдніе, чтобъ узнать время, въ которое жилъ Лѣтописатель“ и потомъ: „не льзя точно опредѣлить времени, до котораго Временникъ сей продолжался, ибо онъ не дошелъ до насъ въ видѣ отдѣльномъ. Приводимые же выше Александръ и Исаакъ должны покамѣстъ остаться неизвѣстными.“ Въ замѣчаніи Г. Строевъ догадывался, не Посадники ли это Новогородскіе. Нѣтъ, они были не Посадники Новогородскіе, а Византійскіе Императоры, какъ и Михаилъ, съ котораго Лѣтописатель начиналъ свое сочиненіе. Это давно рѣшено уже Добровскимъ, и принято Шлецеромъ (5). Слѣдственно „до сего лѣта“ относится къ 1203 году. (Замѣчательно, что Радзивиловскій списокъ оканчивается именно около этого года).

Не говорю уже о родоначальникѣ списковъ, въ которыхъ Василій, современникъ Василька, внуковъ Ярославовыхъ, и Нестора, говоритъ о себѣ отъ перваго лица, принадлежавшемъ къ началу 12 столѣ-

(4) с. XIII.

(5) Смотри приложенія къ 5 части подлинника и къ 3 й перевода его Нестора, с. 681: „Александръ и Исаакъ“ здѣсь разумѣется Алексѣй Ангелъ и отецъ его.

тія, какъ и самой подлинникъ Несторовъ; о родоначальникѣ списковъ, въ которыхъ повторяется Сильвестрова приписка (6), принадлежавшемъ къ тому же времени. Не говорю уже о спискахъ Татищева, изъ которыхъ одинъ оканчивается 1197, другой 1239, третій 1198 годомъ, о спискахъ Щербатовскихъ.

И такъ всѣ главныя извѣстія, которыя мы находимъ въ нашихъ спискахъ 14, 15, 16 и 17 вѣковъ, находились точно также (кромѣ частныхъ отмѣнъ) и въ ихъ подлинникахъ 13, 12 и даже 11 вѣка.

Впрочемъ и безъ этихъ соображеній, мы можемъ, даже по нашимъ спискамъ, сходнымъ между собою, сдѣлать точно тоже заключеніе о первыхъ подлинникахъ.

Что же слѣдуетъ заключить изъ этого сходства?

Что всѣ сіи извѣстія принадлежатъ и подлиннику подлинниковъ, то есть самому Нестору.

Мнѣ не нужно предупреждать, надѣюсь, что я говорю здѣсь не о позднѣйшихъ сборникахъ, какомъ нибудь Никоновскомъ или Софійскомъ. Я говорю здѣсь о Лѣтописи по лучшимъ спискамъ.

(6) Къ сожалѣнію я не могу указать, въ какихъ именно спискахъ есть эта приписка. Когда же опишутся по крайней мѣрѣ наши списки?

Г. Перевощиковъ отчасти исполнилъ это желаніе, и описалъ нѣкоторые списки. Продолженіе ожидаемъ отъ Археографической коммиссіи.

Какія мѣста считаются вставками по правиламъ Исторической Критики, или лучше по здравому смыслу? Тѣ, особенно, кои находятся въ нѣкоторыхъ только спискахъ того или другаго древняго сочиненія, принадлежащихъ къ одному разряду, (при другихъ разумѣется признакахъ подлога). А какъ можно назвать вставкою такое мѣсто, напримѣръ, которое находится рѣшительно во всѣхъ его спискахъ?

Я никакъ не могу понять, какимъ образомъ наши Критики, изъ которыхъ иные были очень проницательны, не сдѣлали этого замѣчанія, необходимаго, неизбѣжнаго? Я думаю, что они слишкомъ много смотрѣли на слова, на буквы, а не оглядывали всего сочиненія вдругъ, — вотъ развѣ что можно сказать въ объясненіе этого страннаго затмѣнія.

Точно — мы находимъ много разницы въ словахъ, предложеніяхъ, строкахъ: одинъ переписчикъ напримѣръ написалъ *изъ* Руси, другой *къ* Руси; одинъ не разобралъ *Іоніи*, и написалъ *Онію*, а другіе *отъ нихъ*; одинъ написалъ *Норци*, другой *Норѣцы*, третьи *Инорици*, а четвертый *Иновѣрци*. Одинъ, не разобравъ слова, оставилъ для него мѣсто, другой написалъ сплошь слѣдующее слово, третій перемѣнилъ съ умысломъ (7), — но въ цѣ-

(7) Надъ этимъ-то и должна трудиться Критика, и трудиться много: цѣлое сочиненіе можетъ быть иногда такъ переписано, что во всякомъ словѣ будутъ заключаться ошибки, и слѣдовательно не смотря

ломъ, главномъ, она и теперь таже, что была всегда.

Да, въ большихъ грѣхахъ нельзя винить перепищиковъ. Всѣ такъ называемыя значительныя древнихъ списковъ вставки принадлежатъ самому Нестору, и Лѣтопись его дошла до насъ въ томъ видѣ, въ какомъ осталась отъ него. Это заключенiе необходимо слѣдуетъ, повторяю, изъ сходства всѣхъ списковъ въ цѣломъ.

И вотъ съ какой точки можно дѣлать возраженiя на Нестора, представлять сомнѣнiя, по крайней мѣрѣ правдоподобныя, благовидныя, если неистинныя, а объ ней нашимъ новѣйшимъ самозванцамъ-критикамъ и не приходитъ въ голову. Вотъ бремя, которое я самъ кладу на себя, и которое мнѣ можетъ быть тяжело будетъ нести.

на подлинность, полноту, нельзя бываетъ употребить оное въ дѣло. Этого замѣчанiя впрочемъ не должно примѣнять къ нашей Лѣтописи, въ которой, по сличенiи списковъ, можно добраться смысла, и тогда, какъ намъ понадобятся частности.

ИСТОЧНИКИ
НЕСТОРОВОЙ ЛѢТОПИСИ.

Приступаемъ къ любопытному вопросу: откуда Несторъ могъ почерпать свои извѣстія? Мы будемъ спокойнѣе, если разрѣшимъ себѣ удовлетворительно этотъ вопросъ, хотя впрочемъ и въ противномъ случаѣ можемъ изъявить только свое сожалѣніе, но никакъ не смѣемъ отрицать. Сколько сомнѣній въ 18 вѣкѣ наведено было на Иродота, касательно его извѣстій объ Египтянахъ, Вавилонянахъ, Скиѳахъ и проч.: откуда взялъ онъ то или другое извѣстіе? твердили съ недовѣрчивостію многіе знаменитые критики (не наши). „Откуда бы то ни было," отвѣчаютъ новые путешественники, „но его слова доказываются нашими открытіями, и ваши подозрѣнія несправедливы." Но это мимоходомъ.

Источниками Нестору были:

1 Какія нибудь прежнія записки, церковныя или монастырскія, хронографическія отмѣтки, и тому под.

Слѣды сихъ записокъ очевидны въ Лѣтописи. Разсмотрите ея начало — въ нѣсколькихъ мѣстахъ разсказъ начинается однѣми и тѣми же словами:

„Поляномъ же жившимъ особѣ," и потомъ описывается путь изъ Варягъ въ Греки. (1).

(1) НЛ. с. 4.

На слѣдующей страницѣ опять: „Полемъ же жившемъ особѣ,“ и потомъ описывается Кіевъ. (2).

Еще чрезъ страницу опять: „Полемъ же живоущемъ особѣ“ и потомъ описываются разныя племена (3).

Не можетъ быть, чтобъ всѣ сіи мѣста писаны одною рукою.

Какъ объяснить безпорядокъ, въ которомъ слѣдуютъ иныя извѣстія, на пр. за описаніемъ племенъ Славянскихъ въ нашей сторонѣ слѣдуетъ описаніе сообщенія по рѣкамъ, потомъ путествіе Св. Апостола Андрея, потомъ говорится о Кіевѣ, опять о племенахъ, потомъ о Болгарахъ, Уграхъ, Обрахъ, и опять о племенахъ, о обычаяхъ разныхъ народовъ и т. д. (4).

Нѣтъ сомнѣнія, что нѣкоторыя изъ сихъ мѣстъ вставлены.

Но мы въ предыдущемъ разсужденіи вывели слѣдствіе, что вставокъ не было сдѣлано въ Несторовой Лѣтописи.

Вотъ два различныя, кажется противорѣчащія заключенія! Однако же онѣ должны быть вѣрны, если вѣрны наши посылки. Нельзя отказаться отъ нихъ, не отказываясь отъ посылокъ.

Вставокъ не было послѣ Нестора, и вставки есть въ Несторѣ. Какъ разрѣшить это недоумѣніе?

(2) с. 5. (3) с. 7. (4) с. 2—10.

Я принимаю сіи заключенія за новыя посылки, и вывожу слѣдствіе: *самъ Несторъ вставлялъ.*

Да, я увѣренъ, что до Нестора были какія нибудь краткія записки, подобныя Новогородскому лѣтописцу, состоящему, особенно въ началѣ, изъ самыхъ краткихъ простыхъ извѣстій (5), — подобныя запискамъ, кои ведутся помѣщиками въ провинціяхъ при календаряхъ.

Если Ярославъ велѣлъ вырыть и окрестить кости своихъ дядей, Ярополка и Олега, умершихъ въ язычествѣ, если Даніилъ, современникъ Несторовъ, записывалъ имена Князей, ему современныхъ, въ поминаньяхъ Іерусалимскихъ, то безъ всякаго сомнѣнья дома были хотя такія же поминанья о нашихъ Христіанскихъ Князьяхъ со временъ Ольги, а Ольга была *невѣстка Рюрику.*

Вспомнимъ, что Христіанство въ Кіевѣ начинается со временъ Аскольда и Дира, а Христіанство безъ грамоты быть не можетъ; (грамота же именно тогда и была изобрѣтена для сосѣдей, Болгаръ); вспомнимъ, что при Игорѣ была соборная церковь, что при Ольгѣ былъ Священникъ и переводчики, засвидѣтельствованные Императоромъ Константиномъ Багрянороднымъ.

И нечего удивляться какимъ нибудь краткимъ хронографамъ, когда у насъ были большіе письменные документы, каковы договоры—Олеговъ, Игоревъ, Святославовъ, которые переписалъ Не-

(5) Новгородскій лѣтописецъ, Москва. 1781.

стopъ въ свою Лѣтопись! (Доказательства о подлинности ихъ смотри ниже въ особомъ разсужденiи.)

Безъ такихъ записокъ нельзя бы назначить Нестору время для произшествiй, начавшихся за 200 лѣтъ до него. Конечно, есть лѣтописатели, которые разсказываютъ, что случилось за 1000 лѣтъ до нихъ, но нашъ, добросовѣстный, нейдетъ въ сравненiе съ ними, и для меня невозможно вѣрить Шлецеру и Карамзину, чтобъ онъ назначалъ эти годы на угадъ, принаравливая свою хронологiю къ хронологiи Византiйской (6). Замѣтимъ, что Византiйскiя произшествiя въ Несторовой лѣтописи прекращаются еще въ 9мъ вѣкѣ. Въ одномъ 11 столѣтiи была сотня произшествiй, — не говорю уже о 10. Какимъ же образомъ можно *угадать* имъ числа? Сiи числа подтверждаются не однѣми Греческими лѣтописями, но и западными и сѣверными, напримѣръ Дитмаромъ, Ламбертомъ, и проч.

Рѣшительно у насъ были записки до Нестора.

Послѣ сихъ соображенiй я укажу на нѣкоторые слѣды древнѣйшихъ нашихъ памятниковъ, кои къ сожалѣнiю не дошли до насъ:

Симонъ, Епископъ Владимирскiй, (+1226), въ посланiи своемъ къ Поликарпу говоритъ: „Аще хощеши вся увѣдати, *почти лѣтописца стараго Ростовскаго.* Есть бо всѣхъ болѣ 30," (Епископовъ, духовныхъ сановниковъ, о которыхъ онъ говорилъ

(6) Шлецеръ I, 315. II, 151. и пр. Карамзинъ I, 52.

прежде, начиная отъ введенія Христіанской вѣры), „а еже потомъ и до насъ грѣшныхъ, мню, близь 50." (7). Этотъ лѣтописатель былъ безъ всякаго сомнѣнія не Несторъ, а кто либо иной: Нестора Симонъ не назвалъ бы Ростовскимъ. Карамзинъ предполагаетъ здѣсь Ростовскій списокъ (8), но этого предположенія допустить нельзя: говорить о сочиненіи по списку немогло тогда придти въ голову. Притомъ Симонъ и Поликарпъ слишкомъ хорошо знали Нестора, которой часто былъ называемъ по имени въ ихъ перепискѣ.

Потеря невозвратная! Писатель 13 вѣка называетъ этого лѣтописателя уже старымъ!

—

Въ началѣ Лѣтописи есть хронологическая таблица, о которой мы упомянули выше (9): „въ лѣто наченшу Михаилу царствовати, начася прозывати Руска земля... тѣмже отселе почнемъ и числа положимъ. Яко отъ Адама.... до потопа, ... до Р. Х... до Михаила Царя, а отъ перваго лѣта Михаилова до перваго лѣта Олгова.. а отъ перваго лѣта Олгова, поне же сѣде въ Кіевѣ, и проч. — Мнѣ кажется, что эта таблица писана прежде Нестора, а имъ только что продолжена. Еслибъ писалъ ее Несторъ, то вѣрно помѣстилъ бы Рюрика и Новогородское призваніе.

—

(7) Памятники Рос. Словесности 12 вѣка, изд. Калайдовичемъ. 1821. с. 256.

(8) II, пр. 138. (9) См. выше с. 39.

Откуда Никоновскій составитель, и другіе новѣйшіе сборники, взяли извѣстіе о походѣ Улеба на Желѣзныя ворота въ 1032 году (10), котораго нѣтъ въ Несторовой лѣтописи, и которой такъ убѣдительно доказанъ Шегреномъ (11).

Откуда ихъ извѣстіе о походѣ на Уличей (12), признаваемыхъ Шафарикомъ (13), и взятіе Игоремъ Пересѣчена, отысканнаго Венелинымъ, походъ Изяслава на Ссоловъ, (14), которыхъ также нѣтъ у Нестора?

—

Если Борисово Житіе, (см. выше), принадлежитъ не Нестору, (т. е. Несторъ написалъ другое, а не это), то сочинитель его самъ писалъ также что нибудь историческое.

—

(Я указывалъ прежде на извѣстіе объ уродѣ, найденномъ рыболовами въ Кіевѣ, якобы доказывающее существованіе прежнихъ записокъ, ибо оно разсказано подъ годомъ 1063, а Несторъ не задолго предъ тѣмъ только что родился, но теперь оставляю оное, ибо Несторъ могъ, и въ 12 вѣкѣ, разсказывать о случаѣ изъ временъ своего младенчества, которому ему случилось быть свидѣтелемъ. При-

(10) НН. I, 132. (11) Memoires de l'Académie des sciences, de Petersb. VI serie, T. I. 6. livrais. 1832 p. 509. (12) НН. I, 41. (13) Рус. Истор. Сборникъ I, N 4, 78 — 79. (14) НН. I. 151.

томъ о времени рожденія Нестора нельзя сказать теперь ничего рѣшительнаго, и наши изслѣдователи судили о немъ слишкомъ легко.

—

Наконецъ я обращаю вниманіе на языкъ нѣкоторыхъ мѣстъ, рѣзко отличающійся отъ Несторова: Извѣстія о произшествіяхъ, на примѣръ при Олегѣ, Святославѣ, написаны гораздо простѣе, грубѣе, чѣмъ благочестивыя размышленія въ Лѣтописи, или житіе Θеодосія. Трудно разпознать теперь всѣ слои Лѣтописи, ибо иныя мѣста могли быть переиначены, исправлены, при внесеніи въ Лѣтопись, самимъ Несторомъ, который обладалъ авторскимъ искусствомъ въ извѣстной степени, и любилъ разпространиться при случаѣ; однакоже, познакомясь коротко съ Несторомъ, прислушавшись внимательно къ его языку, можно указать нѣкоторые слѣды его предшественниковъ, т. е. прежнія записки (15).

—

Можетъ быть въ нашихъ хронографахъ, о которыхъ мы до сихъ поръ не имѣемъ еще никакого порядочнаго понятія, отыщется первоначальная основа Несторовой лѣтописи.

—

(15) См. ниже. Сіи-то мѣста и имѣлъ я въ виду, доказывая древность Лѣтописи ея языкомъ, въ сравненіи съ продолженіями.

Нестору попались эти записки, и онъ вставлялъ въ нихъ, что слышалъ по преданію, что зналъ самъ, что показалось ему любопытнымъ изъ чужихъ временниковъ; и новому сочиненію своему, которое увеличилось безъ всякаго сравненія съ основнымъ текстомъ, далъ форму Греческихъ лѣтописей, и по справедливости прослылъ первымъ нашимъ Лѣтописателемъ.

Вставки свои онъ дѣлалъ иногда не кстати, но отъ монаха Печерскаго 11 столѣтія мы не можемъ требовать никакой ученой обдуманности, отчетливости, послѣдовательности. Напротивъ, чѣмъ большебъ имѣлъ онъ достоинствъ этого рода, тѣмъ больше бы было права подозрѣвать его подлинность.

Несторова лѣтопись не теряетъ нимало своего достоинства отъ предположенія о прежнихъ запискахъ, оставаясь драгоцѣннымъ памятникомъ 11 столѣтія. Напротивъ она получаетъ для насъ новую цѣну, заключая въ себѣ еще древнѣйшіе памятники нашей грамотности.

—

(Карамзинъ намекнулъ о церковныхъ запискахъ, хоть мимоходомъ, предположеніемъ, а не заключеніемъ: „Вѣроятно, что по запискамъ церковнымъ" говоритъ онъ (16), „Несторъ означалъ дни преставленія нѣкоторыхъ древнихъ Князей." Тати-

(16) I. XXVII въ прим.

щевъ (17) и Болтинъ (18) предполагали даже лѣтописи до Нестора).

—

И такъ однимъ изъ первыхъ источниковъ для Несторовой лѣтописи были прежнія записки.

2. *Собственное удостовѣреніе.* О Княженіяхъ Всеволода Ярославича, (1078—1098), и Святополка Изяславича въ Кіевѣ, (1093—1112), онъ писалъ, какъ современникъ и очевидецъ.

—

3. *Извѣстія современниковъ*, которые могли разсказывать ему о Княженіяхъ Святополка, (1015—1019), Ярослава, (1019—1054), и Изяслава, (1054—1077), напримѣръ Янъ, принимавшій участіе въ управленіи, и умершій въ 1106 году, девяноста лѣтъ отъ роду. Янъ въ свою очередь могъ слышать отъ современниковъ о княженіи Святаго Владимира. Печерскій монахъ Іеремія, о которомъ Несторъ разсказываетъ подъ 1071 г., помнилъ крещеніе Русской земли, и могъ слышать о Святославѣ, внукѣ Рюрика, отъ современниковъ.

—

4. *Болгарскія лѣтописи или извѣстія.* Вотъ источникъ, котораго у насъ никто не предполагалъ, кромѣ Барона Розенкампфа, а мнѣ онъ кажется особен-

(17) Татищевъ I, 29, 52.
(18) Примѣчанія Болтина на Леклерка I, 59.

BAYERISCHE STAATS-BIBLIOTHEK MUENCHEN

но важнымъ. Обращаю на него вниманіе нашихъ изслѣдователей. Грамота началась между Болгарами за 300 лѣтъ до Нестора: мудрено ли, что между ними уже за-долго до него появились лѣтописатели, переводчики, которые перевели на свое Болгарское, то есть наше церковное нарѣчіе, разныя Греческія историческія и богословскія книги? Мудрено ли, что Болгарскіе духовные приходили къ намъ въ Кіевъ, имѣвшій частое и безпрерывное сообщеніе съ Константинополемъ и самою Болгаріею, — даже съ цѣлію распространить у насъ Христіянскую вѣру, точно такъ, какъ за 100 лѣтъ пришли къ нимъ безсмертные Кириллъ и Меѳодій? Мудрено ли, что Болгаре принесли съ собою свои книги, которыми Несторъ воспользовался, сдѣлавъ изъ нихъ выписки въ свою лѣтопись? (Вотъ такъ называемые переводы изъ Византійцевъ)! Это — предположеніе; но оно получаетъ большую степень достовѣрности, когда мы обратимъ вниманіе на то, какую роль у Нестора играютъ Болгарскія происшествія, коими онъ перемежаетъ наши происшествія; когда мы обратимъ вниманіе на то, что всѣ книги богослужебныя, Евангеліе, Апостолъ, Псалтырь, Литургію, мы не могли получить ни отъ кого, кромѣ Болгаръ, нашихъ Славянскихъ единоплеменниковъ, для которыхъ первоначально онѣ были переведены; когда мы обратимъ вниманіе на то, что древнѣйшія наши рукописи духовнаго содержанія носятъ на себѣ явные признаки южнаго происхожденія, (Остромирово Евангеліе, Святосла-

вовы Сборники) (19); когда мы обратимъ вниманіе на то, сколько Болгарскихъ несомнѣнныхъ переводовъ дошло до насъ изъ древняго періода (Григорій Богословъ, XI вѣка, и проч.), какъ свидѣтельствуетъ самъ Г. Строевъ въ своемъ указаніи; когда мы обратимъ вниманіе на то, что первые наши духовные, священники, напримѣръ при Игорѣ, у Ольги, (Священникъ Григорій), при Владимирѣ, были безъ сомнѣнія Болгаре; (а послѣ Греческіе Митрополиты имѣли даже въ нихъ необходимую нужду для управленія своею паствою); когда мы обратимъ вниманіе на то, что въ монастырѣ Печерскомъ, именно около Несторова времени были Болгаре, (Моисей Угринъ, Ефремъ, братъ его); что даже въ 1270 году Кіевскій Митрополитъ Кириллъ выписалъ изъ Болгаріи списокъ Кормчей книги, древнѣйшій изъ всѣхъ дошедшихъ до насъ.

Вспомнимъ о древнемъ Болгарскомъ напѣвѣ, о Болгарскихъ пѣвцахъ. Какъ въ древней лѣтописи встрѣчаются вездѣ Болгарскія произшествія, такъ въ прологахъ житія Болгарскихъ Святыхъ, и въ Святцахъ ихъ имена. Когда и какъ могли онѣ зайдти къ намъ? Ни одного столѣтія нельзя предположить вѣроятнѣе 11 го (19).

(19) Наши невѣжи находятъ здѣсь причины для подозрѣній! Въ доказательствахъ подлинности причины для подозрѣній! Книги переведены первоначально для южныхъ Славянъ, и принесены къ намъ. Переписщики начали ихъ переписывать, держась разумѣется своихъ подлинниковъ, и въ отношеніи къ языку, и въ отношеніи къ правописанію. Да и переписщики-то первые были безъ всякаго сомнѣнія Болгаре. Уже впослѣдствіи времени,

Георгій Амартолъ, недавно найденный, не ясно ли свидѣтельствуетъ, что онъ былъ въ рукахъ у Нестора, который на него ссылается. А переводъ Георгія Амартола есть переводъ Болгарскій! Этого-то и не замѣтили наши такъ называемые высшіе критики! Болгарскія слова или обороты они называютъ темными! (20)

Замѣтимъ еще, что Георгій Амартолъ жилъ около 842, слѣдовательно извѣстія объ Аскольдѣ и Дирѣ, Игорѣ, не могутъ принадлежать ему, а развѣ Болгарскому его переводчику и продолжателю. Слѣдовательно этотъ такъ называемый Г. Строевымъ Византійскій источникъ Нестора весьма сомнителенъ, а Болгарскій очевиденъ.

—

Въ заглавіи хронографовъ нашихъ говорится: „отъ Русскихъ лѣтописецъ, *Сербскихъ и Болгарскихъ*" (21).

—

Несторъ ссылается на *Меѳодія Патарійскаго*, какъ на писателя *ему извѣстнаго*, словами кото-

мало по малу, и то только въ нѣкоторыхъ случаяхъ, домашніе грамотѣи начали отступать отъ подлинниковъ, напримѣръ опущать усугубленныя гласныя, — а впрочемъ языкъ до сихъ поръ остался особый, древній южный! Одно это сомнѣніе достаточно показываетъ всю односторонность, невѣжество, нашихъ новыхъ самозванцевъ!

(20) Эти темныя слова напоминаютъ Арабскую надпись, которая также одному изъ этихъ высшихъ критиковъ показалась затѣйливымъ *узорочьемъ*.

(21) Статья Г. Строева въ Трудахъ Моск. Ист. Общества, IV. с. 117.

раго онъ объяснялъ Юрью Тороговичу извѣстіе о народѣ, жившемъ далеко на Сѣверѣ за горами. И Карамзинъ нашелъ древній переводъ сего писателя (22).

—

5. *Греческія лѣтописи.* Первые Митрополиты наши были Греки. За ними отправлялись наши посланные. Сношеніе съ Константинополемъ было безпрерывное. Въ Несторово время былъ въ Печерскомъ монастырѣ Греческій монахъ Михаилъ, отъ котораго Св. Ѳеодосій получилъ уставъ монастыря Студійскаго, сдѣлавшійся общимъ для всѣхъ монастырей Русскихъ. Почему этотъ Михаилъ, если не другой кто, не могъ сообщить Нестору какого нибудь Греческаго временника, или даже перевести что либо, для него нужное, какъ переводилъ онъ монастырскій уставъ? Слѣдовательно отъ самихъ Грековъ, не только чрезъ Болгарскія руки, могъ Несторъ узнать то, что помѣстилъ въ своей лѣтописи, узнать не только письменно, но даже изустно, хотя самъ не зналъ бы по Гречески. И какого свидѣтельства желать яснѣе? Самъ Несторъ говоритъ: наченшю Михаилу царствовать, начася прозывати Руска земля: о семь бо увѣдахомъ, яко прѣ семь Цари приходиша Русь на Царьгородъ, *якоже* пишется в лѣтописаньи *Гречьстемъ.* (23) Или — послѣ описанія нашихъ Славянскихъ племенъ (24): да то ся зваху *отъ Грекъ великая Скуѳь.* Или: *глаголетъ Георгій въ лѣтописаньи* (25).

(22) Кар. II, пр. 64. (23) НЛ с. 11. (24) с.7. (25) с. 8.

Даже послѣ Нестора встрѣчаются у лѣтописателей ссылки на Греческія лѣтописи. (26)

—

6. *Извѣстія Варяговъ*. Какъ первые наши Христіане были Варяги, такъ были они и между первыми иноками. Прочтите первоначальную Исторію монастыря Печерскаго: тамъ на каждой страницѣ найдете вы Варяговъ. (27). Первая пещера, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, была ископана ими. До сихъ поръ нѣсколько пещеръ изъ дальнихъ называются Варяжскими. Варяги точно такъ могли разсказывать Нестору о своихъ подвигахъ и подвигахъ предковъ, какъ ихъ соотечественники разсказывали дома сочинителямъ Сагъ. Норманны и Саги не разлучны, и безъ всякаго сомнѣнія ихъ было у насъ много. Варяги-то наговорили ему сказокъ, извѣстныхъ также на Сѣверѣ, и о колесахъ, на которыхъ Олегъ въ лодкахъ подъѣхалъ къ Царюграду, и о змѣѣ, которая ужалила его по предсказанію Волхвовъ, и о воробьяхъ съ голубями, которые сожгли Коростенъ, и другія баснословныя извѣстія, въ которыхъ есть однакожъ историческое основаніе. Несторъ спокойно помѣстилъ всѣ ихъ разсказы въ свою лѣтопись. Они же сообщили ему извѣстія о разныхъ иныхъ племенахъ, жившихъ преимущественно, (не горячій ли это слѣдъ правды, не крѣпкое ли доказательство

(26) Кар. II, пр. 238. (27) Кар. II, пр. 158, 192.

достовѣрности?) по берегамъ морей Балтійскаго и Нѣмецкаго, столько имъ извѣстнымъ; они же сообщили ему извѣстіе и о пути изъ Варягъ въ Греки, о своемъ austur-vigi и vester-vigi?. — Какъ все это естественно, вѣроятно!

Френъ открываетъ намъ теперь слѣды руническаго *письма* у Русскихъ *въ X вѣкѣ*.

Недимъ Арабскій писатель X вѣка, (987), говоритъ въ своемъ Каталогѣ: „одинъ мой знакомый, котораго словамъ я имѣю полное право вѣрить, сказывалъ мнѣ, что онъ былъ посланъ къ Королю Русскихъ однимъ изъ Кавказскихъ владѣтелей. Онъ сказывалъ мнѣ также, что у Руссовъ есть свои письмена, которыя вырѣзываются на деревѣ. Тутъ онъ вынулъ, и показалъ мнѣ кусокъ бѣлаго дерева, на которомъ были нарѣзаныя фигуры, изображающія, незнаю, цѣлыя ли слова или отдѣльныя буквы, только вотъ какаго вида и проч. (28).

Замѣтимъ, что Русскіе временники, *подобно Англо-Саксонскимъ*, по свидѣтельству Шлецера, имѣютъ странный обычай означать и тотъ годъ, (въ продолженіи своего повѣствованія), въ которой ничего не случилось. (29).

Вспомнимъ, что времесчисленіе у Нестора западное, съ Марта, а не съ Сентября, какъ у Грековъ. Откуда оно заимствовано?

—

(28) Библіотека для чтенія. 1836. Апрѣль.

(29) ШН. I, 259.

7. Извѣстія о разныхъ племенахъ, обитавшихъ въ нынѣшней Россіи, онъ могъ получить отъ самихъ *жителей* и *сосѣдей*. Кіевъ былъ средоточіе, особенно послѣ введенія Христіанской вѣры, сборное мѣсто, въ которомъ можно было сойтиться съ обитателями странъ самыхъ отдаленныхъ. Обратимъ здѣсь вниманіе на торговлю Кіева, которой слѣды остаются долго въ лѣтописяхъ до 13 столѣтія; на купцевъ Греческихъ, Еврейскихъ Норманскихъ, Угорскихъ; на славу Кіева, которая распространилась далеко, и засвидѣтельствована лѣтописателями Греческими, Арабскими, Нѣмецкими и пр. И если Тацитъ, живя въ Римѣ, зналъ объ Эстахъ (Aestui), если Іорнандъ, живя въ своей Равеннѣ, зналъ о Чуди, (Thuidi), и Мордвѣ (Mordens), если Адамъ, живя въ Бременѣ, зналъ о Мери (Merens), если Константинъ Багрянородный, живя въ Константинополѣ, зналъ о Кривичахъ (Κριβιτζοι) и Древлянахъ (Δρουγουβιτοι), чему наши такъ называемые Критики вѣрятъ, ибо эти писатели писали по Латынѣ и Гречески: то чтоже мудренаго знать ихъ Нестору, соотечественнику, одноязычнику, сосѣду? и несмѣшны ли всѣ сомнѣнія и толки о невозможности имѣть такія географическія свѣдѣнія о Европѣ. Вспомнимъ объ Юрьѣ Тороговичѣ Новогородцѣ, который разсказывалъ въ 1092 году лѣтописателю о Печерѣ и Югрѣ, самыхъ отдаленныхъ племенахъ на Сѣверо-востокѣ.

—

8. *Вообще преданіе.* Замѣчу здѣсь, что въ народѣ безграмотномъ оно бываетъ гораздо живѣе, чѣмъ въ грамотномъ. Общія черты, свѣдѣнія, за 150—200 лѣтъ, были на памяти безъ всякаго сомнѣнія. (30) Нѣкоторые памятники, напримѣръ могилы Князей, слѣды укрѣпленій, Несторъ могъ видѣть самъ, или знать по слуху.

9. *Письменные документы* — о которыхъ смотри ниже особое изслѣдованіе.

10. *Народныя пѣсни.* Если до нашего времени дошли пѣсни съ ясными слѣдами времени языческаго, (Дидъ-Ладо, Дунай, Люли), то безъ всякаго сомнѣнія при Несторѣ, за 750 лѣтъ, было ихъ множество, и онѣ замѣняли самое преданіе.

Привожу здѣсь въ сокращеніи классическое мѣсто о древнихъ Славянскихъ пѣсняхъ изъ Шафарика (31):

(30) Вотъ примѣръ у Бриттовъ: Древнія родословія, сохраненныя тщательно поэтами, служили для назначенія старѣйшинъ.... Люди изъ самаго низкаго званія замѣчали и удерживали въ памяти всю линію ихъ происхожденія, со тщаніемъ, коимъ у другихъ народовъ отличались только богатые и знатные. (Genealogiam quoque generis suis, etiam de populo, quilibet observat, et non solum avos, atavos, sed usque ad sextam vel septimam, et ultra procul, generationem, memoriter, et prompte, genus ennarat. (Giraldi Cambrensis Jtinerar. Walliae) См. Тьери Histoire de la conquête de l'Angleterre par les Normands, I. II.

(31) Слав. Древности II, 89—98.

„Устная Исторія каждаго великаго, самостоятельнаго народа, гораздо старше писанной. Такъ было у Грековъ, Римлянъ и Нѣмцевъ. Древняя Исторія сихъ народовъ почти вся взята изъ народныхъ сказаній; у Нѣмцовъ народныя пѣсни, съ незапамятныхъ временъ, были сокровищницами отечественныхъ событій и подвиговъ. Отъ чего же однимъ Славянамъ, самому пѣсенному, самому привязанному къ естественной поэзіи народу въ Европѣ, не имѣть никакихъ историческихъ пѣсень о дѣяніяхъ своихъ предковъ? Нѣтъ — они имѣли множество. Древніе памятники наполнены свидѣтельствами объ этомъ. Три Славянина, отправленные 590 году изъ отдаленнаго Балтійскаго поморья къ Аварскому Хану, будучи взяты Греками, и представлены Императору Маврикію, сказали ему: „что соотечественники ихъ не знаютъ употребленія оружія, но только играютъ на гусляхъ; не знаютъ войны, а занимаются музыкой; ведутъ жизнь тихую и спокойную.“ Это были послы, „выучени вѣштъбамъ витѣзовымъ.“ Въ 590 г. Греческій полководицъ Прискъ, напавъ нечаянно ночью на Славянъ въ нынѣшней Валахіи, нашелъ ихъ спавшими „послѣ Аварскихъ“ (т. е. Славянскихъ, потому что Ѳеофилактъ слово Аварскій употребляетъ въ этомъ смыслѣ) „пѣсень.“ Можно предполагать, что въ пѣсняхъ, пѣтыхъ во время похода воинами, не столько воспѣвались нѣжныя чувства, сколько славные подвиги и событія народныя. Одинъ Греческой лѣтописецъ говоритъ о пѣсняхъ позднѣй-

шихъ Грековъ и Славянъ (1326), что въ нихъ воспѣвалась слава древнихъ витязей, о коихъ только преданія дошли до потомковъ. Вѣрно можно тоже сказать и о древнѣйшихъ пѣсняхъ Славянскаго народа. Еще и теперь въ бѣдныхъ остаткахъ прежнихъ народныхъ сказаній и пѣсень находится многое такое, что началомъ своимъ восходитъ до глубокой древности. Кромѣ пѣсень языческихъ, въ повѣствовательныхъ пѣсняхъ Русскихъ воспѣваются дѣла, принадлежащія къ вѣку Владимира (980—1015); въ нѣкоторыхъ Сербскихъ разсказываютъ событія 13 и 14 стол.; въ простонародныхъ пѣсняхъ угнетенныхъ Словаковъ сохраняется даже по сю пору память о приходѣ въ ихъ землю Кумановъ, и другія событія 12 и 13 вѣковъ. Знакомый съ духомъ народной поэзіи не станетъ сомнѣваться въ томъ, что подобнаго рода пѣсни составляются тотчасъ послѣ событія, во время живѣйшаго о немъ воспоминанія. Еслиже народная поэзія Славянъ, и теперь еще, послѣ величайшаго измѣненія, чтобъ несказать истребленія народной жизни, и утраты столькихъ памятниковъ древности, содержитъ въ себѣ такіе очевидные доказательства нѣкогда существовавшаго богатства въ историческихъ пѣсняхъ, чтоже должно думать о времени, ближайшемъ къ Нестору? — Еслибы кто-нибудь изъ современиковъ Нестора собралъ и сохранилъ ихъ, то какимъ безцѣннымъ сокровищемъ могли бъ гордиться племена наши; какъ много могли бы черпать изъ него наши изслѣдователи древностей!

Мы имѣли бы у себя Славянскую Эдду! Изъ этаго-то источника взялъ Несторъ сказанія о построеніи города Кіева, о походѣ Кія на Царьградъ, о княженіи трехъ братьевъ и сестръ ихъ Лыбеди, о прибытіи двухъ братьевъ, Радима и Вятка, отъ Ляховъ къ Руси, о насиліи Обровъ, и нѣкоторыя другія сказанія, носящія на себѣ очевидную печать народныхъ разсказовъ и повѣстей. Равнымъ образомъ отсюда же заимствовалъ онъ и сказанія о событіяхъ, гораздо старѣйшихъ, о пребываніи Славянъ на Дунаѣ, объ угнетеніи ихъ притѣснителями Влахами, и удаленіи оттуда Славянскихъ старшинъ, съ своими семействами, за безопасные Карпаты. Безъ сомнѣнія, имя притѣснителей и насильниковъ Влаховъ, въ древнѣйшихъ сказаніяхъ и пѣсняхъ Славянскихъ народовъ, такъ было употребительно, какъ въ позднѣйшихъ имя угнѣтателей Обровъ, впрягавшихъ Славянскихъ женъ въ свои телѣги, и въ нынѣшнихъ Сербскихъ имя кровожадныхъ Турковъ."

У Мало-Россіянъ, къ которымъ вѣроятно принадлежалъ и Несторъ, было и есть теперь *особенное* расположеніе къ пѣснямъ, и преимущественно Историческимъ. (32).

Вотъ какіе источники могъ имѣть Несторъ. Разверните его лѣтопись, и раздѣлите ее на части.

(32) Бодянскаго Разсужденіе о народной Поэзіи племенъ Славянскихъ 1837.

Къ каждому извѣстію можно указать возможной источникъ. Это — рѣдкое счастіе, котораго у насъ не понимаютъ. Пусть мнѣ укажутъ на одного лѣтописателя, въ какой бы то ни было литературѣ, котораго возможные источники были бы вѣроятнѣе.

Я говорилъ въ первой своей статьѣ о достовѣрности лѣтописи. Какое новое доказательство получаетъ она, когда мы видимъ, и видимъ ясно, что Несторъ точно могъ знать то, объ чемъ онъ писалъ, и чему мы вѣрить должны по основательнымъ причинамъ?

—

Но могъ ли Несторъ пользоваться всѣми исчисленными источниками? былъ ли онъ грамотенъ, образованъ столько? слышу я еще голосъ нашихъ критиковъ.

Могъ, и вотъ вамъ на первой случай доказательство: Христіанство съ грамотою началось за 250 лѣтъ до него; были письменные документы за 200 лѣтъ; онъ самъ сочинилъ житіе Св. Ѳеодосія, которое не можетъ не признать за нимъ даже Г. Строевъ, по самымъ яснымъ и тѣлеснымъ доказательствамъ. Прочтите страницу изъ этого житія и страницу изъ лѣтописи, и вы увидите, что въ десять разъ труднѣе написать первую, чѣмъ вторую.

Въ Несторово время было уже очень много грамотныхъ. Можно указать двадцать его современниковъ, которыхъ труды дошли до насъ. Напримѣръ я укажу на сочинителя похвалы Владимиру при

Ярославѣ (33). На сына Ярославова Святослава, для которагo были сдѣланы два огромные сборника, до насъ дошедшіе, (NB. одинъ изъ нихъ найденъ самимъ Г. Строевымъ), писанные въ 1073 и 1076 г., и свидѣтельствующіе о любви къ образованію самаго Князя, и о грамотности тѣхъ его современниковъ, которые дѣлали для него эти сборники. Писецъ Іоаннъ въ послѣсловіи своемъ къ Сборнику 1073 года говоритъ, что Святославъ наполнилъ свои комнаты книгами: „и събора деля многочьстьныихъ бжствьныхъ кънигъ всѣхъ, ими же и своя клѣти исполнъ" и пр. (34).

Я указываю на Даніила, Несторова современника, которой ходилъ по Святымъ мѣстамъ и оставилъ описаніе своего путешествія, — которагo также не можетъ отвергнуть Г. Строевъ. И какъ его отвергнуть? Онъ видѣлъ Балдуина Іерусалимскаго, говорилъ съ нимъ, и записалъ имена нашихъ Князей въ Лаврѣ Св. Саввы. (35).

(33) См. ниже.

(34) Іоаннъ Экзархъ Болг., Калайдовича, пр. 54, 102.
Помѣстимъ здѣсь кстати слова самого Г. Строева, сказанныя имъ въ 1829 году по другому случаю (Труды Общества IV, 175): „Вспомнимъ частыя сношенія Кіева съ Царьградомъ, при началѣ въ немъ Христіанства, первыхъ Русскихъ владыкъ Грековъ, любовь къ чтенію Владимира, Ярослава и сына его Святослава, который" и пр.

(35) Язъ худый и недостойный въ ту пятницу въ 7 часъ дни ходихомъ къ Князю тому Балдвину, и поклонихся ему до земли. Онъ же видѣвъ мя худаго, и призва мя къ себѣ съ любовію, и рече ми: что хощеши, Игумене

Еслиже Даніилово описаніе подлинно, то сомнѣніе о неграмотности того времени, въ отношеніи къ Нестору, уничтожается само собою.

Я указываю на Духовную Владимира Мономаха; (потому только, что ее признаетъ Г. Строевъ), и спрашиваю, что объяснить себѣ легче — сочиненіе философскаго почти разсужденія, (каково въ нѣкоторыхъ мѣстахъ есть завѣщаніе), воинственнымъ Княземъ, или сочиненіе сухой лѣтописи Печерскимъ монахомъ?

Я указываю на отвѣты Нифонта, которые признаетъ также Г. Строевъ, и вопросы Кирика, еще любопытнѣйшіе.

Русьскы? Позналъ мя бяше добрѣ, и любя мя вельми, яко же есть мужъ благодѣтеленъ и смиренъ вельми, и не гордить. Язъ рекохъ ему: Княже мой господине! Молю ти ся Бога дѣля и Князей дѣля Русьскыхъ, повели ми, да быхъ и язъ поставилъ свое кандило на гробѣ Святомъ отъ всея Русьскыя земли. Онъ же съ тщаньемъ и съ любовью повелѣ ми поставится кандило; посла съ мною мужа своего, слугу лучщаго." „Богъ тому послухъ и Св. гробъ Господень, якъ въ всѣхъ мѣстѣхъ святыхъ не забыхъ именъ Князей Русьскыхъ и Княгинь, и дѣтей ихъ, и Епископъ, и Игуменъ, и Бояръ, и дѣтей моихъ духовныхъ. И о семъ похвалю Бога моего благо, яко сподобилъ мя худаго имена Князей Русьскыхъ написати въ Лаврѣ Св. Саввы, и нынѣ поминаются имена ихъ въ ектеніяхъ и съ женами, и съ дѣтми. Се же имена ихъ, Михаилъ-Святополкъ, Василій-Владиміръ, Давидъ Святославичь, Михаилъ-Олегъ, Панкратій (Святоша) Святославъ, Глѣбъ Мѣнскій (Минскій), и сколько есть помнилъ, опричь всѣхъ Князей Русьскыхъ и Боляръ, и отпѣхомъ литургію за Князей Русьскыхъ и проч. Кар. II пр. 211.

Я указываю на грамоту Мстислава Владимировича, почти современную Нестору (1125), и спрашиваю — дипломъ, актъ оффиціальной, чрезъ сколько времени является у всякаго народа послѣ лѣтописи? Грамота Мстиславова дошла до насъ въ подлинникѣ, а мы имѣемъ еще въ лѣтописяхъ множество указаній на грамоты 12 вѣка, кои пропали, напримѣръ: въ 1144 г. Володимерко Галицкій возверже ему (Всеволоду) грамоту крестную (36). Изяславъ Мстиславичь Кіевскій въ 1147 году прислалъ къ Давидовичамъ Боярина съ крестными грамотами (37). Вотъ грамоты договорныя, и безъ всякаго сомнѣнія это были не первыя, и такъ мы опять уже во времени Нестора и даже Ярослава (38), о грамотахъ котораго есть также прямыя извѣстія: Князь Михаилъ (1229 г.) „цѣлова крестъ на всей волѣ Новогородской, и на всѣхъ грамотахъ Ярославлихъ (39),“ и проч. и проч. и проч.

—

Теперь слѣдуетъ намъ представить обозрѣніе Несторовой лѣтописи по указаннымъ источникамъ, но прежде постараемся доказать подлинность договоровъ.

(36) Кар. II, пр. 283. (37) Тамъ же пр. 307.
(38) Наведенія этого рода см у Герена въ статьяхъ объ Египтянахъ и проч. (39) Новогор. лѣтописецъ, с. 112.

О ДОГОВОРАХЪ РУССКИХЪ КНЯЗЕЙ, ОЛЕГА, ИГОРЯ И СВЯТОСЛАВА, СЪ ГРЕКАМИ.

Договоры — Олеговъ, Игоревъ и Святославовъ, составляютъ драгоцѣнную собственность Россійской Исторіи, собственность, которою она справедливо можетъ гордиться предъ прочими, и которой важность признали всѣ Европейскіе ученые изслѣдователи.

Эверсъ, одинъ изъ мужей, принесшихъ, въ послѣднее время, наиболѣе пользы Россійской исторіи, своими сочиненіями, (кромѣ Черноморскихъ нелѣпостей), основалъ на договорахъ, вмѣстѣ съ Русскою Правдою, все свое примѣчательное сочиненіе о древнѣйшемъ Правѣ Руси, и представилъ по симъ памятникамъ изображеніе нашего перваго гражданскаго общества. Онъ показалъ очень удачно приличіе всѣхъ статей договоровъ тогдашнему состоянію Руси и отношеніямъ ихъ къ Грекамъ, и вмѣстѣ вывелъ a priori очень естественно ихъ происхожденіе.

Нѣкоторые не довольствуются этими общими доказательствами—сообразностію, естественностію, и тому под., и изъ-за договоровъ наводятъ подозрѣніе даже на лѣтопись, въ коей они заключаются.

Подозрѣнія ихъ не значатъ ровно ничего и въ этомъ отношеніи, ибо состоятъ изъ однихъ вопросительныхъ знаковъ, безъ всякихъ ученыхъ доказательствъ; но договоры сами по себѣ столько важны, столько значительны для Русской и общей Европейской Исторіи, что необходимо должно утвердить ихъ подлинность, и оградить ихъ отъ всѣхъ возможныхъ притязаній.

Эту обязанность принималъ на себя Кругъ, о которомъ такъ отзывается Эверсъ (1): „никто съ такимъ успѣхомъ не защищалъ нашего Нестора, и въ особенности находящихся въ его лѣтописи договоровъ, заключенныхъ между Руссами и Греками, какъ Кругъ" (въ сочиненіяхъ о Византійской Хронологіи и древнихъ Русскихъ монетахъ). „Его изслѣдованія о разныхъ предметахъ Хронологіи, его объясненія словъ *судъ*, *нетій*, останутся навсегда образцемъ исторической критики и полемики, и могутъ дать намъ понятіе о томъ, чего надобно ожидать отъ сочиненія, которое онъ (уже въ 1810 г.) обѣщалъ издать о сихъ трактатахъ, но котораго, къ сожалѣнію, еще не издалъ. Съ моей стороны было бы дерзостію, отъ которой я весьма далекъ, если бы я захотѣлъ предупредить его въ сихъ изысканіяхъ по сему предмету; напротивъ еще, я бы совсѣмъ не коснулся и здѣсь этихъ договорныхъ грамотъ, если бы это позволяла мнѣ моя цѣль. Онѣ столько важны для объясненія древняго Права, что ни

(1) Древнѣйшее право Руси, въ Рус. переводѣ Г. Платонова, с. 147.

какъ не могутъ здѣсь быть опущены; но въ то же время онѣ, по моему мнѣнію, столько понятны, что на нихъ можно обратить вниманіе."

Едва смѣя называть себя ученикомъ этихъ ученыхъ, я, разумѣется, еще менѣе вошелъ бы въ изслѣдованіе о договорахъ, если бы вопросъ объ нихъ не имѣлъ, особенно нынѣ, отношенія вообще къ вопросу о Несторовой лѣтописи.

—

Не нужно воспоминать мнѣ здѣсь о дѣльныхъ въ свое время сомнѣніяхъ Шлецера, кои основывались преимущественно на хронологическихъ недоразумѣніяхъ, и давно уже побѣдоносно разрѣшены Кругомъ, или на филологическихъ, и разрѣшены Карамзинымъ и Эверсомъ. Довольно будетъ повторить объ нихъ слова Эверса (2):

„Когда знаменитый критикъ Шлецеръ въ первый разъ обратилъ свое вниманіе на обѣ сіи грамоты, которыя такъ ясно раскрываютъ предъ нами понятіе древнихъ Руссовъ о Правѣ, то онъ нашелъ ихъ въ высочайшей степени важными. Приступая къ разсмотрѣнію Олегова трактата, онъ говоритъ (Нес. Ч. II. стр. 693): „Сей трактатъ, если мы признаемъ его подлинность, есть одна изъ величайшихъ достопримѣчательностей средняго вѣка, есть нѣчто единственное во всемъ историческомъ мірѣ." Но онъ возмущенъ былъ въ своей радости мнимымъ открытіемъ нѣкоторыхъ невѣроятностей въ означеніи времени, молчаніемъ Византійцевъ и отчасти даже содержаніемъ сего договора, о чемъ

(2) Тамъ же с. 133.

онъ говоритъ (тамъ же стр. 758): „Есть множество древнихъ актовъ, подложность коихъ можно неопровержимымъ образомъ доказать изъ одного внутренняго ихъ содержанія; и къ сожалѣнію это самое, кажется, надобно сказать о нашемъ трактатѣ 912 года. Я бы могъ насчитать въ немъ цѣлый десятокъ такихъ мѣстъ, которыхъ ни какъ не могли написать лица приведенныя.“ Между тѣмъ онъ надѣялся еще въ послѣдствіи съ помощію Игоревой грамоты объяснить нѣкоторыя изъ сихъ темныхъ мѣстъ. Однако и здѣсь онъ увидѣлъ себя совершенно обманутымъ въ своей надеждѣ, какъ онъ самъ (Нест. Ч. III. стр. 209.) говоритъ о томъ слѣдующими словами: „и такъ всѣ мои главныя возраженія противъ подлинности Олеговой грамоты упадаютъ въ ровной или еще въ высшей мѣрѣ и на Игореву.“ Особенно важнымъ представлялось ему молчаніе и въ семъ случаѣ Византійскихъ писателей того времени. „Я очень знаю, говоритъ онъ, что доказательство, заимствуемое отъ молчанія, (argumentum a silentio), подлежитъ большимъ исключеніямъ, но въ настоящемъ случаѣ оно мнѣ кажется неопровергаемымъ.“

„Старецъ, оказавшій безсмертныя заслуги Русской Исторіи своими изысканіями, не дожилъ до того времени, какъ Кругъ съ такою основательностію разсѣялъ его сомнѣнія относительно Хронологіи, что послѣ того уже никто не дерзнетъ повторять ихъ, кто только способенъ понимать силу историческаго доказательства. Если бы и самъ

Шлецеръ получше разсмотрѣлъ состояніе наполненной промежутками Исторической Литературы у Византійцевъ въ семъ періодѣ времени, то едва ли бы молчаніе ихъ показалось ему подозрительнымъ; по крайней мѣрѣ, не представилось бы оно столь важнымъ, что бы могло обезсилить доводы, приводимые въ доказательство подлинности нашихъ грамотъ.“

Вотъ какого мнѣнія объ Шлецеровыхъ сомнѣніяхъ былъ Эверсъ. Я вполнѣ принимаю оное, и замѣчу только съ своей стороны, что большая часть недоразумѣній Шлецера происходила отъ того, что онъ имѣлъ договоры въ дурныхъ спискахъ, языкъ зналъ не вполнѣ, и, какъ новый дѣлатель, встрѣчалъ больше затрудненій, нежели его преемники.

—

Приступаю къ вопросу о достовѣрности договоровъ, въ слѣдъ за знаменитыми учителями:

Договоры заключены между Русью и Греками.

Здѣсь нѣтъ ничего страннаго и необыкновеннаго: Греки заключали такіе договоры и съ Персами, (3) и съ Булгарами (4), и съ Арабами, (5), и вѣроятно со всѣми варварами, нападавшими на нихъ. Почему было не заключить имъ такихъ договоровъ и съ Варягами?

(3) Тамъ же, с. 139. (4) Стриттеровы Извѣстія Визан. Истор. IV, 21, 30, Memoriae populorum etc. II, 518. (5) Эверсъ, 139.

Еще ближе къ нашему вопросу, — Греки пересылались грамотами съ Норманнами, въ Италіи (6).

Съ другой стороны Варяги-Норманны заключали подобные договоры съ Франками, Бриттами и другими народами, на которыхъ они нападали. Почему не заключить имъ было съ Греками?

Мысль о договорахъ принадлежала вѣроятно Грекамъ, которые думали обязывать ими сколько нибудь воинственныхъ дикарей; Варяги же можетъ быть и не помышляли здѣсь, какъ и вездѣ, объ сохраненіи условій, предоставляя войну и миръ обстоятельствамъ.

И такъ договоры *могли* быть заключаемы.

—

И мы имѣемъ свидѣтельства, положительныя свидѣтельства, Греческихъ современныхъ писателей, что договоры дѣйствительно заключались.

Константинъ Багрянородный въ жизни Василія Македонянина говоритъ: „Императоръ Василій, не могши покорить Россовъ оружіемъ, преклонилъ ихъ *къ миру и къ заключенію союза* великими дарами, которые и проч. (7).

Левъ діаконъ: „Императоръ Іоаннъ, получивъ отъ Скиѳа (Святослава) такой отвѣтъ, вторично отправилъ къ нему пословъ съ слѣдующимъ извѣстіемъ:... мы не должны сами разрывать *мира*,

(6) Готье д'Аркъ, Histoire des conquêtes des Normands en Italie, en Sicile и проч. I. 326. (7) Стриттеръ III, 14.

непоколебимо до насъ дошедшаго отъ предковъ нашихъ, въ которомъ самъ Богъ былъ посредникомъ..— Не послушавъ сего совѣта, вы разорвете *союзъ нашъ*, а не мы." (8).

„И такъ на другой день поутру посылаетъ (Святославъ) къ Императору просить мира съ такими *условіями*: „Тавроскиѳы должны отдать Римлянамъ Дористолъ, отослать плѣнныхъ, выдти изъ Миссіи, и возвратиться въ свое отечество; а Римляне должны дать имъ безопасно отплыть въ отечество на судахъ своихъ, не нападая на нихъ съ огненными кораблями, позволить привозить къ себѣ хлѣбъ, и посланныхъ для торговли въ Византію считать *по прежнему обычаю* друзьями. Государь утвердилъ *условія*" и проч. (9).

Кедринъ: „продолжавшійся долгое время между Россіянами и Греками миръ нарушенъ былъ въ лѣто отъ с. м. 6557 индикта 11, съ Россійской стороны для слѣдующей причины: по *силѣ заключеннаго договора* и сродства Греческаго Царскаго дома съ Россійскими Князьями, дозволено было Россіянамъ отправлять свободно торги съ Греціею. Чего ради безпрерывно бывали въ Константинополѣ купцы отъ онаго народа" и проч. (10).

Не эта ли статья заключается въ договорахъ, помѣщенныхъ въ Несторовой лѣтописи? Не именно ли Кедринъ ссылается на *заключенный договоръ*?

(8) Въ Рус. переводѣ с. 95. (9) Тамъ же с. 96.
(10) Стриттеръ I. 107.

И такъ договоры у Грековъ съ Русью были заключаемы, по собственному свидѣтельству Грековъ.

—

Этого мало. Не только были договоры, но была еще корреспонденція, дипломатическая переписка, между Константинопольскимъ дворомъ и Русскими Князьями. И объ этой дипломаціи свидѣтельствуетъ уже не Несторъ, не Русскій лѣтописецъ, не позднѣйшіе сочинители, не лица 13 или 14 вѣка, но самъ вѣнчанный дипломатъ, Императоръ Греческій, *Константинъ Багрянородный*, современникъ, которому Русская Исторія обязана столько. Въ сочиненіи своемъ о церемоніяхъ Византійскаго двора онъ говоритъ именно, что грамоты *посылаемыя* къ Князьямъ Русскимъ, надписывались вотъ какъ: грамота христолюбивыхъ Греческихъ Императоровъ Константина и Романа къ Россійскому Князю" (11).

Ясно ли, что грамоты посылались, слѣдовательно не однажды, но во всѣхъ нужныхъ случаяхъ, слѣдовательно была корреспонденція. Если же посылались грамоты, то что же мудренаго кончать войну грамотою, договоромъ!

(Можно ли послѣ сихъ рѣшительныхъ словъ Константина произнесть одно слово о невозможности, о неестественности, заключать договоръ Грекамъ съ Русскими)?

Мы имѣемъ и другихъ свидѣтелей: *Кедринъ* и *Зонара* говорятъ, что Греческій Царь Константинъ Мономахъ, увѣдавъ о предпріятіи Россійскаго

(11) Стриттеръ III, 46.

Князя, (Владимира сына Ярославова), послалъ къ нему пословъ, и просилъ, чтобъ онъ положилъ оружіе, и не нарушалъ бы для весьма маловажной причины продолжавшагося толь долгое время мира...— Владимиръ, *прочитавши посланное тогда отъ Императора къ нему письмо* (12) и проч.

И въ договорахъ мы находимъ подтвержденіе этой переписки, напримѣръ: „аще ли хотѣти начнеть наше царство отъ васъ вои на противящаяся намъ, да *пишю* къ Великому Князю вашему, и послетъ къ намъ“ (13) и проч.

„Нынѣ же увѣдѣлъ есть Князь вашъ посылати *грамоту* ко царству нашему. Иже посылаеми бывають отъ нихъ сли и гостье, да приносить *грамоту*, пишюче сице, яко послахъ корабль селько.. Аще ли *безъ грамоты* придуть, и преданы будуть намъ, да держимъ и хранимъ, дондеже возвѣстимъ Князю вашему,...; аще ли убѣжавше, въ Русь придуть, мы *напишемъ* ко Князю вашему и проч. (14).

На какомъ языкѣ писаны были договоры?

Безъ всякаго сомнѣнія на нашемъ и Греческомъ.

Изготовлять договорныя грамоты въ двухъ экземплярахъ было обыкновеніемъ Греческаго двора, говоритъ Эверсъ, (15). Разумѣется, что при семъ употреблены были Греческіе чиновники, и что слѣдовательно договорныя грамоты первоначально писались на Греческомъ языкѣ (16).

(12) Стриттеръ III. 109. (13) НЛ. с. 25. (14) Тамъ же. (15) Эверса, с. 137, (16) См ниже с. 134.

По тому-то и видимъ мы въ началѣ договора Игорева общія Христіанскія понятія.

Признаки перевода, (кои вмѣстѣ служатъ сильнѣйшимъ доказательствомъ подлинности), и перевода сдѣланнаго Болгарами, ясно видитъ Шафарикъ (17). Впрочемъ и прежде Г. Строевъ замѣтилъ въ договорахъ особенную темноту (18), обличающую переводъ, а не сочиненіе. Эверсъ также (19).

Переводчиками съ Греческаго на Славянскій затрудняться нечего: въ Константинополѣ было множество Славянъ — Болгаръ и друг. (20), и знающихъ оба языка, со временъ Кирилла и Меѳодія. Съ другой стороны вспомнимъ о двухъ переводчикахъ, находившихся въ послѣдѣ Великой Княгини Ольги, о которыхъ свидѣтельствуетъ Константинъ Багрянородный (21).

—

Но отъ чего этихъ договоровъ нѣтъ въ Византійскихъ лѣтописяхъ?

Вопервыхъ это неосновательно: многія статьи ихъ есть въ лѣтописяхъ, есть ихъ содержаніе, а нѣтъ ихъ сполна, слово въ слово. Вовторыхъ: въ Византійскихъ лѣтописяхъ нѣтъ сотенъ другихъ договоровъ, кои заключали Греки со всѣми своими враждебными народами; объ иныхъ только упоми-

(17) Славянскія Древности Шафарика, Томъ I, книга 1. 29, и слѣдующія.
(18) Труды Общества Исторіи и Древн. Россійс. Ч. IV. к. I, с. 173. (19) Эверсъ, с. 138. (20) Кар, I, 140.
(21) Стриттеръ III, 54. 55.

наетея глухо, объ иныхъ нѣтъ ни слова. И во всѣхъ Европейскихъ лѣтописяхъ договоры очень рѣдко помѣщались. Гдѣ многіе договоры Франкскихъ Королей съ Норманнами (22)? Отъ чего въ Новогородскихъ лѣтописяхъ нѣтъ договоровъ Новогородцевъ въ Ганзейцами? Отъ чего нѣтъ ихъ въ лѣтописяхъ Ганзейскихъ городовъ? Отъ чего договоръ Мстислава Давидовича съ Ригою, 1228, дошедшій до насъ къ счастію въ подлинникѣ, не помѣщенъ однакоже ни въ какой лѣтописи (23). Гдѣ ярлыки Ханскіе? — Это все особые документы, и не было обычая помѣщать ихъ буквально въ лѣтописяхъ. Мы должны только благодарить нашего незабвеннаго Нестора, что онъ имѣлъ благую мысль переписать ихъ къ себѣ въ лѣтопись, и сохранилъ для насъ, для Европы, драгоцѣнные памятники.

Слѣдовательно такое возраженіе ничего незначитъ, и нѣтъ никакой нужды отвѣчать на оное тѣмъ, что именно этотъ промежутокъ въ Византійской лѣтописи не описанъ, или описанъ мало, что много Византійцевъ потеряно, и что находимые въ наше время подтверждаютъ болѣе и болѣе договоры и лѣтопись.

—

(22) Нѣтъ самаго главнаго, объ уступкѣ Нормандіи, см. Деппинга: Histoire des expéditions maritimes des Normands, 1826, II. 114.

(23) Еслибы этого договора не сохранилось въ подлинникѣ, чего нельзя бы наговорить о невозможности этой древней торговли *Смоленска* съ Нѣмецкими городами!

Какъ могли договоры сохраниться у насъ, дойдти до Нестора? — тѣмъ болѣе, что Норманны вообще заботились мало объ ихъ сохраненіи и исполненіи.

На это можно отвѣчать, какъ вообще Исторія принуждена бываетъ отвѣчать часто: какъ бы то ни было, но сохранились.

Впрочемъ они могли сохраняться въ особенности у Грековъ; Греческіе духовные могли привозить ихъ съ собою, чтобъ напоминать о древнихъ обѣщаніяхъ Руси, — съ тою же цѣлію, съ какою и первоначально заключались договоры.

—

Были еще другіе договоры, кои пропали, на примѣръ: договоръ при Василье Македонянинѣ, на которой указываютъ слова Константина, (см. выше, с. 120), и договоры, на которые указываютъ статьи дошедшихъ, напримѣръ:

Предъ Олеговымъ договоромъ сказано: „влѣто 6420 посла мужи свои Олегъ построити мира и положити рядъ межю Русью и Грекы", „и посла равно *другаго* свѣщанія, бывшаго при тѣхже Царѣхъ Лва и Александра (24).

Предъ Игоревымъ: „влѣто 6453 присла Романъ и Костянтинъ и Степанъ слы къ Игореви построити мира *первого*." (25).

„Посла Игорь мужѣ своя къ Роману, Романъ же созва Боляре и Сановники. Приведоша Руския слы, и велѣша глаголати, писати обоихъ рѣчи на харатьѣ,

(24) ШН. II, 698. (25) НЛ. 20. Шлец. III, 86.

равно *другаго* свѣщанья, бывшаго при Цари Раманѣ, и Костянтинѣ, и Стефанѣ.“ (26).

„Мы отъ рода Русскаго слы.... и отъ тѣхъ заповѣдано обновити *ветхии* миръ (27).“

Послы и гости носили печати, „*якоже уставлено есть,*“ нынѣ же, сказано въ Игоревомъ договорѣ, Царь заблагоразсудилъ перемѣнить это (28).

„И отходящей Руси отсюда, възимають отъ насъ, еже надобѣ брашно на путь, и еже надобѣ лодьямъ, *якоже уставлено есть преже* (29).“

Греки должны давать Русскимъ за бѣглыхъ ихъ невольниковъ по двѣ ткани, „*якоже уставлено есть преже*“ (30).

—

Обратимся теперь къ содержанію договоровъ; тамъ новыя и стольже твердыя доказательства ихъ подлинности.

Сперва вообще. Сравните договоры Олеговъ и Игоревъ — одинъ заключенный послѣ счастливаго набѣга, другой послѣ несчастнаго и безъ войны. Условія ихъ совершенно различны: кромѣ общихъ непремѣнныхъ постановленій, въ первомъ ясно видны Варяги побѣдителями, во второмъ побѣжденными; всѣ статьи перваго клонятся къ явной пользѣ Руси, всѣ статьи втораго выгодны для Грековъ; съ Олегомъ договариваются, Игорю предписываютъ (31).

И мы знаемъ изъ лѣтописей, своихъ и Византійскихъ, что дѣйствительно было такъ.

(26) НЛ, с. 20. (27) Тамъ же с. 21. (28) Тамъ же с. 21. (29) Тамъ же с. 22. (30) Тамъ же с. 23. (31) Эверса 138.

Еще яснѣе видна подлинность договора и лѣтописи на Святославѣ: лѣтопись совершенно искажаетъ войну этого Князя, и руководствуясь вѣроятно домашнимъ преданіемъ, какою нибудь сагою, пѣснями, приписываетъ ему побѣду, а между тѣмъ прилагаетъ договоръ, въ которомъ ясно видно его пораженіе; ибо онъ долженъ былъ оставить Болгарію, въ которой только что хотѣлъ было поселиться, какъ не задолго предъ тѣмъ было разсказано. Пораженіе это засвидѣтельствовано и Византійскимъ лѣтописателемъ. Не очевидно ли, что договоръ былъ въ рукахъ у нашего лѣтописателя, которой прямо помѣстилъ оной въ лѣтопись, не заботясь ни мало, что онъ самъ опровергаетъ свое сказаніе? Не очевидно ли, что онъ, добросовѣстный, не смѣлъ ничего перемѣнять, и съ одной стороны разсказалъ все такъ, какъ до него дошло преданіемъ, а съ другой помѣстилъ сохранившійся документъ. Если бы онъ выдумывалъ, то — или выдумалъ бы выгодной договоръ сообразно своей удачной войнѣ, или сочинилъ бы неудачи военныя, сообразно своему невыгодному договору.

Три договора, съ разными статьями, и между тѣмъ сообразныя съ обстоятельствами и иностранными свидѣтельствами!

Съ другой стороны — мнимый поддѣлыватель какъ бы сталъ повторять нѣкоторыя статьи въ двухъ договорахъ: для каждаго онъ сталъ бы уже выдумывать иныя. Повторять одну и ту же выдумку — это не возможно!

Обратимся теперь къ частностямъ, и укажемъ на статьи и разныя черты договоровъ, кои рѣшительно подтверждаются посторонними свидѣтельствами историческими.

Да входятъ в градъ одними вороты со Царевымъ мужемъ, безъ оружья, мужъ 50. (32).

Nec permittebat (Франкамъ) Imperator introire in civitatem multos in simul, sed honoratim, vel quinque vel sex.

Другой писатель прибавляетъ: cum paucis et sine armis. (33).

—

Аще оускочитъ челядинъ отъ Руси... ти тогда взимаютъ отъ насъ цѣну свою... 2 паволоцѣ за челядинъ. (34).

Протоспафарій Епифаній, посыланный ко Князю Гугону въ Италію, получилъ для военныхъ издержекъ разныхъ родовъ ткани. (35).

Есть примѣры, что выкупались плѣнники тканями.

И Норманны означали цѣну вещей тканями. (36).

—

Входяще же Русь в градъ, да не имѣютъ волости купити паволокъ лише по 50 золотникъ, и отъ тѣхъ паволокъ аще кто крьнетъ, (купитъ), да показываетъ Цареву мужю,

Ліутпрандъ, Кремонскій Епископъ, бывшій въ Константинополѣ два раза, 946 и 968, говоритъ, что онъ накупилъ тамъ дорогихъ парчей, но при выѣздѣ велѣно ему пока-

(32) Ол. дог. въ Кен. сп 25. Кар. I. 134. (33) Кругъ, 77. (34) Иг. дог. въ Лавр. сп. 22. Кар. I. 152. (35) Кругъ 113. (36) Кар. I. 351. Кругъ, 115.

и то е запѣчатаетъ, и дастъ имъ. (37).

зать оныя. Тѣ, которыя позволено вывозить, были заклеймены, а запрещенныя драгоцѣнныя удержаны съ возвращенiемъ ему покупной цѣны.

Онъ же: если чужестранный купецъ пойманъ будетъ въ вывозѣ такихъ парчей, то обрить его голову и подвергнуть его тѣлесному наказанiю. (38).

—

Въ Олеговомъ договорѣ говорится объ укладахъ на Кiевъ, Черниговъ, Переяславль, Полотскъ, Ростовъ, Любечъ. (39).

Конст. Багрянородный по другому случаю говоритъ, что суда, ходившiя въ Константинополь, были изъ Кiева, Чернигова, Любеча, и проч. (40).

Олафъ Тригвазонъ, соединившись съ Ярломъ Сигурдомъ для преслѣдованiя языческихъ Британцевъ, сговорился: „ut quilibet sociorum Olai, duas partes communis praedae caperet, cum comitis vero (viri?) unam sortirentur; ipsemet Olaus tres sibi haberet, comes unam saltem ob-

(37) НЛ. 22. Кар. I. 152. (38) Кругъ 124, 130. Эверсъ 223. (39) ШН. II. 638. Кар. I. 133. (40) Стриттеръ III, 34.

tineret. Ejusmodi autem partitio inter illos esse debebat, quia Olaus, militesque illius... fortitudine sua, et progrediendi audacia, caeteris plura comparabant (Ossur Munk.p. 48. 61). (41).

Согласно съ симъ и у Нестора: возми дань на насъ и на дружину свою, говорили Греки Святославу.

—

И да не имѣютъ власти Русь зимовати в устьи Днѣпра, *Бѣлъбережи, ни у Святаго Ельферья*; но егда придетъ осень, да идутъ в домы своя в Русь. (42).

„Отсюда, (отъ рѣки Селины) плывутъ они, (Руссы), говоритъ И. Константинъ, 4 дня до одного болота, (бухты), составляемаго устьемъ рѣки, въ которомъ находится островъ *Св. Еѳерія*; приставъ къ сему острову, отдыхаютъ они два или три дня, и запасаются нужными для своихъ судовъ вещами: парусами, мачтами, рулями, и проч. что везутъ съ собою. Поелику эта бухта, какъ сказано, есть устье

(41) Гагемейстера о Финансахъ древней Россіи, с. 95, пр. 26. (42) Н.Л. 24.

рѣки, и простирается до моря, гдѣ находится также *и островъ Св. Еферія*, то оттуда ходятъ они къ Днѣпру, гдѣ еще отдыхаютъ; потомъ при попутномъ вѣтрѣ плывутъ *они къ рѣкѣ Бѣлой*, гдѣ опять отдыхаютъ" (43).

—

За несоблюденіе договора послы клялися, „елико ихъ есть нехрещено, да неимуть помощи отъ Бога ни отъ Перуна, да неущитятся щиты своими,.... и да посѣчены будуть мечи своими... *и да будуть раби въ весь вѣкъ, въ будущии* (44).

Левъ Діаконъ говоритъ, что „побѣжденные Тавроскиѳы никогда живые не сдаются непріятелямъ, но вонзая въ чрево мечи, себя убиваютъ. Они сіе дѣлаютъ по причинѣ мнѣнія своего, что убитые въ сраженіи, по смерти своей или разлученіи души съ тѣломъ, служатъ въ адѣ своимъ убійцамъ. Почему страшась сего рабства, боясь служить своимъ врагамъ, они сами себя закалаютъ. Такое господствуетъ мнѣніе." (45).

—

(46) А великии Князь Русскии, и Боляре его, да посылають въ Греки къ ве-

Подобныя мѣры, говоритъ Эверсъ, (47), принимаемы были Греками и

(43) Стриттеръ III, 40. ШН. III. 156. (44) НЛ. 21. (45) Левъ Діаконъ, с. 94 (46) НЛ. 21. (47) Эверсъ, 220.

ликимъ Царемъ Гречьскимъ корабли, елико хотятъ, со слы и с гостьми, якоже имъ уставлено есть. Ношаху сли *печати злати, а гостье сребрени*; нынѣ же увѣдѣлъ есть Князь вашъ посылати грамоту ко царству нашему. Иже посылаеми бываютъ отъ нихъ сли и гостье, да приноситъ грамоту, пишюче сице и проч.

вразсужденіи другихъ грубыхъ народовъ. Еще въ 715 году въ договорѣ съ Болгарами было постановлено, чтобы торговые люди той и другой стороны, въ случаѣ привоза товаровъ, имѣли при себѣ грамоты и печати и т. д. Такъ гласитъ договоръ: ut mercaturam inter utramque ditionem exercentes res suas venales litteris et sigillis (*δια σιγιλλιων και σφραγιδων*) commendatas et firmatas in publicas rationes inferre deberent. Theoph. p. 421. (т. е. производящіе торговлю между обѣими странами обязаны привозить товары за печатями и грамотами, и предъявлять ихъ правительству. — Negotiantes vero in utraque regione per praecepta et signacula commendari. Si qui vero sine signaculo inventi fuissent, diriperentur, quae haberent et inferrentur publicis rationibus, (то есть торгующіе въ той и другой странѣ должны для удостовѣ-

ренія предъявлять *грамоты* и *печати*; а если кого случится найти безъ печати, у того товары будутъ отобраны и обращены въ казну). Anastasii Historia ecclesiastica, p. 178. (48).

А о сихъ, оже то приходять *Черніи Болгаре*, воюють въ странѣ Корсуньстѣй, и велимъ Князю Рускому, да ихъ не пущаеть пакостить странѣ той. (49).

И мы находимъ у И. Константина Багрянороднаго. это названіе *Черной Болгаріи*. (50).

Мы же съвѣщаньемъ все написахомъ на двою харатью, и едина харатья есть у царства нашего, (въ НК. на ней же есть крестъ и имена наша написана, а на другой послы ваша и гости ваша. А отходячи посломъ Царства нашего) да допроводять къ Великому Князю Рускому Игореви, и ти приимаще харатью. . .

Haec et alia multa cum inter se agitassent, fiederum in quinquanginta annos conditiones sunt perscriptae, Graece et Persice. Deinde Graeca in sermonem Persicum et Persica in Graeca sunt translata. . . — Sic mutua tranditione inter se sibi pacis tabula Zichus Petro Persarum lingua scriptas, et Graeca Petrus Zicho tradi-

(48) Кругъ с. 197. (49) НЛ. 24. (50) Кар. I. 356..

derunt. Rursus cum Zichus accepisset a Petro aeque ac authenticum approbatum exemplar, e Graeco Persica lingua expressum,... eadem itidem Petrus a Zicho pari forma accepit. Menander (Theophylactus Sim.) in Corp. Bysant. Hist. 1. 140—142. (51).

На ней же суть имяна наша (Царскія) написана (52).

Папа Григорій II пишетъ къ Императору Льву Исаврянину: Cum literae tuae... sigillis Imperatoris obsignatae essent, ac accurate intus subscriptiones per cinnabarim propria manu tua, ut mos est Imperatoribus subscribere. (53).

—

Елико Хрестеянъ отъ власти нашея плѣнена приведуть Русь... ту аще будеть уноша или дѣвица добра, да вдадять златникъ 10, и поимути и. Аще ли средовичь, да вдась златникъ 8, и поимуть и (54).

Сіе опредѣленіе достоинства или цѣнности невольника можетъ для насъ, говоритъ Эверсъ, казаться страннымъ: за середовича, или человѣка съ полными силами, средняго возраста, полагается меньшая плата, нежели за юношу или дѣвицу; но такое же разпредѣленіе

(51) Эверсъ 147—148. (52) Н.I 25 (53) Прочія мѣста см. у Круга въ Хронологіи с. 79 (54) Н.I. 23

цѣнъ, (и вѣроятно, на одинакомъ основанiи,) находимъ мы еще и теперь у другихъ народовъ, кои производятъ торгъ невольниками (сличи I. Burchardts Reisen in Nubien, Weimar, 1820 c. 45. Новое доказательство подлинности и истины договора!“ (55).

—

„Мы отъ рода Рускаго,“ сказано въ началѣ Олегова и Игорева договоровъ,... „и отъ *всѣхъ людии Рускiя земля*“ (56).

Ils (Норманы) cessèrent d'être populaires, comme l'étoient leurs predécesseurs, qui *prenant le peuple pour conseiller en toutes choses*, le trouvoient toujours pret à faire ce que luimême avoit déliberé (57).

—

Въ договорахъ говорится о предмѣстiи Св. Мамы, гдѣ должны останавливаться купцы Русскiе, — и мы знаемъ изъ современныхъ свидѣтельствъ, что было въ Константинополѣ такое предмѣстiе, гавань, въ родѣ Кронштата Петербургскаго. (58). (Одна такая черта подтверждаетъ уже могущественно подлинность договоровъ, а такiя черты встрѣчаются во множествѣ!)

—

(55) Эверсъ 210. (56) НЛ, 20. (57) Тьери, 145. (58) ШН. II, 653, Кар. I. пр. 313.

Въ началѣ Игорева договора мы видимъ, что *множество пословъ* было отправлено въ Константинополь заключить оный, и мы знаемъ вообще, что количество пословъ было непремѣннымъ условіемъ знаменитости посольства (59). Имп. Константинъ Багрян. свидѣтельствуетъ также, что въ свитѣ Ольги было 20 пословъ (60).

—

Русскіе воины, которые изъ чести придутъ служить Царю, могутъ, буде захотятъ сами, остаться въ землѣ Греческой (61). И мы знаемъ изъ Византійскихъ лѣтописей, что дѣйствительно Русь служила въ Греческомъ войскѣ. Когда въ 946 г. представляли пословъ Эмира Тарсійскаго Императорамъ, тогда многіе крестившіеся Руссы, вооруженные мечами, были во дворцѣ, и держали въ рукахъ знамена. Въ 949 г. находилось около 600 Россіянъ въ Греческомъ флотѣ, отправленномъ къ острову Криту. Полководецъ Никифоръ Фока въ 962 и 963 имѣлъ также Россіянъ въ войскѣ своемъ и проч. (62).

—

Въ договорѣ О. говорится о *наслѣдствѣ* Русина, умершаго въ Греціи, которое должно быть переслано въ его отечество, и у Нормановъ есть свидѣтельство объ участкѣ изъ добычи, которой долженъ быть доставленъ наслѣдникамъ (63). Et si aliquis de Nortmannis occisus fuit, quaesitum pre-

(59) Кар. I. пр, 346. (60) Стриттеръ III, 53. (61) Дог. Ол. Кар., 139. (62) Кар. I, пр. 384. (63) Гагемейстеръ пр. 24. с. 95.

tium pro eo est exsolutum. Annal. Bert. ad an. 866 ap. Muratori Rer. Ital. script. II. 545.

—

Почетность купцевъ, видная въ договорахъ, подтверждается извѣстіями Константина Багрянор. и Сѣверныхъ Лѣтописателей (64).

—

Присоединимъ слѣдующее замѣчаніе Эверса (65): „по исполненіи дѣла Русскіе послы были одарены въ Константинополѣ Императоромъ Львомъ, а Греческіе въ Кіевѣ Великимъ Княземъ Игоремъ (66). Такъ издревле было въ обыкновеніи у всѣхъ почти народовъ. Замѣчательно, что по приказанію Императора, Русамъ-язычникамъ было показано все благолѣпіе храмовъ Христіанскихъ. Сіе обстоятельство легко бы можно было отнесть къ числу невѣроятностей, находимыхъ въ Олеговой грамотѣ; но сіе-то невѣроятное обстоятельство и должно напротивъ еще служить для насъ внутреннимъ признакомъ въ подлинности, если мы при семъ примемъ въ соображеніе, что точно такая же честь за годъ предъ симъ оказана была Арабамъ, какъ разсказываетъ продолжатель Константиновъ. Chronographica narratio in Script. post Theophanem, (Ed. Ven). 231.“

—

Часто встрѣчающееся у Византійцевъ выраженіе *δια κιναβαρεος γραμματα* находилось и въ этомъ трактатѣ, но незнающіе Русскіе переписчики

(64) См. Шлецера Сѣв. Исторію 561 и проч. Стриттера III, 54. (65) Эверсъ, 137. (66) НШ. Ч. II с. 748 и III. с. 188.

изъ „киноварнымъ написаніемъ“ сдѣлали „Ивановымъ написаніемъ“, и проч. (67)- Черта подлинности! (Я не понимаю, почему Г. Арцыбышеву не нравится это замѣчаніе!)

—

„Въ нѣкоторыхъ спискахъ, говоритъ Карамзинъ (68), сказано при концѣ договора: сотворихомъ нынѣ къ вамъ пинехрусу. Слово безъ сомнѣнія Греческое, и состоитъ кажется изъ *πινα* и *χρυση* (златая). Извѣстны слова *πινακιον*, *πινακις*, доска для письма, schreibtafel. Грамота съ печатью золотою называлась *βυλλα χρυσῆ* — нетоже значило и *πινα χρυσῆ*?“

—

Очень многія статьи Олегова и Игорева договоровъ подтверждаются оглавленіями подобныхъ статей въ договорѣ Грековъ съ Булгарами (811 г.), а еще болѣе слѣдующими статьями договора Персидскаго, кои приводятся Эверсомъ (69).

Foederibus (autem) scribendis et faciendis affuerunt e Romanis Petrus Dux militum, qui circa Imperatorem militabant, Eusebius et alii; ex Persis Jedegouphiacus, Surenas et alii. Conventionum vero ab utraque parte approbationes fuerunt syllabis comprehensae. Quas invicem sibi tradiderunt, aeque pollentibus verbis, et ejusdem sensus et tenoris. Quae autem pacis instrumenta ferebant dicentur....

3. Tertio capite cavetur, ut Romani et Persae, quarumcunque mercium mercatores, et hi qui vectigalia ex hujusmodi mercibus colligunt, secundum legem ditionis, in qua illis commercium est, neque

(67) Кругъ 79. (68) Кар. I. пр. 413. (69) Эверсъ 147.

in aliis locis, quam in quibus decimarum solutio est indicta, mercaturas faciant.

4. Ut legati et reliqui, cum quid nuntii perferunt, equis publicis modo per Romanorum, modo per Persarum regiones si iter habeant, pro cujusque gradu et dignitate honore afficiantur. Et diligentia quidem, quanta opus erit, iter maturent, sine ullo impedimento, aut tributi illatione.

9. Neminem invadere, aut bello lacessere gentem, aut regionem, quae sub alterutrius imperio, sed potius cum omnes nulla in re affecti injuria vitam agant, pacate et quiete degant, per illos aliis quoque pace frui liceat....

Alterius post decimum foederum capitis haec est constitutio: Si una civitas alteri detrimento fuerit, quia illi plurima incommoda, neque legitimo bello, neque exercitus vi, sed dolo et clandestina invasione intulerit, (sunt enim multi homines ad hujusmodi facinora perpetranda admodum proclives, belli inde occasio oriatur), statutum est omni ratione, ut in eos diligenter inquiratur, et judices, qui ab utriusque Principibus in confiniis juri dicundo sunt praepositi, in eos animadvertant....

Haec cum ita recte et ordine gesta administrataque fuissent, Syllabas hi, quibus ejus rei cura demandata erat, sensum duabus tabulis exaratas susceperant, et Syllabarum vim et aeque pollentibus et eadem significantibus verbis expresserunt, quarum statim altera exemplaria confecerunt. Et quidem magis authenticae tabulae, quibus plenior fides ad-

hiberetur, et quae majores vires haberent, cereis effigiebus fuerunt involutae, et aliis, quae apud Persas sunt in usu; tum etiam legatorum sigilla annulis impressa, et duodecim interpretum, sex Romanorum, neque minori numero Persarum (70) etc.

Однимъ изъ сильнѣйшихъ доказательствъ подлинности служитъ множество собственныхъ именъ въ началѣ Игорева договора, именъ, кои всѣ звучатъ по Скандинавски. Какимъ образомъ и для какой цѣли могло придти въ голову лѣтописателю, переписчику, или кому бы то ни было, выставить это множество? Была ли возможность выдумать, сочинить чуждыя, варварскія собственныя имена, или откуда взять оныя? Гдѣ образчики?

Можно ли выдумать, когда бы то ни было,ословъ частныхъ, отъ Князей мѣстныхъ „свѣтлыхъ-сущихъ подъ рукою Олега," которыхъ слѣдъ изчезъ даже въ 10 столѣтіи, не только 11 или 12, или 13, которыхъ именъ почти всѣ наши изслѣдователи, и самъ Шлецеръ, не видали въ договорѣ, почитая ихъ сполна именами пословъ — именъ по моему мнѣнію такъ очевидныхъ. Да, всѣ имена, кончащіяся на *овъ*, суть не имена самихъ посланниковъ, но имена тѣхъ Князей, кои вмѣстѣ съ Игоремъ отправили посольство къ Византійскому Императору, и о коихъ сказано въ началѣ „и объчии сли," а въ концѣ „мы... послании отъ Игоря, великого Князя

(70) Продолженіе см. выше, с. 134.

Русскаго, и отъ всякоя Княжья.“ Въ Олеговомъ: „отъ всѣхъ иже суть подъ рукою его.“ (71).

Начало Игорева договора должно по моему мнѣнію (въ Лавр. сп.) понимать вотъ какъ: мы отъ рода Русскаго послы и гости — Иворъ, посолъ отъ Игоря, великаго Князя Русскаго, и общіе послы: Вуефастъ отъ Святослава, (Святославль,—такое же притяжательное отъ Словянскаго имени Святославъ, какъ прочіе на *овъ*), сына Игорева, и искусеви (непонятное слово; собственное или нарицательное—не знаю) отъ Ольги Княгини.

Слуды отъ Игоря, племянникъ Игоря.

Улебъ отъ Володислава (Володиславль).

Каницаръ отъ Передславы.

Шихбернъ, Сфандръ, отъ жены Улебовой.

Прасьтенъ отъ Турда (?).

Либіаръ отъ Фаста (Фастовъ).

Гримъ отъ Сфирьки.

Прастѣнь, Акунь, нетій Игоревъ, Кары, отъ Тудка, Карша, Турда, Егрієвлиска, Воика.

Истръ отъ Аминода.

Прастенъ отъ Берна.

Явтягъ отъ Гунаря.

Шибридъ отъ Алдана, Колклека, Стеггіетона.

Сфирка, Алвадъ, отъ Гуда.

Фудри отъ Туада.

Мутуръ отъ Ути (Утинъ, а можетъ быть это особливое имя).

Купецъ Адунь.

(71) Кар. I, пр. 319.

И отсюда уже болѣе не попадается именъ на *овъ*, что очень примѣчательно. Не суть ли купцы всѣ слѣдующіе? *гостье?* (72) Адулбъ, Иггивладъ, Олебъ, Фрутанъ, Гомолъ, Куцы, Емигъ, Турбидъ, Фурстенъ, Бруны, Роальдъ, Гунастръ, Фрастенъ, Игелдъ, Турбернъ, Моны, Руальдъ, Свѣнь, Стиръ, Алданъ, Тилена, Пубьскарь, Вузлѣвъ, Синко, Боричь.

Къ доказательствамъ моему мнѣнію причислю и слѣдующее:

Одно имя встрѣчается въ Игоревомъ договорѣ въ двухъ формахъ: на *а* и *овъ* — *Сфирка* и *Сфирковъ*. Безъ сомнѣнія одно принадлежитъ послу, Сфирка, а другое лицу, Князю, пославшему отъ себя посла:

Гримъ отъ Сфирки.

Сфирка отъ Гуда.

Другое имя Гуда или Гуды въ Игоревомъ договорѣ встрѣчается притяжательною формою *Гудовъ*, а въ Олеговомъ именительнымъ падежемъ *Гуды*. Можетъ быть сюда же принадлежатъ *Алданъ* и *Алдань* въ Игоревомъ договорѣ.

(Можетъ быть нѣкоторыя имена по другимъ спискамъ должно будетъ исправить, переставить, и тому под.)

Повторю, гдѣ взять эту кучу Скандинавскихъ именъ, и на что поставить ихъ въ заглавіе договора? Твердое доказательство подлинности!

Хронологическія затрудненія, встрѣтившіяся Шлецеру, и понудившія его отвергать договоры, дѣла-

(72) Ну какъ выдумать такія вещи?

ются теперь доказательствами подлинности, послѣ того, какъ онѣ рѣшительно устранены Кругомъ.

Договоръ заключенъ, сказано въ его началѣ по лѣтописи, съ Царями Греческими, Львомъ, Александромъ и Константиномъ. Это вздоръ, говоритъ Шлецеръ, ибо Левъ царствовалъ одинъ, и не имѣлъ соправителя, а Константинъ вступилъ на престолъ гораздо послѣ (73).

Во всякомъ подлинномъ договорѣ такой ошибки быть не могло бы, слѣдовательно ясно, что онъ подложный: поддѣльщикъ, не знавъ Исторіи, наставилъ имена, кои не могутъ стоять вмѣстѣ, и обличилъ свой подлогъ. Такъ разсуждалъ Шлецеръ.

Шлецеръ ошибается, отвѣчаетъ Кругъ и съ нимъ Карамзинъ (74): „Кедринъ пишетъ, что Императоръ Левъ еще за долго до смерти своей *короновалъ* сего младенца. Что касается до Александра, то онъ и при жизни Льва назывался Царемъ. Левъ грамматикъ, въ описаніи Львова государствованія (Гл. V) сказываетъ, что крестнымъ отцемъ Зоина сына, Константина (въ 905 г.) былъ *Царь* Александръ.“

Слѣдовательно сіи имена могутъ стоять вмѣстѣ.

Договоръ подписанъ тремя Императорами, разсуждалъ еще Шлецеръ, въ 912 году, но тогда двое изъ нихъ умерло: Левъ въ 911 г., Александръ 1 Іюня 912 г.; Константинъ же вступилъ на престолъ въ 912 г. послѣ дяди подъ опекою. Здѣсь противорѣчія въ лѣтосчисленіи слишкомъ грубы и проч. (тамъ же).

73) ШН. II, 753. (74) Кар. I, пр. 317, Кругъ 108—112.

Нѣтъ, отвѣчаетъ Кругъ (75) и съ нимъ Карамзинъ (76): въ концѣ самаго договора, по Троицкому списку, стоитъ мѣсяца Сентября въ 2 недѣлю, пятоенадесять лѣто отъ созданія міра. Пятоенадесять лѣто означаетъ 15 индиктъ: слѣдственно договоръ заключенъ по нынѣшнему лѣтосчисленію, въ Сентябрѣ 911 года, за 8 мѣсяцевъ до кончины Императора Льва, умершаго въ 912 году.

Теперь спрашивается: какой позднѣйшій мнимый поддѣлыватель, 13 или 14 вѣка, могъ угадать, что въ 911 году можно было приписать договоръ Льву, Александру и Константину, когда теперь, въ 19 вѣкѣ, насилу, со всею ученостію и зоркостію, критика могла добраться, что можно.

Не есть ли здѣсь громогласное подтвержденіе подлинности!

—

Договоры подтверждаются Русскою Правдою, которая составляетъ совершенно особый документъ, ибо ея нѣтъ ни въ какихъ спискахъ Несторовой Лѣтописи, кромѣ двухъ Новогородскихъ. Нѣкоторыя статьи ея совершенно согласны, или по крайней мѣрѣ параллельны съ статьями договоровъ, и доказываютъ ихъ достовѣрность. (Разумѣется здѣсь ненадо терять изъ вида того, что первыя относились къ Русскимъ, въ ихъ отечествѣ, а вторыя къ Русскимъ въ ихъ отношеніи къ Грекамъ, и въ Греціи). Напримѣръ о достаточности видимыхъ признаковъ

(75) Кругъ, 110. (76) Кар. 1, пр. 317.

(показаній), (77) о довѣренности къ клятвѣ отвѣтчика, а не истца (78), о наказаніяхъ и правѣ мести за смертоубійство (79), за раны и побои (80), за воровство. (81).

Предоставлю нашимъ юристамъ подробнѣе сравнить договоры съ Правдою, и между собою.

—

Замѣтимъ еще согласіе договоровъ съ Лѣтописью.

Въ договорахъ говорится объ укладахъ прежде всего на Черниговъ и Переяславль, и въ лѣтописи мы видимъ, что эти города были главными становищами Варяговъ; ибо именно они отданы Ярославомъ сыновьямъ своимъ, Святославу и Всеволоду. — Обычай брать дань на города мы видимъ при Ольгѣ, взявшей отъ Древлянъ дань на Вышгородъ. Сюда же относятся выраженія Лѣтописи: „возми дань на насъ и на дружину свою", говорятъ Греки Святославу, „и повѣжьте ны, колько васъ, да вдамы по числу на главы" (82). „И въдаша ему дань; имашеть же и за оубьеныя, глаголя, яко родъ его возметь" и проч. (83).

—

Филологическія доказательства подлинности — языкъ мудреный, переводный, насильственный отъ неискусства переводчиковъ, переводившихъ договоры съ Греческаго, заключающій много словъ непонятныхъ, и, что всего важнѣе, множество Болгаризмовъ,

(77) Эверс. 154, (78) Кар. I, 320. (79) Эверсъ 159, 164. (80) Тамъже с. 165. (81) Тамъже с. 169. (82) Тамъже. с. 40. (83) Тамъже. с. 41.

какъ свидѣтельствуетъ первой знатокъ этого дѣла, Шафарикъ. Спрашивается — найдется ли даже теперь искусникъ, ученый искусникъ, который умѣлъ бы поддѣлаться подъ такой языкъ? Что же сказать о XIV вѣкѣ? Можно ли попасть на мысль (въ Новѣгородѣ) сочинить Болгаризмы. На что ихъ? Кто могъ предполагать недовѣрчивость, и недовѣрчивость такую? И кто могъ думать о предупрежденіи ея подобною удивительною штукою? Болгаризмы въ Новѣгородѣ въ XIV вѣкѣ!!!

—

Укажемъ на странныя, переводныя, формы и выраженія. „Мечьтая образомъ искусъ творити,“ или „елико явѣ будетъ показаны явленными,“ и проч., и проч.

Два ГГ во собственныхъ именахъ указываютъ на Греческій подлинникъ: Иггивладъ, Стеггіетоновъ.

Мудреной, переводной языкъ видѣлъ и Строевъ, (84), и Эверсъ, не употреблявшій однакожъ этой мудрености въ доказательство подлинности.

—

Объяснимъ нѣкоторыя недоразумѣнія.

Христіанскія выраженія въ началѣ Игорева договора приводили Шлецера къ сомнѣнію: „и отъ тѣхъ заповѣдано обновити вѣтъхии миръ, ненавидящаго добра и враждолюбьца дьявола разорити отъ многъ лѣтъ и проч. (85).

„Все это такъ по Христіански — діавола! Зналъ ли Норманнъ Христіанскаго діявола? Зналъ ли его Славенинъ?“ (86).

(84) Труды Общ. Ист. IV, с. 175. (85) Н.Л. с. 21. (86) ШН. III, 109.

Нечего удивляться этимъ выраженіямъ, ибо онѣ принадлежатъ Грекамъ.

Точно въ такомъ же смыслѣ Императоръ Іоаннъ Цимисхій говоритъ язычнику Святославу у Льва діакона (87): „вѣруя въ Провидѣніе, управляющее вселенною, и исполняя Христіанскіе законы, мы не должны сами разрывать мира, непоколебимо до насъ дошедшаго отъ предковъ нашихъ, въ которомъ самъ Богъ былъ посредникомъ.“

—

Нѣкоторыя у насъ удивляются еще торговлѣ Руссовъ въ Константинополѣ, видной изъ договоровъ. Объ этомъ не стоитъ труда и говорить: пусть эти господа почитаютъ Константина, Кедрина и прочихъ Византійскихъ лѣтописателей.

—

Договоры выдуманы, кричатъ иные безотчетно.

Но изъ всѣхъ статей въ договорахъ нѣтъ ни одной, которая не была бы прилична Русскимъ и Грекамъ (88), и современнымъ обстоятельствамъ обоихъ народовъ. — Какъ можно выдумать такую совокупность показаній, и не сбиться, не впасть въ противорѣчіе, не оставить слѣдовъ вымысла, подлога?

При продолжающихся сношеніяхъ — понимаю я, что можно выдумать иногда договоры, обязанности взаимныя, выгоды для какой либо стороны; но какъ выдумать при сношеніяхъ, давно прекратившихся?

(87) с. 65. (88) Читай Эверса.

Какъ можно выдумывать не самимъ негоціаторамъ, а лѣтописцамъ? — Новгородцу для Кіевскихъ Князей?

Мысль выдумать договоръ никакъ не могла придти въ голову мнимому лѣтописцу 14 вѣка, а еще менѣе приписать оной Кіевскимъ Князьямъ, за 400 лѣтъ до него жившимъ. Лѣтописатели не считали тогда нужнымъ помѣщать договоры своего времени, договоры истинные, въ лѣтописи, и вотъ почему въ Новогородскихъ лѣтописяхъ нѣтъ ни одного договора съ Ганзейцами, которыхъ было множество.

Истинныхъ, подлинныхъ договоровъ лѣтописцы не помѣщали, а старинные выдумывали! Какая несообразность! И на что? съ какою цѣлію? Пусть попытаются теперь придумать цѣль, намѣреніе выдумки.

Да о самомъ Кіевѣ 13 и 14 вѣка нѣтъ ничего въ лѣтописяхъ Новгородскихъ. Сношеніе совершенно прекратилось.

Какъ можно выдумать дововоръ невыгодный, подобный Святославову? Съ какой цѣлію? И притомъ въ противорѣчіе собственному своему описанію войны?

Съ чего представить такое разнообразіе въ трехъ дововорахъ?

—

Договоры, говорятъ, списаны съ Ганзейскихъ.

Пусть укажутъ, съ какихъ именно. Пусть анатомируютъ Олеговъ, Игоревъ и Святославовъ договоры, и пріищутъ къ каждой статьѣ Ганзейской источникъ.

Если договоры выдуманы съ Ганзейскихъ, то какъ объяснить ихъ различіе: отъ чего Олегу придуманы условія выгодныя, Игорю менѣе, а Святославу напротивъ?

Какъ выдумать статьи, (и изъ какого Ганзейскаго договора могли зайдти онѣ), о плѣнникахъ, неслыханныхъ въ Ганзѣ, о выкупѣ ихъ, о службѣ Византійскимъ Императорамъ, о плѣнныхъ середовичахъ и цѣнѣ ихъ, ме́ньшей въ сравненіи съ юношами и дѣвами, объ укладахъ или податтяхъ на города, о числѣ посланниковъ, о предмѣстіи Св. Мамы и его назначеніи, о баняхъ Константинопольскихъ, о фофудьяхъ, о предполагаемыхъ безчинствахъ въ Греціи, о мѣсячинѣ, о печатяхъ, о паволокахъ, о рабствѣ по смерти, о Греческой куварѣ, о Херсонской странѣ, о Черныхъ Болгарахъ, о Св. Елевферіѣ, о правѣ Руси служить въ Греціи, объ извѣстной и установленной цѣнѣ невольниковъ, о наказаніяхъ за смертоубійство, пинехрусѣ, о запрещеніи входить въ ворота городскіе болѣе 50 человѣкъ за царскими приставами, о платежѣ паволоками за рабовъ, о запрещеніи покупать паволоки безъ дозволенія царскаго пристава, которой ихъ клеймилъ, о предъявленіи купленныхъ, о содержаніи пословъ безъ платы, о Руссахъ приходящихъ безъ купли, о показываніи церквей?

Откуда выраженія о построеніи міра вѣтхаго: мы елико насъ хрестилося и проч.?

И что значитъ выраженіе Ганзейскіе договоры! Какъ будто были у кого древніе договоры со всѣмъ

союзомъ. Нѣтъ — у города съ городомъ. А въ договорахъ нашихъ отъ начала до конца все говорится объ единомъ царствѣ, съ которымъ договариваются.

И не странны ли толки о Ганзейскихъ договорахъ, когда ихъ нѣтъ древнѣе 1241 года (89), когда Ганза едва установилась въ концѣ 13 столѣтія, когда вообще изъ 13 стол. извѣстны только очень не многіе, когда нашъ Русскій договоръ, то есть подлинный Мстиславовъ, 1228 года, древнѣе всѣхъ Ганзейскихъ договоровъ. (А можно ли по Мстиславову договору сочинить Олеговъ, Игоревъ, Святославовъ)?

Ну какъ собиратель 13 или 14 вѣка могъ договоръ своего времени отнести ко временамъ древнимъ, предъ своими современниками? Могъ ли онъ такъ обманывать въ глаза? И съ какой цѣлію? Желаютъ обманывать современниковъ, а кому придетъ въ голову утаивать свое сочиненіе отъ современниковъ, съ цѣлію обмануть потомковъ, и въ чемъ, за кого? За древнихъ Кіевскихъ Князей? И что здѣсь почетнаго для Кіевскихъ Князей? Новогородцы стали бы выдумывать что либо для Новагорода, а къ какой стати для Кіева, — и какого Кіева, поруганнаго и разореннаго!

Новгородецъ въ такомъ случаѣ оставилъ бы слѣды Новогородскаго произношенія, какъ на всѣхъ Новогородскихъ памятникахъ, въ грамотахъ, лѣтописяхъ.

(89) Сарторіуса Исторія Ганзейскаго союза, 1806.

Можно выдумывать прошедшее, но вставлять настоящее въ прошедшее — это неслыханно!

—

Если же между десятками разныхъ статей есть единицы подобныя, то отъ этихъ мѣлкихъ частей нельзя ничего заключать къ огромному цѣлому. Такія подобія встрѣчаются у народовъ самыхъ отдаленныхъ одинъ отъ другаго, на противоположныхъ полушаріяхъ, въ разныхъ періодахъ времени. Напримѣръ Послы и купцы Русскіе должны были (90) предъявлять печати въ Константинополѣ, какъ бы вмѣсто паспортовъ, для удостовѣренія въ своей законности. „Безъ сомнѣнія эти печати, говоритъ Эверсъ (91) пересылаемы были Греческимъ дворомъ къ Русскому. Подобной образъ дѣйствованія наблюдали прежде *Китайцы* относительно Русскихъ. Они присылали имъ извѣстное число печатныхъ оттисковъ, кои и были прилагаемы ко всякому паспорту Русскихъ купцовъ для безпрепятственнаго проѣзда въ Пекинъ.“ Что же — Китайцы заимствовали свой обрядъ отъ Грековъ, отъ Ганзейцевъ?

Вотъ первой договоръ Римлянъ съ Карѳагенянами, 509 г. предъ Р. Х., разительно подобный нашимъ договорамъ во многихъ статьяхъ:

„На сихъ условіяхъ должно быть дружество Римлянъ и ихъ союзниковъ съ Карѳагенянами и ихъ союзниками! Римляне и союзники Римлянъ не могутъ плавать за Прекрасный мысъ, развѣ когда

(90) См. выше. (91) с 232.

пригнаны будутъ бурею или непріятелями. Если кто попадетъ туда, то не позволено ему торговать; или брать кромѣ потребнаго для корабля и жертвъ. Чрезъ пять дней приставшие должны отъѣзжать. Купцы, ѣдущіе въ Ливію или Сардинію, не могутъ совершить никакаго законнаго торга, безъ присутствія пристава, или писаря. Что продается въ этомъ присутствіи, то бываетъ подъ отвѣтственностію Правительства. Если прибудетъ Римлянинъ въ Карѳагенскую область въ Сициліи, то долженъ имѣть во всемъ равныя права (съ Карѳагенянами). Карѳагеняне не должны обижать народъ Ардея, Антія, Лавренція, Цирцей, Террачины, ни другой народъ Латинской, покорный Римлянамъ. Также и отъ городовъ прочихъ Латинянъ должны они удерживаться, кои Римлянамъ не покорны; если они возмутъ оные, то должны сдать Римлянамъ безъ пакости. Они не должны закладывать крѣпости въ Лаціи, и, приходя вооруженные, ночевать на сушѣ."

Во второмъ договорѣ Римлянъ съ Карѳагенянами (348 предъ Р. Х.) нѣкоторыя статьи еще ближе (92). Что же — Карѳагеняне списали у Грековъ, или Ганзейцы у Римлянъ!!!

Палласъ замѣтилъ, говоритъ Митрополитъ Евгеній (93), у Калмыковъ, что если тамъ, гдѣ люди

(92) Герена сочиненія, XIII, 506 — 508. (93) въ примѣчаніяхъ къ Мстиславовой грамотѣ. Вѣстникъ Европы 1818, Ч. 4, с. 210.

живутъ, на долинѣ, или хотя бы въ какомъ другомъ потаенномъ мѣстѣ найдутъ убитаго человѣка, или если кто самъ упадетъ въ вырытую яму и отъ паденія умретъ, то должны люди того мѣста, гдѣ мертвый найденъ, или тотъ, кто упомянутую яму вырылъ, оставшимся сродникамъ покойнаго дать въ удовлетвореніе верблюда и девять скотинъ; если же нѣтъ людей вблизи живущихъ, а только пасущаяся скотина, то изъ оной сродники могутъ сами взять и проч."

Что же — Калмыки взяли этотъ обычай изъ Русской Правды и изъ нашихъ договоровъ?

Такія сходства показываютъ только, что отъ одинакихъ причинъ, происходятъ одинакія слѣдствія; въ одинакихъ обстоятельствахъ, при одинакихъ отношеніяхъ, заключаются одинакія условія.

—

Вотъ доказательства подлинности, пріисканныя мною, и собранныя изъ сочиненій моихъ предшественниковъ на поприщѣ изслѣдованій. Ихъ множество, и многія таковы, что порознь даже доказываютъ подлинность договоровъ.

Заключаю: договоры подтверждаютъ еще болѣе подлинность лѣтописи, и ими по справедливости можетъ гордиться Русская Исторія.

ОБОЗРѢНІЕ НЕСТОРОВОЙ ЛѢТОПИСИ ПО ИСТОЧНИКАМЪ.

Разложимъ Несторову Лѣтопись на Шлецеровы сегменты — по Лаврентьевскому списку, сколько его напечатано.

Предупреждаю читателей, во первыхъ, что я буду говорить теперь объ извѣстiяхъ Нестора только въ отношенiи къ *возможнымъ* источникамъ; во вторыхъ, что я нимало нестою за свои *предположенiя*: пусть другiе изслѣдователи приберутъ возможные источники вѣроятнѣе.

Лѣтопись начинается древней космографiей, „*по потопѣ — Вавилономъ*" (1), которую Несторъ заимствовалъ, какъ думалъ Шлецеръ, у Византiйцевъ. Шлецеръ указывалъ на Синкелла, Кедрина и Лѣтопись Пасхальную (2).

Эта космографiя *или* переведена самимъ Несторомъ, если онъ зналъ по Гречески (знать по Гречески онъ могъ, какъ зналъ переводчикъ Ольгинъ, и переводчики договоровъ); *или* получена отъ переводившаго, (какъ Св. Ѳеодосiй получилъ уставъ Студiйскiй отъ монаха Михаила); *или* наконецъ, что мнѣ кажется всего вѣроятнѣе, списана Несторомъ съ готоваго перевода Болгарскаго, и чуть ли

(1) НЛ. 1—2. (2) ШН. I, 14.

не изъ продолженія Амартолова, которое имѣетъ самое близкое сходство съ описаніемъ (3).

Какъ бы то ни было, такъ или иначе, для существа дѣла все равно: космографія могла быть написана Несторомъ—переводчикомъ, слушателемъ или списывателемъ.

Какъ послѣдующіе наши Лѣтописатели присоединяли свои повѣствованія къ Нестору, полному или сокращенному, такъ Несторъ присоединилъ свое къ Византійскому хронографу, отъ сотворенія міра, или Болгарскому его переводу (4).

Имя *Славяне* въ Іафетовомъ удѣлѣ принадлежитъ не переписчику, какъ думалъ Шлецеръ (5), и не Нестору, какъ думалъ Добровскій, который считалъ Иллирійцевъ за Славянъ (6), а вѣроятнѣе Болгарскому переводчику.

—

За космографіей слѣдуетъ исчисленіе главныхъ рѣкъ и племенъ, жившихъ въ нашей сторонѣ, Финскихъ и Латышскихъ, наконецъ исчисленіе племенъ приморскихъ въ сѣверной части Европы: „*до Понетьскаго моря — Хамовымъ*" (7).

Шлецеръ приписываетъ все это мѣсто Нестору (8). Я думаю, что первыя слова, „*до Понетьска-*

(3) См. статью Г. Строева въ Трудахъ Общ. Исторіи IV, 178. (4) Множество лѣтописателей западныхъ и сѣверныхъ начинаютъ также, см. ШН. 17—18.
(5) ШН. I. 33. (6) ШН. III, 680. (7) НЛ. 2. (8) ШН. I. 37.

го моря на полъночныя страны: Дунаи, Дънпстръ и Кавкаисинекія горы" принадлежапъ не Русскому лѣпописателю, а наше прибавленіе начинается съ *рекше*.

На Днѣпрѣ, не мудрено было знапь о Днѣпрѣ, Деснѣ, Припепи, а о Двинѣ и Волховѣ, какъ и о племенахъ Сѣверовосточныхъ, можно было слышать опъ Новогородцевъ, которые ходили туда войною (Улебъ, Владимиръ), или для торговли (Юря Тороговичь). Многія изъ сихъ племенъ плапилъ дань Руси (9).

О племенахъ приморскихъ, до Англіи и Франціи, извѣспно было у насъ въ Кіевѣ или Новѣгородѣ опъ Варяговъ.

Это мѣсто могло принадлежапь и прежнимъ запискамъ.

—

Далѣе — Вавилонское столпотвореніе и разсѣяніе народовъ, „*Симъ же — полунощныя страны* (10)," изъ Болгарскихъ переводовъ или Византійскихъ подлинниковъ.

—

Разселеніе Славянъ съ Дуная по Сѣверовосточной Европѣ — *отъ сихъ же то.... Поморяне* (11).

(9) Все это мѣсто объяснено мною подробно въ разборѣ сочиненія Г. NN. о жилищахъ древнихъ Руссовъ, куда я пока и отсылаю моихъ читателей. Тамъ находятся и доказательства мои, что лѣтописатель исчисляетъ племена въ свое время.

(10) НЛ. 2—3. (11) НЛ. с. 3.

Это место взято, безъ сомнѣнія, изъ Болгарской Лѣтописи, подлинной или переведенной, слѣдовательно не имѣетъ полной историко-Критической важности, пока не найдется подлинникъ; при разсужденіяхъ о заселеніи нашей стороны Славянами нечего намъ ссылаться на Нестора, который не могъ имѣть вѣрныхъ свѣдѣній о такой глубокой Древности. Мы должны брать его слова только къ соображенію. Итакъ напрасно наши незванные критики бросаются на это мѣсто, и выводятъ изъ него свои заключенія о недостовѣрности.

Такъ разсуждалъ я объ этомъ мѣстѣ сначала, бывъ невѣжею въ первоначальной Славянской Исторіи, вмѣстѣ со всѣми нашими изслѣдователями, старыми и новыми, — сказать съ ихъ позволенія. Но Шафарикъ, который озарилъ яркимъ свѣтомъ мракъ, цѣнитъ въ своихъ Древностяхъ извѣстіе Нестора весьма высоко, преставляетъ его согласіе съ Исторіей, и источникомъ почитаетъ древнія народныя пѣсни и сказанія (12).

Мнѣ все кажется однакожъ, что оно составлено изъ этого источника не у насъ, а въ Болгаріи.

Разселеніе Славянъ по нашей сторонѣ: „*также — прозвася Словѣньская*" (13).

Лѣтописатель описываетъ жилища Славянъ нашихъ, присоединяя очень естественно это описаніе

(12) Славянскія Древности II, 80—98, и проч.
(13) НЛ. с. 3—4.

къ описанію Славянскихъ племенъ въ другихъ странахъ, взятому откуда бы то ни было (14). Это кажется второе домашнее извѣстіе.

—

Водяное сообщеніе изъ Варягъ въ Греки, и изъ Грекъ въ Варяги, и до Рима, изъ Руси къ Болгарамъ, описаніе Днѣпра, Двины, Волги: „*Поляномъ же живишимъ особѣ по горамъ симъ*, *бѣ путь — словеть Руское* (15).“

Очевидно austur - vigi Норманскихъ путешественниковъ въ Грецію, разсказанный Нестору или автору прежнихъ записокъ какимъ нибудь Варягомъ въ монастырѣ Печерскомъ. Это третье наше извѣстіе. Замѣчательно, что оно начинается прямо съ Варяговъ.

—

Преданіе о посѣщеніи нашихъ странъ Св. Апостоломъ Андреемъ: „*по нему же училъ — Сюнофію*“ (16) возникло у насъ, или принесено къ намъ. Прибавленіе о баняхъ указываетъ на послѣднее. Но кому же охота сочинять объ насъ? Можетъ быть Греки, при введеніи Христіанской вѣры. Можетъ быть это Новогородскій слухъ.

—

Извѣстіе о Кіѣ и его братьяхъ. Основаніе Кіева: „*Полемъ же живишемъ особѣ и володѣющемъ роды — ту скончашася*“ (17).

Домашнее преданіе, дошедшее до Нестора по мнѣнію Шафарика въ пѣсняхъ. Замѣчательно, что

(14) См. выше, с. 49, 50. (15) НЛ. с. 4, (16) НЛ. с. 4—5 (17), с. 6.

Несторъ приводитъ два преданія, какъ будто предметы спора, и опровергаетъ второе именно тѣмъ, что Кій ходилъ въ Царь-градъ. Слѣдовательно это хожденіе было, видно, неопровержимо, и дошло до него на письмѣ. Ссылка на Дунайцевъ показываетъ сообщеніе.

—

Обстоятельнѣйшее исчисленіе племенъ Славянскихъ въ Руси, и иныхъ: „*и по сихъ братьи—полунощныхъ.*" (18). Домашнее извѣстіе.

—

О нашествіи Болгаръ на Дунайскихъ Словянъ, объ Униахъ бѣлыхъ и черныхъ, Обрахъ: „*Словеньску же языку — ни наслѣдка*" (19) безъ сомнѣнія изъ какой нибудь Болгарской лѣтописи, которая остается для насъ еще неизвѣстною, можетъ быть съ дополненіемъ изъ пѣсень.

—

„*По сихъ же* (т. е. послѣ Обровъ) *придоша Печенѣзи; паки идоша Угри черніи мимо Кіевъ; послѣ же прі Олзѣ* (20)", вставка Несторова или прежняя, по преданію, изъ пѣсень.

—

Новое повтореніе о племенахъ Славянскихъ въ нашей сторонѣ съ дополненіемъ о Радимѣ и Вяткѣ изъ пѣсень по мнѣнію Шафарика, съ заключеніемъ изъ Греческой или Болгарской лѣтописи: „*Поляномъ же . . . суще . . . а Древяня . . . Скуфь*" (21).

—

(18) НЛ. с. 6. (19) с. 6—7. (20) Тамъ же. (21) Тамъ же.

Описаніе нравовъ и обычаевъ племенъ: „*имѣху бо обычаи свои — законъ*“ (22) домашнее извѣстіе, по преданію.

—

Нравы и обычаи разныхъ древнихъ народовъ: „*глаголеть Георгіи — въспитаютъ*“ (23)

Выписка изъ Болгарскаго продолженія Георгіевой лѣтописи (24).

—

Сравненіе съ Половцами и своими современниками: „*яко же се и при насъ нынѣ Половци законъ держать отець своихъ — облекохомся*“ (25) принадлежитъ Нестору.

—

Нашествіе Козаръ на Кіевъ: „*по сихъ же лѣтѣхъ — Русьские и до днешнего дне*“ (26).

Вставка Несторова изъ преданія или пѣсень. Что это — вставка, показываетъ начало: „*по сихъ же лѣтѣхъ, по смерти братьѣ сея*,“ а о братьяхъ, Кіѣ, Щекѣ, и Хоривѣ, говорено было еще за четыре страницы; предъ симъ же извѣстіемъ были совершенно другія — о обычаяхъ народовъ (27).

—

Первое хронологическое извѣстіе, и NB, не объ Русскомъ а о Греческомъ произшествіи, — изъ Греческой лѣтописи, или по крайней мѣрѣ по оной, какъ именно говоритъ Несторъ: „*Въ лѣто... наченшю . . . Гречьстѣмъ . . . положимъ*“ (28).

—

(22) с. 7—8. (23) 8—10. (24) Статья Г. Строева, с. 178. (25) НЛ. с. 10. (26) с. 10—11. (27) Сравни выше с. 90. (28) с. 11.

Хронологическая таблица, взятая изъ неизвѣстной еще Греческой лѣтописи Болгарскимъ переводчикомъ, можетъ быть продолженіе Никифоровскаго Хронографа, и вѣроятно прежде Нестора, которой только что продолжилъ ее до своего времени: *„отъ Адама до потопа — а Ярославъ княжи лѣтъ 40... до смерти Святополчи лѣтъ 60“* (29).

—

Походъ Грековъ на Болгаръ, и крещеніе сихъ послѣднихъ: *„Михаилъ — съ Болгары.“* (30).

Откуда это извѣстіе о Болгарскомъ происшествіи? Разумѣется изъ Болгарской лѣтописи.

—

Наложеніе дани на Славянскія племена Варягами и Козарами, изгнаніе первыхъ, междоусобіе, призваніе отъ Варяговъ-Руси Рюрика съ братьями и проч.: *„имаху дань — и тѣми всѣми обладаше Рюрикъ“* (31).

Несторъ могъ самъ написать это по преданію, которое непремѣнно должно было сохраняться живо, о первомъ прибытіи славныхъ Варяговъ, или это принадлежитъ къ прежнимъ запискамъ, кои Несторъ внесъ въ свою лѣтопись, можетъ быть нѣсколько измѣнивши.

—

Занятіе Кіева Аскольдомъ и Диромъ: *„и бяста — землею“* (32) Кіевское преданіе очень живое, можетъ быть сохранявшееся въ пѣсняхъ.

(29) тамъ же (30) с. 11—12. (31) с. 12. (32) с. 13.

Походъ подъ Царьградъ: „*иде Аскольдъ — возвратишася*" изъ Греческихъ лѣтописей, переведенныхъ или продолженныхъ въ Болгаріи (33).

—

Крещеніе Болгаръ: „*поча — Болгарская,*" (34) разумѣется изъ Болгарскихъ лѣтописей.

—

Смерть Рюрика, и водвореніе Олега въ Кіевѣ: „*умерши Рюрикови —Варягомъ*" (35).

Вѣроятно изъ прежнихъ записокъ. Впрочемъ все это могло быть извѣстно изъ пѣсенъ, по преданію, укрѣпленному памятниками — могилами и церквами.

—

Походы Олега: „*поча Олегъ — рать*," (36) вѣроятно изъ прежнихъ записокъ.

—

Преемство Греческихъ Императоровъ: „*Левонъ — лѣтъ 20 и 7*"(37), разумѣется изъ Греческой лѣтописи или Болгарскаго перевода.

—

Шествіе Угровъ мимо Кіева: „*идоша Угри — се Половци,*" (38) изъ преданія или пѣсень, а дополненіе: пришедъ отъ *востока — Болгарѣхъ Дунайскихъ*, изъ Болгарскихъ лѣтописей.

(33) Статья Г. Строева с. 182 (34) Н.Л. с. 13—14. (35) с. 14 — 15. (36) с. 15. (37) тамъ же (38) тамъ же.

Оттуда же и извѣстіе о Кириллѣ и Меѳодіѣ: „*Словѣномъ же сущимъ крещенымъ — Иллюрикъ* (39) ... *а языкъ Словенскій одинъ* (40). По крайней мѣрѣ я не могу представить себѣ другаго источника.

—

Нападеніе Угровъ на Болгаръ: „*Леонъ Царь — убѣже*," (41) изъ Болгарской лѣтописи.

—

Бракъ Игоря: „*Игореви же — Ольгу*" (42) или изъ прежнихъ записокъ, или по преданію.

—

Походъ Олега въ Грецію: „*иде Олегъ — невѣгласи*" (43), изъ прежнихъ записокъ съ прибавленіями изъ пѣсень, преданія, разсказовъ Варяжскихъ, и вѣроятно изъ Греческихъ лѣтописей, еще неотысканныхъ, напримѣръ извѣстіе о поступкахъ Руси съ Греками (*и выиде — творятъ*) совершенно сходно съ извѣстіемъ объ Игоревомъ походѣ въ Амартоловой лѣтописи.

—

Явленіе звѣзды на западѣ: „*явися — образомъ*" (44) изъ записокъ или изъ Болгарской лѣтописи.

—

Договоръ: „*посла мужи свои — ни Руси*" (45) дошелъ до лѣтописателя въ подлинникѣ, или принесенъ Греками.

—

(39) с. 16—18. (40) НК. с. 22—23. (41) с. 23. (42) Тамъ же. (43) с. 23—26. (44) с. 26. (45) с 26—32.

Смерть Олегова „*и живяше Олегъ — тридцать три*“ (46) изъ пѣсень, преданія, или записокъ, или изъ всѣхъ сихъ трехъ источниковъ вмѣстѣ.

—

„*Поча княжити Игорь по Ользѣ* (изъ записокъ). *Въ сеже время поча царствовати Костянтинъ сынъ Леооновъ* (изъ Греч. лѣтописи), *и Деревляне затворишась отъ Iгоря по Ольговѣ смерти. Въ лѣто.., иде Игорь на Деревляны, и побѣдивъ я, и возложи нань дань больши Ольговы* (изъ записокъ). *Въ тоже лѣто пріиде Свміонъ Болгарскій на Царьградъ, и сотворивъ миръ, пріидс во свояси* (изъ Болг. лѣтописи). *Въ лѣто... пріидоша Печенѣги перьвое на Рускую землю, и сотворивше миръ съ Игоремъ, проидоша къ Дунаю* (по запискамъ). *Въ се же времена — Андрѣнемъ градомъ* (47). Эта война Болгаръ изъ Болгарской лѣтописи.

Желательно бы знать кому принадлежитъ заключеніе: *мы же зовемъ Андрѣнемъ градомъ*, Нестору или его Болгарскому подлиннику?

—

Все слѣдующее „*въ лѣто... поставленъ — со Угры*“, произшествія Болгарскія и Греческія, изъ ихъ лѣтописей.

—

Походъ Игоря въ 941 г: „*иде Игорь на Греки — не одолѣхомъ имъ*“ (48). Изъ Георгіева продолженія, (49) съ дополненіемъ изъ домашнихъ записокъ, напримѣръ: „*Игорь же пришедъ — на ня.*“

(46) с. 33—34. (47) с. 34. (48) Н.Л. с. 18. (49) Спатья. Г. Строева, с. 183.

Далѣе произшествія Болгарскія и Греческія— походъ Симеона на Хорватовъ и нашествіе Угровъ на Царьградъ: „*Семеонъ иде—во свояси*,“ (50) изъ Гр. и Болг. лѣтописей.

—

Второй походъ Игоря: *Игорь же совкупивъ — и пріиде къ Кіеву во свояси*“ (51), изъ домашнихъ извѣстій, вмѣстѣ съ выписками изъ Греч. лѣтописей.

—

Замѣтимъ, что походъ Симеона и нашествіе Угровъ, заключившихъ миръ съ Романомъ въ 943 году — послѣднія Греческія произшествія по Лаврентьевскому списку. Очевидно, что Греческая лѣтопись, бывшая въ Кіевѣ, у Нестора, или его предшественниковъ, простиралась именно только до этого времени: въ противномъ случаѣ почему бы не быть изъ нея выписокъ?

Замѣтимъ также, что списки Георгія Амартола, которые дошли до насъ, оканчиваются также всѣ около этого времени. (52)

—

Договоръ Игоревъ: *присла Романъ—и въ будущая* (53) особливый документъ, переписанный Несторомъ въ свою Лѣтопись.

Присяга Игоря и его дружины: „*послании же сли—странами*“ (54) изъ прежнихъ записокъ, так-

(50) с. 19. (51) с. 19—20.

(52) Это замѣчаніе можно отнести также къ числу доказательствъ о сочиненіи первыхъ нашихъ историческихъ записокъ по крайней мѣрѣ въ 11 вѣкѣ.

(53) НЛ. с. 20—26. (54) с. 26.

же какъ и все слѣдующее описаніе похода на Древлянъ и смерти Игоревой: „*и приспѣ осень — и досего дне*. Несторъ вѣроятно прибавилъ здѣсь что либо отъ себя, ибо въ началѣ находятся слова *хотя примыслити большую дань*, между тѣмъ какъ ни слова не говорено прежде ни объ какой дани, а о мирѣ Игоря, и послѣ о вызовѣ его дружиною на войну; замѣтимъ также, что чрезъ двѣ строки встрѣчается опять это выраженіе: „*и примышляше къ первой дани*.

—

Мщеніе Ольги „*Вольгаже бяше — и ловища*" (55) изъ прежнихъ записокъ съ прибавленіями Нестора.

Примѣту, когда писано это, я вижу въ слѣдующихъ словахъ „воевода бѣ Свѣнелдъ, *тоже отецъ Мистишинъ*:" вѣрно это писано тогда, когда жилъ сей неизвѣстный Мистиша, слѣд. не позднѣе начала II вѣка: сынъ современника Свѣнельдова не могъ жить долѣе. Не можетъ быть, чтобъ эти слова принадлежали Нестору: къ чему бы ему означать неизвѣстнаго Боярина родствомъ съ Мистишею, о которомъ послѣ онъ не говоритъ ни слова? А вотъ его прибавленія: *бѣ бо тогда вода текущи возлѣ горы Киевьскія, и на Подольѣ не сѣдяху людье но на горѣ...* или: *а дворъ Княжь бяше въ городѣ, идеже есть дворъ Демьстиковъ и проч.*

—

(55) с. 27—31.

Управленіе Ольги: „*Иде Вольга Новугороду — въ любъви*“ (56) изъ прежнихъ записокъ.

Путешествіе в Царьградъ: „*Въ лѣто . . . иде Вольга въ Греки — иженуть вонъ*“ (57). Краткое извѣстіе изъ прежнихъ записокъ распространенное много Несторомъ.

Лѣтопись представляетъ Цимисхія современникомъ Ольгѣ, между тѣмъ какъ Ольгу принималъ Константинъ Багрянородной, который самъ описалъ ея пребываніе в Царѣградѣ. Доказательство, что у Нестора не было уже подъ рукою Греческихъ Лѣтописей этого времени.

—

Посольство Императора: „*сиже Ольга — с рекши*“ (58) изъ записокъ или пѣсень.

—

Пребываніе въ Кіевѣ съ сыномъ Святославомъ и увѣщаніе принять крещеніе: *живяше — до взраста его.*“ (59) Краткое извѣстіе изъ записокъ, распространенное Несторомъ.

—

Образъ жизни Святослава, походы его: „*Князю Святославу — на Грьцѣхъ*“ (60) изъ прежнихъ записокъ.

—

Нашествіе Печенѣговъ: „*придоша Печенѣзи — и бысть миръ* (61)“ изъ прежнихъ записокъ или пѣсень.

—

(56) с. 31. (57) с. 31—33. (58) с. 33—34. (59) с. 34—35. (60) с. 35. (61) с. 36—37.

Намѣреніе Святослава переѣхать въ Болгарію, и кончина Ольги: „*Рече Святославъ — блаженую Ольгу,*“ (62) изъ прежнихъ записокъ, а набожное разсужденіе (*си бысть — дьявола*), (63), принадлежитъ Нестору.

—

Распоряженія Святослава: „*Святославъ посади— Переяславцю*“, (64) изъ прежнихъ записокъ.

—

Война въ Болгаріи (*приде Святославъ* въ *Переяславець — на харатью*) (65) изъ прежнихъ записокъ и пѣсень.

—

Договоръ (*нача—сице. Равно другаго — запечатахомъ*) (66).

Особливый документъ.

Описаніе войны доказываетъ также, что Греческихъ Лѣтописей объ этомъ произшествіи не было, ибо оно совершенно не согласно съ ними.

—

Возвращеніе Святослава, смерть его, ссора Ярополка и Олега, воина ихъ, война Ярополка съ Владимиромъ: „*створивъ же миръ—не пущай ни единою*“ (67) изъ прежнихъ записокъ, и пѣсень, или по преданію, съ дополненіями Нестора *о злая лесть* и тому под.).

—

(62) с. 37—38. (63) с. 38—39. (64) с. 39. (65) с. 39—42. (66) с. 42—43. (67) с. 43—47.

Также и все княженіе Владимира, походы его, (*и нача княжити — Кіеву*). (68) Предложеніе о вѣрахъ: „*придоша Болгары — гдѣ ти любо*" (69) преданіе, распространенное Несторомъ, съ выписками изъ Свящ. писанія, также какъ и походъ подъ Корсунь, Крещеніе, проч.

Но довольно, — чѣмъ болѣе приближается Несторъ къ своему времени, тѣмъ обширнѣе его дополненія къ прежнимъ запискамъ, такъ что основнаго текста и не видать становится; наконецъ онъ пишетъ уже все отъ себя.

Здѣсь мы остановимся. Считаю нужнымъ повторить, что все это разсужденіе есть предположительное, и я знаю, что разбирая мои предположенія порознь, можно написать на нихъ очень много возраженій, особенно общими мѣстами и вопросительными знаками.

(68) с. 52—74. (69) с. 47—52.

СКАЗКИ
ВЪ НЕСТОРОВОЙ ЛѢТОПИСИ.

Во всѣхъ почти главныхъ произшествіяхъ, о коихъ узнаемъ мы изъ Несторовой Лѣтописи, особенно сначала, первыми дѣйствующими лицами были Варяги — Норманы (1). Норманы любили разсказывать о своихъ подвигахъ, увеличивать ихъ, хвастаться ими, что доказывается цѣлою Литтературою Сѣверныхъ Сагъ, кои ведутъ свое начало изъ отдаленной древности. Точно такъ поступали они у насъ; преувеличенные ихъ разсказы, сохранявшіеся въ преданіи, въ пѣсняхъ, въ Сагахъ, или полученные Несторомъ изустно, употреблены были имъ при сочиненіи Лѣтописи, и при распространеніи прежнихъ записокъ; нѣкоторые, напримѣръ о мщеніи Ольги, вошли, кажется, даже прежде въ составъ ихъ. Такимъ образомъ не осталось ни одного почти важнаго произшествія, отъ Рюрика и до Ярослава, которое не было бы изукрашено баснословными подробностями, болѣе или менѣе. Чтобъ найдти истину, должно разбирать эти сказанія Лѣтописи, какъ сказанія Исландскихъ Сагъ, имѣвшихъ одно происхожденіе съ ними, очищать ихъ, повѣрять здравымъ разсудкомъ, другими свидѣтельствами, послѣдствіями, и такъ д.

Замѣтимъ наконецъ, что многія сказки наши

(1) См. книгу 2 и 3.

самымъ содержаніемъ своимъ сходны съ Сѣверными, и тѣмъ еще яснѣе обнаруживаютъ принадлежность свою Норманамъ.

Переберемъ ихъ.

Важнѣйшее произшествіе Кіевское, послѣ водворенія Аскольда и Дира, описаннаго довольно просто и вѣрно, есть прибытіе Олега. Олегъ, говоритъ Лѣтопись, оставилъ Новгородъ съ дитятей Игоремъ, приплылъ по Днѣпру къ Кіеву, приказалъ своимъ лодкамъ остановиться въ сторонѣ, спряталъ воиновъ, бывшихъ съ нимъ вмѣстѣ, и послалъ къ Аскольду и Диру, владѣвшимъ Кіевомъ, звать ихъ къ себѣ, какъ къ купцу, который ѣдетъ въ Грецію отъ Олега и Игоря. Аскольдъ и Диръ пришли къ нему въ лодку. Тогда выскочили спрятанные воины, и убили ихъ при словахъ Олеговыхъ: вы не Князья и не Княжіе родственники, а я Князь, и вотъ сынъ Рюриковъ. Олегъ занялъ Кіевъ.

Вѣроятно ли, что Аскольдъ и Диръ, которые владѣли Кіевомъ уже 20 лѣтъ, ходили подъ Царьградъ съ войною, и вошли въ сношеніе съ Греками, которые были тверже на своемъ мѣстѣ, чѣмъ единоплеменники ихъ въ Новѣгородѣ; вѣроятно ли, что они вошли къ Олегу безъ всякаго сопровожденія, не принявъ никакой осторожности? и сколько воиновъ могло скрыться въ малой лодкѣ Олеговой? Вѣроятно ли, что дружина Аскольдова оставила смерть ихъ безъ отмщенія и пере-

далась спокойно побѣдителю? А ея видно было много, когда самъ Олегъ не посмѣлъ сначала вступить въ открытый бой съ нею, но прибѣгнулъ къ хитрости. Вѣроятно ли, что Аскольдъ и Диръ не узнали ничего о происшествіяхъ Новогородскихъ, и выступленіи Олеговомъ?

Нѣтъ, это все невѣроятно, а вѣроятно только то, что *Олегъ умертвилъ* (можетъ быть измѣною) *Аскольда и Дира*, и *овладѣлъ Кіевомъ.*

—

Олегъ, собравъ войско, говоритъ Лѣтопись, пошелъ войною на Грековъ, приближился къ Царюгороду, началъ грабить и опустошать окрестности, и, наконецъ, велѣлъ поставить суда свои на колеса, и распустивъ паруса, при попутномъ вѣтрѣ, явился подъ самымъ городомъ.

Ставить суда на колеса, есть самой обыкновенной маневръ *Норманскій*; — но движеніе ихъ по вѣтру не стоитъ никакаго опроверженія, чистая сказка.

Испуганные Греки выслали къ нему посольство просить мира, и предложить брашна и вино, намѣреваясь отравить его. Олегъ узналъ это, и не принялъ приношенія.

Вѣроятно ли намѣреніе отравить чрезъ посланниковъ? Кто взялся бы за такое порученіе, и пошелъ бы на вѣрную смерть? Мудрено и Олегу отгадать намѣреніе, и потомъ не угостить посланниковъ принесенными гостинцами!

Греки однакожъ, богатою данію, убѣдили Олега примириться, и онъ, повѣсивъ свой щитъ на вратахъ Константинопольскихъ, отступилъ отъ города.

Вѣроятно ли, чтобъ Греки позволили такое безчестіе? Вѣроятно ли, что Олегъ былъ допущенъ до самаго города?

Замѣтимъ однако жъ, что *Норманскіе* храбрецы выставляли иногда щиты свои на городскихъ воротахъ въ знакъ мира (2), слѣдовательно это преданіе указываетъ также на Норманство. Лѣтопись говоритъ о щитѣ, какъ знаменіи побѣды.

Олегъ, удаляясь, велѣлъ своей Руси сдѣлать паруса изъ драгоцѣнныхъ тканей, (паволочиты), а Славянамъ изъ полотна, (кропинныя), кои однакожъ были разодраны вѣтромъ.

Неужели паруса изъ драгоцѣнныхъ тканей были крѣпче?

Это все Сага, сказка, къ которой принадлежитъ можетъ быть и огромное число судовъ Олеговыхъ, и конница, ихъ сопровождавшая, и страшная дань, взятая съ Императора. — Вѣроятнаго въ ней только то, какъ сказалъ и Карамзинъ, что *Олегъ ходилъ къ Царю-городу, и возвратился съ успѣхомъ.*

Смерть Олегова. „Волхвы, такъ говоритъ Лѣтописецъ, переведенный Карамзинымъ, предсказали Князю, что ему суждено умереть отъ любимаго коня своего. Съ того времени, онъ не хотѣлъ ѣздить на немъ. Прошло четыре года; въ

(2) Кар. I, пр. 315. ШН. II, 671.

осень пятаго, Олегъ вспомнилъ о предсказаніи, и, слыша, что конь давно умеръ, посмѣялся надъ волхвами; захотѣлъ видѣть его кости; сталъ ногою на черепъ и сказалъ: его ли мнѣ бояться? Но въ черепѣ таилась змѣя: она ужалила Князя, и Герой скончался.“

Опять замѣтимъ, что эта сказка *Норманская*. Въ одной Исландской сагѣ, сообщенной намъ Торфеемъ, есть такая же басня о рыцарѣ Орварѣ Оддѣ. Вѣщунья предсказала ему смерть отъ любимаго коня его, именемъ Факса. Конь умеръ, и рыцарь, стоя на его могилѣ, думалъ что вся опасность миновалась; но ящерица выползла изъ гніющаго черепа Факсова, и въ пяту укусила Овара. (3).

Вѣроятнаго въ разсказѣ о смерти Олега то, что *онъ умеръ отъ ужаленія змѣи.*

Изъ этаго множества баснословныхъ подробностей мы видимъ, что храбрый, дѣятельный Олегъ, былъ героемъ домашнихъ сагъ.

—

Объ Игорѣ, Князѣ слабомъ, медленномъ, нѣтъ сагъ, нѣтъ сказокъ. Онъ былъ убитъ Древлянами.

—

Ольга была новою героинею народныхъ преданій.

Мстя Древлянамъ за смерть своего мужа, говоритъ Лѣтопись, она научила пословъ Древлянскихъ, пріѣхавшихъ просить ее въ супружество

(3) Кар. I, пр. 332.

за Князя своего Мала, чтобъ они на зовъ ея не шли, въ знакъ своего преимущества, а велѣли Кіевлянамъ нести себя къ ней въ лодьѣ. Тѣ исполнили ея совѣтъ, и всѣ были брошены въ яму, нарочно приготовленную, и засыпаны землею.

Между тѣмъ отправила она гонца къ Древлянамъ за другимъ посольствомъ къ себѣ, и новыхъ пословъ велѣла сжечь въ банѣ.

Потомъ поѣхала она совершать тризну по своемъ мужѣ, и напоивъ виномъ приглашенныхъ Древлянъ, велѣла умертвить ихъ на его могилѣ.

Наконецъ осадила она Древлянскій городъ Коростенъ, и долго не могши взять его, обѣщалась прекратить войну за легкую дань: по три голубя и по три воробья съ каждаго дома. Къ симъ доставленнымъ птицамъ, она велѣла привязать по зажженному фитилю, и ночью пустить на волю. Птицы полетѣли на свои гнѣзда, и зажгли городъ со всѣхъ сторонъ. Жители, среди смятенія, были перебиты или забраны въ плѣнъ.

Всѣ сіи подробности такъ несбыточны, что не стоитъ труда разбирать ихъ подробно. Довольно спросить съ Карамзинымъ: Вѣроятна ли оплошность Древлянъ? Вѣроятно ли, чтобъ Ольга взяла Коростенъ посредствомъ воробьевъ и голубей? Замѣтимъ, что у *Норманов* есть подобная сказка о Гаральдѣ, (зятѣ нашего Ярослава), который взялъ такимъ образомъ одинъ городъ въ Сициліи (4). Ис-

(4) Кар. I. пр. 374.

тинное произшествіе состоитъ въ томъ, что *Ольга отомстила за смерть своего мужа* умерщвленіемъ пословъ, — опустошеніемъ земли Древлянской.

—

Ольга, говоритъ лѣтопись, желая принять Св. крещеніе, отправилась въ Царь-градъ, гдѣ самъ Императоръ Цимисхій (а тогда былъ Константинъ) будто бы былъ ея воспріемникомъ, (хотя при ней былъ уже Священникъ по свидѣтельству Константина Багрянороднаго). Этого мало. Лѣтопись продолжаетъ, что Императоръ, сообщивъ ей Св. крещеніе, хотѣлъ вступить съ нею въ супружество, (а ей было за 60 лѣтъ): Ольга не согласилась, приводя причиною, что она, духовная его дочь, не можетъ по закону Христіанскому сувокупиться бракомъ съ нимъ, духовнымъ отцемъ своимъ, и такимъ образомъ превзошла его въ познаніи правилъ Христіанской вѣры, которую приняла только что наканунѣ!! И рече Царь: переклюкала мя еси Ольга.

Достовѣрнаго въ этомъ разсказѣ то, что В. Княгиня *Ольга была въ Царьградѣ.*

—

Всѣ предыдущія сказки отмѣчены Карамзинымъ, но слѣдующая внесена имъ въ Исторію (5). Замѣчательно, что она ускользнула и отъ Шлецерова вниманія.

„Печенѣги... зная отсутствіе храбраго Князя,.. приступили къ самому Кіеву, гдѣ затворилась Ольга съ дѣтьми Святослава. На другой сторонѣ Днѣпра,

(5) Кар. I, 174.

стоялъ воевода Россійскій, именемъ Претичь (спрашивается откуда онъ взялся, и какъ онъ туда попалъ?) съ малочисленною дружиною, и не могъ имѣть съ осажденными никакаго сообщенія? Кіевляне были въ отчаяніи. Одинъ смѣлый отрокъ вызвался увѣдомить Претича о бѣдственномъ ихъ состояніи; (Къ чему увѣдомлять? Претичь самъ могъ догадываться, каково было имъ, окруженнымъ со всѣхъ сторонъ непріятелями.) Вышелъ съ уздою изъ города, прямо въ толпу непріятелей, и говоря языкомъ Печенѣжскимъ, спрашивалъ: кто видѣлъ его коня? Печенѣги, воображая, что онъ ихъ воинъ, дали ему дорогу. (Странно, какъ отрокъ могъ прокрасться къ Печенѣгамъ, чтобъ потомъ побѣжать по ихъ стану? Странно, какъ Печенѣги не узнали по его лицу, по произношенію, что онъ не ихъ рода?) Отрокъ спѣшилъ къ Днѣпру, сбросилъ съ себя одежду и поплылъ. Тутъ непріятели, узнавъ свою ошибку, начали стрѣлять въ него (да ни одна стрѣла видно не попала!); а Россіяне съ другаго берега выѣхали на встрѣчу и взяли отрока въ лодку. (По крайней мѣрѣ Печенѣги, увидя такую хитрость, понявъ ея цѣль — сообщить какое нибудь извѣстіе дружинѣ, примутъ свои мѣры, сдѣлаются осторожнѣе, и не поддадутся въ обманъ? Посмотримъ.) Слыша отъ сего посланнаго, что

(6) Впрочемъ у Нестора правдоподобнѣе: „Собравшеся людье оноя страны Днѣпра въ лодьяхъ, объ ону страну стояху" а послѣ уже: рече воевода ихъ, имянемъ Претичь. НЛ 36 — 37.

изнуренные Кіевляне хотятъ на другой день сдаться, и боясь гнѣва Святославова, Воевода рѣшился спасти хотя семейство Княжеское — и Печенѣги, на разсвѣтѣ, увидѣли лодки Россійскія, плывущія къ ихъ берегу съ трубнымъ звукомъ, на который обрадованные жители Кіевскіе отвѣтствовали громкими восклицаніями. Думая, что самъ грозный Святославъ идетъ на помощь къ осажденнымъ, непріятели разсѣялись въ ужасѣ, (но какъ же они не догадались, что это движеніе должно было имѣть связь со вчерашнимъ извѣстіемъ? Съ чего было подумать имъ о Святославѣ, которой долженъ былъ проходить по Днѣпру мимо ихъ владѣній? Вѣроятно они успѣли бы получить заранѣе извѣстіе объ его приближеніи? Во всякомъ случаѣ — отъ чего было имъ, безчисленнымъ, разсѣяться въ ужасѣ? Развѣ они не видали, кто плыветъ, откуда, и съ какимъ количествомъ лодокъ)? и Великая Княгиня Ольга могла, вмѣстѣ со внуками, безопасно встрѣтить своихъ избавителей за стѣнами города. (напротивъ — какъ могла Ольга подвергаться такой опасности? Не должна ли она была бояться, чтобъ Печенѣги, опомнившись, тотчасъ не воротились вновь! Въ такое короткое время, пока переплытъ былъ Днѣпръ, и дружина Претичева взбиралась на гору, Печенѣги немогли отбѣжать далеко, — и зачѣмъ Ольгѣ встрѣчать Претича за городомъ? Не рано ли ей было считать себя избавленною и проч.). Князь Печенѣжскій увидѣлъ ихъ малое число, (онъ могъ видѣть это и тогда

какъ они садились въ лодки передъ его глазами.), но все еще не смѣлъ сражаться: (отъ чего же?), требовалъ дружелюбнаго свиданія съ предводителемъ Россійскимъ, и спросилъ у него: Князь ли онъ (на что это?)? Хитрый воевода объявилъ себя начальникомъ передовой дружины Святославовой, увѣряя, что сей герой съ многочисленнымъ войскомъ идетъ въ слѣдъ за нимъ. Обманутый Печенѣгъ предложилъ миръ (не слишкомъ ли онъ легковѣренъ: наканунѣ онъ видѣлъ перемѣтчика, а теперь вѣритъ такой грубой выдумкѣ?): они подали руку одинъ другому, и въ знакъ союза обмѣнялись оружіемъ. — Тогда Печенѣги немедленно удалились отъ города.“

Все это описаніе — сказка, Сага, въ которой вѣрнаго только то, что *Печенѣги осаждали Кіевъ, однакожъ безъ успѣха.*

—

Такая же Сага — описаніе второй войны Святослава въ Болгарію. Лѣтопись говоритъ, что Святославъ былъ разбитъ почти совершенно: „и одоляху Болгаре, и рече Святословъ воемъ своимъ: уже намъ здѣ пасти; потягнемъ“ и проч. Однако же онъ побѣдилъ. Положимъ — это могло случиться. Но какимъ же образомъ, одержавъ побѣду съ такимъ напряженіемъ, сверхъ своего чаянія, могъ онъ тотчасъ сбираться на Грековъ? „хочу на васъ ити, взяти градъ вашъ, яко и сей.“ Греки соглашаются заплатить дань, и чтобъ вывѣдать количество

Руси, спрашиваютъ: на сколько человѣкъ слѣдуетъ имъ взнести оную, (какъ будто они немогли узнать этого количества отъ Болгаръ, отъ лазутчиковъ!)? Святославъ приречe 10 тысячъ. Греки обнаруживаютъ тогда свое расположенiе, и собираютъ 100 тысячъ войска противъ Святослава. Онъ приходитъ опять въ отчаянiе, видя невозможность драться съ ними, (хотя только что предъ тѣмъ самъ пошелъ на нихъ войною), призываетъ все свое мужество, одушевляетъ своихъ воиновъ: некуда намъ дѣться! волею или неволею, должно сразиться; непосрамимъ земли Русской, ляжемъ костьми. Святославъ вновь одержалъ побѣду. Пусть это такъ, но какимъ же образомъ онъ опять идетъ впередъ, воюя и грады разбивая? Положимъ, что онъ побѣдилъ, но самая побѣда должна ему стоить дорого! избавясь съ величайшими усилiями отъ одной опасности, какъ ему идти прямо на другую, еще бо́льшую, и NB извѣстную? Греки не знаютъ, что дѣлать съ нимъ, и рѣшаются испытать (на что?), не корыстолюбивъ ли онъ, (но они сами его наняли за золото воевать Болгарiю), присылаютъ ему дары, кои онъ съ презрѣнiемъ передаетъ отрокамъ. Греки предпринимаютъ новой опытъ, и хотятъ узнать, браннолюбивъ ли онъ (что было имъ еще извѣстнѣе), и посылаютъ Святославу, какъ второму Ахиллесу, оружiе, которое онъ принимаетъ съ восхищенiемъ. Однакожъ, получивъ дань, Святославъ примѣчаетъ, что его дружины мало, (а прежде онъ не примѣчалъ того, идучи

съ нею на Царьградъ), и рѣшается предложить миръ. (Но полученіе дани развѣ не означало мира?). Греки соглашаются, и заключаютъ договоръ, по которому онъ побѣдитель подвергается самымъ тягостнымъ и унизительнымъ условіямъ — истинное, оффиціальное заключеніе баснословной Саги, въ коей вѣрнаго есть то, что

Святославъ ходилъ въ Болгарію, воевалъ съ Греками, оказалъ чудеса храбрости, но былъ разбитъ, и принужденъ возвратиться во свояси.

Да, Олегъ, Ольга, Святославъ и Владиміръ были героями нашихъ Сагъ, нашихъ пѣсень, которыя занесены были Несторомъ въ его лѣтопись.

То, что сказалъ Карамзинъ о походѣ Олеговомъ (7), можно приложить и къ прочимъ, и тѣмъ нѣсколько оправдать Нестора.

—

Сказки объ Олегѣ, Ольгѣ и Святославѣ, мы видѣли. Сказки о Владимирѣ и богатыряхъ его, кои засвидѣтельствованы позднѣйшими преданіями и нѣкоторыми мѣстами въ оставшихся пѣсняхъ, къ сожалѣнію пропали; Владимиръ былъ лицемъ уже совершенно историческимъ, близкимъ къ Нестору, который зналъ его современиковъ, не толь-

(7) Кар. I, 135. „Согласимся, что нѣкоторыя обстоятельства могутъ быть баснословны: товарищи Олеговы, хвалясь своими подвигами, украшали ихъ въ разсказахъ, которые, съ новыми прибавленіями, чрезъ нѣсколько времени, *обратились въ народную сказку, повторенную Несторомъ безъ критическаго изслѣдованія.*“

ко дѣтей ихъ, и потому не помѣстилъ или исключилъ баснословныя, или явно невѣроятныя подробности о событіяхъ его времени, бывшихъ вообще въ свѣжей памяти: въ извѣстіяхъ о войнѣ Ярополка и Олега, Владимира и Ярополка, о занятіи Владимиромъ Кіева и отпускѣ Варяговъ, о принесеніи жертвы богамъ въ благодарность за побѣды, я не нахожу ничего невѣроятнаго: все просто, естественно, согласно съ обстоятельствами.

У Нестора есть только двѣ сказки о Владимирѣ, кои вѣрно показались ему довольно правдоподобными: объ осадѣ Бѣлагорода, и поединкѣ Русскаго богатыря съ Печенѣжиномъ.

Печенѣги встрѣтились съ Русскими на Сулѣ, говоритъ Лѣтопись, и предложили имъ кончить войну поединкомъ, обѣщаясь не воевать три года, если Русской поборетъ Печенѣжина, и на оборотъ. Владимиръ велѣлъ кликнуть кличь. Одинъ старикъ сказалъ ему о меньшемъ своемъ сынѣ, который остался дома, и который воловью кожу деретъ руками. Послали за нимъ, привели, сдѣлали опытъ, (юноша вырвалъ у разъяреннаго быка изъ тѣла кусокъ мяса), снарядили. И наутріе придоша Печенѣзи (не слишкомъ ли скоро все это сдѣлалось?), почаша звати. Русскій поборолъ, и Печенѣги пустились бѣжать.

Спрашивается: зачѣмъ они побѣжали, могши спокойно отступить по договору, тѣмъ болѣе, что они были сильнѣе Русскихъ, какъ то видно изъ

горести Владимира, когда охотниковъ къ нему не являлось; какъ-то видно изъ самаго условія: за пораженіе они обѣщались только не воевать три года. „И Русь погнаша по нихъ, и прогнаше я сѣкуще.“

Зачѣмъ же Владимиръ отказывался отъ выгодныхъ условій — трехлѣтняго мира, пріобрѣтенныхъ съ такимъ трудомъ? Печенѣги за нарушеніе могли и сами нарушить, и побѣда оставалась безъ пользы.

„Володимеръ же радъ бывъ, заложи городъ на бродѣ томъ и нарече и Переяславль, зане перея славу отрок-отъ.“

Но вотъ бѣда — Переяславль существовалъ гораздо прежде, въ 906. г.

„Володимеръ же великимъ мужемъ створи того и отца его.“ Володимеръ же возвратися въ Кіевъ съ побѣдою и съ славою великою.“

Настоящее сказочное окончаніе! замѣтимъ, что самое одинакое начало въ трехъ краткихъ предложеніяхъ „Володимеръ же“ подозрительно, и указываетъ на вставку.

—

Чрезъ нѣсколько времени, Печенѣги осадили Бѣлгородъ, въ отсутствіе Владимира. Жители хотѣли сдаться, какъ одинъ старикъ подалъ имъ совѣтъ „створити цѣжь, (Zähe?) въ немъ же варятъ кисель, и повелѣ ископати колодязь, и вставити тамо кадь, и нальяти цѣжа кадь, и повелѣ другый колодязь ископати, и вставити тамо кадь,“ и наполнить сытою, съ тою цѣлію, чтобъ приглашенные Печенѣги, увидя такое плодородіе и

богатство земли, лишились надежды принудить жителей голодомъ къ сдачѣ. Хитрость имѣла желанной успѣхъ и Печенѣги отступили.

Можетъ быть *Бѣлогородцы освободились отъ осады Печенѣговъ* какою нибудь хитростію, только не этою.

Вотъ сколько сказокъ, внесенныхъ Несторомъ въ Лѣтопись изъ преданія, или изъ прежнихъ записокъ. Всѣ онѣ относятся къ тому времени, которое было далеко отъ него, — и подлежатъ строгой критикѣ; ея дѣло разобрать ихъ, и отдѣлить истинну отъ лжи.

Кстати обратимъ здѣсь вниманіе на нѣкоторыя извѣстія въ Несторовомъ описаніи принятія Христіанской вѣры Владимиромъ, которое очень естественно должно было сдѣлаться предметомъ самыхъ частыхъ и любимыхъ разсказовъ народныхъ, какъ впослѣдствіи предметомъ Епопеи. Я не отвергаю ихъ рѣшительно, но разбирая Лѣтопись Несторову, по необходимости долженъ указать на нихъ, въ примѣръ обстоятельствъ, подлежащихъ критикѣ, предупреждая моихъ рецензентовъ, которые могли бы обвинить меня за неполноту моего обозрѣнія въ этомъ отношеніи.

Лѣтопись говоритъ, что къ Владиміру приходили послы отъ разныхъ народовъ, каждый съ предложеніемъ своей вѣры, — Мугаммеданской, Іудейской, Римской, Греческой.

Какъ въ одно время, вдругъ, могли явиться къ Владиміру послы съ такихъ разныхъ сторонъ

По какому тайному сочувствію? И кѣмъ были посланы сіи послы? Въ духѣ ли Еврейскаго и Мугамеданскаго исповѣданій такія предложенія? Съ чего всѣмъ имъ вздумать, чтобъ Владиміръ могъ принять какую нибудь изъ ихъ вѣръ, когда уже издавна въ Кіевѣ была извѣстна вѣра Греческая, которую исповѣдывала сама бабка Владимирова, убѣждавшая еще его отца креститься? Къ чему самимъ Грекамъ было отправлять своего философа, когда они знали уже о распространеніи своей вѣры въ Кіевѣ? И кто изъ Грековъ могъ посылать пословъ, кромѣ Императора, а ни объ какомъ оффиціальномъ посольствѣ нѣтъ извѣстія въ ихъ Лѣтописяхъ. Какъ странно объясняютъ они свои догматы! Какіе выбираютъ преимущественно? Отвѣтъ Іудеямъ явно указываетъ на познаніе Священной Исторіи. Къ чему Владиміру спрашивать объ отечествѣ Іудеевъ? Съ чего продолжать вопросъ: тамъ ли вы? Какъ могли они отвѣчать такъ искренно о гнѣвѣ Божіемъ, объ Іерусалимѣ, преданномъ въ чуждыя руки? Не слишкомъ ли ученъ отвѣтъ Владимировъ? Гдѣ извѣстія о намѣреніи Римскаго Папы обратить Владимира (8), и еще болѣе о прежнемъ

(8) Карамзинъ говоритъ вездѣ о Нѣмецкихъ Католикахъ (I, 209): „послы *Нѣмецкихъ Католиковъ* говорили ему“ (Владиміру), и проч., или: „послы видѣли.... въ землѣ *Нѣмецкихъ Католиковъ* богослуженіе съ обрядами, но, по словамъ Лѣтописи, безъ всякаго величія и красоты.“ Это несправедливо — Несторъ говоритъ не объ Нѣмецкихъ Католикахъ, а именно о Римскомъ

намѣреніи обратить его предшественниковъ? („Рече же Владимеръ Нѣмцемъ: идѣте опять, яко отці наши сего непріяли суть)" И какъ всѣ они понимали другъ друга? Неужели всѣ послы приходили съ переводчиками? Самъ Карамзинъ, внеся, подобно Нестору, это извѣстіе въ Лѣтопись, долженъ былъ сказать въ заключеніе: „Лѣтописецъ нашъ *угадывалъ*, какимъ образомъ проповѣдники вѣръ долженствовали говорить съ Владиміромъ."

Въ слѣдующемъ году, говоритъ Лѣтописецъ, Владиміръ созвалъ старцевъ градскихъ, (о которыхъ послѣ нигдѣ не упоминается), и Бояръ, (и развѣ всѣ они не при немъ были?). Бояре и старцы присовѣтовали отправить въ разныя страны избранныхъ мужей для испытанія вѣръ. (Совѣтъ очень замысловатый, особенно послѣ примѣра Св. Ольги)! Избранные ходили къ Боярамъ, къ Нѣмцамъ, къ Грекамъ, (не мудрено ли вообразить такое путешествіе въ то время?), и возвратившись объявили рѣшительно, что Греческая вѣра беретъ преимущество предъ прочими (9).

Папѣ. „Потомъ же придоша Нѣмьци, глаголюще: придохомъ посланники отъ Папежа, и рѣша ему: реклъ ти тако Папежь" и проч. Слово Нѣмецъ не должно отнюдь приводить въ недоумѣніе: Нѣмцами назывались у насъ вообще всѣ Европейцы, какъ у простаго народа и теперь. Нѣмецъ отъ Папы значитъ просто Римлянинъ, или въ этомъ мѣстѣ Католикъ. Греки говорятъ послѣ Владимиру: „слышахомъ же и се, яко приходиша отъ Рима" и проч.

(9) Карамзинъ въ подтвержденіе Несторова извѣстія упоминаетъ объ извѣстіи какой-то древней Греческой

На все это путешествіе полагается Лѣтописателемъ едва полгода! Но пусть такъ: Владиміръ принималъ посольство свое, посылалъ свое, убѣдился въ превосходствѣ Греческаго исповѣданія. Что же послѣ этого? Онъ принялъ Святое Крещеніе — въ Кіевѣ, гдѣ было много Христіанъ, или въ Константинополѣ, какъ то сдѣлала бабка его, Великая Княгиня Ольга? Нѣтъ.

Онъ пошелъ войною на Корсунь, вольный Греческій городъ при Черномъ морѣ.

Замѣчательно, что Лѣтописецъ не связываетъ почти ничѣмъ разсказа своего объ избраніи вѣры съ разсказомъ о походѣ на Корсунь, походѣ, который выставленъ у него совершенно особливымъ произшествіемъ: онъ передаетъ вѣрно народныя извѣстія и преданія, не принимая на себя труда соображать ихъ взаимно. Карамзинъ дополняетъ его говоря (10): „Владиміръ могъ бы креститься и въ собственной столицѣ своей, гдѣ уже давно находились церкви, и Священники Христіанскіе; но Князь пышный хотѣлъ блеска и величія при семъ важномъ дѣйствіи: одни Цари Греческіе и Патріархъ казались ему достойными сообщить цѣлому его народу уставы новаго благослуженія. Гордость могущества и

рукописи, хранимой въ Парижѣ, о коей поговоримъ въ другомъ мѣстѣ.

(10) Кар. I, 213.

славы не позволяла также Владимиру унизиться, вразсужденіи Грековъ, искреннимъ признаніемъ своихъ языческихъ заблужденій, и смиренно просить Крещенія: онъ вздумалъ, такъ сказать, завоевать Вѣру Христіанскую и принять ея святыню рукою побѣдителя." Слишкомъ сложное, замысловатое и произвольное предположеніе, несогласное съ простотою тогдашнихъ нравовъ! О какой гордости славы, о какомъ искреннемъ признаніи заблужденій могла быть здѣсь рѣчь! Развѣ Ольга не подавала примѣра? Что здѣсь низкаго? Все это предполагаетъ слишкомъ тонкія размышленія, кои не могли имѣть тогда мѣста. Къ чему говорить здѣсь о Царѣ Греческомъ и Патріархѣ, которые никакъ не могли попасть въ Корсунь, городъ вольной? Нѣтъ. Походъ Владимира на Корсунь едва ли имѣлъ какое отношеніе къ послѣдующему дѣйствію: онъ ходилъ на Корсунь, какъ ходилъ незадолго предъ тѣмъ на Камскихъ Болгаръ, какъ ходили прежде въ разныя стороны его отцы, а послѣ его дѣти. — Это еще яснѣе изъ послѣдующаго повѣствованія.

Владимиръ, послѣ долговременной осады взялъ городъ, (и что же? принялъ теперь Христіанскую вѣру? нѣтъ —) и ни слова не говоря о Христіанской вѣрѣ, онъ послалъ просить руки Греческой Царевны Анны у братьевъ ея Василія и Константина, грозя взять Константинополь. (Вотъ отсюда начинается несомнѣнная Исторія).

Императоры испугались, и согласились, но съ условіемъ, чтобъ Владиміръ принялъ Христіанскую вѣру?

Владиміръ, преданный можетъ быть ей внутренно, по примѣру многихъ Христіанъ въ Кіевѣ, а особенно по примѣру бабки своей Св. Ольги, мудрѣйшей всѣхъ людей, обѣщался, требуя однакожъ, чтобъ Императоры прислали для сего сестру. „Анна ужаснулась, говоритъ Карамзинъ (11); супружество съ Княземъ народа, по мнѣнію Грековъ, дикаго и свирѣпаго, казалось ей жестокимъ плѣномъ и ненавистнѣе смерти. Но политика требовала сей жертвы, и ревность къ обращенію идолопоклонниковъ служила ей оправданіемъ или предлогомъ."

Это и все слѣдующее не подлежитъ никакому сомнѣнію, а прежнее должно быть разсмотрѣно обстоятельнѣе, въ силу предложенныхъ замѣчаній; теперь вѣрнымъ кажется мнѣ только то, что *Владиміръ ходилъ войною на Корсунь, вытребовалъ себѣ тамъ сестру Греческихъ Императоровъ въ супружество, и знакомый съ Христіанскою вѣрою еще въ Кіевѣ, принялъ Святое крещеніе.* Впрочемъ я готовъ сознаться въ своихъ недоразумѣніяхъ, если мнѣ укажутъ оныя.

Мы исчислили всѣ сказки и сомнительныя обстоятельства въ Несторѣ — изъ-за нихъ неслѣдуетъ возводить подозрѣнія на всю лѣтопись, какъ то

(11) Кар. I. 215.

дѣлаютъ нѣкоторые. Сихъ сказокъ слишкомъ мало, въ сравненіи съ количествомъ сказокъ у прочихъ лѣтописателей Европейскихъ. Шлецеръ, знакомый коротко съ Литтературою лѣтописей сказалъ справедливо о Несторѣ: „этотъ Руссъ, въ сравненіи съ позднѣйшими Исландцами и Поляками такъ превозходенъ, какъ разсудокъ иногда затмѣвающійся въ сравненіи съ безпрестанною глупостію“ (12). Въ другихъ мѣстахъ онъ сравниваетъ Нестора такимъ же образомъ и съ иными. Всѣ исчисленныя сказки принадлежатъ не Нестору, (что очень важно), а его источникамъ. Замѣтимъ еще, что о своемъ времени, о времени ближайшемъ, Ярославовомъ, Изяславовомъ, Святославовомъ, Всеволодовомъ, Святополковомъ, у него нѣтъ сказокъ, и всѣ извѣстія достовѣрны; это постараемся мы доказать въ слѣдующемъ разсужденіи, присоединя туда же подтвержденія и остальнымъ извѣстіямъ Нестора о древнѣйшихъ событіяхъ.

(12) ШН. I. кв.

дѣлаетъ нѣкоторые. Сихъ сказокъ слишкомъ мало, въ сравненіи съ количествомъ сказокъ у прочихъ лѣтописателей Европейскихъ. Шлецеръ, знакомый хорошо съ Литтературою лѣтописей сказалъ справедливо о Несторѣ: „нашъ Руссъ, въ сравненіи съ позднѣйшими Исландцами и Поляками такъ превосходенъ, какъ разсудокъ иногда запутывающійся въ сравненіи съ безпрестанною глупостію“ (12). Въ другихъ мѣстахъ онъ сравниваетъ Нестора такимъ же образомъ и съ иными. Всѣ исчисленныя сказки принадлежатъ не Нестору, (что очень важно), а его потолкователямъ. Замѣтимъ еще, что о своемъ времени, о времени ближайшемъ, Ярославовомъ, Изяславовомъ, Святославовомъ, Всеволодовомъ; Святополковомъ, у него нѣтъ сказокъ, и всѣ извѣстія достовѣрнѣе; это постараемся мы доказать въ слѣдующемъ разсужденіи, присовокупивъ тутъ же подтвержденія и остальныхъ извѣстій Нестора о древнѣйшихъ событіяхъ.

(12) Шл. I. 18.

ДОСТОВѢРНОСТЬ
ИЗВѢСТІЙ НЕСТОРОВЫХЪ.

Мы коснулись уже этого вопроса въ первомъ разсужденіи: мы видѣли тамъ, что почти о всѣхъ главныхъ положеніяхъ Лѣтописи, которую мы укрѣпили теперь за Несторомъ, какъ-то объ Аскольдѣ и Дирѣ, о Варяжскихъ походахъ, объ Игорѣ, Ольгѣ, Святославѣ, Владимирѣ, Святополкѣ, Ярославѣ и сыновьяхъ его, есть безпрерывныя современныя извѣстія въ иностранныхъ Лѣтописяхъ, и сдѣлали необходимое заключеніе, что Лѣтопись вообще достовѣрна. Теперь предложимъ доказательства достовѣрности извѣстій, собственно Несторовыхъ, равно какъ и извѣстій, взятыхъ имъ изъ прежнихъ записокъ, не только вразсужденіи главныхъ положеній, но и самыхъ подробностей, кромѣ (за выписки изъ Болгарскихъ и Греческихъ Лѣтописей Несторъ не отвѣчаетъ) взятыхъ имъ изъ преданія и народныхъ сказокъ, кои, какъ мы старались показать, произошли очень естественно, ни мало не вредятъ достоинству Лѣтописи, и легко могутъ быть отдѣлены отъ нея.

Доказательства наши раздѣлимъ мы слѣдующимъ образомъ: 1, свидѣтельства собственныя, современныя, близкія, 2, свидѣтельства иностранныхъ писателей современныхъ, 3, свидѣтельства географическія о событіяхъ, разсказанныхъ Несторомъ

4, внутреннія доказательства истины, 5, личный характеръ Несторовъ.

I. Къ собственнымъ свидѣтельствамъ причисляю списки Никифорова продолженнаго Лѣтописца, Похвалу Владимиру, слѣды Льготныхъ грамотъ, Остромирово Евангеліе, Святославовъ сборникъ, Даніилово путешествіе, Духовную Владимира Мономаха, письмо его къ Олегу, извѣстіе Симона объ основаніи церкви Печерской, письмо его къ Поликарпу, письмо Поликарпа къ Акиндину, Житіе Св. Ѳеодосія, Бориса и Глѣба, посланіе Луки Жидяты, слово о полку Игоревѣ, слово Даніила Заточеника, Церковной уставъ Владимировъ. (1).

—

Въ спискѣ *Никифорова* (продолженнаго) *лѣтописца*, сдѣланномъ не позднѣе 1280 г., (слѣдовательно онъ старше ста годами Лаврентьевскаго списка), въ подтвержденіе извѣстій Несторовыхъ находимъ мы съ хронологическими показаніями, избраніе у Варяговъ Рюрика, Синеуса и Трувора, (Русью), Чудью, Словенами, Кривичами; рѣчь къ нимъ; пребываніе Рюрика въ Новѣгородѣ, Синеуса на Бѣлѣозерѣ, Трувора въ Изборскѣ; смерть черезъ два года Синеуса и Трувора; смерть Рюрика и передача власти и малаго сына Игоря сроднику Олегу (2);

(1) Я расположилъ сіи свидѣтельства по степени ихъ достовѣрности и важности.

(2) Замѣчательно, что въ спискѣ Никифорова Лѣтописца, приложенномъ къ Никоновскому списку (ст. 14), смерть Олегова и начало княженія Игорева—послѣдніе Русскія происшествія.

княженіе Игоря; умерщвленіе его; княженіе Ольги съ сыномъ Святославомъ; путешествіе Ольги въ Царьградъ и крещеніе; время княженія Святослава и умерщвленіе его; сыновъ его Ярополка, Олега, Владимира; княженіе Ярополка въ Кіевѣ и умерщвленіе имъ Олега, а его Владимиромъ; крещеніе Владимира и Руси; умерщвленіе Святополкомъ Бориса и Глѣба, и княженіе въ Кіевѣ; войну съ Ярославомъ; княженіе Ярославово въ Кіевѣ; убіеніе сына его Изяслава; Ѳеодосія игумена Печерскаго; Всеволода въ Кіевѣ; Святополка тамъ же.

—

Въ *похвалѣ Владимиру*, писанной при Ярославѣ, какъ то нашелъ Г. Кубаревъ, говорится объ отцѣ Владимира Святославѣ, сынѣ Игоря, о супругѣ его Ольгѣ, о крещеніи Владимира. (3).

—

Услуги Новгородцевъ Ярославу въ войнѣ его съ Святополкомъ подтверждаются слѣдами *льготныхъ*

(3) Вотъ ея заключеніе: добръ послухъ благовѣрью твоему о блажениче Святаа церкы Святыя Богородица Марья юже създа на правовѣрнѣй сновѣ, идеже и мужьстьнье твое тѣло лежитъ ожидая трубы ангеловы. Добръ зѣло послухъ *сынъ твой Георгіи*, его же створи Господь намѣстника по тебѣ твоему владычеству, нерушаща твоихъ уставъ, но утвержающа, ѣ ни умаляюща твоему благовѣрію положенья, но паче прилагающа, не казяща, но учиняюща, иже недокончанная твоя накончивая, аки Соломонъ Давиду, иже домъ Божии великъ святыи въ премудрости създа, но святость и украшеніе граду твоему, иже всякою красотою украси о Христѣ Іисусѣ Господи нашемь, ему же слава и честь и поклоненіе съ Отцемь и съ Святымь Духомъ, нынѣ и присно и ввѣки вѣкомъ. Аминь.

грамотъ, къ несчастію утраченныхъ, кои онъ далъ имъ, и о коихъ находятся еще указательныя извѣстія въ Лѣтописяхъ и грамотахъ XII и XIII вѣка: (Князь Михаилъ, 1229 г.), „цѣлова крестъ на всей воли Новгородской и на всѣхъ *грамотахъ Ярославлихъ*.“ (4) Нестану говорить о подлинныхъ Новгородскихъ грамотахъ до насъ дошедшихъ, съ 1265 г., кои всѣ ссылаются на грамоты отцевъ и дѣдовъ, и старину.

—

Несторъ говоритъ, что Ярославъ, княживъ въ Кіевѣ, послалъ сына своего Владимира княжить въ Новѣгородѣ; онъ говоритъ, что Ярославу наслѣдовалъ въ Кіевѣ старшій его Изяславъ, которой владѣлъ вмѣстѣ и Новымгородомъ; онъ говоритъ, (по Никон. списку), что Новымгородомъ управлялъ Остромиръ,* (ходившій оттуда войною), что онъ имѣлъ сыновьевъ, — и всѣ сіи извѣстія находимъ мы совершенно согласно въ послѣсловіи къ *Остромирову Евангелію*, писанному въ 1056 г. „...написахъ же Евангеліе се рабу Божію наречену сущу въ крещеніи Іосифъ, а мирьскы Остромиръ, близоку сущу Изяславу Князу. Изяславу же Князю тогда предръжащу обѣ власти, и отца своего Ярослава, и брата своего Володимира. Самъ же Изяславъ Князь правляаше столъ отца своего Ярослава Кыевѣ, а брата своего столъ по-

(4) Новгородская Лѣтопись с. 118. — Но гдѣ Карамзинъ взялъ слово *льготныя*? (11, 40).

* Никон. I, 144.

ручи правити близоку своему Остромиру Новѣгородѣ. . .

—

Несторъ исчисляетъ въ своей лѣтописи сыновьевъ Кіевскаго Князя Святослава Изяславича: Глѣба, Олега, Давида, Романа, Ярослава, изъ коихъ послѣдній былъ меньшій, и сіи же имена встрѣчаемъ мы въ знаменитомъ *Святославомъ Сборникѣ* 1073 года, на рисункѣ, къ нему приложенномъ. Замѣтимъ, что одинъ изъ братьевъ представленъ именно гораздо меньшимъ прочихъ. Какое согласіе! (5).

Несторъ подъ 1079 годомъ говоритъ, что Олегъ Святославичь, послѣ убіенія Изяслава отвезенъ былъ Козарами за море, и прожилъ тамъ два года, (подъ 1083: приде Олегъ изъ Грекъ) и въ *Хожденіи къ Святымъ мѣстамъ Даніала*, его современника, въ концѣ XI вѣка, при описаніи острова Родоса сказано: и въ томъ островѣ былъ Олегъ Князь Русьскы, двѣ лѣтѣ и двѣ зимы.

Князья, упоминаемые Несторомъ въ лѣтописи въ концѣ XI вѣка, встрѣчаются намъ и въ Паломникѣ Даніила, который сказываетъ намъ, что онъ для поминовенія о здравіи записалъ въ Лаврѣ Св. Саввы освященнаго имена Русскихъ Князей Святополка—Михаила, (1093—1113) Василія—Владимира,

(5) См. Труды Ист. Общества, Ч. VII.

(1113—1125), Давида — Святославича (+1123), Михаила — Олега (+1115) Панкратія, Ярослава (1129) Святославича, Глѣба Минскаго (+1119). Балдуинъ ходилъ къ Дамаску въ 1115 году.

Духовная Владиміра Мономаха подтверждаетъ походъ Мономаха и Олега Святославича на помощь Ляхамъ противъ Чеховъ, въ 1076 г., рожденіе Мстислава и смерть Святослава въ этомъ году; полученіе Смоленска въ удѣлъ Мономахомъ, сраженіе Изяслава и Всеволода, Мономаха, съ Борисомъ и Олегомъ, подъ Черниговымъ, и побѣду надъ ними; нѣкоторые походы Половецкіе, полученіе Мономахомъ Переяславля, помощь Ярополку и смерть его, помощь Святополку противъ Половцевъ; отнятіе Чернигова у Владиміра Олегомъ, и удаленіе его въ Переяславль; походы на Половцевъ.

Письмо Мономахово къ Олегу подтверждаетъ походъ его на Олега къ Чернигову, принадлежность Мурома къ Черниговскому Княженію.

Сочиненіе *Симона*, Епископа Владимірскаго, (1215—1226), *объ основаніи церкви Печерской* подтверждаетъ извѣстіе Нестора о войнѣ Ярослава съ Мстиславомъ, о Варягѣ Якунѣ слѣпомъ съ его золотою лудою, о набѣгѣ Половцевъ, о походѣ имъ на встрѣчу Изяслава Святослава и Всеволода, о сраженіи на Альтѣ, о княженіи Всеволода въ Переяславлѣ съ сыномъ своимъ

Владимиромъ Мономахомъ, о демественникахъ, о построеніи Печерскія церкви, о Епископахъ освѣщавшихъ ее.

Въ посланіи сего же Симона *къ Поликарпу* мы видимъ Несторовъ монастырь Св. Димитрія, видимъ Князя Святослава Ярославича, и сына его Давида, внука Святошу.

Несторъ разсказываетъ о смерти двухъ Варяговъ, обреченныхъ въ жертву богамъ при Владимирѣ, и Епископъ Симонъ говоритъ о первомъ Ростовскомъ Священномученикѣ Леонтіѣ »и се третій гражданинъ небесный быстъ Русскаго мира съ онѣма Варягома.«

Несторъ разсказываетъ объ языческихъ обычаяхъ Вятичей въ его время, и Симонъ говоритъ о Св. Кукшѣ: Вятичи крести и много чудеса сотвори. Вятичи приняли Христіянскую вѣру въ XI или уже въ XII вѣкѣ (5).

Симонъ же говоритъ о Св. Антоніѣ, и постриженномъ отъ него Иларіонѣ: въ томъ же посланіи свидѣтельствуются имена многихъ Епископовъ исчисленныхъ у Нестора (6).

(5) Кар. II, 138.

(6) Изъ послѣдующаго за Несторомъ времени у Симона подтверждается Верхуслава-Анастасія съ отцемъ Всеволодомъ III, и мужемъ Ростиславомъ Рюриковичемъ, (соч. бракомъ 1189), Епископы Антоній Новогород. и Псков., Князь Георгіи Всеволодовичь, Владимирскій и Суздальскій, Николай Святоша и братья его Владимиръ и Изяславъ.

Поликарпово посланіе къ Акиндину (7) (около 1220) подтверждаетъ извѣстія Несторовы о смерти Борисовой на Альтѣ, Георгіѣ съ золотою гривной, сестрѣ Ярославовой Передславѣ, войнѣ Ярослава съ Святополкомъ, о побѣдѣ его, бѣгствѣ Святополка къ Ляхамъ, возвращеніи съ Болеславомъ и отбытіи его съ сестрами Ярослава, о княженіи Изяслава въ Кіевѣ, Изяславовомъ монастырѣ Св. Димитрія, о смерти Глѣба въ Заволочьѣ, отправленіи Изяславомъ Святополка Изяславича въ Новгородъ на его мѣсто, о Святополкѣ-Михаилѣ и его характерѣ, княженіи его въ Туровѣ, и войнѣ его съ Давидомъ Игоревичемъ, за ослѣпленіе Василька, о Володарѣ, о Мстиславѣ Святополковичѣ, смерти его на сраженіи; о Владимирѣ Мономахѣ и братѣ его Ростиславѣ, походѣ ихъ на Половцевъ, смерти Ростислава.

—

Церковный уставъ Владимировъ (8) подтверждаетъ основаніе Владимиромъ I церкви во имя Пресвятой Богородицы, о назначеніи десятины въ пользу ея, о супружествѣ его съ Анною. (Пергаментной списокъ его 1280 г. подтверждаетъ Владимирово имя Христіанское Василія и происхожденіе отъ Святослава, Игоря и Ольги).

—

(7) О сихъ лицахъ см. Калайдовича Памятники Росс. Словесности XII вѣка, с. 243—249. Кар. III, пр. 171.

(8) Онъ напечатанъ въ разныхъ изданіяхъ, у Митр. Евгенія, Карамзина, Барона Розенкампфа.

Несторовъ Жидята Епископъ въ Новѣгородѣ (9) доказывается *Поученіемъ Епископа Луки* (10).

—

Въ словѣ о полку Игоревѣ находимъ — Несторовыхъ Дажбога и Стрибога, старагo Владимира, Ярослава, Мстислава, зарѣзавшаго Редедю, Косожскаго Князя, междоусобія слѣдующихъ Князей, Половцевъ, Всеслава Полоцкаго, занятіе имъ Кіева и другіе походы его, смерть Бориса Вячеславича за Олегову обиду, смерть Изяслава Кіевскаго на томъ же сраженіи, Олега Святославича, Тмутораканскій походъ его, Романа Святославича, Владимира Всеволодовича въ Черниговѣ.

—

Слово о Даніилѣ заточеникѣ, памятникъ 12 вѣка (11), упоминаетъ о Святославѣ и Игорѣ. Сочинитель этого слова вѣрно имѣлъ въ рукахъ своихъ лѣтопись, ибо въ двухъ мѣстахъ говоритъ почти ея словами (12), или покрайней очень сходными.

—

(9) НК, 105. Замѣтимъ, что у Нестора названъ онъ только по прозвищу *Жидята*, въ Никоновскомъ спискѣ (II, 133) прибавлено имя *Луки*. Откудаже Ник. списокъ взялъ имя, которому мы должны вѣрить? Также и объ Ярославѣ, сравни выше.

(10) Русскія достопамятности, изд. Ист. Обществомъ 1816. Москва.

(11) Калайдовича тамъ же. — Невѣрьте Слову, а вотъ въ лѣтописи нечаянно примолвено подъ 1378 годомъ при извѣстіи объ одномъ священникѣ, которой былъ сосланъ на Лаче озеро, „идѣ же бѣ Данило заточеникъ."

(12) Калайдовича, с. 134.

Для тѣхъ, которые думаютъ, что *житіе Ѳеодосія* и лѣтопись сочинены двумя разными лицами, замѣчу, что оно представляетъ согласныя извѣстія съ лѣтописью о Ярославѣ, сынѣ его Изяславѣ, внукѣ Ростиславѣ въ Тмутаракани, о Глѣбѣ, отпущенномъ Святославомъ въ Тмутаракань, о Всеволодѣ, о союзѣ Святослава съ Всеволодомъ и объ изгнаніи Изяслава, о княженіи Святославовомъ, о смерти Изяслава на помощи брату Всеволоду.

О нѣкоторыхъ весьма немногихъ разногласіяхъ скажу здѣсь, что онѣ ничего не опровергаютъ: одинъ и тотъ же писатель въ разныя времена можетъ, иначе освѣдомленный, сообщать разныя извѣстія.

Житіе Бориса и Глѣба представляетъ согласныя извѣстія съ лѣтописью о сыновьяхъ Владимировыхъ и объ ихъ удѣлахъ, о походѣ Борисовомъ, и вообще о всѣхъ происшествіяхъ, бывшихъ въ слѣдствіе Владимировой кончины.

—

Довольно ли свидѣтельствъ подтвердительныхъ? Я не говорю здѣсь объ уставѣ Ярослава, о мостовыхъ, и о церковномъ его уставѣ, потому что сіи документы не изслѣдованы; не стану говорить о подтвержденіяхъ новѣйшихъ, изъ коихъ иныя очень важны, напримѣръ Зиновій, Новогородскій монахъ, ученикъ Максима Грека, сосланный въ 1526 г. въ Новогор. Отенскую пустыню,

въ 52 словѣ на ересь Θеодосія Косаго, пишетъ: видѣхъ въ правилѣхъ древняго перевода книги; преписанныя же быша при *Ярославѣ* Князѣ, *Владимировѣ сынѣ*, и при *Епископѣ Іоакимѣ* въ началѣ крещенія нашея земли; и ниже въ томъ же словѣ: въ правилѣхъ первыхъ писано, ихъ же азъ видѣхъ, яко преписаны быша въ лѣто Великаго Ярослава, сына Владимирова. А въ словѣ 55 упоминаетъ и о другомъ у него бывшемъ немного позднѣйшемъ спискѣ: правила, яже предложихъ вамъ, имутъ оправданіе истинѣ; понеже писана книга Правила на кожахъ при *Изяславѣ Князѣ*, *Ярославли* сынѣ, при *внукѣ* великаго *Владимира*, *крестившаго* Русскую землю (13).

—

Надъ гробомъ супруги Ярослава, въ Новогородскомъ Софійскомъ Соборѣ находится надпись: Святая Благовѣрная Княгиня Анна, мать Св. Благовернаго Князя *Владимира Ярославича*, Королевна Шведская, Олава Шведскаго перваго Короля дочь, называлась въ своей землѣ Ингегерда... потомъ *супруга Ярослава Владимировича Новогородскаго и Кіевскаго; преставилась въ лѣто отъ с. м. 6559*, *отъ Р. Х. 1051*; положены мощи ея въ Новогородскомъ Софійскомъ Соборѣ.« Разумѣется это надпись новая, но она безъ всякаго сомнѣнія распространена изъ старой: въ Софійской лѣтописи сказано: »Архіепископъ Евфимій позлати гробъ *Князя Владимира*, *внука* Великаго *Владимира*, и подписа;

(13) Словарь Историческій М. Евгенія I, 321—225.

такожде и матери его Анны гробъ подписа, и покровы положи, и память ими уставъ творити Октоврія въ 4 день." Въ письменномъ Софійскомъ уставѣ она также называется Анною, подъ 5 числомъ Сентября и 4 Октабря. Память ея въ Софійскомъ Соборѣ празднуется еще 10 Февраля, вмѣстѣ съ памятію сына Ярославова Владиміра. Первое празднество неизвѣстно когда и кѣмъ установлено (14).

—

Перейдемъ теперь къ подтвердительнымъ извѣстіямъ иностраннымъ.

Имп. Константинъ.

Какъ скоро наступитъ Ноябрь мѣсяцъ, то Россійскіе Князья, оставивъ со всѣмъ своимъ народомъ Кіевъ, разъѣзжались по другимъ городамъ... и отправлялись въ земли Верванъ (Древлянъ), Другувичей (Дреговичей, Кривичей, Сервянъ (Сѣверянъ), и другихъ Россамъ подчиненныхъ Славянъ, и проч.

Несторъ.

В се же лѣто рекоша дружина Игореви: отроци Свѣньлъжи изодѣлися суть оружьемъ и порты, а мы нази; поиди, Княже с нами в дань, да и ты добудеши и мы.

Поча Олегъ воевати Деревляны, и примучивъ і имаше на нихъ дань по Чернѣ Кунѣ.... Иде на Сѣверяне и побѣди Сѣверяны, и възложи нань дань легъку... Посла къ Радимичемъ. И бѣ обладая Олегъ Поляны, и

(14) Изъ примѣчанія 34, II. Кар.

Деревляны, Сѣверяны, и Радимичи.

—

Росы часто за малую услугу Греческимъ Царямъ требовали у нихъ Царской одежды, вѣнцевъ и епанечъ; потому Имп. Константинъ Багрянородный совѣтуетъ своему сыну отказывать имъ подъ такими то предлогами. См. Стриттера въ Изв. Виз. Ист. с. 44.

Въ Еймундовой сагѣ есть также много извѣстій о паволакахъ.

Нелюбо ми есть в Киевѣ быти, хочю жити с Переяславци в Дунаи, яко то есть середа в земли моей, яко ту вся благая сходятся: отъ Грекъ злато, *паволоки*, вина и проч.

И рѣша ему (Цимискію) Боляре: посли къ нему (Святославу) дары; искусимъ и, любьзнивъ ли есть злату, ли паволокамъ? И посла к нему злато и паволоки.

Рѣша же дружина Игорева: да аще сице глаголеть Царь, то что хочемъ боле того, не бившеся имати злато. и сребро и паволоки (19).

Вообще о паволокахъ у Нестора на всякой почти страницѣ.

—

Эймундова Сага.

Не покажется ли вамъ удобнымъ, говоритъ Эймундъ, недовольный хо-

Рус. Лѣтопись.

Игорь, возвратясь изъ несчастнаго похода, „посла по Варяги."

домъ дѣломъ въ Норвегіи, чтобъ мы отправились туда, (въ Россію), и повидались съ тѣми Конунгами, (Ярославомъ и его братьями), да пристали бы къ которому нибудь изъ нихъ... Для насъ это было бы хорошо, какъ въ разсужденіи богатства, такъ и почестей. „.... Сверхъ того долженъ ты отпускать на каждаго нашего воина по унціѣ серебра.“ 6 Ч 2 11.

Владимиръ отъ Святополка, бѣжа за море... приде съ Варяги.“

„Начаша (Новгородцы) скотъ събирати (когда Ярославъ, побѣжденный, возвратился въ Новгородъ), и приведоша Варягы, вдаша имъ скотъ“ и проч.

Нордманны пользовались большимъ уваженіемъ и почестями, служа Конунгу... но жалованье нерѣдко оставалось въ недоимѣ за Конунгомъ, который полагалъ, что теперь менѣе нуждается въ дружинѣ и проч.

По взятіи Владимиромъ Кіева, рѣша Варязи Владимиру; се градъ нашь и мы прияхомъ е, да хочемъ имати окупъ на нихъ, по 2 гривнѣ отъ человѣка. И рече имъ Володимеръ: пождѣте, да же вы куны сберуть, за мѣсяцъ. Ждаша за мѣсяць, и не дасть имь, и рѣша Варязи: сольстилъ еси нами, да покажи ны путь въ Греки.

Левъ Діаконъ..

Я думаю, что Святославъ не забылъ пораже-

Несторъ.

Иде Игорь на Греки... Феофанъ же оустрѣте я въ

нія отца своего Игоря, который, презрѣвши клятву, съ великимъ ополченіемъ, на 10 тысячахъ судовъ, подступилъ къ царствующему граду Византіи, и едва только успѣлъ съ десятью ладьями убѣжать въ Воспоръ Киммерійскій, съ извѣстіемъ о своемъ пораженіи.

лядехъ со огнемъ... Русь же видяще пламянь, вмѣтахуся въ воду морьскую, хотяще оубрести, и тако прочии възъвратишася въ свояси. Тѣмъже пришедшимъ въ землю свою и повѣдаху кождо своимъ о бывшемъ и о лядьнѣмь огни. Якоже молонья, рече иже на небесѣхъ, Грьци имуть оу собе, и се пущающа жежаху насъ; сего ради не одолѣхомъ имъ. (15).

—

Я не упоминаю о его несчастной смерти, когда плѣненный на войнѣ съ Германцами (16) онъ привязанъ былъ къ двумъ деревамъ, и разорванъ на двѣ части.

Слышавше же Деревляне, яко опять идеть, сдумавше... аще не оубьемъ его, то вся ны погубить... и вышедше... оубиша Игоря и дружину его; бѣ бо ихъ мало.

Святославъ... сказалъ ему въ отвѣтъ: мы сами

„Хочу на вы ити, взяти градъ вашь, яко

(15) Я привожу это мѣсто разумѣется относительно Русскихъ прибавленій къ выпискѣ изъ Амартоловой Лѣтописи.

(16) Вотъ какъ Греки знали племена! Древляне — Германцы! А у насъ все еще толкуютъ, зачѣмъ Русскихъ Святослава Левъ діаконъ называетъ иногда Тавроскиѳами, или Скиѳами!

поставимъ скоро шатры свои предъ Византійскими воротами.

и сей," говоритъ Святославъ Грекамъ."

Не говорю о множествѣ другихъ подробностей войны Святославовой, которая у Льва Діакона описана несравненно обстоятельнѣе, чѣмъ у насъ; также о походѣ Владимира Ярославича, описанномъ у Кедрина.

Разпредѣленіе добычи, и проч.

Олавъ Тригвазонъ, соединившись съ Ярломъ Сигурдомъ сговорился, ut quilibet sociorum Olai, duas partes communis praedae . . . haberet, comes unam saltem obtineret. Ejusmodi autem partitio inter illos esse debebat, quia Olaus, milites que ejus... fortitudine sua, et progrediendim audacia, caeteris plure comparabant.

Отроци Свѣньлъжи изодѣлися оружьемъ и порты,... да *и ты* добудеши *и мы*, говоритъ дружина. Игорю.

И рѣша Грьци:.., (Святославу) возми дань *на насъ*, и *на дружину свою*... и повѣжьте ны, колько васъ, да вдамы по числу *на главы*.... а самъ веземъ у Грекъ золото и паволоки *и на вся воя*.

Et si aliquis de Nortmannis occisus fuit, quaesitum precium pro eo est exsolutum (у Гагемейстера с. 95).

Имашеть же и за оубьеныя, глаголя: яко родъ его возметь.

Ferebat frequens illorum temporum consuetudo . . . ut dimidia altera aulicorum pars Reginae esset, quam suis sumti-

И възложиша на ня дань тяжьку: 2 части дани идета Киеву, а третьяя Вышегороду к Ользѣ, бѣ

bus illa aleret, tributorum atque censuum, quantum ad hanc rem esset necessarium, perceptura.

Astrida Regina tradiderat Biorno curam praediorum suorum, et praefectura in superiori Heidmarkia (у Гагемейстера с. 92).

Singulis provinciis Iarlum praefecit... eo pacto, ut tertia censuum ac tributorum pars Iarlo ad mensam ejus atque impensas forendas cederet.

бо Вышегородъ городъ Вользинъ.

Я свожу сіи мѣста съ цѣлію показать, что Несторовы извѣстія достовѣрны, ибо такіе же или подобные обычаи, у родственныхъ Норманновъ, засвидѣтельствованы Сѣверными Лѣтописателями.

Ламбертъ Ашаффенбургскія: tantum regi deferens auri et argenti, et vestium pretiosarum... сказано о послѣ Императора Генриха IV, возвратившемся къ нему обратно отъ Святослава Ярослава.

Въ сеже лѣто пріидоша послы изъ Нѣмецъ ко Святославу; Святославъ же величаяся показа имъ богатство; они же видевше безъчисленное множество злата и сребра, и паволоки, и проч. (НК. с. 123).

Несторъ не говоритъ ни слова о бракѣ Ярослава, а сказываетъ, что въ 1020 г. родился у него сынъ Владимиръ; сѣверные лѣтописатели ни

слова не говорятъ о рожденіи сына, но сказываютъ, что въ 1019 г. Ингигерда отпущена аа мужъ за Ярослава — какъ разительно доказывается достовѣрность сихъ извѣстій, одно другимъ!

Ярославъ посылаетъ за Варягами, говоритъ Несторъ, и изъ Сѣверныхъ лѣтописателей узнаемъ мы, что Олавъ Скетконунгъ позволяетъ ему набирать у себя войско (17).

Несторъ перестаетъ говорить о прибытіи Варяговъ изъ за моря въ половинѣ 11 вѣка, и сѣверные лѣтописатели даютъ намъ знать, что выселки изъ Скандинавіи прекратились въ то время; морскіе походы также; Норманны успокоились, утвердились на своихъ мѣстахъ. Изяславъ 1060 идетъ за помощью уже въ Германію.

Несторъ ссылается на Грековъ говоря объ Аскольдѣ и Дирѣ, и тамъ находимъ мы извѣстіе о походѣ Руси 866 года.

Извѣстіе о хромотѣ Ярославовой у Нестора и въ Еймундовой Сагѣ; о легкости лодокъ у насъ у Византійцевъ, у Ліутпранда; о скорѣ, воскѣ и челяди изъ Руси у Нестора и Византійцевъ.

—

Замѣтимъ, что всѣ документы, вновь открываемые, только что подтверждаютъ Нестора, на пр. Георгій Амартолъ, Левъ Діаконъ, Меѳодій Папа-

(17) Шегрена разсужденіе объ Ингерманландіи, въ запискахъ Пет. Академіи наукъ. Т. II с. 165, 214.

рійскій, документы Френа, даже Эймундова Сага, что касается до общности ея извѣстій, а не до частностей.

3. Перейдемъ къ географическимъ доказательствамъ.

Всѣ племена Славянскія указываются лѣтописателями 12 и 13 вѣковъ въ тѣхъ мѣстахъ и въ тѣхъ странахъ, гдѣ помѣстилъ ихъ Несторъ. Имена ихъ подтверждаются еще болѣе одинакими именами въ прочихъ Славянскихъ странахъ. Финскія племена, ихъ жилища и мѣста, возстановляются предъ нашими глазами Шегреномъ (18).

Всѣ походы нашихъ первыхъ Князей, описанные Несторомъ, объясняются мѣстными изслѣдованіями Ходаковскаго, какъ мы и не предполагали прежде.

Какова ихъ постепенность и послѣдовательность: Князья берутъ дань сперва съ сосѣднихъ племенъ; потомъ съ ближайшихъ, наконецъ съ дальнѣйшихъ! Одинъ Князь идетъ въ одну сторону, другой въ другую. Всякой позднѣйшій писатель перепуталъ бы ихъ навѣрное.

Глѣбъ изъ Мурома ѣхалъ въ Кіевъ чрезъ Смоленскъ, гдѣ ожидали его подосланные убійцы Святополковы. Кажется, здѣсь нѣтъ дороги, и мы на-

(18) См. его разсужденія въ запискахъ П. Академіи наукъ.

ходимся въ недоумѣніи, подозрѣваемъ ошибку, но вотъ Ходаковскій отыскиваетъ заметенные слѣды, и блистательно подтверждаетъ Нестора. (20)

Пребываніе Варяговъ засвидѣтельствовано собственными именами *Варяжскаго острова* въ устьѣ Днѣпра, *Варяжскихъ пещеръ* въ Кіевѣ, *Варяжской* улицы и церкви въ Новѣгородѣ, и многихъ урочищъ. Козары также оставили свое имя.

Несторъ описываетъ восточный путь Норманновъ, и тотчасъ мы видимъ у него Аскольда, Олега, идущихъ именно по этому пути мимо Смоленска къ Кіеву.

Греческій путь упоминается еще подъ 1168 г. „а иже у насъ и Греческій путь изотымаютъ, и Солоны, и Залозы" мѣста по Днѣпру на югъ отъ Кіева. (Кар. II, пр. 419, 410).

Мѣста главныхъ происшествій, упоминаемыя Несторомъ, засвидѣтельствованы лѣтописателями среднихъ вѣковъ, а нѣкоторыя дошли до насъ съ своими древними именами.

Угорское подъ Кіевомъ: и поѣхаше Игорь (1146) въ Кыевъ, иде съ ними подъ *Угорскый* (20). Вячеславъ на велицѣмъ дворѣ, а Изяславъ подъ *Угорскимъ* (21).

Несторъ говоритъ объ Ольгѣ: „и ловища ея суть и до сего дни по всей земли Русьстѣй и Новогородьстѣй, знаменья же и мѣста и погосты,.....

(20) См. въ Русскомъ Историч. Сборникѣ, изд. Обществомъ Рос. Исторіи въ Москвѣ, 1838, статью его: Пути сообщенія въ древней Россіи.

(21) Кар. II, пр. 288. (22) Тамъ же, пр. 357.

и есть село ея у Кыева близь на Деснѣ *Ольжищи.*“ И въ лѣтописяхъ 12, 13 вѣка часто встрѣчается это селеніе: и позва Всеволодъ братію къ собѣ и сташа въ *Олжичихъ* (22); приде же вѣсть, оже Вячеславъ и Изяславъ стояху на сей сторонѣ Днѣпра у *Ольжичь*... придоша же отъ *Ольжичь* (23).

Придоша (1393) Новогородци ко Пскову.... и тогда убиша Копорскаго Іоана подъ *Олгиною горою* (24) а иныхъ многыхъ избища на *Выбутѣ*.

Въ царскомъ наказѣ посламъ (1585) сказано съѣзду быти на Наровѣ у Николы у *Ольгина креста.*

Ольгины слуды, *Ольгины* ворота.

Объ Олеговой могилѣ у Нестора: есть же могила и до сего дни; словеть та могила *Ольгова* (25); эта могила встрѣчается въ лѣтописяхъ средняго періода: Кыяне же (вовремя войны Изяславовой (1146 г.) сташа у *Олговы могилы* (26).

Въ утрій же день пріиде Володимеръ Галицкый (1150 г.) къ *Олговѣ могилѣ* (27); и повелѣ Ростиславъ ему (Олегу) у *Ольговы могилы* стати, 1160 г. (28).

Олегово поле встрѣчается при описаніи войнъ Изяслава Мстиславича. Въ лѣто (1148) пойде Изяславъ... и стояше на *Олговѣ поли* (29).

(22) Кар. II, пр. 279. (23) Тамъ же пр. 351.
(24) V, 197 Псковская лѣтопись 36.
(25) НК. с. 32. (26) Кар. II, 292. (27) Кар. II, пр. 329.
(28) Такъ же пр. 399. (29) Кар. II, пр. 311.

Ярославль дворъ въ Кіевѣ: Изяславъ съзва Кіаны всѣ на гору, на *Ярославль дворъ* (30).

Вячеславъ же бяше до него въѣхавъ въ Кыевъ и сѣлъ *на Ярославли дворѣ* (31). Тогда же Угри на фарѣхъ и на скокохъ играаху па *Ярославлѣ дворѣ* (32).

Ярославль дворъ въ Новѣгородѣ: Мстиславъ же сзва вѣче *на Ярославлѣ дворѣ* (33).

Приде Лазарь (1207), повелѣ убити Ольксу Сбыславиця на *Ярославли дворѣ* (34). И Онцифоръ съ Матѳеемъ възвони вѣче (1342) у Св. Софіи, и Ѳедоръ и Ондрешка другое *на Ярославлѣ дворѣ* и проч. (35).

Связь съ Корсунемъ засвидѣтельствована именемъ *Корсунскій*, которое придается къ древнѣйшимъ образамъ и вообще живописи. Упомянемъ о развалинахъ водопровода между Севастополемъ и Балаклавою.

Святополчь, построенный Святополкомъ, упоминается въ лѣтописяхъ подъ 1224 г. — *Витичевъ* извѣстный Константину багрянородному, упоминается еще въ 12 столѣт. (36).

Не стану приводить здѣсь мѣста, гдѣ упоминаются Несторово, Берестово Ракома, Выдо-

(30) Кар. II, пр. 289. (31) пр. 329. (32) пр. 333. (33) Кар. II, пр. 52. (34) Кар. III, пр. 127. (35) Кар. IV, пр. 337. (36) Кар. II, пр. 318.

бичи, Выбуть, Коростень, Дорогожичь, и пр., изъ которыхъ многія дошли до нащего времени.

Говорить ли о городахъ?

—

Говорить ли еще о живыхъ памятникахъ — о церквахъ, упоминаемыхъ Несторомъ: о Софійскихъ соборахъ въ Кіевѣ и Новѣгородѣ, о пещерахъ Кіевскихъ, о десятинной церкви въ Кіевѣ, Спасовой въ Черниговѣ, о коростахъ марморяныхъ? и проч., и проч.

—

И въ числѣ нѣсколькихъ сотъ Несторовыхъ собственныхъ именъ племенъ, городовъ, рѣкъ, селъ, урочищъ, дорогъ, не отыскано до сихъ поръ ни однаго выдуманнаго; всѣ есть и на своихъ мѣстахъ, кромѣ какаго нибудь десятка, съ потерянными совершенно слѣдами!

Вотъ что еще очень важно: весьма многія, потерянныя или измѣнявшіяся въ Лѣтописяхъ, нашелъ только теперь какой нибудь Ходаковскій, среди пѣшеходныхъ своихъ странствій, въ устахъ простаго народа, или забытыхъ бумагахъ! Мы говорили прежде, что никакой мнимый Лѣтописатель 14 вѣка не могъ выдумать сотни Князей и ихъ отношенія между собой. Прибавимъ теперь: а какъ могъ выдумать онъ еще столько мѣстъ, кои теперь только открываются изъ-подъ своихъ развалинъ чутьемъ и настойчивостію проницательнаго путешественника?

—

Есть *внутреннія доказательства* истины въ самыхъ произшествіяхъ, словахъ, выраженіяхъ,

оборотахъ. Безпристрастный изслѣдователь, знакомый съ дѣломъ, съ перваго взгляда отличаетъ подлинное отъ поддѣльнаго, — въ Лѣтописи точно такъ, какъ во всякомъ произведеніи. Можно ли напримѣръ выдумать вотъ такія выраженія: если ты постоишь у меня на Почайнѣ, сколько я стояла у тебя въ судѣ, то я пришлю тебѣ помощь. (37).

Мы наги и босы, а отроки Свѣнельдовы изодѣлися оружіемъ и платьемъ — пойдемъ за данью.

Не хочу разуть робичича.

Дай намъ Князя, а не то—мы найдемъ себѣ. Да кто къ вамъ пойдетъ?

Вятичи творятъ и нынѣ. Пищанцы Волчья хвоста бѣгаютъ. Бѣда аки въ Родкѣ. Радимича повозъ везетъ до сихъ поръ. Поваръ Глѣбовъ Торчинъ.

Позаровахомъ—выдумать такихъ вещей нельзя. Только очевидецъ посмѣетъ сказать подобную правду, похожую на ложь.

Можно ли выдумать обманъ Варяговъ Владиміромъ по взятіи Кіева, разсказъ о смерти Олега, о ссорѣ Ярополка съ Олегомъ и проч. объ утаеніи смерти Владиміровой со всѣми ея обстоятельствами.

(37) Вѣрно долго не впускали ее въ Константинополь! Какъ видна недовѣрчивость Грековъ!

Сравните подарки Грекамъ Игоря, требованія ихъ у Ольги, слова Святослава о произведеніяхъ Руси—какое соотвѣтствіе.

Какъ характеризованы Новогородцы: изгнаша, преданіе при Вадимѣ, рѣчь къ Святославу, отказъ его сыновей, поступокъ при Ярославѣ, и послѣдующія событія!

Достовѣрность этого рода будетъ виднѣе при изслѣдованіяхъ о самихъ произшествіяхъ.

5. Теперь о *личномъ характерѣ* Нестора.

Всѣ наши лѣтописатели, даже до 16 вѣка, отличаются добросовѣстностію, правдолюбіемъ; всѣ они безъ порывовъ воображенія, по характеру самаго народа; уже только послѣ 16 вѣка начинается умничанье, баснословность, по извѣстнымъ причинамъ и для извѣстныхъ цѣлей.

Всѣ, они, какъ замѣчено уже прежде, писали и переписывали для себя, для своего обихода, не для публики, которой не было; гораздо позднѣе являются списки по заказу для того или другаго лица; никто не искалъ ни довѣренности, ни славы; умышленныхъ обмановъ не было, а развѣ отъ невѣдѣнія; выдумки считались грѣхомъ; въ началѣ лѣтописи находимъ мы украшенные преданія, но не выдумки. — Это общій характеръ лѣтописателей, и Нестора въ особенности.

Несторъ жилъ въ 11 вѣкѣ — прочитайте его описанія времени, которого онъ самъ былъ

свидѣтелемъ, въ сравненіи съ 9, и 10 вѣкомъ, о которыхъ онъ писалъ отчасти по преданію, — вы увидите разницу въ доказательство, что онъ не любилъ выдумать, записывая о своемъ времени день за днемъ. Въ 12 вѣкѣ нѣтъ у него уже ни мечей, ни парусовъ, ни змѣй. Вотъ почему Шлецеръ, знакомый со всѣми лѣтописателями, говоритъ о Несторѣ съ такимъ почтеніемъ. Сравните его съ первыми лѣтописателями всѣхъ народовъ, съ Григоріемъ Турскимъ, Бедою, Снорромъ, Адамомъ, Дитмаромъ, и вы увидите сей часъ разницу, и вѣрность аттестата Шлецерова. Послушайте, какъ говоритъ онъ о первой извѣстности Русскаго имени: „первой слухъ объ Русской землѣ въ началѣ царствованія Михаилова: мы узнали объ этомъ, потому что Русь при этомъ Царѣ приходила на Царьградъ, какъ написано въ лѣтописяхъ Греческихъ. Тѣмъ же отселѣ почнемъ" и пр. Мы не знали бы объ себѣ, я не могъ бы ничего написать, если бы это происшествіе не было записано въ лѣтописи Греческой. Вотъ откуда я начну.

Это ли характеръ обманщика? Заимствовавъ это извѣстіе изъ Греческой лѣтописи, онъ оставляетъ потомъ безъ описанія сряду нѣсколько лѣтъ, о которыхъ нигдѣ не могъ читать или слышать.

О Рюрикѣ въ продолженіи 17 лѣтъ у Нестора написано только, что онъ пришелъ и умеръ, объ Аскольдѣ и Дирѣ что извѣстно было отъ

Грековъ, объ Олегѣ (38) пропущено почти 20 лѣтъ безъ описаній, (885—903), въ княженіи Игоря 18 (924—941) (39), Ольги 8 (947 по 955), до путешествія въ Царьградъ, а потомъ опять 9 послѣ возвращенія (40) при Святославѣ: при Владимирѣ 20 (41). Вообще онъ не замѣщалъ тѣхъ пропусковъ, кои дошли до него въ первоначальныхъ источникахъ, а оставилъ ихъ какъ получилъ. Между тѣмъ здѣсь открывалось бы широкое поле для выдумокъ. Доказательство его добросовѣстности.

Несторъ разсказываетъ войну Святослава, какъ разсказывали ему, украшенную, Варяги, съ побѣдами Святослава, и вслѣдъ за нею помѣщаетъ договоръ, совершенно противорѣчащій собственному его описанію, договоръ, въ которомъ обнаруживается неудача Святославова. Ясна ли его честность: онъ не хотѣлъ измѣнить, поддѣлать статей, обличавшихъ его собственное повѣствованіе.

—

6. Свидѣтельства лѣтописей 12, 13, 14 вѣка, въ коихъ подтверждаются Несторовы сказанія, мы предложимъ по своимъ мѣстамъ въ слѣдующихъ разсужденіяхъ.

—

Въ заключеніе я долженъ былъ бы описать списки Несторовой лѣтописи — но я не имѣю средствъ для того. Археографическая коммиссія

(38) НЛ. с. 15. (39) НЛ. с. 18. (40) НЛ. с. 35.
(41) НЛ. с. 92.

вѣрно исполнитъ вскорѣ это требованіе критики.

Еще я долженъ былъ бы представить свое мнѣніе о томъ, до котораго времени писалъ Несторъ. Этого рѣшить я неберусь также безъ короткаго знакомства со всѣми списками, а прежнія мнѣнія мнѣ кажутся неудовлетворительными.

Наконецъ я долженъ былъ бы объяснить всѣ недоразумѣнія нашихъ молодыхъ и старыхъ изслѣдователей, кои находилъ я въ журналахъ — отлагаю ихъ до 4 книги моихъ изслѣдованій, гдѣ онѣ будутъ разобраны вмѣстѣ съ прочими ихъ недоразумѣніями о происхожденіи Варяговъ, Руси, и самыхъ произшествіяхъ древнѣйшаго періода Русской Исторіи.

—

Разсмотрѣть Нестора какъ писателя, я предоставляю Г. Шевыреву; разсмотрѣть языкъ его — Г. Бодянскому; ибо для этого нужно знать Болгарское нарѣчіе и Малороссійское, кои знаю я недостаточно.

Заключеніе лекцій о Несторѣ, Студентамъ 3 курса въ Московскомъ Университетѣ.

1837 г. въ Ноябрѣ.

.....Такъ, Милостивые Государи, по всѣмъ самымъ точнымъ изслѣдованіямъ, по всѣмъ самымъ мѣлкимъ наблюденіямъ, по всѣмъ усильнымъ соображеніямъ, подвергая строжайшей критикѣ всѣ показанія лѣтописи и всѣ свидѣтельства посторонния, хладнокровно, безпристрастно, добросовѣстно, въ томъ положеніи,

въ какомъ находится нынѣ наша Исторія и ея критика, сколько до сихъ поръ извѣстно источниковъ и документовъ, мы признаемъ несомнѣннымъ, что первою нашею лѣтописью мы обязаны Нестору, Кіево-Печерскому монаху 11 столѣтія. Чѣмъ разнообразнѣйшему допросу подвергается онъ, тѣмъ чище, достовѣрнѣе, почтеннѣе, является предъ глазами всякаго неумытнаго судьи, какъ старой Иродотъ, на котораго также возводимо было много несправедливыхъ подозрѣній, впродолженіи вѣковъ. Всѣ клеветы и напраслины сбѣгаютъ чужею чешуею съ нетлѣнныхъ его останковъ. Да, М. Г. мы обладаемъ въ Несторовой лѣтописи такимъ сокровищемъ, какаго не представитъ намъ Латинская Европа: какому завидуютъ наши старшіе братья Славяне. Несторъ, во мракѣ 11 вѣка, въ эпоху междоусобныхъ войнъ, возъимѣлъ первый мысль предать на память вѣкамъ дѣянія нашихъ предковъ, мучительное рожденіе Государства, бурное его дѣтство, Несторъ проложилъ дорогу, подалъ примѣръ всѣмъ своимъ преемникамъ въ Новѣгородѣ и Волыни, Владимирѣ и Псковѣ, Кіевѣ и Москвѣ, какъ продолжать его историческое дѣло, безъ котораго мы блуждали бы во тьмѣ преданій и вымысловъ. Несторъ исполнилъ это дѣло съ примѣчательнымъ здравымъ смысломъ, искусствомъ, добросовѣстностію, правдивостію, и, прибавимъ здѣсь еще одно прекрасное его свойство, съ теплотою душевною, съ любовію къ отечеству. — Любовь къ отечеству въ эпоху столь отдаленную, въ

эпоху, когда вездѣ господствовала личность, выраженіе о Русской землѣ, когда всякой думалъ только о Кіевскомъ, Черниговскомъ или Дорогобужскомъ Княжествѣ, выраженіе о Русской землѣ, въ устахъ святаго отшельника, погребеннаго за живо въ глубокой пещерѣ, обращеннаго всею душею къ Богу, и удѣляющаго между тѣмъ по нѣскольку минутъ на размышленія о земной своей отчизнѣ — явленія умилительныя! Такъ, М. Г. Несторъ есть прекрасной характеръ Русской Исторіи, характеръ, которымъ долженъ дорожить всякой Русской, любящій свое отечество, ревнующій литтературной славѣ его, славѣ чистой и прекрасной. Несторъ по всѣмъ правамъ долженъ занимать почетное мѣсто въ Пантеонѣ Русской литтературы, Русскаго просвѣщенія, — тамъ, гдѣ блистаютъ имена безсмертныхъ *Кирилла и Меѳодія,* изобрѣтателей Славенской грамоты, которые научили нашихъ предковъ молиться Богу на своемъ языкѣ, между тѣмъ какъ вся Европа въ священныхъ храмахъ лепетала чуждые, непонятные, варварскіе звуки; тамъ гдѣ блистаетъ имя *Добровскаго,* законодателя Славянскаго языка, обрѣтшаго непреложные законы въ движеніяхъ его коренныхъ елементовъ, сообщившаго Филологіи ея высокое достоинство; тамъ гдѣ мы благоговѣемъ предъ изображеніемъ нашего Холмогорскаго рыбака, *Ломоносова,* давшаго намъ услышать новую, чудную, гармонію въ отечественной рѣчи; гдѣ возвышается памятникъ *Карамзина,* котораго должны мы почи-

тать Несторомъ нашего времени, идеаломъ Рускаго гражданина и писателя; куда перенесли мы недавно со слезами гробъ нашего *Пушкина*, который опустился далѣе всѣхъ въ глубину Русской души, и извлекъ изъ нея самые основные звуки. Туда, туда, постановимъ мы... не порiпретъ, но освященный *образъ* нашего перваго Лѣтописателя, знаменитаго Инока Кiевопечерскаго, Нестора, провозгласимъ ему вѣчную память, и будемъ молиться ему, чтобъ онъ послалъ намъ духа Русской Исторiи, ибо духъ только, друзья мои, животворитъ, а буква, буква одна умерщвляетъ, по слову Святаго Писанiя; мы будемъ молиться ему, чтобъ онъ соприсутствовалъ намъ въ нашихъ разысканiяхъ о предметѣ земной его любви, о предметѣ самомъ важномъ въ системѣ гражданскаго образованiя, въ коемъ таится все наше настоящее и будущее, объ отечественной Исторiи; мы будемъ молить его, чтобъ онъ подавалъ намъ собой примѣръ трудиться не для удовлетворенiя своего бѣднаго самолюбiя, не изъ угожденiя своимъ мѣлкимъ страстямъ, а въ духѣ того смиренномудрiя, которое внушило ему эти прекрасныя слова, по замѣчанiю однаго изъ моихъ товарищей: „Азъ грѣшный Несторъ мнiй всѣхъ въ монастырѣ блаженнаго отца всѣхъ Ѳеодосiя,“ — трудиться въ духѣ горячей любви къ отечеству, съ искреннимъ желанiемъ научиться и узнать истину.

Русская Правда, послѣ Несторовой лѣтописи, есть важнѣйшій источникъ нашей Исторіи. Справедливо говоритъ Карамзинъ, что „сей остатокъ древности, подобный двѣнадцати дскамъ Рима, есть вѣрное зерцало тогдашняго гражданскаго состоянія Россіи, и драгоцѣненъ для Исторіи" (1).

Русской Правды дошло до насъ слишкомъ 50 списковъ, изъ коихъ большая часть находится въ Кормчихъ и въ соединеніи съ разными законами, церковными и гражданскими, а остальные въ Новогородскихъ лѣтописяхъ.

На всѣхъ находится имя Князя Ярослава Владимировича.

Содержаніе Русской Правды

1. Соотвѣтствуетъ совершенно положенію Россіи ея времени, и не представляетъ никакого противорѣчія съ Исторіею (2).

(1) Карамзинъ II, с. 45. (2) См. Карамзина, Эверса, Рейца.

2. Представляетъ сходство во всѣхъ главныхъ чертахъ съ законами тѣхъ народовъ, къ которымъ принадлежитъ наша Русь (3).

3. Выводится самымъ сестественнымъ образомъ a priori изъ первоначальныхъ отношеній Русскаго общества (4).

4. Является въ употребленіи и слѣдующихъ узаконеніяхъ (5).

Русская Правда найдена была первоначально Татищевымъ, издана Шлецеромъ, и потомъ многими изслѣдователями, изъ которыхъ ни одинъ не предъявлялъ ни малѣйшаго подозрѣнія объ ея достовѣрности. Историки и юристы по преимуществу не находили въ ней ничего даже сомнительнаго—Шлецеръ, Эверсъ, Карамзинъ, Рейцъ, Раковецкій, Мацѣевскій, Нейманъ, Шафарикъ, Тобіенъ.

(3) См. ниже томъ III, с. 378 и проч.

(4) См. Эверса ДПР.

(5) Татищевъ говоритъ (II, с. 424), что

Великій Князь Константинъ Всеволодовичь въ войнѣ съ братьями (1216 г.) ссылался на Правду Русскую." А въ примѣчаніи 591 замѣчаетъ, что въ Ярославовой правдѣ „о наслѣдіи ничего нѣтъ."

Вѣроятно правда Русская значитъ здѣсь только Русскій законъ, въ нарицательномъ смыслѣ.

Въ Псковской грамотѣ 15 вѣка говорится о старой правдѣ (Кар. V, пр. 404.) Эту грамоту нашелъ Г. Мурзакевичь въ гораздо полнѣйшемъ видѣ. Происхожденіе ея изъ Правды очевидно.

Карамзинъ указываетъ слѣды ея въ Судебникѣ, (VI, с. 357, 358).

Г. Каченовскій объявилъ ее подложною, и представилъ объ ней свое разсужденіе, которое я и долженъ разобрать теперь, въ доказательство ея подлинности.

Во вступленіи, по старому методу, общихъ мѣстъ онъ разсуждаетъ о существованіи законовъ у дикихъ народовъ, потомъ о важности эпохи, когда появляются законы письменные, — и наконецъ обращаясь къ нашей Исторіи, жалуется на отсутствіе критики, говоритъ, „что ея внутреннія и внѣшнія происшествія „не были соглашены между собою (6)." — „Вотъ почему наша Исторія — не совсѣмъ освободилась отъ „старинной привычки представлять времена и событія иномъ часто превратномъ видѣ, и вотъ почему „самую Правду Русскую мы донынѣ относили къ началу *одиннадцатаго* вѣка, приписывая оную Ярославу, „сыну Владимира великаго" (7). „Обращаясь къ знатокамъ и ко всѣмъ читателямъ, я снова ихъ предваряю, что въ трактатѣ моемъ никакое *предположеніе*, никакая догадка, не будутъ приняты за основную истину; никакой авторитетъ, а тѣмъ еще болѣе подозрительный и безъ доказательствъ, не будетъ имѣть мѣста въ сихъ разысканіяхъ. Желающіе снова приглашаются почтить меня возраженіями: да благоволятъ и они слѣдовать тѣмъ же правиламъ исторической критики" (8).

(6) ИК. с. 91. (7) с. 92. (8) с. 93, 94.

Громкое начало — невольно подумаешь, что авторъ имѣетъ твердыя основанія, и какъ удивишься, увидя, что у него рѣшительно нѣтъ ничего, кромѣ предположеній, которыхъ повидимому столько не любитъ.

„Повѣрка древняго документа", начинаетъ К., „дѣлается средствами Дипломатики," разпространяется объ этихъ средствахъ, и въ заключеніе восклицаетъ торжественно, что „Правда Русская не „дошла до насъ ни въ подлинникѣ, ни въ спискахъ „съ оффиціальными признаками достовѣрности" (9)....

„И такъ предъ строгою, неумолимою разбор„чивостію Дипломатики Правда Русская особливой „важности для нея заключать въ себѣ не можетъ. „Нѣтъ надобности даже повѣрять и *графическіе* „признаки, когда знаемъ, полагаясь на слова самихъ „археологовъ нашихъ, что древнѣйшій списокъ „Правды новѣе двумя столѣтіями подлинника — „неизвѣстнаго никому въ цѣломъ свѣтѣ" (10).

Отвѣчаю: Подлинныхъ законовъ не только изъ Древности, но и изъ Среднихъ временъ, не осталось ни у насъ, ни въ другихъ Государствахъ Европейскихъ. Требовать такой подлинности — значитъ требовать невозможнаго. Съ такими требованіями мы должны отказаться отъ всей Европейской Исторіи, древней и новой, вмѣстѣ съ Русскою.

(9) с. 101, 103. (10) с. 104, 105.

Имѣемъ ли мы въ подлинникѣ уставъ Іоанна III? Имѣемъ ли мы въ подлинникѣ даже Судебникъ Грознаго? Законъ Ѳеодоровъ, Борисовъ, Шуйскаго, о крестьянахъ? Что есть у насъ подлиннаго даже до Уложенія, т. е. до половины 17 вѣка, — нетолько изъ вѣковъ прежнихъ?

Гдѣ подлинники законовъ Сѣверныхъ — Готландскихъ, Шведскихъ, Датскихъ, Норвежскихъ, Исландскихъ? Гдѣ Саксонское зерцало? Гдѣ Магдебургское право? Гдѣ законы Франковъ Салическихъ, Рипуерскихъ, Бургундскіе, и проч? Эти вопросы можемъ мы продолжать, сколько угодно.

Точно то же можно спросить о спискахъ съ оффиціальными признаками достовѣрности. Гдѣ они есть?

Слѣдовательно первое сомнѣніе Каченовскаго ничего не значитъ.

Второе сомнѣніе состоитъ въ томъ, что письменные законы на своемъ языкѣ не могли явиться такъ рано: „Въ странахъ западной Европы, при „дворахъ Государей, въ монастыряхъ и при каѳедрахъ Епископовъ, грамота Латинская безпрестанно была въ движеніи подъ перомъ разныхъ писцовъ „и переписчиковъ; а и тамъ словесность отечественная не вдругъ появлялась, особливоже въ „твореніяхъ столь важныхъ, многотрудныхъ, „требующихъ предварительной опытности — въ

„твореніяхъ, каковы законы государства, уголов-
„ные, гражданскіе и коммерческіе" (11).

Отвѣчаю: потому то именно и не могъ тамъ рано войти въ употребленіе языкъ отечественный, что употреблялся Латинскій, и какъ тамъ Христіанство открыло путь Латинскому языку, такъ у насъ Христіанство, вмѣстѣ съ Священнымъ писаніемъ, переведеннымъ съ самаго начала на Славянское нарѣчіе, открыли путь сему послѣднему, а за нимъ языку отечественному.

Слѣдовательно второе сомнѣніе Каченовскаго также ничего не значитъ, какъ и первое.

Третье сомнѣніе состоитъ въ томъ, что нигдѣ не являлись законы вообще столь рано.

Отвѣчаю: они были вездѣ на Сѣверѣ, какъ открывается это по новымъ (и старымъ) изслѣдованіямъ, въ эпоху совершенно соотвѣтственную Ярославовой, и древнѣйшую:

У Франковъ Салическихъ, Рипуерскихъ, Бургундцевъ, Лонгобардовъ, у Норманновъ въ Нормандіи, на островѣ Исландіи, въ Норвегіи, Швеціи, Даніи.... (12).

Каченовскій основывался при длинномъ изложеніи этого сомнѣнія на Робертсонѣ, Ремерѣ, Галемъ и тому под., почтенныхъ Историкахъ (13), послѣ которыхъ наука жила и трудилась сто лѣтъ,

(11) с. 105, 106.
(12) См. ниже томъ III, с. 361. (13) с. 125.

Итакъ третье сомнѣніе Каченовскаго ничего не значитъ также, какъ второе и первое.

Замѣтимъ еще вотъ что: Каченовскій не хотѣлъ употреблять никакихъ предположеній, а между тѣмъ всѣ эти три возраженія — развѣ положительныя?

Однако же Каченовскій, очень довольный ими, спрашиваетъ торжественно:

„Раскрывая снова разные переводы *Русской* „*Правды*, съ объясненіями и примѣчаніями на сіи „законы, будто бы сыномъ Владиміра Великаго дан„ные Новугороду въ началѣ *одиннатцатаго* вѣка, съ „изумленіемъ спрашиваю себя и всѣхъ проникавшихъ „во святилище Исторіи, всѣхъ терпѣливо и благо„говѣйно дожидавшихся появленія въ немъ свѣта „истины — я спрашиваю: *Съ кѣмъ* Новгородцы мог„ли производить торговлю, единственно окружен„ные Финскими полудикими племенами? *Какими* про„изведеніями могли торговать они, и *для кого* по„требными, до основанія городовъ Нѣмецкихъ въ „Ливоніи, въ Пруссіи, а тѣмъ болѣе въ Помераніи „и въ землѣ Вендовъ? *Что* и отъ кого могли Нов„городцы получать въ замѣнъ за свои произведенія? „Существовало ли тогда въ Новгородѣ *градское об„щество* въ смыслѣ собранія людей, занимающихся „торговлею, заботящихся о сохраненіи муниципаль„ныхъ правъ своихъ и преимуществъ? *Кто* могъ „даровать имъ сіи права, которымъ не было тогда „примѣра на всей поверхности подлуннаго нашего „міра? Извѣстно ли кому либо изъ смертныхъ тѣ

„обстоятельства, при которыхъ *уединенный* Нов-„городъ, въ началѣ *одиннадцатаго* столѣтія, безъ „всякой помощи, безъ всякихъ причинъ побудитель-„ныхъ, достигъ яко бы до такой степени зрѣло-„сти въ быту гражданскомъ, что имѣлъ уже нуж-„ду въ *писанныхъ* законахъ?" (14)

Отвѣчаю по пунктамъ на вопросы:

1. Съ кѣмъ могли торговать Новогородцы?

Съ Арабами, Козарами, Болгарами, Финнами, Греками, Норманнами, что доказывается монетами почти всѣхъ сихъ народовъ, находимыми въ Новогородской области (15).

2. Какими произведеніями?

Отвѣчаю: мѣхами и прочими произведеніями Сѣвера, тканями, невольниками, о которыхъ свидѣтельствуютъ Арабы, Греки. (16).

3. Для кого эти произведенія были нужны?

Отвѣчаю: для тѣхъ, съ кѣмъ производилась торговля. —

Гораздо прежде Нѣмцевъ въ Ливоніи, Пруссіи, Помераніи, торговля производилась на о. Рюгенѣ, Готландѣ, въ Висби, въ Винетѣ, въ Швеціи, Даніи, Норвегіи, гдѣ находятся даже Арабскія монеты 9—11 вѣка.

(14) с. 125, 126.

(15) Смотри Френа, Григорьева, Крузе, Сенковскаго, и ниже томъ III, с. 288 и проч.

(16) Тамъ же с. 277.

Качсновскій не видитъ ничего далѣе Ганзейской торговли, но ему надобъ было вспомнить хоть Адама Бременскаго, современника Несторова, который говоритъ, что въ его время Датчане пріѣзжали въ Новгородъ иногда въ 4 недѣли, а отъ устья Одера въ 43 дня. По Новогородской лѣтописи около 1134 г. Новогородцы являются уже въ Датскихъ владѣніяхъ, слѣдственно даже за Готландомъ (17).

4. Что могли получать Новогородцы?

Тоже, что получали они послѣ отъ Ганзейцевъ, и отъ южныхъ племенъ, — но въ особенности серебро; ибо еслибъ они покупали болѣе, чѣмъ продавали, то не осталось бы у нихъ столько монетъ.

5. Существовало ль Градское общество?

Нѣтъ, не существовало, да его и не утверждаетъ Русская Правда: были торговые люди, купцы, которые засвидѣтельствованы не только Несторомъ, договорами, но самими Византійскими писателями, современниками, напр. И. Константиномъ Багрянороднымъ, Кедринымъ и проч. (18).

6. Кто даровалъ имъ права?

Русская Правда не говоритъ ни объ какихъ правахъ.

(17) ИЛ. с. 218, 219.
(18) См. ниже томъ III. с. 261, и проч.

7. Какъ Новгородъ могъ имѣть нужду въ писанныхъ законахъ?

Законы принадлежали первоначально не Новугороду, а племени Варяго-Русскому, — и именно городскаго, муниципальнаго, въ нихъ ничего невидать.

Впрочемъ всѣ эти вопросы не имѣютъ рѣшительно никакаго отношенія къ Русской Правдѣ, которая не опровергается вопросами, ни доказывается отвѣтами.

Послѣ сихъ справокъ, исторической и дипломатической, какъ называетъ ихъ К., онъ наводитъ археологическія.

„Въ § I, II, IV Правды Русской", говоритъ онъ, „головою называется человѣкъ, застигнутый насильственною смертію, и за котораго должно „взыскивать налагаемыя закономъ пени" (19). Слово голова употребляется, вмѣсто человѣка, точно какъ въ разныхъ актахъ среднихъ вѣковъ, слѣд. переведено оттуда.

Но самъ же К. въ этомъ параграфѣ говоритъ: „находя въ Латинскихъ документахъ *caput* въ значеніи человѣка, также какъ и въ нашихъ *голова*, „я нисколько не удивляюсь, что разноплеменные „люди попадаютъ на одинъ тропъ въ выраженіи „одной и той же идеи."

(19) НК. с. 127, 128.

Напрасно онъ отказывается отъ этого вѣрнаго замѣчанія, говоря: „но когда въ актахъ за„конодательства среднихъ вѣковъ мнѣ встрѣчают„ся тѣже слова, уже въ качествѣ усвоенныхъ на„укѣ, (?!) или, по крайней мѣрѣ, слогу канцеляріи (?!); „тогда вывожу совсѣмъ другія заключенія, и по„читаю себя въ правѣ думать, что позднѣйшій „писецъ слово въ слово переводитъ своего пред„шественника."

Ни науки, ни канцеляріи Правда не предполагаетъ. Слово голова, вмѣсто человѣка, какъ и вмѣсто живот̃наго, употреблялось прежде, и употребляется теперь, у совершенно различныхъ народовъ, которые другъ друга вовсе не знаютъ.

Впрочемъ *голова* могла быть и переведена, ибо Русская Правда есть первоначально уставъ Норманнскій, принесенный Варягами-Русью, и въ теченіи времени переведенный на языкъ того народа, среди котораго они поселились, точно какъ у разныхъ единоплеменниковъ ихъ этотъ уставъ съ разными измѣненіями переведенъ былъ на Датинскій.

Послѣ разсужденія о головѣ К. разбираетъ первый параграфъ Правды: аще ли будетъ *Русинъ*, ли *гридинъ*, ли *купецъ*, любо *тіунъ боярской*, любо *ябетникъ*, ли *мечникъ*, любо *Изгой*, ли *Словенинъ*: м҃ гривенъ положити занъ."

Какъ попалось въ Русскую Правду слово Русинъ, принадлежащее Кіевской области, спрашиваетъ К. (20)?

Отвѣчаю: прежде Кіева Русь пришла въ Новгородъ, и долго жила тамъ, (отъ тѣхъ прозвася Руская земля Ноугородьци), а потомъ отчасти перешла въ Кіевъ, который и получилъ съ нею имя Руси. (Се буди мати градомъ Русскимъ, сказалъ Олегъ, пришедшій изъ Новагорода).

К. говоритъ при этомъ случаѣ: „историческая „критика и просто здравый смыслъ не дозволяютъ „поздніа лѣтописи признавать *достовѣрными источ-„никами* (21).

Достовѣрность лѣтописей старались мы доказать выше, и внимательному читателю предоставляется судить, чего стоитъ такая выходка.

За симъ К. старается уничтожить имя Руси, встрѣчающееся въ иностранныхъ лѣтописяхъ.

У Адама Бременскаго есть Ostrogard *Ruszіae*. Каченовскому она представляется „мудреною задачею, невѣрнымъ преданіемъ“! (22)

У Біографа Оттонова есть *Russia*, сопредѣльная отчизнѣ крещаемыхъ, Помераніи, и пр. Каченовскому, „представляется это слово въ искаженномъ видѣ или словомъ схваченнымъ съ воздуха“ (23).

(20) с. 130.
(21) Тамъ же. (22) с. 131. (23) с. 132.

Спрашиваю — по какимъ правиламъ исторической критики можно такъ повершать свидѣтельства, кои не подходятъ подъ нашу систему? Несторъ — онъ не достовѣренъ. Адамъ — у него невѣрное преданіе. Біографія Оттона — схвачена съ воздуха! Да почему же? (24).

Каченовскій позабылъ еще Гельмольда, который говоритъ: „по Балтійскому морю живутъ многія племена. Датчане и Шведы, которыхъ мы называемъ Норманнами, занимаютъ сѣверный берегъ и острова. Южной же — Славянскія племена, изъ которыхъ первые къ востоку *Руссы*, а потомъ Поляки, имѣющіе на сѣверѣ Пруссовъ" (25).

Гардовъ, говоритъ К., надо искать въ странахъ Славянскихъ (26).

Отвѣчаю: Адамъ и говоритъ о Славянской странѣ, которая досталась Руси.

Имя Русскихъ въ смыслѣ Новогородцевъ К. принимаетъ только въ привилегіи И. Фридриха I Любеку 1188 г. —

(24) При этомъ случаѣ К. говоря (с. 132), что Елена, Царица Руговъ, *которая при Императорѣ Романѣ* (!!) *крещена была въ Константинополѣ*, черезъ пословъ своихъ, у Оттона I просила Епископовъ и Пресвитеровъ, смѣется надъ Шлецеромъ, который старается объяснить „какія причины заставили Ольгу обратиться къ Оттону I." К. приписываетъ это извѣстіе о. Рюгену, но какая же Елена была Царицею Руговъ, и на чемъ основывается присвоеніе этого извѣстія о. Рюгену? Такъ легко нельзя судить о происшествіяхъ.

(25) Helmoldi I, 1. (26) с. 131.

Но если принимать съ нимъ принадлежность Руси только Кіеву, то какъ объяснить это явленіе Руси съ Новымгородомъ? Далѣе: если Русь попала въ Императорскую привилегію 1188 г., то разумѣется, что начала она торговать гораздо прежде. Объ о. Готландѣ К. именно сознается.

И послѣ такихъ-то разсужденій К. заключаетъ. „Итакъ имя Русина оказывается анахро„низмомъ въ нашей Правдѣ яко бы XI вѣка (27).“

Отвѣчаю: слово Русинъ не только могло быть въ *Русской* Правдѣ XI вѣка, но не могло не быть, какъ мы видѣли.

Еще менѣе Русина Гридинъ приноситъ пользы Каченовскому и вреда Правдѣ.

Гридня, по его мнѣнію, есть жилой домъ съ огнищемъ, слѣд. гридинъ есть тоже что огнищанинъ, хозяинъ. „Однакожъ, замѣтимъ,“ говоритъ К., (28) „что въ самой лѣтописи Новгородской *ог„нищане* и *гридьба* (собирательное имя) являются „не ранѣе какъ со *второй половины* XII столѣтія, „что тѣ и другіе упоминаются вмѣстѣ съ *купцами*, „и что слѣдовательно въ Русской Правдѣ говорятъ „намъ о *гражданинѣ, обывателѣ*. Если *огнищанинъ* и „*гридинъ* значатъ не одно и тоже; то почему жизнь „перваго не обезпечена пенею въ законѣ? Но граж-

(27) с. 136. (28) с. 139.

„данинъ XI вѣка, съ правами въ Новѣгородѣ... За-
„гадка неудоборазрѣшимая.“

Всего удивительнѣе въ разсужденіяхъ Каченовскаго; что онъ именно употребляетъ въ доказательство своихъ мнѣній тѣ мѣста, кои говорятъ противъ него. Въ Новогор. лѣтописи сказано: „Ростиславъ... позва... на порядъ огнищане, гридь, купце вячьшее.“ Не ясно ли различаются здѣсь огнищане, гридьба (и купцы), а К. считаетъ ихъ за одно!

Почему не обозначена жизнь огнищанина, если онъ не гридень?

Отвѣчаю: потому что онъ могъ разумѣться подъ Русиномъ. Русинъ есть общее имя, которое, послѣ, словами гридинъ, купецъ, подраздѣляется, т. е. за всякаго Русина, будетъ ли онъ гридень или купецъ, или... полагается столько-то пени.

„Гражданинъ XI вѣка съ правомъ в Новѣгородѣ.“ Но это такія же права, какія мы видимъ у всѣхъ варваровъ, въ ихъ законахъ, и не относятся исключительно къ Новугороду.

О купцѣ К. не нашелъ, что сказать при 1 параграфѣ, и вдругъ обратился къ 26 (29), гдѣ купецъ, отпираяся отъ полученія денегъ на торгѣ должен присягнуть (30).

(29) с. 143. (30) По Кар. эта статья XXII.

Онъ находитъ тамъ противорѣчіе съ предыдущей статьею, гдѣ свидѣтели должны присягнуть въ справедливости требованій заимодателя, и говоритъ: „явное противорѣчіе, какихъ многихъ въ Русской „Правдѣ, и которымъ подтверждается та неутѣши-„тельная истина, что безсмысленные писцы вноси-„ли въ свои сборники все, что и какъ ни попало, поз-„воляя себѣ сверхъ того еще перестановки, пропу-„ски и всяческія своевольства“ (31).

Отвѣчаю: это двѣ статьи совершенно различныя: въ одной рѣчь идетъ о долгѣ, въ другой о дачѣ денегъ въ торгъ, и противорѣчія между ними нѣтъ, и быть не можетъ.

Притомъ: этой статьи ни у Ярослава нѣтъ, ни у его сыновъ, а находится она въ Правдѣ, неизвѣстно когда и кѣмъ разпространенной. (32).

Замѣчаніе Каченовскаго относится къ содержанію самаго закона, а не къ Археологическимъ справкамъ, и можетъ быть доказано не иначе, какъ посредствомъ изслѣдованія; юридическаго сравненія, а не одной строкою.

Послѣ купцевъ К. обращается къ *гостямъ*:

Гости или заѣзжіе купцы пользуются по Правдѣ покровительствомъ; это покровительство, говоритъ онъ, ясно видно и въ оффиціально-извѣстномъ договорѣ Смоленскаго Князя Мстислава Давидовича, 1228 г., и въ другихъ актахъ.

(31) с. 144. (32) См. ниже томъ III, с. 369.

Такое согласіе должно бы произвесть убѣжденіе въ подлинности статьи, а въ К. производитъ сомнѣніе: „Неужели Правда, спрашиваетъ онъ иронически, была ручною книгою для Нѣмцевъ по наукѣ о торговлѣ" (33), и проч.

Гостей въ 1 и 2 Правдѣ нѣтъ, а только въ третьей, распространенной, которая можетъ быть еще ближе ко времени Мстиславова договора, слѣд. сугубо имъ подтверждается (34).

Тіуна находитъ К. у Балтійскихъ Славянъ — въ томъ только и заключается его доказательство подлога.

(33) ИК. с. 155.

(34) При этомъ случаѣ Каченовскій сдѣлалъ кажется мнѣ счастливую поправку, въ статьѣ: „а на костѣхъ и по мертвецѣ не платити виры, юже имени не вѣдають и незнаютъ;" онъ читаетъ на гостѣхъ вмѣсто на костѣхъ: „Смыслъ тотъ, что за найденное мертвое тѣло гостя, незнаемаго по имени, никто необязанъ платить Виры." Г. Поповъ въ диссертаціи своей о Русской Правдѣ напрасно шутитъ надъ этимъ объясненіемъ, говоря: (с. 62) „мнѣніе весьма вѣроятное; впрочемъ, если принять эти слова въ ихъ настоящемъ значеніи, то смыслъ этой статьи будетъ также ясенъ. Виры не платилось, если будутъ найдены кости или трупъ неизвѣстнаго лица, потому что трудно было найти убійцу" и проч. Нѣтъ. Кости немогутъ значить здѣсь настоящихъ костей, ибо нельзя и думать, не только говорить о слѣдствіи уголовномъ, когда изъ трупа обнаружатся кости. На это слишкомъ много нужно времени."

Съ другой стороны Каченовскій заговорилъ здѣсь не кстати о косткахъ, пошлинѣ, которая встрѣчается въ нашихъ грамотахъ среднихъ вѣковъ, и происходитъ будто (!!) отъ гостей. —

Но Тіунъ находится у всѣхъ Сѣверныхъ племенъ (35). И почему же онъ могъ быть принятъ отъ первыхъ, а не отъ послѣднихъ, отъ которыхъ приняты и самые законы, обычаи, не только слова?

„Кажется по всему"... говоритъ онъ, „что Тіуны были не свободные люди, холопы: а третіе холопство — тивунство безъ ряду." (36).

Эти слова принадлежатъ къ Правдѣ разпространенной.

Онѣ именно доказываютъ противное тому, что хочетъ доказать К.; кто шелъ въ Тіуны безъ ряду, тотъ *дѣлался* холопомъ.

Притомъ: Тивунство употреблено здѣсь въ смыслѣ нарицательномъ, общемъ, какъ боярство, холопство, и никакъ не можетъ служить къ объясненію опредѣленнаго имени Тіунъ.

Точно тоже должно сказать и о Тіунахъ, которыхъ Князья отпускали на волю. Казначей, напримѣръ, или управитель, можетъ быть, и теперь, свободный, и крѣпостный, и если одного казначея баринъ отпуститъ на волю, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ и государственный казначей, уѣздный, принадлежалъ къ холопству.

—

О значеніи Ябедниковъ, Каченовскій разсуждаетъ очень хорошо (37), а въ заключеніи гово-

(35) См. ниже томъ III, с. 409 и проч. (36) ИК. с. 156.
(37) с. 165—173. Здѣсь же хорошо говоритъ онъ и о шильникахъ.

ритъ: и такъ бирючи, одинакаго ремесла съ ябедниками (извѣтниками), были приставы, стражи, глашатые, позовники; но главное въ томъ, что существованіе однихъ и другихъ очень трудно пріурочить къ началу XI вѣка, разумѣетъ безъ патріотической натяжки."

Развѣ это опроверженіе — „очень трудно!" И почему приставъ или глашатый труднѣе тіуна?

—

Мечниковъ Каченовскій считаетъ за одно съ Метальниками, и говоритъ о нихъ много (38), но почему мѣшаютъ они подлинности Правды, ни слова. Только: „мы не можемъ скрыть удивленія, что слова сего въ прямомъ, достовѣрномъ значеніи, (будетъ ли то gladifer или lictor), нигдѣ на Сѣверѣ не посчастливилось намъ замѣтить во мракѣ — XI столѣтія" (39).

„Мы не замѣтили" — и только!

—

Изгои непонятны, слѣд. надо объяснять ихъ, а сказать что „можетъ быть, затѣйливому писцу вздумалось имя урочища включить въ Правду единственно по прихоти" очень легко, да изъ этого нѣтъ ничего ни pro ни contra.

—

Наконецъ К. объясняетъ слово Словенинъ: Зачѣмъ явилось это слово такъ поздно?

(38) 173—178. (39) с. 180.

„*черчій, чернецъ* всякому извѣстны. Все дѣло пред-„ставится въ иномъ видѣ: стоитъ лишь узаконе-„ніе отнести къ другому времени."

Отвѣчаю: этой статьи въ древней Правдѣ нѣтъ. Черчи значатъ здѣсь точно монашескіе. Монастыри при Ярославѣ были: Антоній же пріиде къ Кіеву и мысляше, гдѣ жити, и ходи по монастыремъ. (44)

Еще мѣсто изъ Нестора: „*мнози бо монастыри* отъ Князь, и отъ Бояръ, и отъ богатества поставлены, но не таци, каци поставлены слезами, и молитвою, и пощеніемъ, и бдѣніемъ" (45). — О владѣніи монастырей также есть свидѣтельства.

Вотъ всѣ возраженія, кои Г. Морошкинъ назвалъ повальнымъ обыскомъ!! Если это и повальный обыскъ, то безъ понятыхъ и добросовѣстныхъ!

Послѣ возраженій К. въ Вѣстникѣ Европы дѣлалъ слѣдующее заключеніе (46): „Довольно сви-„дѣтельствъ отрицательныхъ, ясныхъ для лю-„бителя Исторіи. Знатокъ найдетъ ихъ болѣе. „Но къ чему послужили бы онѣ? Къ уничтоже-„нію Правды Русской? Да не будетъ! Нѣтъ, мы „постараемся отыскать источники законовъ сихъ, „принадлежащихъ намъ уже и по *праву давности*. „Отыскавъ образцы, можетъ быть, найдемъ и Яро-„слава Владимировича, или другаго Ярослава вели-

(44) НК. с. 109. (45) с. 111. (46) ВЕ. часть IV, с. 285.

„каго; обличимъ переписчиковъ въ ихъ винахъ, умыш-
„ленныхъ или неумышленныхъ; покажемъ, что Прав-
„да Русская есть произведеніе другихъ людей и дру-
„гаго вѣка."

Каченовскій видно разумѣлъ Ярослава Владимировича Галицкаго (+1187)! Такъ всегда увлекала его одна какая либо частная подобная черта, и закрывала предъ его глазами общее сходство.

Ярославъ Владимировичь Галицкой похожъ именемъ на Ярослава Владимировича Новгородскаго, но, откуда же взять ему сыновей Изяслава, Святослава, Всеволода, — которые измѣнили Правду, какъ значится по всѣмъ спискамъ? Гдѣ взять на Югѣ, въ Галичѣ, всѣхъ сѣверныхъ словъ, какими преисполнена Правда? Какіе слѣды южнаго нарѣчія въ Правдѣ? Гдѣ упоминовенія въ Кіевской или Волынской лѣтописи? Какъ попадетъ туда Словенинъ, Варягъ, Гридинъ и прочіе? Какъ согласить мнимое Ганзейское сходство? и проч. и проч.

(Каченовскій обѣщалъ въ 1829 г. „вторую часть трактата, для которой забираются нѣкоторыя дополнительныя справки." Чрезъ шесть лѣтъ въ УЗ. 1835 г. явился этотъ трактатъ въ исправленномъ и умноженномъ видѣ; тогда же онъ началъ печатать его и особо, и, не кончивъ, лѣтъ за семь до своей кончины остановился, увидѣвъ вѣроятно невозможность доказать первое свое опрометчивое утвержденіе. Мы разбирали его по послѣднему изданію.)

Скажемъ теперь вообще нѣсколько словъ о подлогѣ. При всякомъ подлогѣ бываетъ цѣль. Спрашивается, для какой цѣли могла быть выдумана Правда? Развѣ кто ссылался на нее, основывалъ право, дѣлалъ притязаніе, или — присвоивалъ себѣ часть открытія, подкрѣплялъ свою систему? Ничего не бывало. Она была найдена, когда не было еще у насъ никакой ученой литтературы, и напечатана по смерти перваго открытеля. Послѣ уже, впродолженіи ста лѣтъ, отыскалось множество списковъ.

Отъ чего произошли сомнѣнія Каченовскаго о Русской Правдѣ?

1. Его удивило раннее появленіе законовъ на Руси, потому что онъ зналъ о законахъ на Сѣверѣ только по Шлецеру и Эверсу, но послѣ этихъ ученыхъ этотъ предметъ разработанъ, несравненно съ прежними опытами, открыто множество рукописей, и существованіе законовъ въ эпоху язычества доказано (47).

2. Каченовскій смѣшалъ періодъ первыхъ законовъ съ періодомъ вторыхъ законовъ. Русской

(47) У Славянскихъ племенъ точно также отысканы слѣды древнѣйшихъ законовъ, въ 9 и 10 вѣкѣ, до Христіанства, напр. у Иллирійскихъ Словенъ. (См. Шафариковы Древности). Душановы законы только подтверждены въ 1329 г. Малая Винодольская община имѣла письменные законы уже въ 1282 г.

Правдѣ соотвѣтствуютъ не Уложенія Нѣмецкія 13 и 14 вѣковъ, съ коими онъ сравнивалъ ее, а законы варварскіе, какіе были у всѣхъ племенъ Нѣмецкихъ гораздо прежде Правды. Онъ упустилъ совершенно эти законы изъ виду, и потому находилъ Правду безпримѣрною и необыкновенною.

Еслибъ она была выдумана, то какъ же бы она вошла въ употребленіе, въ лѣтописи, въ позднѣйшіе уставы, въ грамоту В. К. Василья Дмитріевича, въ Судебникъ Іоанна III и IV?

Развитіе древнихъ законовъ, не говоря о потеряхъ, предъ нашими глазами:

Договоры Олеговъ и Игоревъ,

Правда Ярославова,

Правда сыновъ Ярославовыхъ,

Правда Мономахова,

Дополненія къ Правдѣ,

Договоръ Мстиславовъ,

Грамота Василья Дмитріевича,

Уставъ Іоанна III.

Всѣ эти постановленія составляютъ собственную цѣпь, и выходятъ одно изъ другаго. Нельзя начать ни откуда, безъ того, чтобъ не дойти до начала. Было вѣроятно много еще среднихъ колецъ, кои находятся въ наше время, и будутъ находиться впредь, лишь только мы займемся болѣе этимъ предметомъ.

Каченовскій хотѣлъ начать свою юриспруденцію съ Мстиславова договора 1229 года, но развѣ законы, которые тамъ встрѣчаются, сочинены были Смоленскимъ Княземъ въ этомъ году? По необходимости должно подниматься выше, и вотъ вы встрѣчаетесь тотчасъ съ разпространенною Правдою Горюшкинскаго или моего списковъ! А договоръ Готландцевъ съ Новогородцами, принадлежащій по изслѣдованію Лерберга къ 1201 году, договоръ въ которомъ упоминается о правахъ, коими Готландцы пользовались въ Новѣгородѣ *искони* (ab antiquis, ab antiquo)!

Въ срединѣ 12 вѣка (1144 г.) были уже у насъ грамоты крестныя (48). Могутъ ли акты такого рода предшествовать законамъ. Нѣтъ, они являются всегда гораздо послѣ!

А грамоты жалованныя? Мстиславова грамота 1125 года далеко ль отстоитъ отъ Правды! Одинъ изъ слушателей Каченовскаго сказалъ о ней, что она подложная, но почему же? Точно тоже должно спросить объ Уставахъ Святослава Ольговича и Всеволода, хотя они относятся болѣе къ церковнымъ дѣламъ (49).

(48) Роскотораспася Всеволодъ съ Владимеромъ... и почаста искати на ея вины. Володимирко възверже ему грамоту крестную. Карамзинъ II, пр. 283. Не привожу болѣе примѣровъ. Читатели найдутъ ихъ въ 4 и 5 томѣ Изслѣдованій.

(49) РД. ч. I, 76 и 82.

„Нѣкоторые законы Русской Правды сходны съ законами Ганзейскими.“ Не только съ Ганзейскими, но есть сходные со всѣми Европейскими и Азіатскими. Всѣ народы, стоящіе на одной степени образованія гражданскаго и житейскаго, находясь въ одинакихъ отношеніяхъ или обстоятельствахъ, попадаютъ иногда на однѣ правила. Мы замѣтили это уже выше при Договорахъ (50).

Каченовскій говорилъ даже, что и Правда есть переводъ, подлогъ, отъ Recht. Ну — а Recht переводъ, подлогъ, отъ jus, justitia?

Уставъ Ярославовъ о мостовыхъ (51), хотя не столько важный по своему предмету, но драгоцѣнный по многимъ своимъ указаніямъ для Новагорода, достовѣренъ въ высшей степени. Причины въ выдумкѣ никакой предполагать нельзя; языкъ глубоко древній; собственныя имена такія, какихъ никогда сочинить нельзя; нѣтъ ни однаго періода, изъ извѣстныхъ историческихъ, откуда можно бъ почерпнуть сполна его объясненіе.

Въ Уставѣ назначена часть города „отъ Еваня вымола Готомъ до Гералда вымола,“ и въ договорѣ (около 1200 г.), задолго до Ярослава Всеволодовича, объясненномъ Лербергомъ (52), мы читаемъ, что

(50) См. выше с. 152.
(51) См. ниже томъ III, с. 387. РД. III, с. 291—293.
(52) ИЛ. с. 215, 221.

Готландцы обязаны были, до тѣхъ поръ какъ владѣли гильдейскимъ домомъ, который они послѣ продали, давать на содержаніе моста. Доказательство живое древности и подлинности Ярославова Устава о мостовыхъ!

Карамзинъ говоритъ: „Ярославъ, какъ вѣроятно, только учредилъ обязанности городскихъ жителей, а Посадники записали и всегда наблюдали сіе учрежденіе. Онъ не могъ написать до Бориса и Глѣба; ибо сей церкви Новогородской тогда еще не было: чтобъ яснѣе означить мѣсто, въ новѣйшія времена назвали оную въ Уставѣ." Безъ сомнѣнія такъ! „Или сей уставъ принадлежитъ не Ярославу великому, а другому, можетъ быть, отцу Александра Невскаго" (53). Я никакъ этого не думаю, потому что обязанность Готландцевъ древнѣе, какъ мы видѣли, времени Ярослава, княжившаго въ Новѣгородѣ въ 12—20хъ годахъ.

(53) Кар. II, пр. 108, с. 60.

ЦЕРКОВНЫЙ УСТАВЪ ВЛАДИМІРОВЪ.

Менѣе важный, нежели Русская Правда, но однакожъ весьма значительный документъ для перваго періода нашей Исторіи, есть — церковный Уставъ Владимировъ.

Разсуждая о Русской Правдѣ, я заключилъ, что се выдумать некому и не для чего. Въ разсужденіи объ Уставѣ этого сказать нельзя: въ Уставѣ мы видимъ права и преимущества Духовенства, слѣд. подлогу здѣсь есть причина, и сомнѣніе въ документахъ этого рода нетолько дозволительно, но даже необходимо. И въ примѣрахъ подлога нѣтъ недостатка: Западная литтература представляетъ ихъ множество, слѣдовательно по всѣмъ соображеніямъ Критика должна наблюдать величайшую осторожность.

Въ самомъ началѣ документа читаемъ мы, что Хрістіанство введено въ Россію при Цареградскомъ Патріархѣ Фотіѣ, а мы заподлинно знаемъ, что Фотій скончался за сто лѣтъ до Владимира. Анахронизмъ ужасный, который неможетъ быть въ подлинныхъ актахъ! Это уже не только предлогъ къ сомнѣнію, но даже причина для отверженія!

„Еще одно замѣчаніе," говоритъ Карамзинъ, „въ семъ Уставѣ сказано, что тяжба дѣтей и братьевъ о наслѣдствѣ подсудны единственно духовенству; но Ярославовъ доказываетъ противное:

тамъ именно написано, что ихъ судитъ Князь черезъ своихъ отроковъ“ (1).

Карамзинъ, по симъ соображеніямъ, называетъ рѣшительно уставъ подложнымъ. „Впрочемъ,“ прибавляетъ онъ, „подложный уставъ Владиміровъ достоинъ замѣчанія своею древностію; онъ сочиненъ не позже 13 вѣка: ибо есть его списокъ около 1280 года. Къ счастію истины и нашему, авторъ не зналъ хронологіи Византійской: иначе древность слога могла бы обмануть самыхъ знатоковъ, и мы приписали бы тогда Владиміру сочиненіе какого нибудь монаха.“ (2)

(Меня затрудняетъ еще слово Пискупъ, которое кажется Новгородскаго происхожденія).

Радуюсь этому примѣру, чтобъ показать молодымъ моимъ читателямъ, въ какихъ случаяхъ позволительно сомнѣваться, а вмѣстѣ какъ должно быть осторожну при рѣшеніяхъ: Уставъ кажется намъ подложнымъ, а между тѣмъ онъ есть подлинный! Объяснимся.

Оставимъ пока въ сторонѣ анахронизмъ, противорѣчіе съ другимъ актомъ, и вѣроятность выгоды подлога. Обратимся къ содержанію (3), которое бываетъ всего важнѣе въ подобныхъ случаяхъ, и прежде всего должно привлекать на себя вниманіе.

(1) Карамзинъ, I, пр. 506. с. 202. (2) Тамъ же.
(3) См. ниже томъ III, с. 388.

Противорѣчитъ ли содержаніе Исторіи?

Нѣтъ, не противорѣчитъ. Карамзинъ говоритъ: „Нѣтъ сомнѣнія, что Духовенство Россій„ское въ первыя времена Христіанства рѣшало не „только церковныя, но и многія гражданскія дѣла, „которыя относилися къ совѣсти и нравственнымъ „правиламъ новой Вѣры (такъ было во всей Европѣ); „нѣтъ сомнѣнія, что означенные здѣсь суды могли „принадлежать ему (нѣкоторые изъ нихъ и нынѣ „остаются его правомъ)“ (4).

Этого мало: о чемъ въ Уставѣ говорится подробно, то упомянуто въ лѣтописи, хотя вкратцѣ:

„И помолившюся ему (по сооруженіи церкви Пречистыя Богородицы) рекъ (Владиміръ) сице: даю церкви сей Святѣй Богородици отъ имѣнья моего и отъ градъ моихъ десятую часть. И положи *написавъ клятву* въ церкви сей, рекъ: *аще кто сего посудитъ, да будетъ проклятъ*. И вдасть десятину Настасу Корсунянину“... (5).

Такое же свидѣтельство находимъ мы и о слѣдующихъ Князьяхъ, напримѣръ Ярополкъ Святополковичь, умершій въ 1086 году „бѣ.... кротокъ, смиренъ, братолюбецъ, десятину дая Святѣй Богородицѣ ото всѣхъ скотъ своихъ и отъ житъ на вся лѣта“ (6).

Объ этомъ Ярополкѣ есть и другое подтвержденіе: Супруга Глѣба Минскаго „имѣяшетъ бо великую любовь ко Св. Богородицѣ.... ревнующе отцю

(4) Карамзинъ, I, с. 238. (5) НЛ. с. 88. (6) НК. с. 129.

своему Ярополку: Ярополкъ бо всю жизнь дая (Богородицѣ) Небольскую волость и Деревьскую и Лучьскую и около Кіева“ и пр. (7).

Въ лѣто 1158. „К. Андрей заложь въ Володимерѣ Святую Богородицю....и давъ ей много имѣнія и свободы купленныя и с данми и села лучшая. И десятое во стадѣхъ своихъ и торгъ десятый.“ (8).

Вспомнимъ объ уставѣ Новогородскаго Князя Святослава (1137 г.), который ссылается на предковъ: „уставъ, бывшии преже насъ въ Руси отъ *прадѣдъ* и отъ *дѣдъ* нашихъ; имати пискупомъ десятину отъ дани, и отъ виръ и продажь, что входитъ въ Княжь дворъ всего“ (9).

Не говорю о позднѣйшихъ ссылкахъ на Уставъ Владимировъ, которыхъ можно набрать множество— вотъ первыя справки.

Вторыя должны быть съ Церковнымъ правомъ: Уставъ принесенъ изъ Греции — былъ ли въ Греціи подобный?

Онъ совершенно подобенъ Греческимъ Номаканонамъ, отвѣчаетъ самъ Карамзинъ. —

Теперь обращаемся къ анахронизму.

Прежде всего замѣтимъ, что имя Фотія встрѣчается не въ одномъ Уставѣ, но и въ другихъ свидѣтельствахъ, современнымъ Владимиру.

(7) Карамзинъ II, пр. 223. (8) НВ. II, с. 44. НК. с. 234.
(9) РД. ч. I, с. 82.

Въ Воскресенскомъ важномъ спискѣ читаемъ: „крестився Володимеръ, и взя В. у *Фотія*, Патріарха Цареградскаго прьваго Митрополита Кіеву Леона“ (10), хотя въ томъ же спискѣ описано крещеніе Владимира въ Корсунѣ согласно со всѣми прочими лѣтописями.

Въ житіи с. Ольги, помѣщенномъ въ Прологѣ, также сказано, что ее крестилъ *Фотій*.

Въ Степенной книгѣ сказано: Кіевскій Митрополитъ съ шестью Епископами *Фотія* Патріарха, съ Добрынею и съ Анастасомъ Корсунскимъ, ходили въ Новгородъ и сокрушили тамъ идоловъ, а послѣ въ Ростовъ, гдѣ также насадили Христіанство. Черезъ годъ самъ Великій Князь отправился съ двумя *Фотіевыми* Епископами въ Суздальскую землю, крестилъ народъ“ и пр. (11).

Вездѣ Фотій! Здѣсь должно скрываться что то странное. Изслѣдователь задумывается...

Митрополитъ Евгеній, трудолюбивый изыскатель нашихъ древностей, объясняетъ недоумѣніе такъ (12):

„Исторіографъ почитаетъ Уставъ сей подложнымъ по двумъ замѣчаніямъ: во первыхъ, что въономъ сказано, якобы Владимиръ принялъ крещеніе и Митрополита Леона отъ Фотія Патріарха Цареградскаго, умершаго еще за 90 лѣтъ до Владимира. Сія несообразность замѣчена была еще за 200 лѣтъ до насъ Кіевопечерскимъ Архимандритомъ Захаріемъ Копыстен-

(10) НВ. с. 154. (11) ОКС. с. 7. въ прибавленіяхъ.

скимъ въ книгѣ его Палинодіи (часть III, раздѣл. 2., apol. 1); но имъ же и протолкована тамъ, что дѣйствительно первое крещеніе Россіи было при Патріархѣ Фотіѣ и Императорѣ Василіѣ Македонянинѣ, и первый присланъ былъ Митрополитъ Михаилъ, котораго ошибкою здѣсь назвалъ писецъ или поправщикъ Леонтіемъ. Или хотя Леонтій присланъ и не отъ Фотія Патріарха, а отъ Николая Хрисоверга: но Фотій былъ утвердитель Восточнаго Православія противъ Западной церкви, а съ симъ Православіемъ принято крещеніе и церковный Номаканонъ Владиміромъ. Впрочемъ, если это ошибка неискуснаго писца, то ради ея не должно отвергать всего Устава, тѣмъ паче, *что это очевидная приставка къ Уставу*, *который въ нѣкоторыхъ спискахъ находится безъ оной*: но главная основа его согласна во всѣхъ, хотя также поправщиками и переписщиками испорченныхъ. А въ одномъ бумажномъ спискѣ Словѣнской Кормчей книги, находящейся въ Новгородской Софійской Библіотекѣ (по каталогу Кирилов. книгъ 437) на листѣ 398 есть списокъ сего же Владимирова Устава гораздо *кратчайшій*, и потому можетъ быть ближайшій къ подлиннику, *безъ* включенія имени Патріарха Фотія и Митрополита Леонтія."

Здѣсь три доказательства: 1, Дѣйствительно Христіанство началось въ Россіи при Фотіѣ. 2, Писецъ ошибся, поставивъ вмѣсто Николая Хрисоверга имя Фотія, утвердителя Православія. 3, Имени Фотія можетъ быть не было въ первоначальномъ Уставѣ.

Первое нейдетъ къ дѣлу: Христіанство точно введено при Фотіѣ, но все таки Владимиръ немогъ сказать, что получилъ отъ него лично Епископа Леона.

Второе произвольно и недостаточно: писецъ немогъ ошибиться такъ въ имени, а перемѣнять съ умысломъ неимѣлъ никакой причины.

Третье можетъ принять критика, если докажется, что точно имени Фотіева небыло въ подлинномъ Уставѣ.

Въ такомъ случаѣ ненужно будетъ болѣе никакихъ доказательствъ. Но этого доказать едва ли возможно, ибо во всѣхъ почти спискахъ, начиная съ древнѣйшаго 1284 года, оно находится.

—

Въ отвѣтѣ на второе возраженіе Карамзина М. Евгеній былъ счастливѣе:

„Второе замѣчаніе въ доказательство подлога сего Владимірова устава" продолжаетъ М. Евгеній, „Исторіографъ представляетъ то, что въ немъ тяжбы дѣтей и братьевъ о наслѣдствѣ подсудны единственно духовенству: но Ярославовъ де Уставъ показываетъ противное. Тамъ именно сказано, что ихъ судитъ Князь черезъ Отроковъ своихъ.—Неизвѣстно, Ярославовъ ли это законъ: а если былъ и Ярославовъ, то значилъ только отмѣну закона отца его. Но въ Татищевѣ спискѣ Русской Правды Ярославовой нѣтъ законовъ о наслѣдствѣ; и вѣроятнѣе можно положить, что законъ сей включенъ въ Русскую Правду послѣдовавшими уже какимъ нибудь Князьями, желавшими себѣ присвоить вымо-

рочныя имѣнія и судъ тяжебъ о наслѣдствѣ: ибо Русская Правда, какъ и Владимировъ Уставъ, была во всѣ времена переправляема и дополняема, и всѣ оные списки до насъ дошедшіе разногласны. Притомъ и самый законъ о наслѣдственныхъ тяжбахъ въ изданіи 1799 г. помѣщенный, написанъ подъ условіемъ, если тяжущіеся захотятъ просить суда у Князя, а не у Духовныхъ: аще братія растяжутся о задницѣ передъ Княземъ, то который Дѣтскій идетъ ихъ дѣлити, тому взяти гривна кунъ. — Какъ бы то было, но семейныя распри о наслѣдствахъ Духовные судили даже до изданія Духовнаго Регламента, и уже Государь Петръ I резолюціею на докладные пункты Синодскіе обратилъ дѣла о наслѣдствахъ, какъ и другія въ Уставѣ Владиміра означенныя, подъ судъ гражданскій: но нѣкоторыя по уставу Владимирову и донынѣ остались у Духовныхъ."

„Въ заключеніе можно еще замѣтить, что въ самомъ Владимировѣ Уставѣ сказано, что онъ взятъ изъ Греческаго Номоканона, во Владимирово время извѣстнаго подъ именемъ Фотіева, по которому дѣйствительно почти всѣ сіи суды принадлежали духовнымъ, а нѣкоторые основаны и на законѣ Божіи" (12).

„Почему ненужно было Духовнымъ поддѣлывать цѣлый Уставъ Владимировъ. Ибо самое Слово Божіе и Греческій Номоканонъ были закономъ для Россійской Церкви. На Востокѣ и до нынѣ Епископы, сверхъ власти духовной, исправляютъ въ

(12) ОКК. а. 113.

Епархіяхъ своихъ вполнѣ и Гражданское судопроизводство по Уложеніямъ Юстиніанову и Өеодосіеву и по законамъ Василія Македонянина, а также разбираютъ тяжбы и о наслѣдствахъ.... Уставъ сей подтверждаемъ былъ и послѣдовавшими Князьями."

Это совершенно справедливо.

Но что же намъ дѣлать съ анахронизмомъ Фотіевымъ?

Прежде надо кажется сдѣлать поправку въ чтеніи. Карамзинъ предлагаетъ оное по списку 1280 года такъ:

„Во имя Отца... се язъ... Владиміръ... вспріялъ есмь святое крещеніе отъ Грецьскаго Царя и отъ Фотія Патріарха Царегородьского; взялъ перьваго Митрополита Леона Киеву, иже крести" и проч.

По моему должно эти слова читать такъ: „Во имя Отца.... се язъ.... В..... вспріялъ есмь с. к. отъ Грецьскаго царя; и отъ Фотія, П. Ц., взялъ перваго М. Леона Кіеву." То есть имя Фотія должно относить не къ крещенію, а только къ Епископу, и разумѣть: се язъ.. В.. взялъ Епископа Фотіева.

Розенкампфъ, знатокъ правъ церковныхъ, нашихъ и Византійскихъ, неимѣвшій впрочемъ ясности въ умѣ, рѣшаетъ недоумѣніе лучше, хотя и не въ надлежащемъ мѣстѣ, а именно — разбирая выраженія Никоновскаго списка, повторенное Степенною книгою (13).

Выраженіе: „Епископовъ Фотія Патріарха" значитъ не то, что сей Патріархъ самъ поста-

(13) См. оное выше с. 267.

вилъ сихъ Епископовъ, но что они принадлежатъ къ тому разряду духовенства, который существовалъ въ Россіи со временъ Фотія, какъ перваго основателя Русской и Болгарской церкви. (См. собственныя слова Фотія во окружномъ посланіи его къ восточнымъ Іерархамъ). Ибо Фотій Патріархъ не былъ современникомъ В. К. Владиміру, и Митрополиту Леонтію; онъ скончался за 90 и болѣе лѣтъ передъ тѣмъ, что Нестору и прочимъ монахамъ, продолжавшимъ его лѣтопись, не могло не быть извѣстно. И въ Греціи многихъ Епископовъ называли *Фотіевыми*, хотя Фотія давно уже не было въ живыхъ, и хотя они не были рукоположены симъ знаменитымъ Патріархомъ. Посему приведенное мѣсто, нимало не заключаетъ въ себѣ анахронизма.“ (14)

Это разсужденіе можно приложить и къ Уставу Владимирову.

Уставъ церковный Ярославовъ казался еще сомнительнѣе Владимирова, во первыхъ по слогу, который гораздо его новѣе, а во вторыхъ по нѣкоторымъ статьямъ содержанія.

„Такъ называемый церковный уставъ Ярославовъ“, говоритъ Карамзинъ, „о коемъ упоминаютъ новѣйшіе лѣтописцы, и коего имѣемъ разные списки, есть, безъ сомнѣнія, подложный, сочиненный около XIV столѣтія. Подобно мнимому Владимірову, онъ даетъ Епископамъ исключительное право судить оскорбленіе женскаго цѣломудрія, всякія обиды, дѣлаемыя слабому полу, разводъ, кровосмѣшеніе, ссо-

(14) ОКК. с. 133.

ры дѣтей съ родителями, зажигательство, воровство, драки и проч. Сей уставъ несогласенъ съ *Русскою Правдою*, и, кромѣ нелѣпостей, содержитъ въ себѣ выраженія и слова новѣйшихъ временъ; напримѣръ, опредѣляетъ пени рублями, еще не употребительными въ денежномъ счетѣ временъ Ярославовыхъ" (15). „Сей подложный уставъ не былъ еще извѣстенъ у насъ въ XIII вѣкѣ, ибо не вписанъ въ Софійскую Новгородскую книгу законовъ или Кормчую. Не говоря о многихъ другихъ его нелѣпостяхъ, замѣтимъ слѣдующую: вѣроятно ли, что бы за брань, оскорбительную для жены Боярской, виновный платилъ 10 гривенъ (5 фунтовъ) *золота*, когда убійца Боярина наказывался только осьмидесятью гривнами кунъ при Ярославѣ? Зажигатель гумна и дома, какъ установлено въ *Правдѣ*, судился гражданскимъ судомъ: а здѣсь сказано, что онъ даетъ пеню Епископу. Тоже противорѣчіе въ законѣ о побояхъ и воровствѣ" (16).

Розенкампфъ отвѣчаетъ:

„Исторіографъ нашъ критикуетъ Уставъ Ярославовъ потому, что въономъ преступленія подвержены инымъ наказаніямъ, а не тѣмъ, какіе положены *въ Русской правдѣ*. Это, безспорно, останавляетъ вниманіе, но только того, кто не хочетъ принять въ соображеніе, что введеніе христіанской вѣры, а съ нею іерархіи и номоканона, должно было по необходимости ослабить силу древнихъ законовъ и обычаевъ; что епископское вѣдом-

(15) Карамзинъ II, с. 67. (16) Карамзинъ II, пр. 108. с. 63.

ство вездѣ произвело перемѣны; что епископъ вездѣ участвовалъ въ судѣ, въ вирѣ, и въ продажѣ. О всякомъ законѣ должно судить по причинамъ и событіямъ *того времени*; несправедливо было бы дѣлать заключеніе объ ономъ по нашимъ нравамъ и по нашему способу взирать на вещи: ибо послѣ толикихъ перемѣнъ измѣнились и наши нравы и законы.« „По законамъ сѣверныхъ и вообще всѣхъ народовъ, строже наказываемы были за обиду жены Боярской, нежели за самаго Боярина“ (17). Не должно также забывать, что Литовскіе и Польскіе государи своими грамапами подтверждали правила и содержаніе Уставовъ Владиміра и Ярослава, когда владѣли частію Россіи, населенною православными“ (18).

„Соображая всѣ сіи, въ разнымъ рукописныхъ Кормчихъ находящіеся списки съ Церковныхъ Уставовъ, приписанныхъ Великимъ Князьямъ: Владимиру, Ярославу и преемникамъ ихъ, мы не можемъ сомнѣваться ни въ цѣли, ни въ дѣйствительности оныхъ, хотя редакція, форма и языкъ, въ которыхъ они перешли къ намъ, принадлежатъ не X или XI, но XII или XIII вѣку.“ (19).

„Статьи въ Уставѣ Ярославовомъ имѣютъ характеръ болѣе туземный. Это суть первые слѣды вліянія духовенства на законодательство, и принадлежатъ къ древнѣйшимъ памятникамъ собственно Русскаго книжнаго языка; ибо они были сочинены Русскимъ духовенствомъ“ (20).

(17) ОКК. с. 128. (18) с. 130. (19) с. 131. (20) с. 134.

О СѢВЕРНЫХЪ САГАХЪ.

Изъ иностранныхъ источниковъ для древней Русской Исторіи важное мѣсто занимаютъ Сѣверныя Саги.

Позднѣйшая редакція Сагъ принадлежитъ Снорри Стурлезону, Исландскому лагману, жившему въ XII вѣкѣ, (1178—1213), но онъ самъ свидѣтельствуетъ о древности, часто незапамятной, своихъ источниковъ. Приводимъ начало его Heimskringla, отмѣчая слова, особенно для насъ важныя (1):

„Въ эту книгу вписалъ я *древнія* сказанія о вельможахъ, которые имѣли княжества въ сѣверныхъ царствахъ, и говорили языкомъ Датскимъ, какъ я *слышалъ* отъ мудрыхъ мужей; также о нѣкоторыхъ отрасляхъ отъ нихъ, послѣ, какъ мнѣ стало то извѣстнымъ; часть того находится въ Langfedgatal (2), гдѣ Князья исчислили свое происхожденіе, или другіе великородные мужи. А другая часть написана по *древнимъ стихамъ* или историческимъ пѣснямъ, кои были у людей для препровожденія времени. Хотя мы не знаемъ правды

(1) Перевожу по Вахтеру, держась буквально подлинника.
(2) Исчисленіе предковъ.

объ нихъ; но знаемъ однакожъ примѣры, что *старые* свѣдомые люди *считали ихъ справедливыми.*

Тіодолфъ мудрый изъ Гвина былъ скальдомъ *Гаральда пригожеволосаго.* Онъ сочинилъ также пѣснь про Князя Рогпвальда Heidum haerra, которая называется Inglinga-tal... Въ этой пѣсни называются *тридцать* его предковъ, и говорится о *смерти* и *могилѣ* каждаго. — Фіолноромъ называется тотъ, кто былъ сынъ Yngwifrei, которому Шведы долго послѣ приносили жертвы. По его имени называются Инглинги. Эйвиндъ Скальдовъ губитель *исчислялъ также* предковъ Ярля Гакона могучаго въ пѣсни, которая называется Haleygia-tal, и сочинена при Гаконѣ. —... По сказанію Тіодольфа прежде описана жизнь Инглинговъ и умножена при томъ *по разсказу* мужей мудрыхъ. А первый вѣкъ называется *вѣкомъ сожженія*, тогда должно было сожигать всѣхъ мертвыхъ людей, и воздвигать послѣ камни огражденія Bauta-steinar. А послѣ Фрейръ былъ закурганенъ въ Упсалѣ. Тогда дѣлали многіе вельможи не менѣе холмы какъ и камни огражденія въ воспоминаніе объ ихъ кровныхъ друзьяхъ. А съ тѣхъ поръ какъ Данъ надменный, король Датчанъ, велѣлъ сдѣлать себѣ холмъ, и завѣщалъ положить себя по смерти съ царскимъ уборомъ и вооруженіемъ, и своего коня со всею сбруею, и великое другое добро, то и многіе родичи его поступили также, и тогда начался въ Даніи *вѣкъ курганный.* Не долго послѣ того держался вѣкъ сожженія у Шведовъ и Норманновъ. А когда Га-

ральдъ пригожеволосый былъ Королемъ въ Норвегіи, Исландія получила обитателей. У Гаральда были скальды, и люди знаютъ (могутъ) *еще теперь ихъ пѣсни*, и пѣсни о всѣхъ тѣхъ короляхъ, которые съ тѣхъ поръ были въ Норвегіи, и мы беремъ оттуда многіе случаи, что говорится въ пѣсняхъ, которыя пѣлись *передъ самими вельможами и ихъ сынами*; мы приняли за истинное, что находится въ пѣсняхъ объ ихъ походахъ и битвахъ. А это обычай Скальдовъ, хвалить того въ особенности, предъ кѣмъ они находятся; *но никто не осмѣлился бы сказать ему самому* такія дѣла объ немъ, о которыхъ всѣ ихъ слушатели знали, что онѣ вздоръ и выдумки, и также они сами. Это было бы ругательство, а не похвала.

О священникѣ Ари мудромъ. Священникъ Ари-мудрый, Торгилевъ сынъ, писалъ прежде всѣхъ между людьми въ этой странѣ Норренскимъ языкомъ науку (Исторію) все старое и новое. Онъ писалъ наиболѣе вначалѣ своей книги о населеніи Исландіи и законодательствѣ; потомъ о судіяхъ, сколько кто судилъ, и сдѣлалъ (имѣлъ) это исчисленіе годовъ *до тѣхъ поръ*, какъ пришло Христіанство въ Исландію; а потомъ до своего времени. Онъ коснулся тамъ многихъ другихъ вещей, жизни королей, въ Норвегіи и Даніи, также и въ Англіи; или даже великія вѣдомости (произшествія), кои случались здѣсь въ сторонѣ, и многимъ свѣдущимъ людямъ кажется все его повѣствованіе достопримѣчательнымъ. Онъ былъ прозорливъ и такъ

старъ, что родился въ первую зиму послѣ паденія Гаральда Сигурдова сына. Онъ писалъ, какъ говоритъ самъ, жизнь королей Норвегіи по сказанію Одда, Коллева сына, а Колль былъ сынъ Галя изъ Сиды. А Оддъ учился у Торгейра, который былъ свѣдущъ, и такъ старъ, что онъ жилъ тамъ подъ Кидарнекомъ, когда умерщвленъ былъ Ярль Гаконъ могучій. На томъ же мѣстѣ Король Олавъ Тригвисонъ велѣлъ учредить торжище, которое и теперь тамъ ведется. Священникъ Ари Торгильсонъ пришелъ семи зимъ къ Галю Торарину; и пробылъ тамъ четырнадцать зимъ. Галь былъ много свѣдущій человѣкъ и хорошей памяти; онъ помнилъ, что священникъ Тангбрандъ крестилъ его трехъ зимъ: это было зимою *прежде чѣмъ Христіанство* принято закономъ въ Исландіи. Ари былъ семи зимъ, какъ Епископъ Ислейфъ умеръ. Галь объѣхалъ разныя страны, и владѣлъ сообща нѣкоторыми имѣніями съ Королемъ Олавомъ святымъ, и возвысился чрезъ то много; былъ потому знакомъ и съ его царствомъ. А Епископъ Ислейфъ умеръ чрезъ пятдесятъ зимъ послѣ паденія короля Олава Тригвисона. Галь умеръ чрезъ десять зимъ послѣ Епископа Ислейфа. Галю было тогда девяноста четыре зимы. Онъ построилъ дворъ въ Гаукадалѣ тридцати, и жилъ тамъ шестдесятъ четыре зимы. Такъ писалъ Ари. Тейтъ, сынъ Епископа Ислейфа, былъ у Галя въ Гаукадалѣ на воспитаніи, и жилъ съ тѣхъ поръ тамъ; онъ училъ священника Ари, и говорилъ ему многія

поръ тамъ; онъ училъ священника Ари, и говорилъ ему многія ученыя вещи, что послѣ написалъ священникъ Ари. Ари узналъ также многія ученыя вещи у Ѳуриды, дочери Godi Snorri. Она была умна умомъ; она помнила о своемъ отцѣ Снорри, а ему было полсорока, *какъ Христіанство пришло въ Исландію*; а умеръ онъ черезъ зиму послѣ паденія Короля Олава Святаго. Потому было не мудрено, что священникъ Ари зналъ правду о многихъ старыхъ и новыхъ вещахъ, здѣшнихъ и внѣшнихъ, тѣмъ болѣе, что былъ любопытенъ, имѣлъ умъ и память, наконецъ освѣдомлялся отъ старыхъ и знающихъ людей. *А пѣсни, кажется мнѣ, нисколько не измѣняются*, если онѣ пропѣты вѣрно, и сочинены вразумительно.“ (3).

—

Изъ этого введенія видны отчасти характеръ и древность Сагъ устныхъ и письменныхъ, кои Снорри сократилъ и передѣлывалъ (4).

Аре-фроди, на котораго ссылается Снорри, скончался въ первой половинѣ XII вѣка.

Земундъ мудрый, у потомковъ котораго Снорри получилъ окончательное образованіе, родился около 1056 г., (слѣд. почти въ одно время съ нашимъ Несторомъ). Онъ много путешествовалъ, и написалъ жизнь Королей Норвежскихъ, начиная отъ Гаральда Пригожеволосаго, собиралъ пѣсни,

(3) ССВ. I, 3—10. (4) Онъ написалъ много сочиненій, о коихъ см. ССВ. I, XCIV.

так что старая Эдда получила от него свое названіе. (Он скончался 80 лѣт в 1133 г.)

Большая часть Саг скрывалась в Сѣверных библіотеках до нашего времени, кромѣ собранія Стурлезонова.

Шлецер, искавшій вездѣ положительных свѣдѣній, и не находившій их в лабиринтѣ Саг, часто противорѣчащих между собою, произнес им грозный приговор. Он думал даже, что Саги не древнѣе самаго Снорри (5). Нѣкоторые из его послѣдователей в Германіи, и всѣ в Россіи, не исключая самаго Карамзина, приняли его мнѣніе.

Но послѣ Шлецера Сѣверныя Древности перемѣнили совершенно свой вид; труды Миллера, Фина-Магнусена, Рафна, Гейера, и вообще Копенгагенскаго общества сѣверных Антиваріев, которое издало около двадцати томов, произвели переворот в наукѣ. Саги раздѣлены по содержанію на миѳологическія, историческія и стихотворныя; достоинство их опредѣлено ясно.

Безпристрастные писатели, впрочем, и до послѣдних Копенгагенских изданій судили о Сагах иначе. „Нельзя,“ говорит *Деппинг* (6), „предполагать с нѣкоторыми писателями, мало знако-

(5) НШ. I, с. 54—55.
(6) Деппинг X—XII.

мыми съ литературою Сѣверною, что *Саги* выдуманы Исландскими монахами. Моглиль они отказываться нѣкоторымъ образомъ отъ Христіанства, и переноситься воображеніемъ въ тѣ вѣка, когда служеніе Одину процвѣтало на Сѣверѣ? Исландскіе монахи не были способны ни для того, ни для другаго усилія. Нѣкоторые изъ нихъ пытались писать по Латинѣ, но этому мертвому языку трудно было бороться съ языкомъ народнымъ; сочиненія на Латинскомъ языкѣ пропадали или сберегались только въ Исландскихъ переводахъ."

Послушаемъ *Вахтера*, ученаго переводчика Снорровой Геимскринглы:

„Исландцы могли доходить (исторически) до эпохи перваго занятія, ибо предки ихъ того времени были уже столько образованы, что историческія извѣстія могли сохраниться у нихъ въ пѣсняхъ, родословіяхъ, собственныхъ именахъ мѣстъ. Съ какою любовію обращались Исландцы къ этому времени, показываютъ die Landnamabücher. Хотя дошла до насъ только одна, но она образовалась изъ многихъ. Большая часть этой книги состоитъ въ исчисленіи происхожденій, имѣющихъ начало въ Скандинавіи. Церковь къ счастію не мѣшала Исторіи, и Исландцы писали на своемъ отечественномъ языкѣ, а не на Латинскомъ" (7).

(7) ССВ. I. с. CXVII.

„Вельможи любили особенно Исторію, которая увѣковѣчила дѣянія ихъ предковъ“, и слѣд. ихъ право. (8).

Стрингольмъ: „Хотя Скальды прославляли обыкновенно того, въ чьемъ присутствіи пѣли, однако духъ времени не позволялъ имъ осмѣливаться на восхваленіе такихъ дѣяній, кои всякой слушающій зналъ не хуже ихъ, и почиталъ пустыми и невѣроятными; онѣ послужилибъ болѣе къ униженію, чѣмъ къ чести. Посему стихотворенія, произнесенныя предъ вельможами и ихъ сынами въ обществѣ храбрыхъ, *имѣютъ великое достоинство по своей исторической правдѣ.* То по крайней мѣрѣ, вѣрно, что онѣ считались истинными отъ людей, которые жили вскорѣ послѣ ихъ сочиненія“ (9).

Гейеръ: Миѳологическія Саги принадлежатъ миѳическому вѣку какъ по своему содержанію, такъ и по тому, что онѣ древнѣе историческихъ воспоминаній: ихъ авторы неизвѣстны.... Историческія пѣсни принадлежатъ поэтамъ, современнымъ съ происшествіями; Саги основываются на нихъ и носятъ печать правды. Саги бываютъ или отдѣльныя, объ Исландскихъ родахъ и знаменитыхъ мужахъ, отъ перваго воздѣланія острова, съ ихъ Скандинавскими предками; потомъ о другихъ сѣверныхъ колоніяхъ, Фероерскихъ и Оркнейскихъ остро-

(8) ССВ. I, CXVI. (9) Стрингольмъ, II, с. 164.

вахъ, Гренландіи, и объ нѣкоторыхъ сѣверныхъ Короляхъ и Королевскихъ родахъ — или сборныя, обработанныя въ большихъ сочиненіяхъ объ Исландской и Скандинавской Исторіи. (10).

„Поэты извѣстны большею частію исторически; большая часть пѣли при дворахъ Сѣверныхъ королей. Пѣсни, кои записаны были (по доказательствамъ Миллера) до собранія Эдды, приводятся въ другихъ Исландскихъ писаніяхъ, заключающихъ стихи оттуда въ разныхъ мѣстахъ одними и тѣми же словами, а нѣкоторыя извѣстны у Саксона въ Латинскомъ переводѣ. Древнѣйшія принадлежатъ язычеству Скандинавіи и времени до воздѣланія Исландіи" (11).

Вотъ сужденія знатоковъ!

Саги чрезвычайно важны для насъ, изображая намъ живо Норманновъ, которые были главными дѣйствующими лицами въ нашей Исторіи впродолженіи первыхъ двухъ сотъ лѣтъ, и представляя ихъ образъ дѣйствій, вѣрованій и мыслей.

Это ихъ общее достоинство, но и въ частности онѣ не менѣе важны, знакомя насъ съ нѣкорыми лицами, которые у насъ жили и дѣйствовали, напр. Олафомъ святымъ, Гаральдомъ, Рагнвальдомъ, Эймундомъ, Рагнаромъ.

Можетъ быть, найдутся и другія Саги, гдѣ мы узнаемъ еще болѣе о Владимирѣ и Ярославѣ, о

(10) GSUG. с. 184 (11) с. 188.

объ Якунѣ, о Магнусѣ, и проч. (11), а вмѣстѣ и о происшествіяхъ, въ коихъ Скандинавскіе гости принимали участіе, о самой странѣ и ея жителяхъ.

Деппингъ замѣтилъ совершенно справедливо: „Древнѣйшія Саги вращаются всегда въ своихъ тѣсныхъ предѣлахъ, какъ будто бы весь міръ ограничивался для ихъ сочинителей тѣми провинціями и морями, кои были поприщемъ для ихъ героевъ. Лица — все для нихъ; времена и пространства представляются имъ незначительными приложеніями. И потому тщетно искать у нихъ годовыхъ чиселъ, общихъ событій, происшествій современныхъ и извѣстныхъ. Все смутно и разрозненно.“

Впрочемъ и вообще въ пользу ихъ можно замѣтить; лѣтописи наши не говорятъ ничего о войнахъ съ Норманнами съ тѣхъ поръ, какъ Варяги-Русь водворились у насъ: и въ Сагахъ нѣтъ о нихъ извѣстій; прежнія сношенія Руси съ Сѣверомъ прекратились почти совсѣмъ въ 12 и слѣдующихъ столѣтіяхъ — и въ сѣверной литературѣ не находимъ мы никакихъ выдумокъ объ этомъ времени.

Если нѣтъ о томъ времени, которое мы провѣрить можемъ, то почему же предполагать обманъ и о древнѣйшемъ: о 7, 8 или какомъ бы то ни было столѣтіи до Рюрика? Нужно изслѣдовать, а не рѣшать опрометью.

(12) См. ниже третій томъ с. 99. и пр.

И такъ нечего искать въ Сагахъ подробностей, обстоятельствъ, составляющихъ событіе, частностей хронологическихъ, географическихъ, — даже біографическія должны быть подвергнуты строгому разбору и повѣркѣ, — но общія черты, характеръ, нравы, обычаи, вообще краски — всегда драгоцѣнны. Изданная Копенгагенскимъ обществомъ Сѣверныхъ Антикваріевъ Эймундова Сага (13) служитъ яснымъ тому доказательствомъ: частности большею частію невѣрны, но общія черты (сношенія, переговоры, условія, занятія, военныя дѣла и проч.) имѣютъ величайшую важность для Русской Исторіи, дополняя, объясняя, оживляя наши свѣдѣнія объ этомъ періодѣ. Напримѣръ о наймѣ Варяговъ Кіевскими Князьями какъ подтверждаетъ Эймундова Сага Нестора и Греческихъ лѣтописателей! (14).

Сенковскій, переводя Эймундову сагу на Русскій языкъ (15) съ Исландскаго подлинника, въ прекрасномъ разсужденіи своемъ (въ коемъ заключается очень много здравыхъ, острыхъ и глубокихъ мыслей о первоначальномъ состояніи обществъ, древнѣйшей исторіи народовъ, значеніи ея въ разные періоды, о натурѣ сказаній и лѣтописей), показалъ ея важность, и вмѣстѣ важность Сагъ для перваго пе-

(13) Eymundar Saga, Hafniae. 1833.

(14) См. ниже томъ III, с.

(15) Въ Библіотекѣ для чтенія, Январь, 1834. Я помѣстилъ тогда же другой переводъ ея, сдѣланный съ Латинскаго однимъ изъ студентовъ нашихъ (Г. Лавдовскимъ) въ Ученыхъ Запискахъ Московскаго Университета, 1834.

такъ что старая Эдда получила отъ него свое названіе. (Онъ скончался 80 лѣтъ въ 1133 г.)

Большая часть Сагъ скрывалась въ Сѣверныхъ библіотекахъ до нашего времени, кромѣ собранія Стурлезонова.

Шлецеръ, искавшій вездѣ положительныхъ свѣдѣній, и не находившій ихъ въ лабиринтѣ Сагъ, часто противорѣчащихъ между собою, произнесъ имъ грозный приговоръ. Онъ думалъ даже, что Саги не древнѣе самаго Снорри (5). Нѣкоторые изъ его послѣдователей въ Германіи, и всѣ въ Россіи, не исключая самаго Карамзина, приняли его мнѣніе.

Но послѣ Шлецера Сѣверныя Древности перемѣнили совершенно свой видъ; труды Миллера, Фина-Магнусена, Рафна, Гейера, и вообще Копенгагенскаго общества сѣверныхъ Антиваріевъ, которое издало около двадцати томовъ, произвели переворотъ въ наукѣ. Саги раздѣлены по содержанію на миѳологическія, историческія и стихотворныя; достоинство ихъ опредѣлено ясно.

Безпристрастные писатели, впрочемъ, и до послѣднихъ Копенгагенскихъ изданій судили о Сагахъ иначе. „Нельзя,“ говоритъ *Деппингъ* (6), „предполагать съ нѣкоторыми писателями, мало знако-

(5) НІІІ. I, с. 54—55.
(6) Деппингъ X—XII.

мыми съ литтературою Сѣверною, что *Саги* выдуманы Исландскими монахами. Моглиль они отказываться нѣкоторымъ образомъ отъ Христіанства, и переноситься воображеніемъ въ тѣ вѣка, когда служеніе Одину процвѣтало на Сѣверѣ? Исландскіе монахи не были способны ни для того, ни для другаго усилія. Нѣкоторые изъ нихъ пытались писать по Латинѣ, но этому мертвому языку трудно было бороться съ языкомъ народнымъ; сочиненія на Латинскомъ языкѣ пропадали или сберегались только въ Исландскихъ переводахъ."

Послушаемъ *Вахтера*, ученаго переводчика Снорровой Геимскринглы:

„Исландцы могли доходить (исторически) до эпохи перваго занятія, ибо предки ихъ того времени были уже столько образованы, что историческія извѣстія могли сохраниться у нихъ въ пѣсняхъ, родословіяхъ, собственныхъ именахъ мѣстъ. Съ какою любовію обращались Исландцы къ этому времени, показываютъ die Landnamabücher. Хотя дошла до насъ только одна, но она образовалась изъ многихъ. Большая часть этой книги состоитъ въ исчисленіи происхожденій, имѣющихъ начало въ Скандинавіи. Церковь къ счастію не мѣшала Исторіи, и Исландцы писали на своемъ отечественномъ языкѣ, а не на Латинскомъ" (7).

(7) ССВ. I. с. CXVII.

„Вельможи любили особенно Исторію, которая увѣковѣчила дѣянія ихъ предковъ“, и слѣд. ихъ право. (8).

Стрингольмъ: „Хотя Скальды прославляли обыкновенно того, въ чьемъ присутствіи пѣли, однако духъ времени не позволялъ имъ осмѣливаться на восхваленіе такихъ дѣяній, кои всякой слушающій зналъ не хуже ихъ, и почиталъ пустыми и невѣроятными; онѣ послужилибъ болѣе къ униженію, чѣмъ къ чести. Посему стихотворенія, произнесенныя предъ вельможами и ихъ сынами въ обществѣ храбрыхъ, *имѣютъ великое достоинство по своей исторической правдѣ.* То по крайней мѣрѣ, вѣрно, что онѣ считались истинными отъ людей, которые жили вскорѣ послѣ ихъ сочиненія“ (9).

Гейеръ: Миѳологическія Саги принадлежатъ миѳическому вѣку какъ по своему содержанію, такъ и по тому, что онѣ древнѣе историческихъ воспоминаній: ихъ авторы неизвѣстны.... Историческія пѣсни принадлежатъ поэтамъ, современнымъ съ происшествіями; Саги основываются на нихъ и носятъ печать правды. Саги бываютъ или отдѣльныя, объ Исландскихъ родахъ и знаменитыхъ мужахъ, отъ перваго воздѣланія острова, съ ихъ Скандинавскими предками; потомъ о другихъ сѣверныхъ колоніяхъ, Фероерскихъ и Оркнейскихъ остро-

(8) ССВ. I, CXVI. (9) Стрингольмъ, II, с. 164.

вахъ, Гренландіи, и объ нѣкоторыхъ сѣверныхъ Короляхъ и Королевскихъ родахъ — или сборныя, обработанныя въ большихъ сочиненіяхъ объ Исландской и Скандинавской Исторіи. (10).

„Поэты извѣстны большею частію исторически; большая часть пѣли при дворахъ Сѣверныхъ королей. Пѣсни, кои записаны были (по доказательствамъ Миллера) до собранія Эдды, приводятся въ другихъ Исландскихъ писаніяхъ, заключающихъ стихи оттуда въ разныхъ мѣстахъ одними и тѣми же словами, а нѣкоторыя извѣстны у Саксона въ Латинскомъ переводѣ. Древнѣйшія принадлежатъ язычеству Скандинавіи и времени до воздѣланія Исландіи“ (11).

Вотъ сужденія знатоковъ!

Саги чрезвычайно важны для насъ, изображая намъ живо Норманновъ, которые были главными дѣйствующими лицами въ нашей Исторіи впродолженіи первыхъ двухъ сотъ лѣтъ, и представляя ихъ образъ дѣйствій, вѣрованій и мыслей.

Это ихъ общее достоинство, но и въ частности онѣ не менѣе важны, знакомя насъ съ нѣкорыми лицами, которые у насъ жили и дѣйствовали, напр. Олафомъ святымъ, Гаральдомъ, Рагнвальдомъ, Эймундомъ, Рагнаромъ.

Можетъ быть, найдутся и другія Саги, гдѣ мы узнаемъ еще болѣе о Владимирѣ и Ярославѣ, о

(10) GSUG. с. 184 (11) с. 188.

объ Якунѣ, о Магнусѣ, и проч. (11), а вмѣстѣ и о произшествіяхъ, въ коихъ Скандинавскіе гости принимали участіе, о самой странѣ и ея жителяхъ.

Деппингъ замѣтилъ совершенно справедливо: „Древнѣйшія Саги вращаются всегда въ своихъ тѣсныхъ предѣлахъ, какъ будто бы весь міръ ограничивался для ихъ сочинителей тѣми провинціями и морями, кои были поприщемъ для ихъ героевъ. Лица — все для нихъ; времена и пространства представляются имъ незначительными приложеніями. И потому тщетно искать у нихъ годовыхъ чиселъ, общихъ событій, произшествій современныхъ и извѣстныхъ. Все смутно и разрозненно.“

Впрочемъ и вообще въ пользу ихъ можно замѣтить; лѣтописи наши не говорятъ ничего о войнахъ съ Норманнами съ тѣхъ поръ, какъ Варяги-Русь водворились у насъ: и въ Сагахъ нѣтъ о нихъ извѣстій; прежнія сношенія Руси съ Сѣверомъ прекратились почти совсѣмъ въ 12 и слѣдующихъ столѣтіяхъ — и въ сѣверной литературѣ не находимъ мы никакихъ выдумокъ объ этомъ времени.

Если нѣтъ о томъ времени, которое мы провѣрить можемъ, то почему же предполагать обманъ и о древнѣйшемъ: о 7, 8 или какомъ бы то ни было столѣтіи до Рюрика? Нужно изслѣдовать, а не рѣшать опрометью.

(12) См. ниже третій томъ с. 99. и пр.

И такъ нечего искать въ Сагахъ подробностей, обстоятельствъ, составляющихъ событіе, частностей хронологическихъ, географическихъ, — даже біографическія должны быть подвергнуты строгому разбору и повѣркѣ, — но общія черты, характеръ, нравы, обычаи, вообще краски — всегда драгоцѣнны. Изданная Копенгагенскимъ обществомъ Сѣверныхъ Антикваріевъ Эймундова Сага (13) служитъ яснымъ тому доказательствомъ: частности большею частію невѣрны, но общія черты (сношенія, переговоры, условія, занятія, военныя дѣла и проч.) имѣютъ величайшую важность для Русской Исторіи, дополняя, объясняя, оживляя наши свѣдѣнія объ этомъ періодѣ. Напримѣръ о наймѣ Варяговъ Кіевскими Князьями какъ подтверждаетъ Эймундова Сага Нестора и Греческихъ лѣтописателей! (14).

Сенковскій, переводя Эймундову сагу на Русскій языкъ (15) съ Исландскаго подлинника, въ прекрасномъ разсужденіи своемъ (въ коемъ заключается очень много здравыхъ, острыхъ и глубокихъ мыслей о первоначальномъ состояніи обществъ, древнѣйшей исторіи народовъ, значеніи ея въ разные періоды, о натурѣ сказаній и лѣтописей), показалъ ея важность, и вмѣстѣ важность Сагъ для перваго пе-

(13) Eymundar Saga, Hafniae. 1833.

(14) См. ниже томъ III, с.

(15) Въ Библіотекѣ для чтенія, Январь, 1834. Я помѣстилъ тогда же другой переводъ ея, сдѣланный съ Латинскаго однимъ изъ студентовъ нашихъ (Г. Лавдовскимъ) въ Ученыхъ Запискахъ Московскаго Университета, 1834.

ріода Русской Исторіи, который онъ весьма справедливо называетъ Скандинавскимъ, и представляетъ на то многія доказательства.

„Нравственный и политическій бытъ Норманскаго Сѣвера“, говоритъ Сенковскій, „есть первая картина, первая страница нашего бытописанія. Саги столькоже принадлежатъ намъ, какъ и прочимъ народамъ, происшедшимъ отъ Скандинавовъ, или ими созданнымъ (?).“

Это совершенно справедливо. Но напрасно говоритъ онъ тутъ же, чтобъ Исторія Россіи начиналась „въ Скандинавіи и на водахъ Балтійскаго моря.« Тамъ начинается Исторія династіи, Исторія Русскаго правительства, а Исторія вообще предначинается съ первымъ поселеніемъ Славянъ въ нашихъ краяхъ. Народъ Славянскій занимаетъ вторую первую страницу нашего бытописанія.

Напрасно говоритъ Сенковскій, будто „этотъ Сѣверъ исчезъ даже подъ искуснымъ перомъ Карамзина.« Нѣтъ, онъ не исчезъ, а развѣ не выставленъ явственно.

Сенковскій изобразилъ его очень хорошо и вѣрно, но увлекся до крайностей, коими возбудилъ снова недовѣренность къ самимъ Сагамъ. Злоупотребленіе однакожъ не уничтожаетъ употребленія. Мы должны говорить здѣсь объ его статьѣ, поколику она связана съ вопросомъ о Сагахъ, Несторѣ и скептической школѣ.

Сенковскій думаетъ, что по прибытіи къ намъ Варяговъ-Руси

»Скоро все народонаселеніе сдѣлалось воин-»ственнымъ и оживилось героическимъ духомъ Скан-»динавіи. Такая перемѣна въ характерѣ заставля-»етъ предполагать общее преобразованіе духа, по-»нятій, вооруженія, одежды и обычаевъ страны; и »можно по справедливостиу дивляться, какимъ обра-»зомъ Карамзинъ, который во многихъ отношені-»яхъ показалъ удивительную проницательность »ума, не примѣтилъ такого разительнаго перево-»рота въ характерѣ туземцевъ.« (16).

И потомъ: »покоренные Руссами Славяне и »Финны, тогда уже перемѣшанные между собою, »а впослѣдствіи перемѣшавшіеся еще болѣе, *обру-»сѣли* прежде, чѣмъ Руссы, забывъ свое нарѣчіе, »сдѣлались человѣками, Словянами по языку, но не »по правамъ.«

Это очевидная неправда: какъ могли Словяне обрусѣть, если сами Руссы ославянились, и даже послѣ. Многочисленныя племена не теряютъ такъ скоро своего характера. Самые Финны, живя между Славянами, сохранились даже до сихъ поръ съ своимъ характеромъ. Что же было за тысячу лѣтъ? Варяги дѣйствовали особо, увлекая иногда туземцевъ во свои походы — остальное вліяніе было посредственное, и во все продолженіе пер-

(16) СЧ. 1834. Январь. с. 23.

ваго періода мы не видимъ Славянъ на сценѣ, а въ слѣдующемъ сами Руссы стали совершенно Славянами, удержавъ только, въ родѣ князей и дружины, свой воинственный духъ, соединившійся впрочемъ съ Славянскою сварливостію.

»Характеръ эпохи,« (первой) по симъ причинамъ, согласно въ Сенковскимъ, »былъ Русскій или Скандинавскій, а не Славянскій,« но все таки нельзя назвать Россіи новой Скандинавіей, (17) а только Скандинавской колоніей среди Славянскихъ племенъ, готовыхъ поглотить ее; нельзя назвать по причинѣ простой и ясной: Скандинавія и осталась Скандинавіей, а изъ древней Варяжской Россіи вышла Славянская Россія. Изъ Скандинавіи она не могла бы выйдти. Ясно, что Россія не была никогда Скандинавіей, сохраняя въ себѣ основныя свои стихіи. Ясно, что нельзя согласиться съ Сеньковскимъ, будто „Россія Варяжскихъ временъ была „съ нѣкоторымъ оттѣнками Финно-Славянская „Скандинавія“ (18).

Нѣтъ! Россія Варяжскихъ временъ есть Скандинавія между Славянскими племенами, (status in statu), въ сосѣдствѣ съ Финскими.

„Безпристрастный Историкъ не долженъ исклю„чительно объявлять себя Славяниномъ, ибо тог„дашнее ея народонаселеніе состояло въ равномъ

(17) с. 27. (18) с. 30 и проч. 37.

„почти количествѣ изъ Словянъ и Финновъ, подъ „управленіемъ третьяго, Германскаго поколѣнія.“ (19).

Нѣтъ! пристрастный Историкъ только можетъ отречься отъ своего Славянства! Финновъ была далеко меньше, чѣмъ Славяне, въ Русскомъ Государствѣ: какія племена платили дань Руси въ то время? Меря, (кои считаются Ходаковскимъ Славянами) Мурома, Заволочьская Чудь, и то подъ конецъ этого періода! Но еслибъ даже было больше, то ихъ также нельзя вставить въ наше какъ Индѣйцевъ въ Англійское. Индѣйцевъ и Американцевъ больше, чѣмъ Англичанъ, но ни одинъ, не скажу уже безпристрастный, а просто здравомыслящій, историкъ не назоветъ своего отечества Индо-Американо-Англійскимъ Королевствомъ.

И сими-то парадоксами увлекается Сенковскій къ слѣдующей вопіющей крайности:

„Изъ слiянiя этихъ трехъ племенъ возсталъ Россійскій народъ, и ежели Россійскимъ языкомъ сдѣлалось вновь образовавшееся Славянское нарѣчіе, это весьма пріятное для насъ событіе (!), быть можетъ, должны мы приписать случаю (!): еслибы Русскіе Князья избрали себѣ столицу въ Финскомъ городѣ, посреди Финскаго племени, Русскимъ языкомъ вѣроятно назывался бы теперь какой нибудь Чухонскій діалектъ, который также (!), на

(19) с. 37.

большемъ пространствѣ земель, поглотилъ бы языкъ Славянскаго корня, какъ послѣдній языкъ поглотилъ многія Финскія нарѣчія, даже въ томъ мѣстѣ, гдѣ стоятъ Москва и Влидимиръ (20).“

Несчастная, нелѣпая крайность, которая погубила всю прекрасную статью Сенковскаго. Россія Славянская есть Государство случайное! Чуть-чуть не заняла ея мѣсто Чухландія (употребляю имя, употребленное Г. Сенковскимъ), съ своимъ языкомъ и народомъ, а вмѣсто имени Русскаго теперь гремѣлобы въ Европѣ Финское, и сорокъ милліоновъ Русскихъ Славянъ какъ не бывало, и языкъ ихъ погибъ!

Какъ? Польское, Чешское, Сербское, Болгарское, племя сохранили свою народность между Нѣмцами, Турками, Греками, Италіанцами, а самое многочисленное — Русское потеряло бы ее между Финнами, которые слабѣе всѣхъ западныхъ враговъ Славянскихъ?

Какъ? Чешское, Сербское, Польское, нарѣчіе сохранилось въ чистотѣ своей, не смотря ни на какіе натиски и наплывы чуждыхъ стихій, а Руской-Славянскій языкъ былъ бы поглощенъ какимъ нибудь „Чухонскимъ діалектомъ!“ Вотъ здѣсь-то слышится чуждой голосъ!

Великорусское, Малорусское, Бѣлорусское, нарѣчія не уничтожили другъ друга, не смотря на всѣ

(20) Тамъ же.

благопріятныя обстоятельства, а Финское могло уничтожить всѣхъ ихъ вмѣстѣ!

Финны живутъ до сихъ поръ между нами, однако языкъ ихъ не могъ уничтожиться!

Не только языка или нарѣчія, но одного звука въ языкѣ уничтожить нельзя! Переведется народъ, племя, переведется и языкъ, но не прежде. Не говорю объ украйнахъ и вообще малочисленныхъ обществахъ.

Могло образоваться Финское Государство (если могло), но во всякомъ случаѣ оно стало бы *особливымъ* Государствомъ!

Славянскій языкъ не „поглотилъ многихъ Финскихъ нарѣчій, гдѣ стоятъ Москва и Владиміръ,“ но оттѣснилъ ихъ въ другую сторону, на Сѣверъ, на Востокъ, а самъ занялъ ихъ мѣсто.

Но довольно объ этой нелѣпости, которую даже досадно встрѣтить въ такой богатой содержаніемъ статьѣ, какъ разсужденіе Г. Сенковскаго. Поспѣшимъ къ ея столь же несчастному заключенію:

„И такъ сочинителю Россійской Исторіи слѣ-„дуетъ оставить корнесловный патріотизмъ, и „быть прямымъ Русскимъ, изъясняющимся толь-„ко (!!), и то по собственной волѣ (!!!), на Славян-„скомъ нарѣчіи, которое онъ самъ для себя со-„здалъ и усовершилъ (!!!!); изобрѣтеніемъ котораго „можетъ по справедливости гордиться; кото-„рое наконецъ есть его собственность, а не онъ „собственность Словѣнскаго слова и племени.“ (!!!!!).

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Русскій языкъ, какъ Польскій, Сербскій, Чешскій, не изобрѣтенъ, не выдуманъ, не сочиненъ, не составленъ! Онъ данъ намъ Богомъ — съ жизнію, съ душею, это нашъ органъ, природное свойство, не онъ принадлежитъ намъ, не мы принадлежимъ ему. Онъ и мы—одно и тоже.

Возвышая Саги, Сенковскій унижаетъ несправедливо Нестора. Куда дѣвается здѣсь его остроуміе, глубокомысліе, разсудокъ? Онъ забываетъ время, когда жилъ, мѣсто, гдѣ писалъ лѣтописатель, и дѣлаетъ ему такія требованія, какъ Нарушевичу или Карамзину. Еслибъ Несторъ исполнялъ ихъ, то мы безъ всякихъ справокъ имѣли бы полное право сомнѣваться въ его подлинности (21).

Вотъ, напримѣръ, что говоритъ С. о Несторѣ, по поводу войны Ярослава съ братьями:

„Сухость, чрезвычайная краткость, даже родъ „умышленной небрежности и отрывчивость раз„сказа, примѣчаемыя въ Несторовомъ описаніи по„литическихъ происшествій въ княженіе Ярослава, „въ состояніи привести въ отчаяніе всякаго обожа„теля перваго нашего лѣтописца, который, чтобы ни говорили Шлецеръ и Карамзинъ, имѣетъ всѣ недостатки лѣтописцевъ своего времени — ложную ученость, которую, по причинѣ грубой

(21) Каченовскій съ своими слушателями жалуется, что Несторъ написалъ слишкомъ много, а Сенковскій пеняетъ, что онъ написалъ слишкомъ мало!

ея оболочки, многія приняли за подлинныя народныя преданія, страсть описывать ораторски древнія сраженія и заставлять говорить своихъ героевъ, наклонность къ чудесному и совершенное незнаніе политики изображаемаго вѣка. Откинувъ описанія сраженій и разговоры, которые даже въ нашемъ вѣкѣ, при содѣйствіи книгопечатанія, и всей бдительности современной Исторіи, никакъ не могутъ быть переданы потомству безъ примѣси ложныхъ подробностей, то, что лѣтописецъ намъ говоритъ о походахъ и политическихъ событіяхъ, случившихся при Ярославѣ съ 1016 года, ограничивается нѣсколькими тощими строками, и болѣе походитъ на краткое содержаніе, помѣщаемое въ книгѣ сверху главы, нежели на самый текстъ сочиненія" (22).

Ложной учености, которую принялъ бы кто за народныя преданія, нѣтъ у Нестора, а есть выписки изъ Болгарскихъ переводовъ ученыхъ Греческихъ лѣтописателей, которые принадлежатъ совсѣмъ къ другому разряду извѣстій.

Нѣтъ также и подлинныхъ народныхъ преданій, въ томъ смыслѣ, въ какомъ это слово *преданіе* у насъ вообще употребляется, а есть краткія извѣстія, дошедшія по преданію, по памяти.

Ораторскихъ описаній сраженій нѣтъ у Нестора, а есть описанія съ баснословными подробностями изъ Сагъ или пѣсень.

(22) с. 51. Точно тоже повторяетъ онъ на с. 55.

Страсти заставлять говорить своихъ героевъ онъ не имѣетъ, а краткія простыя слова, произнесенныя его лицами, и имъ приводимыя, дошли вѣроятно до него по памяти или изъ пѣсень.

Наклонности къ чудесному никакой, кромѣ двухъ-трехъ случаевъ, и то принадлежащихъ его подлинникамъ, не примѣчается вовсе въ его лѣтописи.

Совершенное незнаніе политики— пожалуй оставимъ за нимъ, но ея кажется и небыло въ общемъ оборотѣ. Несторъ видѣлъ только, что Князья— дерутся, и понималъ, что это не хорошо. Вотъ и все.

Вообще слова и выраженія: *преданія*, *ораторское описаніе*, *рѣчи*, *чудесное*, имѣютъ въ Литтературѣ свой собственной смыслъ, котораго нельзя никакъ приложить къ Нестору, и употребляя оныя объ Несторовой лѣтописи, мы подадимъ о ней совершенно ложное и превратное понятіе.

„Вся ея повѣсть о разсматриваемомъ нами періодѣ, слѣпленная изъ намековъ, отрывковъ, пропусковъ, недоказанныхъ присшествій и изысканныхъ подражаній, непредставляетъ для Исторіи другой пользы, кромѣ лѣтосчисленія, если оно исправно; но мы не въ силахъ повѣрить, чтобы набожный сочинитель, занятый только изящностію слога и драматическою частію повѣствованія, совершенно чуждый политическимъ понятіямъ, и такъ небреж-

по описывающій достопримѣчательныя событія, болѣе обращалъ вниманія на годы, чѣмъ на самыя дѣла" (23).

Мнѣніе поверхностное и неосновательное, ложное! Вѣкъ Несторовъ не есть вѣкъ *компиляцій*. Нѣкоторыя извѣстія его можно назвать *намеками*, потому только, что мы не можемъ понимать его такъ, какъ понимали современники. У него есть *отрывки*, потому что онъ не могъ предполагать нашихъ требованій. *Пропуски* его показываютъ добросовѣстность: онъ не хотѣлъ говорить о томъ, чего не зналъ. *Недоказанныхъ происшествій* у него столько же, или даже гораздо менѣе, чѣмъ у всѣхъ первыхъ лѣтописателей. *Изысканныя подражанія* суть большею частію не подражанія, а выписки.

А преемство Князей, а походы къ Славянскимъ племенамъ, а походы въ Грецію, а междоусобія, а введеніе Христіанской вѣры, а основаніе первыхъ церквей и монастырей, а извѣстія о дружинѣ и проч. и проч. и проч., къ какому разряду отнесетъ Сенковскій? Безъ Нестора изъ чего составили бы мы послѣдовательную, хронологическую Исторію?

Сенковскій напрасно невѣритъ ея хронологіи, коей многія показанія подтверждены иностранными свидѣтельствами.

Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ еще, что Несторъ, »составилъ значительную часть своей

(23) с. 57, 58.

книги изъ Варяжскихъ Сагъ, приспособивъ ихъ болѣе или менѣе къ хронологіи Византійскихъ писателей, упоминавшихъ о Русскихъ дѣлахъ!" (24).

Саги были однимъ изъ источниковъ Нестора, какъ мы видѣли, но считать ихъ главнымъ источникомъ — значитъ приписывать имъ слишкомъ много чести! Произвола въ хронологическихъ показаніяхъ, рѣшительно утверждаю, не могло быть никакаго. Въ Греческихъ или Болгарскихъ лѣтописяхъ, въ рунахъ или по преданію, въ домашнихъ запискахъ или иначе, — но дошли до него всѣ числа, и онъ не выдумалъ ни одного.

Несправедливый къ Нестору Сенковскій обращается къ Іоакиму, и, находя въ Исландскихъ сагахъ преданія о древнихъ сношеніяхъ Сѣвера съ Гардарикомъ, говоритъ: „послѣдователи заносчивой Шлецеровой критики весьма несправедливо презираютъ драгоцѣнный обломокъ Якимовой лѣтописи: онъ заключаетъ въ себѣ всѣ условія и признаки подлинности и глубокой древности. Многія его показанія теперь подтверждаются старинными Шведскими грамотами, какъ напримѣръ граница Русскихъ владѣній на рѣкѣ Кумени и древнее существованіе Выборга. Татищевъ не могъ выдумать этого, ибо онъ даже не зналъ, гдѣ находится рѣка Кумень. Названія Гардарикъ, Гунигаръ, Холмогоръ, Бармія, и проч., встрѣчающіяся въ этомъ обломкѣ, также были ему неизвѣстны, и онъ не догадывал-

(24) с. 30.

ся даже, что собственно онъ значатъ. Но критика прошлаго вѣка вдругъ объявляла подложнымъ все, что не согласовалось съ любимою ея системою, и никогда Исторія не оклеветала столько людей, какъ доискиваясь исторической истины.“ (25)

Г. Бутковъ намѣренъ также доказывать подлинность Іоакимову.

Я съ своей стороны скажу здѣсь:

1, Что она не есть Татищевскій обманъ, какъ думалъ Карамзинъ и прочіе.

2, Что, если она есть и древнее сочиненіе, то до Татищева дошла предѣланная и подновленная.

3, Что судить объ ней нельзя до изданія Копенгагическихъ Antiquitates Russicae.

4, Что въ нашихъ сборникахъ надо искать другихъ подобныхъ передѣлокъ для сличенія, — и онѣ навѣрное найдутся.

Кстати мы скажемъ здѣсь два слова и о прочихъ мысляхъ Сенковскаго.

Онъ говоритъ, что имя Словенинъ есть имя книжное. Это говорилъ и я, давно и часто; впрочемъ нельзя было и говорить иначе. Но онъ самъ, не примѣчая того, прекрасно доказываетъ противное, говоря, что всякой изъ этого народа, называлъ себя, по племенамъ, „чловѣкъ, цловѣкъ, жловѣкъ, шловѣкъ, словѣкъ, словекъ, човикъ, човакъ и пр. Это слово очевидно есть

(25) с. 36.

не что иное какъ „Словакъ“ или „Шловакъ,“ очевидно происходитъ отъ корня слово, и значитъ „лице, говорящее словомъ, знающее слово, говоръ, разговоръ, народный языкъ племени“, соотвѣтствуя Латинскому conlinguinaris, consermonalis, „одноязычный,“ составляя противуположность съ рѣченіемъ Нѣмецъ, т. е., лицемъ, незнающимъ слова, неумѣющимъ объясняться внятно, нѣмымъ. Множество историческихъ доказательствъ можно привесть въ поддержаніе этого, впрочемъ очень яснаго и естественнаго производства. Мы обратимъ вниманіе читателей только на слѣдующія обстоятельства. Народъ, который до сихъ поръ сохранилъ это племенное названіе въ видѣ народнаго своего имени; т. е., Словаки или Шловаки, для выраженія общаго понятія homo человѣкъ, не употребляютъ рѣченія „человѣкъ“, или, словекъ, но вовсе другія слова: люда, мужъ, багель, живъ. Таковое преданіе о томъ, что слово человѣкъ означаетъ только недѣлимое Славянскаго происхожденія, сохранилось во многихъ мѣстахъ, гдѣ господствуютъ языки Славянскаго корня. Извѣстно, что въ разныхъ Славянскихъ областяхъ простой народъ говоритъ: Я человѣкъ, не Нѣмецъ! Онъ Нѣмецъ, а не человѣкъ! — Мы улыбаемся его простотѣ, тогда, когда онъ совершенно правъ; не будучи совращенъ ложною ученостью, онъ, по старинному навыку, въ этомъ выраженіи ставитъ только въ противуположности два народныя названія, человѣкъ и Нѣмецъ, и изъясняется настоящимъ исто-

рическимъ языкомъ племени. И обратно: въ областяхъ, населенныхъ народомъ не Словянскаго происхожденія, хотя нынѣ говорящимъ Словянскими нарѣчіями, простолюдины, сохраняя чувство древняго своего корня, сами добровольно отвергаютъ имя человѣка. У насъ, въ Россіи, житель Пинскихъ болотъ, потомокъ храбрыхъ Ятвяговъ, настоящій Угръ по лицу и сложенію тѣла, когда назовете его человѣкомъ, гордо отвѣчаетъ вамъ: Я Пынчукъ, а не человѣкъ." (26)

„Отсюда иностранцы, по разнымъ діалектнымъ выговорамъ называли наше племя Славъ, Слевъ, Шлавъ, Шклавъ, Склавъ, Сѳлавъ, Скьявъ, Склабъ и Саклабъ." (27)

Чего же нужно болѣе? Слѣдовательно имя Словенинъ, почему бы то ни было, было общимъ, хотя и безъ вѣдома всего народа, если не въ политическомъ значеніи, то, по крайней мѣрѣ, въ естественномъ.

А почему одно племя этого народа на Западѣ называлось именно Словенами? Почему у насъ одно племя (Новогородское) называлось Словенами? Это суть вопросы неразрѣшенные, и Сенковскій весьма неудовлетворительно объясняетъ, что „древніе Новогородцы не знали никакого другаго народнаго титла, кромѣ имени „Новогородцевъ", и что, по введеніи Христіанской вѣры, спохватясь, (!) что они тоже принадлежатъ къ Славянскому племени, присвоили себѣ новое имя, и во времена Не-

(26) с. 20. (27) с. 19.

стора уже ученымъ образомъ именовалися per excellentiam Словенами, т. е. Славянами, чтобъ отличаться отъ Руси и отъ Русскихъ человѣковъ.“

Объ образованности Славянъ я совершенно согласенъ: „У нихъ гражданственности было несравненно болѣе, чѣмъ у Норманновъ. Ихъ смирное повиновеніе, на Югѣ слабымъ тогда Хозарамъ, ихъ склонность на Сѣверѣ поручать защиту своего города и отечества иностранной дружинѣ, ясно показываютъ въ нихъ народъ, уже обладающій значительною собственностью, уже въ извѣстной степени развращенный торговыми нравами. То же самое явленіе повторилось скоро потомъ въ торговой Италіи. Люди, которымъ нечего потерять, всегда дерутся сами, на свой собственный счетъ, ибо въ войнѣ находятъ они средство къ грабительству и обогащенію.“ (28)

Слову гражданственности здѣсь только надо давать значеніе не политическое, а семейное, домашнее, патріархальное, или употребить другое.

„Спустя два столѣтія, лѣтописецъ уже ничего не знаетъ о прежнихъ Князьяхъ человѣковъ, или ихъ Владавцахъ, и начинаетъ Исторію страны съ новой нравственной и политической эпохи, съ прибытія и поселенія Руссовъ, которые пришли не продолжать прежній образъ быта ея, но передѣлать ее на свой ладъ. Скандинавія считается общимъ отечествомъ. Князья получаютъ оттуда своихъ женъ, ищутъ тамъ союзниковъ и

(28) с. 25.

воиновъ, и въ затруднительныхъ случаяхъ туда же уходятъ или хотятъ уходить. Они долго еще сохраняютъ въ своихъ семействахъ Скандинавскій языкъ, и нѣкоторые изъ нихъ, до самыхъ Татарскихъ временъ, носятъ имена Норвежскихъ героевъ. Скандинавы, съ своей стороны, смотрятъ на Россію, какъ на продолженіе Скандинавіи, какъ на часть ихъ отечества; уходятъ въ нее, бывъ изгнаны изъ своихъ владѣній; пріѣзжаютъ въ гости къ Русскимъ Князьямъ, какъ своимъ соплеменникамъ; спѣшатъ вооруженными толпами искать здѣсь такихъ же приключеній, или слѣдуя выраженію Сагъ, искать чести и богатства, какъ на своей родинѣ." (29)

Это все такъ, какъ мы уже и выше сказали — а потомъ начинаются преувеличенія и крайности, нами выше разобранныя.

Намъ остается сдѣлать замѣчанія о нѣкоторыхъ частностяхъ.

Сенковскій удивляется (30), какъ Ярославъ бѣжалъ за море изъ Новагорода, испугавшись Болеслава, овладѣвшаго Кіевомъ за 1200 верстъ! Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго: что теперь кажется далекимъ, тогда, по водѣ, не было таково. Такъ поступалъ и Владиміръ, услышавъ о смерти Олеговой, а Ярополкъ прислалъ тотчасъ посадниковъ въ Новгородъ изъ Кіева. Игорь посылалъ изъ Кіева по Варяговъ за море.

(29) с. 29. (30) с. 59.

Сенковскій говоритъ, что „Лѣтописецъ переиначилъ дѣло объ лодкахъ, а Карамзинъ сдѣлалъ изъ недоразумѣнія подвигъ. Первый сказалъ только, что дружина, переправясь ночью черезъ рѣку, оттолкнула лодки отъ берега. Исторіографъ, парафразируя лѣтописца, одушевилъ этотъ мертвый фактъ истинно Римскимъ чувствомъ: „оттолкнули лодки отъ берега, говоритъ онъ, желая побѣдить или умереть.“ Прекрасно! Жаль только, что лодки принадлежали Варягамъ и были нагружены ихъ имуществомъ: смѣтливые Скандинавы, опасаясь, чтобы, въ случаѣ неудачи, онѣ не достались въ руки непріятелю, еще до сраженія оттолкнули ихъ отъ берега, но только для того, чтобъ оттянуть вверхъ по рѣкѣ и поставить подальше отъ стана. Такъ разочаровываются читатели краснорѣчивыхъ Исторій.“ (31)

Это несправедливо: еслибъ лодки были оттолкнуты только для сохраненія, то лѣтописатель не сталъ бы упоминать о такомъ обыкновенномъ дѣйствіи.

Притомъ глаголъ оттолкнуть нельзя бы было употребить для его означенія.

Сага говоритъ о Варягахъ, Несторъ о всей дружинѣ (32): надо принимать или то извѣстіе, или другое; но нельзя составлять изъ нихъ одно, какъ дѣлаетъ Сенковскій: вмѣсто дружины онъ

(31) с. 63. (32) НК. с. 98.

принимаетъ только Варяговъ, (по Сагѣ), да и говоритъ, что отринуты лодки (по Лѣтописи) были для сохраненія пожитковъ! Послѣдняго нельзя бы сказать о всей дружинѣ. И такъ напрасно пошутилъ онъ подъ Карамзинымъ (33)!

Не считаю нужнымъ говорить объ его сравненіи Саги съ Несторомъ, касательно описанія войны Ярослава съ Болеславомъ: это произшествіе частное, о коемъ впрочемъ мы будемъ имѣть случай сказать нѣсколько словъ ниже.

—

Соберемъ наши заключенія о разныхъ частяхъ богатой статьи Сенковскаго:

1) Объ Исторіи вообще — превосходно.

2) О Сѣверѣ вообще — превосходно.

3) О Сагахъ вообще — очень хорошо.

4) О Славянахъ — много дѣльнаго.

5) Объ отношеніи Сѣвера къ Новугороду — много дѣльнаго.

6) Объ отношеніи Варяговъ-Руси вообще къ Славянамъ и вновь основанному Государству — преувеличено до крайности.

7) О значеніи Эймундовой Саги — очень хорошо, но преувеличено.

8) О Несторѣ — поверхностно и слабо.

(33) Точно также напрасно онъ шутитъ надъ производствомъ Князя отъ коня. Производство невѣроятно, но конь азъ, я лошадь, придумано Сенковскимъ. (с. 60) Карамзинъ полагалъ: Князь=владѣлецъ коня, см. т. I, с. 75.

И того: статья умная, исполненная глубокихъ и новыхъ замѣчаній, дѣльная, полезная, но обезображенная нѣкоторыми крайностями.

Одинъ молодой человѣкъ, (Сергѣй Строевъ), подъ именемъ С. Скромненка написалъ о ней статью, совершенно ничтожную, въ коей, на старую Шлецерову тему, насказалъ онъ нѣсколько общихъ мѣстъ о Сагахъ, какъ будтобъ ничего не было писано объ нихъ и издано послѣ Шлецера.

Во всякой ученой литературѣ такое классическое упражненіе было бы осыпано знаками негодованія, а у насъ оно имѣло читателей, и даже почитателей, и мы должны разобрать его.

Представьте себѣ студента, только что вставшаго съ университетской лавки, который думаетъ, что вся премудрость человѣческая заключается въ его тетрадкахъ — такъ Г. Скромненко и началъ разбирать статью Сенковскаго:

„Ισορία происходитъ отъ Ἴσορεῖς которое *собственно* значитъ узнавать что нибудь по собственному опыту и наблюденію, или разсматривать, изслѣдовать, испытывать. Ἴσορέω dursh eigene Ansicht und Nachfrage erfahren, oder besuchen, untersuchen, erforschen, erfragen. См. kleines Griechisch-Deutsches Handwörbuch. Ein Auszug aus Schneiders kritischem Griechisch - Deutschen Handwöorterbuch, von Fr. W. Riemer, ч. I, с. 615.“ (34).

(34) ОС. с. 13, 14.

Довольно для знатоковъ! Скромненко не понялъ ни одной изъ новыхъ и глубокихъ мыслей Сенковскаго, (а съ другой стороны не замѣтилъ капитальныхъ ея недостатковъ!) Впрочемъ намъ и ненужно разбирать его толковъ объ Исторіи. Обращаемся къ Сагамъ.

По какимъ источникамъ говоритъ онъ о Сагахъ? По отрывку изъ Маккензіева путешествія, напечатанному въ Вѣстникѣ Европы 1812 года!

„Все сказанное (!) здѣсь объ Исландіи взято изъ „записокъ о путешествіи Маккензія, въ 1810 году, „на островъ Исландію. Извлеченіе (!!) изъ сихъ за-„писокъ было помѣщено въ одномъ Нѣмецкомъ жур-„налѣ, откуда и заимствовалъ оное одинъ изъ луч-„шихъ нашихъ журналовъ“ (35). Каковы источники!

Далѣе онъ говоритъ: „къ категоріи ученыхъ „критиковъ (осуждавшихъ Саги) должно также от-„нести Ире, Маллета, Рюса, Гебгарди, и др., извѣст-„ныхъ по своимъ разысканіямъ касательно Сѣвера „Европы.“ (36) Назвать Ире извѣстнымъ значитъ тоже, что Карамзина по Русской Исторіи назвать „извѣстнымъ.“ А Гебгарди есть лице почти совершенно противоположное. Можно ли послѣ такихъ образчиковъ толковать съ Г. Скромненкомъ вообще о Сагахъ?

Разберемъ его возраженія на Эймундову Сагу.

„а) Въ Сагѣ сказано,“ говоритъ онъ, что Конунгъ „Эймундъ съ шестью стами воиновъ пришелъ въ

(35) с. 30. (36) с. 33.

„Государство Гардовъ вслѣдствіе притѣсненій Ко-„роля Олафа, овладѣвшаго всею Норвегіею, что „онъ предложилъ Ярислейфу на извѣстныхъ усло-„віяхъ свои услуги. Это случилось послѣ смерти „Вальдемара. Изъ нашихъ лѣтописей, напротивъ, „мы знаемъ, что Ярославъ, еще при жизни Влади-„мира, посылалъ за море за Варягами, и что, по „смерти Владиміра, когда Святополкъ овладѣлъ „престоломъ Кіевскимъ, эти Варяги были *избиты* „Новогородцами, ибо насилье творяху Новгородцамъ „и женамъ ихъ." (37).

Что здѣсь ни слово, то неправда!

Эти извѣстія, совершенно различныя, отнюдь не противорѣчатъ одно другому: десять разъ одинъ и тотъ же Князь могъ посылать за Варягами, какъ это и случалось.

Ярославъ посылалъ за Варягами при жизни Владиміра, что говоритъ Несторъ (38). Онъ же говоритъ, что Ярославъ съ Новогородцами послалъ за Варягами предъ второю войнсю съ Святополкомъ, чего не зналъ Скромненко. (39) Кедринъ говоритъ, что Ярославъ призывалъ вспомогательныхъ воиновъ отъ полунощныхъ странъ Океана, о чемъ молчитъ Несторъ.

Кромѣ этихъ вызововъ Варяги приходили и сами. Такъ пришелъ и Эймундъ.

(37) с. 42, 43. (38) с. 92. (39) с. 103.

Далѣе: Кто сказалъ, что именно *эти* (первые призванные) были избиты Новогородцами? Кромѣ призванныхъ, были и постоянно жившіе (40) (а тысячу Новѣгородѣ гридемъ раздаваху). Они не всѣ были избиты; ибо тотъ часъ послѣ „собра Ярославъ Варягъ тысячу."

Молодой человѣкъ однихъ мѣстъ не зналъ, другихъ не сообразилъ, и говорилъ наобумъ.

в) „Въ Сагѣ сказано", продолжаетъ Скромненко, „что у Володимира было три сына. Изъ нашихъ „лѣтописей извѣстно, что у него было 13 сыновей."

И это разногласіе ничего не значитъ. Въ то время, о коемъ разсказываетъ Сага, оставались главныхъ Князей столько; о другихъ мы сами даже не знаемъ ничего, не только Сѣверные повѣствователи, напр. о Станиславѣ, Позвиздѣ, Всеволодѣ.

Третье возраженіе Скромненка есть варіантъ втораго: „въ Сагѣ," говоритъ онъ „Владиміръ *раздѣлилъ* Государство между тремя сыновьями" и проч., а во второмъ разсуждаемо было, сколько сыновъ онъ *оставилъ*.

Четвертое возраженіе Скромненка относится къ разности причинъ войны между Ярославомъ и Святополкомъ: эти причины принадлежатъ къ частностямъ происшествія, и объ нихъ не стоитъ труда спорить. Притомъ скажу здѣсь кстати: мнѣ кажется Саги смѣшиваютъ двѣ войны Ярослава,

(40) См. томъ III, с. 79 и сл. 124.

или даже говоритъ о второй: Эймундъ по Сагѣ пришелъ въ Кіевъ, а Ярославъ по Нестору собралъ тысячу въ Новѣгородѣ. Въ Сагѣ никакъ невидно, чтобъ Эймундъ пришелъ сначала въ Новгородъ, а не въ Кіевъ, и чтобъ Ярославъ перемѣнялъ мѣстопребываніе, которое ею предполагается. (41)

Впрочемъ — если Несторъ и Саги говорятъ и объ одномъ событіи, то все таки можно сообразить ихъ извѣстія: Ярославъ собралъ тысячу, коей часть и составляли 600, приведенныхъ Эймундомъ. Еслибъ говорилось здѣсь объ однихъ Эймундовыхъ воинахъ, то ихъ нечего было *собирать* Ярославу.

Намъ рѣшительно неизвѣстно," продолжаетъ Скромненко „чтобы Святополкъ гдѣ либо и когда либо назывался Бурислейфомъ," и предлагаетъ множество общихъ мѣстъ противъ замѣчанія Сенковскаго.

Но Кельхъ и Гіернъ называютъ же Ярослава Всеволодовича Герпольтомъ. Называетъ же Адамъ Бременскій Ярослава Герислейфомъ. Мало ли есть примѣровъ подобныхъ переименованій у народовъ по разнымъ причинамъ! Какъ уродовались имена Греками, Арабами!

„При семъ не излишне," заключаетъ Скромненко, „также сдѣлать замѣчаніе: что должно думать объ Исландцахъ — очевидцахъ, которые, бывъ въ Россіи не знаютъ, какъ назывался Князь, съ которымъ сражались, и котораго сами убили?" (42)

(41) с. 45. (42) 45.

Отвѣчаю: а какъ Французскіе очевидцы называютъ Суворова?

Пятое возраженіе всѣхъ смѣшнѣе: „въ Сагѣ Князь Бурислейфъ нападаетъ на брата своего Ярислейфа, съ которымъ встрѣчается у большаго лѣса, на берегу какой то рѣки (замѣтьте: очевидцы говорятъ: какой то рѣки!) Въ нашихъ лѣтописяхъ, напротивъ, говорится, что Ярославъ пошелъ на брата изъ Новагорода къ Кіеву“ (43).

Развѣ на дорогѣ изъ Новагорода въ Кіевъ нѣтъ никакой рѣки, на которой шедшіе могутъ встрѣтиться! Какихъ рѣкъ въ Германіи или Франціи имена упомнили наши солдаты, возвратившись изъ похода?

Всѣ прочія разногласія (какъ-то во времени, которое полагается Лѣтописью и Сагою между встрѣчею войскъ и сраженіемъ; о мѣстѣ бѣгства Святополкова въ первой и второй разъ; названіе Брячислава братомъ, а не племянникомъ Ярослава,—) принадлежатъ къ подробностямъ и частностямъ, о коихъ приведено наше мнѣніе выше. Напрасно Сенковскій дорожилъ ими!

Послѣ такихъ незначущихъ, какъ читатели видятъ, придирокъ, Г. Скромненко, обнаруживая вмѣстѣ съ смѣлостію совершенное невѣденіе объ исторической литтературѣ, хотя полноты нельзя было и требовать отъ только что кончившаго курсъ ученія студента, доказываетъ

(43) с. 46.

„*Ложность и превратность понятій* (Сенковскаго) *о Русской Исторіи.*"

„Г. Сенковскій, принимая „извѣстную гипотезу о Скан-„динавскомъ происхожденіи „Руссовъ, старается всяче-„ски доказать, что харак-„теръ перваго періода нашей „Исторіи есть Скандинав-„скій, а не Русскій."

Это есть лучшая часть сочиненія Г. Сенковскаго, какъ читатели уже видѣли, и удостовѣрятся болѣе, прочитавъ 3 томъ моихъ изслѣдованій, въ коихъ это положеніе доводится, надѣюсь, до осязательной убѣдительности. Г. Скромненко путается притомъ и въ значеніи словъ: Скандинавскій и Русскій для перваго періода по Сенковскому суть синонимы.

„Еслибы Г. Сенковскій на-„писалъ эту статью нѣ-„сколькими годами прежде, „то можно бы было ему по-„вѣрить на слово, но теперь „когда Эверсъ поколебалъ „безусловное вѣрованіе въ „гипотезу, повторяемую съ „нѣкоторыми измѣненіями „болѣе столѣтія,

Эверсъ нетолько не колебалъ вѣрованія въ это мнѣніе, но считалъ оное совершенною истиною, что видно изъ писма къ нему Неймана, напечатаннаго имъ самимъ. Онъ соглашался, что Рюрикъ пришелъ изъ Скандинавіи (44). Что Государство наше тогда начало называться Русью, когда явился у насъ Скандинавъ Рюрикъ (45). Что Варяги обитали по Балтійскому морю, и сіе море называлось Варяжскимъ (46).

Г. Скромненко смѣшалъ здѣсь два мнѣнія Эверса — о происхожденіи Варяговъ, которыхъ онъ считалъ Норманнами, и о происхожденіи Руси, которыхъ онъ отдѣлялъ отъ Варяговъ!

(44) ОЖР. с. 6, въ подл. 9. (45) с. 20 и 27, въ подл. 21 и 27. (46) с. 59, въ подл. 51.

„Когда стали удивляться „неизвѣстности имени Русь „на томъ полуостровѣ, изъ „коего выводятъ этотъ на- „родъ;

Теперь найдена уже сотня Русей, и на полуостровѣ, и на островахъ, и на твердой землѣ, такъ что мы не знаемъ уже, куда дѣваться отъ нихъ.

„Когда стали обращать „вниманіе на Черноморскихъ „Руссовъ, столь не охотно „допускаемыхъ Шлецеромъ, „упорнымъ и ревностнымъ „защитникомъ мнѣнія о Нор- „манскомъ происхожденіи на- „шемъ;

Никто не обращалъ на нихъ вниманія, кромѣ Эверса, который самъ началъ вскорѣ уклоняться отъ своего юнаго мнѣнія. А Черноморскихъ Руссовъ, не „неохотно допускаемыхъ," а слабо доказанныхъ Шлецеромъ опровергалъ кто? — Самъ Эверсъ, доказывая, что это были Кіевскіе Аскольдовы Руссы (48)!

„Когда стали хорошенько „всматриваться въ *Руссовъ*, „которыхъ нашли Арабскіе „писатели при Волгѣ и при „Каспійскомъ морѣ;

Тогда увидѣли въ нихъ чистыхъ Норманновъ даже посторонніе Оріенталисты — Френъ, Размуссенъ.

„Когда сообразили преиму- „щественное названіе *Рус- „ской земли*, которое имѣ- „ла южная часть нашего „государства, съ мнимымъ „появленіемъ Руссовъ — Скан- „динавовъ въ сѣверной его „части;

Плохое соображеніе! Ибо *прежде* Кіева Новгородъ на время назывался Русью, именемъ, которое *послѣ* досталось Кіеву, и за нимъ осталось, ибо Русь осталась въ немъ жить.

„И свидѣтельство Визан- „тійскихъ Историковъ о „томъ, что Черное море „называлось *Русскимъ*;

Вопіющая выдумка — или невѣжество: Византійскіе Историки не называли Чернаго моря Русскимъ.

(48) См. ЭКИ. ч. II, с. 256 и пр.

„Когда сообразили, говорю „я, что описанный Львомъ Діакономъ Святославъ столько же похожъ на Норманна, „сколько Европеецъ на Азіятца,

Запорожцы и Малороссіяне до сихъ поръ такъ ходятъ.

„Что употреблять въ „пищу лошадиное мясо. какъ „употреблялъ его сей Великій Князь, не въ обычаяхъ „Норманскихъ, равно какъ и „что, чтобъ женщины прятались отъ мущинъ, (!) и „носили покрывала.

Не только „не въ обычаяхъ," но это самый любимый обычай у Норманновъ ѣсть лошадиное мясо, о чемъ свидѣтельства безпрестанно въ Сагахъ.

„Теперь, когда все это „сообразили, то увидѣли, что „наше Скандинавское происхожденіе—есть одна только гипотеза, и что гораздо справедливѣе обратиться нам на Востокъ, и „тамъ поискать происхожденія Руси."

Надѣюсь, что читатели сообразивъ мои подстрочныя замѣчанія, и прочтя послѣдующія изслѣдованія, согласятся со мною, что̀ называть гипотезою, и что̀ есть историческая истина.

Совѣтую молодымъ людямъ, обращаться не на Востокъ, не на Сѣверъ, не на Западъ, а просто къ книгамъ, и учиться, учиться, а потомъ выбирать, какую справу угодно.

„Но допустивъ даже" продолжаетъ Г. Скромненко, „что Руссы Скандинавы, можно-ли предположить, чтобы Славяне, по пришествіи къ нимъ „Руссовъ, (безъ сомнѣнія, нецѣлымъ народомъ, а „дружиною, состоявшею изъ нѣкотораго числа „удальцевъ) приняли ихъ нравы, обычаи, повѣрья, „вѣру? Неужели принять обычаи чуждаго народа

„также легко, какъ снять старое платье, и на-„дѣть новое.“ (49).

Это справедливо, и Сенковскій ошибся, думавъ иначе (50). Пришельцы и туземцы остались, каждый при своемъ, но такъ какъ дѣйствовали впереди пришельцы, то періодъ ихъ дѣйствованія и долженъ по нимъ носить свое имя. Взаимное вліяніе происходило, но обнаружилось позднѣе.

„Да и гдѣ же слѣдъ этихъ нравовъ и обы-„чаевъ Скандинавскихъ?“

Смотри томъ III, с. 418, и проч.

„Не въ томъ ли, что Святославъ употреб-лялъ въ пищу лошадиное мясо?“

И въ томъ, смотри томъ III, с. 439.

„Гдѣ слѣды Скандинавскихъ повѣрій и религій?“ и проч.

Смотри томъ III, с. 424 и проч.

„Мы рѣшительно не имѣемъ ни одного исто-„рическаго свидѣтельства, показывающаго, чтобы „древнимъ Руссамъ были извѣстны Одинъ, Торъ, „Вальгалла, и вся Сѣверная миѳологія.“

Мы не имѣемъ вообще свидѣтельствъ этого рода, но въ отрывочныхъ извѣстіяхъ примѣчается именно соотвѣтствіе съ Скандинавскою миѳологіею. См. томъ III, с, 305, 310, и проч.

(49) ОС. с. 55. (50) См. выше с. 289.

„Что въ Скандинавіи были *Alfve*, а у Славянъ „(замѣтьте у Славянъ, а не у Руссовъ) *волхвы*, „изъ этого слѣдуетъ ли заключить — какъ заключаетъ Г. Сенковскій, что Руссы Скандинавы."

Изъ одного этого не слѣдуетъ заключить, но если есть сотня другихъ доказательствъ, то послѣ нихъ можно привести и это къ свѣдѣнію. Замѣтимъ, что авторъ позабылъ о волхвахъ Олеговыхъ.

Указанія на Индѣйскія, Еврейскія, Греческія, Французскія сходства, относятся къ журнальнымъ фокусъ-покусамъ.

Замѣчаніе, что большая часть словъ, объявляемыхъ Сенковскимъ за Скандинавскія, принадлежатъ разнымъ Славянскимъ нарѣчіямъ, справедливо.

О державѣ Скандинавской въ нынѣшней Россіи въ 7 вѣкѣ, надъ которою легко смѣяться послѣ Шлецера, говорить теперь нечего (51).

Прочія замѣчанія, впрочемъ слишкомъ маловажныя, нейдутъ къ нашему дѣлу, а возгласы о недостаткѣ критики въ нашей древней Исторіи повторятся еще нѣсколько разъ, и мы будемъ имѣть случай разобрать ихъ по одиначкѣ.

(51) Впрочемъ смотри выше с. 298.

О ПРОЧИХЪ ИСТОЧНИКАХЪ ДРЕВНѢЙШЕЙ РУССКОЙ ИСТОРІИ.

Кромѣ лѣтописи Нестора, памятниковъ права, т. е. Русской Правды, Уставовъ церковныхъ Владимира и Ярослава, и Исландскихъ Сагъ, древняя Русская Исторія имѣетъ еще много другихъ источниковъ, кои суть слѣдующіе:

Лѣтописи Греческія, которыя свидѣтельствуютъ почти о всѣхъ главныхъ происшествіяхъ и явленіяхъ, какъ-то: О походѣ Аскольда и Дира.

О первыхъ начаткахъ Христіанской религіи.

О походѣ Игоря подъ Константинополь.

О походѣ его на Древлянъ и насильственной смерти.

О путешествіи Ольги въ Константинополь и ея тамъ пребываніи, объ ея свитѣ, состоявшей изъ пословъ, гостей, родственниковъ, переводчиковъ, священника.

О войнахъ Святославовыхъ, и договорѣ съ Цимискіемъ.

О бракѣ Владимира съ сестрою Греческихъ Императоровъ.

О послѣдней войнѣ Ярослава съ Греками.

Кромѣ сихъ происшествій, Греки свидѣтельствуютъ подробно объ отношеніи Руси къ подвластнымъ имъ племенамъ Славянскимъ, о городахъ, о плаваніи Русскихъ по Днѣпру, о торговлѣ

съ Греціей, объ отношеніяхъ къ Печенѣгамъ, объ образѣ ихъ войны, о разныхъ ихъ обрядахъ и вѣрованіяхъ.

Первое мѣсто между *Греческими* лѣтописями занимаетъ Императоръ *Константинъ Багрянородный*, принимавшій В. К. Ольгу. Если бы только остались однѣ его сочиненія, (о церемоніяхъ Византійскаго двора, и объ управленіи Имперіи), то изъ нихъ критика получила бы достаточное подтвержденіе для всѣхъ почти главныхъ вопросовъ древней Русской Исторіи.

Второе мѣсто принадлежитъ *Льву Діакону*, самовидцу войны Святославовой, который описалъ ее несравненно подробнѣе Нестора.

Третье *Фотію*, какъ первому возвѣстителю имени Русскаго въ Европѣ, и проч. и проч.

—

Болгарскіе переводы Греческихъ лѣтописей съ дополненіями, напр. *Георгія Амартола*, *Константина Манассіи*, которые недавно сдѣлались извѣстными, благодаря трудамъ ГГ. Черткова и Строева. Должно найтиться много любопытнаго въ переводѣ *Симеона Логоветы*.

—

Сочиненія *Арабовъ* предлагаютъ свѣдѣнія о происхожденіи Варяговъ, о Руси, отношеніи къ Славянамъ, ихъ походахъ на берега Чернаго и Каспійскаго морей, ихъ обрядахъ и вѣрованіяхъ. Знаменитый Френъ доставляетъ о нихъ класическое сочиненіе.

Западныя лѣтописи предлагаютъ мало свѣдѣній, но весьма важныхъ для подтвержденія собственныхъ. Упомянемъ о *Ліутпрандѣ*, который свидѣтельствуетъ о походѣ Игоря подъ Царьградъ, о *Дитмарѣ*, который представляетъ нѣсколько подробностей о Святополкѣ, и помощи, оказанной ему Болеславомъ Королемъ Польскимъ; объ *Адамѣ* Бременскомъ и *Гельмольдѣ*, которые доставляютъ нѣсколько свѣдѣній о положеніи нашей страны, и торговлѣ, которую производили они съ Сѣверомъ, о *Бертинскихъ* лѣтописяхъ, гдѣ встрѣчается въ первой разъ имя Руси.

Объ этихъ источникахъ, какъ безспорныхъ и общеизвѣстныхъ, распространяться здѣсь я не намѣренъ: читатели найдутъ въ предлагаемыхъ изслѣдованіяхъ указанія всѣхъ мѣстъ, предлагаемыхъ ими. Впрочемъ желательно, чтобъ кто-либо изъ молодыхъ людей, вмѣсто безвременнаго умничанья и безплодной болтовни, собралъ во едино, всѣ извѣстія объ этихъ источникахъ, и представилъ біографіи свидѣтелей, описанія ихъ сочиненій, и наконецъ отмѣтилъ всѣ свѣдѣнія, кои принимаются въ Русскую Исторію. Предметъ диссертаціи легкой, и вмѣстѣ полезной, даже нужной для полноты исторической литературы.

Кромѣ письменныхъ источниковъ, Исторія имѣетъ другіе памятники:

Основаніе Десятинной Владимировой Церкви.

Храмы Св. *Софіи* въ *Кіевѣ* и *Новѣгородѣ*, первый, основанный Ярославомъ, вторый — сыномъ его Владиміромъ.

Кіевскій храмъ представляетъ множество *мозаическихъ* образовъ, сохранившихся въ цѣлости, и наконецъ, какъ нынѣ открылось, всю *стѣнную живопись*, открытую изъ подъ трехъ штукатурокъ. Просвѣщенной любви Государя Императора мы вскорѣ будемъ обязаны счастіемъ имѣть памятники живописи, древнѣйшей во всей Европѣ. Кіевскіе ученые вѣроятно составятъ полное имъ описаніе.

Развалины *Золотыхъ воротъ* Ярославовыхъ.

Основанія церквей *Св. Ирины и Георгія.*

Варяжскія нынѣ такъ называемыя *пещеры.*

Гробъ Ярославовъ. Монета его.

Корсунскіе образы, сколько мы знаемъ оныхъ по копіямъ.

Предметы для будущихъ Историковъ искусствъ въ Россіи!

Къ числу источниковъ древней Русской Исторіи надо причислить *монеты* Арабскія, Болгарскія, находимыя на всемъ пространствѣ Россіи Владимировой и Ярославовой, о коихъ, какъ объ источникѣ Русской Исторіи, недавно представилъ прекрасное разсужденіе Г. Григорьевъ.

Къ этимъ монетамъ надо причислить еще Греческія и Норманскія, не имѣющія еще своего Френа.

О СКЕПТИЧЕСКОМЪ ПОВѢТРІИ.

Противъ древней Русской Исторіи, о достовѣрности и источникахъ которой мы представили теперь изслѣдованія и замѣчанія, появилось, впродолженіи пяти лѣтъ, (1830—1835), нѣсколько статей, удостоенныхъ отъ нашихъ несвѣдущихъ журналистовъ почетнаго титла *Скептической* школы, которая однакожь скоропостижно и скончалась, уступивъ мѣсто другой, и, надо признаться, еще болѣе нелѣпой, то есть *Славянской*.

Считаю нужнымъ объяснить ея происхожденіе, и войдти въ нѣкоторыя частныя подробности. Мнѣ придется теперь осуждать покойниковъ, — это слишкомъ непріятно, тягостно, — но наука имѣетъ свои права и требованія, предъ коими должны умолкать всѣ прочія. Изъ подробностей и частностей читатели увидятъ еще яснѣе, что шумъ былъ по пустому, какъ говоритъ Шекспиръ.

Виновникомъ Скептической школы былъ Профессоръ Каченовскій.

Это былъ ученый трудолюбивый, любознательный, умный, отъ природы склонный къ сомнѣнію и недовѣрчивости, способный сообразить немногія положенія, но не могшій никогда окинуть

взглядомъ цѣлаго, и наконецъ лишенный всякаго творчества.

Двадцать пять лѣтъ своей ученой жизни (1805—1830), до пятидесятилѣтняго слишкомъ возраста, онъ принималъ Несторову лѣтопись, читалъ Русскую Правду, держался Владимирова Устава, благоговѣлъ предъ Шлецеромъ, и переводилъ изъ него, равно какъ изъ Добровскаго, разные отрывки, относящіеся къ Исторіи Россіи и Славянъ.

Во все это время онъ не писалъ ничего своего, кромѣ спора о банномъ строеніи въ Вѣстникѣ Европы 1812 года (1), и разобралъ въ 1819 г. предисловіе Карамзина къ Исторіи по Французскому ея переводу.

(1) Споръ однакожъ остался нерѣшеннымъ до Карамзина, который нѣсколькими ясными строками (II, пр. 160) рѣшилъ дѣло: „Отдадимъ справедливость благоразумной догадкѣ Болтина, который первый замѣтилъ, что Несторъ подъ словомъ градъ разумѣетъ здѣсь ограду церковную, а баннымъ строеніемъ называетъ особенное зданіе, гдѣ ставили купель для крещенія взрослыхъ людей. Такія зданія, до того времени неизвѣстныя въ Россіи, дѣйствительно бывали при древнихъ церквахъ Христіанскихъ, (на примѣръ въ Софійской Цареградской), и назывались Баптистиріонъ, (aedes juxta ecclesiam, in qua baptizantur fideles, говоритъ Дюканжъ, стр. 174). Слово баня и въ нашемъ Новомъ Завѣтѣ употребляется въ смыслѣ крещенія (баня пакибытія, въ посл. къ Тим. III, 5). Самъ Несторъ (въ Никоновск. II, 8) говоритъ о Христѣ: баню нетлѣнія дарова, свою кровь за насъ излія.“ Невѣжды думали, что Митрополитъ строилъ народныя или торговыя бани. Неговорю о новомъ толкованіи сего мѣста, предложенномъ въ особенной книжкѣ: неизвѣстный ея сочинитель ѣздилъ въ Кіевъ; узналъ, что въ Малороссіи называется банею

Тогдаже К. узналъ Эверса (2), и началъ въ разныхъ примѣчаніяхъ къ чужимъ статьямъ обнаруживать свое расположеніе къ его гипотезѣ о Козарствѣ Руси, но не отдѣлялъ еще Руси отъ Варяговъ, и Балтійскихъ Варяговъ считалъ Скандинавами.

Эверсъ отказался вскорѣ отъ Козарства, и ограничился Черноморствомъ. За нимъ послѣдовалъ и Каченовскій, не прилагая впрочемъ отъ себя никакихъ доказательствъ какъ въ первомъ случаѣ, такъ и въ послѣднемъ.

Несторъ же, Правда, Варяги, и проч., все еще оставались неприкосновенными.

На бѣду явился тогда и произвелъ шумъ въ ученой литературѣ своими сомнѣніями Нибуръ. Каченовскій перевелъ объ немъ одну статью изъ Польскаго журнала, и соблазнился, тѣмъ болѣе, что его сердце отъ природы было склонно къ сомнѣнію.

Онъ началъ исподоволь приставлять вопросительные знаки къ разнымъ древнимъ событіямъ

глава церковная, и смѣло утверждаетъ, что Митрополитъ Ефремъ началъ первый строить у насъ церкви съ главами. Два Собора Софійскіе, въ Кіевѣ и Новгородѣ, построенные еще до временъ Ефремовыхъ, и донынѣ цѣлые, свидѣтельствуютъ противное. Мы, неѣздивъ въ Кіевъ, знали, что польское слово bania знаменуетъ какъ главу, такъ и всякое круглое зданіе съ круглою кровлею).“ Выписываю это примѣчаніе, ибо отчасти -- inde irae.

(2) Vom Ursprunge des Rus. Staats, Dorpat. 1808, и въ особенности Kritische Vorarbeiten, 1814.

(3) ВЕ. 1819 ч. II; с. 46. Также 1823. ч. II, с. 50.

Русской Исторіи, но еще съ робостію: былъ ли Рюрикъ? писалъ ли Несторъ? скоро ли перестанемъ мы употреблять въ зло имя Нестора? и проч.

Тогда попался ему въ руки Сарторіусъ (4) — онъ увидѣлъ у него разныя положенія, слова, постановленія, подобныя древнимъ, и голова у него закружилась: Нибуръ заставилъ его предполагать выдумки, а Сарторіусъ подложилъ и источникъ. Нашелъ, нашелъ, подумалъ Каченовскій, и рѣшилъ: Договоры и Правда составлены изъ позднѣйшихъ отношеній Ганзейскихъ. Подлѣ Любека жили Вагры, — вотъ и Варяги. Русь же по Эверсу пусть остается на Черномъ морѣ! Что же дѣлать съ Несторомъ? Разумѣется Несторъ не писалъ лѣтописи, которую ему приписываютъ, а она сочинена въ 13 и 14 вѣкѣ, въ періодѣ Ганзейскихъ сношеній.

Каченовскій, въ восторгѣ, написалъ тогда же „историческія справки объ Іоаннѣ Эксархѣ Болгарскомъ,“ и началъ печатать разсужденія „о кожаныхъ деньгахъ“ и „мой взглядъ на Русскую Правду.“

Это было счастливѣйшее время въ его литературной жизни: сгоряча мечтанія показались ему истинами, кои должно подтвердить время, и онъ воскликнулъ:

„Мы стоимъ на прагѣ неожиданныхъ перемѣнъ въ понятіяхъ нашихъ о ходѣ произшествій на Сѣ-

(4) Geschichte des Hanseatischen Bundes.

верѣ, начиная съ IX вѣка. Наступитъ время, когда удивляться будемъ тому, что съ упорствомъ и такъ долго оставались во мглѣ предубѣжденій, почти невѣроятныхъ. Утѣшимся же, если мысль сія можетъ показаться непріятною для самолюбія нашего! Примѣръ передъ глазами: таковы ли нынѣ первые вѣки Рима, какими представлялись они взорамъ ученыхъ до Нибура" (5).

Такой увѣрительный тонъ, равно какъ и Разсужденія, хотя и очень запутанныя, неконченныя, обратили на себя вниманіе, тѣмъ болѣе, что въ нихъ было разсѣяно много частныхъ замѣчаній вѣрныхъ.

Онѣ подѣйствовали и на меня, хотя я съ 1820 хъ годовъ ратовалъ противъ Эверса и Каченовскаго, и въ Магистерской своей диссертаціи (1825) разобралъ подробно сочиненіе перваго. Связь этнографическая Новагорода съ Балтійскимъ поморьемъ мнѣ нравилась; а таинственные намеки о происхожденіи Русской Правды, тогда неслишкомъ еще для меня знакомой, возбуждали мое любопытство, и я началъ ожидать съ нетерпѣніемъ обѣщанныхъ объясненій и подтвержденій.

Тогда же почти Строевъ (П. М.) возвратился изъ Археографической экспедиціи.

Это ученый трудолюбивый, знающій *въ своемъ кругѣ*, т. е. въ библіографіи *нашей* письмен-

(5) ВЕ. 1828. N II, с. 47.

ной литтературы. Судя по Современному наблюдателю Русской Словесности (1818 г.) и первымъ спорамъ съ Каченовскимъ о судебныхъ поединкахъ (6), публика надѣялась пріобрѣсти въ немъ писателя, но впродолженіи двадцати пяти лѣтъ онъ не далъ никакого сочиненія, ни даже частнаго разсужденія, а занимался одними каталогами, впрочемъ очень полезными и необходимыми, за которые онъ имѣетъ полное право на общественную благородность.

Строевъ не нашелъ никакихъ древнихъ историческихъ документовъ, (взятыхъ изъ монастырей по указамъ И. Петра I, и И. Екатерины II), что ему казалось предосудительнымъ, и онъ былъ радъ пристать къ сомнѣніямъ Каченовскаго, и сказать, что найдти древняго и не было возможно, потому что не было ничего такого! Ученость Каченовскаго его устрашала, а нѣкоторыя замѣчанія, напримѣръ о времени Іоанна Эксарха, согласныя съ его собственными открытіями (7), могли утвердить его въ новомъ рѣшеніи. Какъ было ни было, въ „Хронологическомъ указаніи матеріаловъ отечественной Исторіи, Литтературы и Правовѣдѣнія, до начала XVIII столѣтія“, онъ приставилъ свои знаки вопроса къ вопросамъ Каченовскаго, а наконецъ также воскликнулъ: „мы стоимъ на прагѣ неожиданныхъ перемѣнъ“....

(6) СО. 1818, кажется, года.
(7) ЖМНП. 1834. N 2, с. 153.

Такимъ образомъ два эти ученые, остановившись на одномъ прагѣ, взаимно поддержали другъ друга, каждый по особымъ причинамъ, въ личныхъ своихъ убѣжденiяхъ, и Каченовскій началъ смѣлѣе проповѣдовать свое ученiе сомнѣнія и отрицанiя въ Университетѣ. Студенты, имѣвшiе къ нему отношенiе, какъ Профессору, Декану и наконецъ Ректору, должны были, benevolentiae captandae causa, писать классическія упражненія въ его духѣ, и подвели разсужденія изъ общихъ мѣстъ подъ его отрицанія и знаки вопроса. Эти то классическія упражненія, изъ которыхъ въ одномъ напримѣръ написано, что авторъ, разсуждая о восточныхъ свидѣтельствахъ, не могъ достать Френа; въ другомъ нѣтъ ни одной ссылки на Нѣмецкія сочиненія, потому что авторъ незнаетъ по Нѣмецки, въ третьемъ представленъ свидѣтелемъ о Сагахъ Макензи, — эти то классическія упражненія были напечатаны въ Ученыхъ запискахъ Московскаго Университета, а Журналисты назвали ихъ произведеніями Скептической школы, направленіе признали Скептическимъ, и пошли гулять по бѣлу свѣту Скептики, какъ вѣтреныя мѣльницы Сервантеса, хотя всѣ школьники, оставивъ Университетъ, перестали писать тогда же, кромѣ одного, (разсужденіе подъ № 4,) который продолжалъ писать въ этомъ духѣ (разсужденія подъ № 9, 10 11 мъ), еще годъ. (8).

(8) У насъ нѣтъ еще такъ называемаго общаго мнѣнія.

Желая кончить это дѣло, предосудительное для Исторической Русской Литтературы, которая одна почти поддерживаетъ нашу ученую честь, а еще болѣе желая предотвратить молодыхъ людей на будущее время отъ подобныхъ вредныхъ заблужденій, и охранить прямую дорогу, дорогу Байеровъ, Шлецеровъ, Карамзиныхъ, по которой для достиженія цѣли должны идти дѣлатели, пользуясь разумѣется новыми трудами и видами науки, я разберу теперь всѣ сочиненія, сюда принадлежащія, а именно:

ни объ какомъ предметѣ, объ ученомъ тѣмъ менѣе. Какая бы нелѣпость ни была сказана, всегда найдутся люди, которые привяжутся къ ней на хвостъ, превозгласятъ мнѣніемъ, и даже прославятъ ее, надѣясь и себѣ снискать съ него имишко. Угодно ли примѣровъ? Что пишутъ теперь о Славянахъ! Самъ Тредьяковскій, самъ Эминъ, сто лѣтъ тому назадъ, постыдились бы такихъ нелѣпостей. Г. Морошкинъ завелъ насъ просто въ *лѣсъ*, и показалъ намъ *дичь*, — и вотъ въ одномъ журналѣ торжественно потрясеніе Шлецеровой системы, и пишутся стихи въ память великаго событія. Полевой прочелъ кое-какъ Гизо, Тьери, Баранта, и напуталъ Исторію Русскаго народа, (уже забытую авторомъ еще болѣе, чѣмъ читателями), приставляя къ прежнимъ формулярнымъ спискамъ, на Телеграфскій языкъ переведеннымъ, по нѣскольку словъ о развитіи, проявленіи, требованіяхъ вѣка, и вотъ, говорятъ, Философское направленіе! Еще что? Изслѣдователи о частныхъ предметахъ никогда съ нимъ несоглашаются, (ибо его путанье обнаруживается не только при подробныхъ изслѣдованіяхъ, но для знатоковъ и въ простомъ чтеніи), однакожъ считаютъ долгомъ сказать: Карамзинъ полагалъ вотъ какъ... Полевой вотъ какъ...! Перестаньте стыдить себя, господа!

№ 1. О кожаныхъ деньгахъ, Профессора Каченовскаго (9).

2. О Русской Правдѣ, егоже (10).

3. О баснословномъ времени въ Россійской Исторіи (11).

4. О пользѣ изученія Россійской Исторіи въ связи со всеобщею (12).

5. О первоначальномъ заселеніи Новагорода (13).

6. О причинахъ постепеннаго возвышенія Москвы до Іоанна III (14).

7. Объ историческихъ трудахъ и заслугахъ Болтина (15).

8. Объ историческихъ трудахъ и заслугахъ Миллера (16).

9. О мнѣніяхъ касательно происхожденія Руси (17).

10. Критическій взглядъ на статью Скандинавскія Саги (18).

11. О недостовѣрности древней Русской Исторіи и ложности мнѣнія, касательно древности Русскихъ Лѣтописей (19).

12. Кто писалъ нынѣ намъ извѣстныя лѣтописи (20)?

13. О первобытномъ видѣ и источникахъ нынѣ намъ извѣстныхъ лѣтописей (21).

(9) ВЕ. 1827 и 1828. УЧ. 1835. N 9 и 10. (10) ВЕ. 1829. N 13—16. Это же разсужденіе исправленное и умноженное въ УЧ. 1835. N 3 и 4. и особо въ „Двухъ опытахъ изслѣдованій о Древностяхъ Русскихъ.“ (11) УЧ. 1833, N 2 и 3. (12) 1833, N 4—7. (13) 1833. N 9. (14) 1834, N 1 и 2. (15) 1835 N 11 и 12. (16) 1835. N 1 и 2. (17) СО. 1835. ч. 51. (18) Особая брошюра. (19) СО, 1834, ч. 46. (20) СО. 1835, ч. 47. (21) СО. 1834, ч. 48.

Прежде сихъ статей было напечатано двѣ-три въ Вѣстникѣ Европы, но содержаніе ихъ повторено въ исчисленныхъ, и потому говорить о нихъ въ особенности ненужно.

Я стану называть авторовъ по нумерамъ, подъ которыми въ хронологическомъ порядкѣ поставлены выше ихъ разсужденія, а не по именамъ, дорожа ихъ честью: всѣ они освободились изъ подъ вліянія, и умолкли,— зачѣмъ же напоминать объ ихъ юношескихъ грѣхахъ, которые послужили имъ впрочемъ во спасеніе. Вмѣстѣ съ симъ читатели увидятъ и доказательство, что здѣсь дѣло идетъ о наукѣ, а не о личностяхъ.

Начинаю съ разсужденій самого учителя Г. Каченовскаго.

N. 1.

О кожаныхъ деньгахъ.

Въ этомъ разсужденіи Каченовскій старался доказать, что у насъ кожаныхъ денегъ не было.

Положимъ, что не было — но чтоже слѣдуетъ изъ этого? Были или небыли кожаныя деньги, — это мнѣніе не имѣетъ никакаго отношенія ни къ лѣтописи Несторовой, ни къ древней Русской Исторіи, и нисколько не уменьшаетъ ея достовѣрности. Это есть только частное ученое мнѣніе, справедливое или несправедливое.

Посмотримъ однако, въ чемъ оно состоитъ.

Замѣтимъ, вопервыхъ, что оно очень запутано, какъ и всѣ статьи Каченовскаго, который въ этомъ отношеніи долженъ уступить своимъ ученикамъ. Нѣтъ возможности часто добраться, что онъ хочетъ именно сказать, и потому всего безо-

паснѣе слѣдовать за нимъ, шагъ за шагомъ, по всѣмъ дорогамъ, улицамъ и переулкамъ, куда безпрестанно обращаётся онъ съ большаго, столбоваго пути.

Разсужденіе начинается жалобами о недостаткѣ критики въ нашей Исторіи, жалобами составленными изъ *общихъ мѣстъ*, безъ всякихъ точныхъ опредѣленій.

„Отдѣлялиль мы показанія „*лѣтописателей* о *современ*„*ныхъ происшествіяхъ* отъ „позднѣйшихъ переписщиковъ?

Отдѣляли — смотри почти всякую страницу Шлецера и Карамзина.

„Пользовались ли мы по„собіями Дипломатики при „очищеніи достовѣрныхъ до„кументовъ отъ подлоговъ?“

Пользовались, сколько было нужно — см. Изслѣдованія Шлецера и Круга о договорахъ, Карамзина о грамотѣ Василья Дмитріевича, объ Уставѣ Владимира и Ярослава, Струбе и Эверса о Русской Правдѣ, М. Евгенія о Мстиславовой грамотѣ, и проч.

„Соображали ль извѣстія о „внутреннихъ происшестві„яхъ Россіи съ вышедшими „изъ горнила критическаго „внѣшними извѣстіями о все„мірныхъ происшествіяхъ?

Соображали — см. Карамзина.

„Старались ли мы обнару„жить хронологическія тай„ны Русскихъ лѣтописей?

Старались — см. Круга.

„Знаемъ ли мы происхож„деніе монетъ своихъ, цѣн„ность ихъ, отношенія, ка„чества? Хорошо ли знаемъ „даже самыя ихъ названія — „какой дадимъ отвѣтъ судьѣ „неумытному?

Знаемъ — см. Круга, Карамзина.

Вышеписанный.

Но разумѣется на исчисленныхъ трудахъ наука не должна останавливаться, и не оста-

навливается. Будемъ и впредь *соображать*, *стараться*, *узнавать*, *пользоваться* и проч.

„Доказать весьма не трудно, что извѣстія баснословныя мы съ важностію передаемъ своимъ читателямъ.

Доказывайте, и, если докажете, то эти баснословныя извѣстія исключимъ.

„Извѣстія ничтожныя о происшествіяхъ, неимѣющихъ связи ни съ предыдущимъ, ни съ послѣдующимъ, охотно повторяемъ въ своихъ Исторіяхъ.

Можетъ быть, но это частный, личный недостатокъ въ Историкахъ, какой неизбѣженъ во всѣхъ Исторіяхъ.

„Иногда слѣпо вѣримъ хартіямъ четырнадцатаго вѣка, даже гораздо позднѣйшимъ, симъ хранилищамъ современныхъ вымысловъ, и основываясь единственно на ихъ свидѣтельствѣ, разсказываемъ о важныхъ и не важныхъ, ничѣмъ не подкрѣпляемыхъ событіяхъ вѣка двѣнадцатаго и одинадцатаго, даже десятаго и девятаго. (22)

Ни одна Исторія не основывается на современныхъ свидѣтельствахъ, кои вообще являются позднѣе, а наша еще счастливѣе прочихъ, ибо ея событія подтверждаются иностранными современниками.

Каченовскій указываетъ послѣ для примѣра на Влад. Уставъ, о коемъ у насъ говорено выше, (23); на Скандинавію, какъ сокровищницу происшествій историческихъ, коей посвящены у насъ многія страницы третьяго тома; на Хронологію, о коей предлагаетъ только вопросъ, повторяемый и нами, — и переходитъ къ Нумизматикѣ. Ходъ его разсужденія слѣдующій:

Кожаныхъ денегъ не было (24).

22) Въ особой книжкѣ, с. 4. (23) См. выше, с. 263. (24) с. 8.

И многіе писатели это предугадывали — Кругъ, Успенскій, и другіе. „Еще два шага впередъ — справка съ Дюканжемъ, Нарушевичемъ или съ Чацкимъ, внимательный взглядъ на ходъ монетной системы въ средніе вѣки, нѣсколько вѣрныхъ соображеній — и мы давно уже находились бы внѣ очарованнаго круга" (25).

Далѣе, К. соглашается, что звѣриныя кожи, даже лоскутки, могли ходить вмѣсто денегъ. Приводя разныя свидѣтельства онъ заключаетъ:

„И такъ можно и должно согласиться, что „кожи звѣриныя, даже и при металлическихъ „деньгахъ, были товаромъ, для всѣхъ нужнымъ, „прочнымъ, и слѣдовательно цѣннымъ. Не отрицаю „употребленія и кожаныхъ лоскутковъ вмѣсто „монеты. Всякое сомнѣніе уничтожается словами... „указа Петра Великаго (26): изъ него видимъ, „что въ Калугѣ и въ иныхъ городахъ, за недо- „статкомъ денежекъ для размѣна, торговали, кро- „мѣ разсѣченныхъ надвое и натрое серебреныхъ „копеекъ, нетолько *кожаными*, но и еще какими- „то иными *жеребьями* — можетъ быть костяны- „ми, деревянными палочками, или же суконными „лоскутками." (27)

Чего же намъ болѣе, и что опровергать послѣ этого Каченовскому? Кожаныя деньги употреблялись даже при Петрѣ!

(25) с. 9, 10, 11.
(26) 1700 года Марта 11. (27) с. 19, 20.

Но несмотря на это собственное заключеніе, онъ говоритъ на той же страницѣ: „допустить существо-„ваніе кожаныхъ лоскутковъ клейменныхъ, обращав-„шихся вмѣсто монеты, значитъ тоже, что и вѣ-„рить существованію *Государственнаго кредита*" (совсѣмъ не тоже!) „въ такое время и при такихъ „обстоятельствахъ, когда по всѣмъ соображеніямъ „ума человѣческаго немогъ еще, не говорю созрѣть, но „даже прозябнуть сей плодъ усовершенствованнаго „общежитія и гражданскаго устройства. Смѣло „такъ говорю и утверждаю, вопреки остроумнымъ „объясненіямъ историковъ, которымъ *кожаные лос-„кутки*, мнимыя *куньи мордки* и *бѣлые лобки*, пред-„ставились государственными ассигнаціями, будто „бы отчасу болѣе понижавшимися въ курсѣ про-„тивъ металической гривны" (28).

Замѣчу мимоходомъ—вотъ это характеристическій процессъ въ изслѣдованіяхъ Каченовскаго, перенятый всѣми его слушателями: въ *кожаныхъ лоскуткахъ* онъ самъ *вообразилъ* себѣ *Государственный кредитъ*, который разумѣется долженъ показаться всякому невѣроятнымъ, и — начинаетъ торжественное опроверженіе!

Отвѣчаю: Кредита не было, и не было въ немъ нужды, а лоскутки могли быть.

За симъ К. приводитъ свидѣтельства о существованіи кожаной и подобной монеты въ разныхъ странахъ и въ разныя времена (29).

(28) с. 20, 21. (29) с. 21.

Эти свидѣтельства служатъ въ пользу нашихъ.

Переходя къ онымъ К. считаетъ Рубруквисово (30) невѣрнымъ: „Монахъ Рубруквисъ, посолъ Лудовика Святаго, говоритъ: Pour les Russiens la monnoie, qui a cours entre eux, est de petites pièces de cuir marquetées de couleurs. (Обыкновенная монета Россійская состоитъ изъ кожаныхъ пестрыхъ лоскутковъ).“

Какаго свидѣтельства лучше? Путешественникъ XIII столѣтія!

Онъ не видалъ ни Руси, ни Русскихъ монетъ, говоритъ К.

Онъ видѣлъ Русскихъ людей въ Ордѣ, отъ которыхъ и могъ получить вѣрныя извѣстія (31), и для чего было ему выдумывать? Самъ К. говоритъ, что „басню о кожаныхъ деньгахъ слѣдуетъ отнести къ позднѣйшему времени“, и предлагаетъ о томъ изслѣдованіе (32). Спрашивается: если басня выдумана послѣ Рубруквиса, то откуда же *онъ* могъ взять свое извѣстіе? Ясно, что онъ писалъ съ натуры.

Такъ точно и Герберштейнъ, бывшій у насъ въ 16 вѣкѣ, говоритъ, что въ Россіи употребляли прежде вмѣсто денегъ мордки и уши бѣлокъ и другихъ животныхъ (proboscide et auriculis aspriolorum aliorumque animalium utebantur).

(30) с. 22. (31) Карамзинъ т. IV, с. 63. (32) с. 24 и 25.

К. говоритъ, что Герберштеинъ „начитался Польскихъ и Латинскихъ Историковъ" (33).

Развѣ это есть историческое опроверженіе?

(Въ другомъ мѣстѣ (34) К. говоритъ: „въ любопытной статьѣ о пятинахъ Новогородскихъ (35) нѣсколько разъ упомянуто, *что бѣлка* на Вагѣ ходила вмѣсто денегъ — при серебрѣ и золотѣ. Цѣлыя шкурки бѣличьи пускать въ обращеніе вмѣсто размѣнной монеты было бы, думаю, и неудобно и нехозяйственно; задачу же о лоскуткахъ я осмѣливаюсь почитать уже *рѣшеною*." Спрашивается: цѣлыя шкурки ходить не могли, лоскутковъ не было, — что же было? Прошу понять!)

Дѣло въ томъ, что Нарушевичь производилъ своихъ бѣлокъ отъ Греческихъ аспровъ! Каченовскій *перевелъ* его изслѣдованія *на Русскіе нравы*, присоединилъ къ Польскимъ бѣлкамъ нашихъ, и рѣшилъ, что наши бѣлки суть монеты, коихъ имя происходитъ оттудажъ (36), — но для этого надобъ доказать прежде, что Греческіе аспры были у насъ извѣстны прежде нашихъ бѣлокъ.

А къ большему удивленію читателей скажу, что слова бѣлки, ни серебряной, ни кожаной, не встрѣчается во всемъ древнемъ періодѣ (37). Чѣмъ же эта бѣлка можетъ приводить къ сомнѣнію о достовѣрности Нестора?

(33) с. 25. (34) с. 40. (35) СА. 1827, N 10, с. 40, N 11, с. 205, N 12, с. 283. (36) с. 24—27. (37) См, Томъ III, с. 260.

После бѣлокъ К. говоритъ о *кунахъ*.

Извѣстіе о дани Древлянъ Олегу черными кунами (38) возбуждаетъ его къ вопросу: „любопытствуемъ знать одно только: къ чему тутъ упомянуто о черномъ цвѣтѣ *куны?* Творцу или переписчику старинной хроники слова „черная куна, бѣлая векша“ были очень знакомы, кажется не по слуху только, но и отъ употребленія сихъ вещицъ между современниками.“ (39).

И только! Никакаго доказательства, даже разсужденія. Видно, что онъ черную куну, какъ и бѣлую векшу, хотѣлъ считать монетою, доброю и худою. Но какой поводъ заключать такъ?

И что есть сомнительнаго, невѣроятнаго, въ томъ, что лѣсное племя платило дань звѣриными шкурами? Такой дани и теперь собирается много Русскими.

О дани Радимичей щлагами онъ сомнѣвается: „допустимъ даже, что (въ предѣлахъ нынѣшнихъ губерній, Черниговской, и Могилевской, въ *девятомъ* столѣтіи, когда еще никакая промышленность тамъ не возникала), едва извѣстные въ мірѣ полудикіе

(38) НЛ. с. 15. „Поча Олегъ воевати Деревляны... имаше на нихъ дань по чернѣ кунѣ.“ Такь и прежде: „имаху дань Варязи изъ заморья.... по бѣлѣй вѣверицѣ“, с. 12.

(39) О грамотѣ Новогородскаго Князя Всеволода намъ нѣтъ здѣсь дѣла. Каченовскій говоритъ, с. 31, что „ни *мордка*, ни *берковецъ* не могли войти въ документъ, писанный въ *началѣ* 12 вѣка. Нѣмцовъ тогда еще не было въ Ливоніи.“ Не понимаемъ, на что ему здѣсь Нѣмцы.

Радимичи въ состояніи были разплачиваться щьлягами — тогдашними солидами, или шиллингами Нѣмецкими." (40)

Отвѣтъ самый положительный на это сомнѣніе заключается въ монетахъ 9 вѣка, которыя до сихъ поръ находятся въ этихъ губерніяхъ. (41)

К. не видалъ, что онъ противорѣчитъ даже себѣ, отвергая дань Радимичами щьлягами, и принимая дань Древлянъ худою монетою!

Въ требованіи кунъ Варягами и обѣщаніи Владимера (42) — разумѣется серебро, безъ сомнѣнія; никто и не думалъ иначе.

Потомъ К. приводитъ нѣкоторыя мѣста изъ XV столѣтія (!), по Русскимъ и Польскимъ лѣтописямъ, гдѣ нельзя разумѣть кожаныхъ денегъ (43).

Ну-нельзя. Чтоже изъ этого? А на вопросъ Каченовскаго: „Какимъ же образомъ при серебреныхъ монетахъ могли имѣть свою цѣну и лоскутки кожаные?" (44) Отвѣтъ: Также какъ и при Петрѣ I.

Далѣе слѣдуетъ разсужденіе о вѣкшѣ, веверицѣ, бѣлкѣ, бѣлой. — Каченовскій считаетъ ихъ монетами, вслѣдствіе мѣста лѣтописи, гдѣ бѣлки, бѣль, одного списка названы въ другомъ сребренниками: Мономахъ велѣлъ бросать народу

(40) с. 29. (41) См. Томъ III, с. 292. (42) См. Томъ III, с. 280. (43) с. 33, 34. (44) с. 33.

въ день пренесенія мощей Св. Бориса и Глѣба: паволоки, фофудіи, ирпичи и бѣлку (въ др. спискахъ: бѣль, овоже сребренники).

Положимъ такъ, (хотя въ лучшихъ и множайшихъ спискахъ читается не бѣлка, а бѣль), но чтожъ изъ этого? Бѣлка при Олегѣ могла значить бѣлку, а при Мономахѣ уже бѣлую серебреную монету. Рубль Царя Алексѣя Михайловича значилъ не то, что рубль Георгія Даниловича. Argent сначала серебро, а послѣ вообще деньги и даже ассигнаціонныя.

Потомъ слѣдуетъ (45) новое разсужденіе объ аспрахъ и бѣлкахъ, о словѣ бѣлой и черной, — о бѣльихъ лобкахъ и куньихъ мордкахъ (46), что не принадлежитъ ни къ Нестору, ни къ нашему періоду, и что мы оставляемъ до своего времени. (47)

(45) с. 37—48. (46) с. 48—86. (47) Замѣтимъ мимоходомъ, что здѣсь есть хорошее извлеченіе, с. 42—48 изъ Нарушевича о происхожденіи Польскихъ бѣлокъ отъ asperioli, что уже было говорено и выше: asperiolus въ испорченной Латинѣ среднихъ вѣковъ значилъ бѣлку. Отъ asperioli до asperi и aspri — переходъ весьма недалекъ; а сими словами на Латинскомъ языкѣ назывались монеты, недавно битыя, еще неистертыя отъ обращенія, не потерявшія своего вѣса. И новѣйшіе Греки аспрами называютъ мѣлкую монету бѣлую, или серебряную, на которую мастера монетнаго дѣла обмѣниваютъ большую серебреную же или золотую, ибо у Грековъ *ἄσπρος* значитъ бѣлый." (с. 43). Хорошо объясненіе, что бѣлой означалъ хорошій, а черной — худой, въ монетномъ дѣлѣ (45—48). (И прежде К. справедливо замѣтилъ, (с. 25), что напрасно Шлецеръ объясняетъ

Пусть въ мѣстахъ, приводимыхъ Каченовскимъ изъ лѣтописей, куны, мордки, означаютъ монету металлическую, но ихъ нѣтъ у Нестора также, какъ и серебреныхъ бѣлокъ, и напрасно привязываетъ онъ этотъ вопросъ къ древней Исторіи слѣдующимъ заключеніемъ:

argentum nigrum = Bley, а Карамзинъ = оловомъ; это значитъ просто черное серебро).

Справедливо замѣчаніе (с. 53), предугаданное Карамзинымъ, (V, пр. 245), что бѣльи лобки суть любскіе пфенниги; что Шведскіе ортуги.... была монета серебряная, а отнюдь не мѣдная (с. 58), что „подъ мордками можетъ быть должно разумѣть не головки или мордки куньи, а именно шкурки сего животнаго" (с. 70). А потомъ говоритъ онъ:„ ничего нѣтъ мудренаго, что Новогородцы и Псковитяне стали называть металлическія куны мордками, когда Нѣмцы въ документахъ своихъ называли ихъ нашимъ именемъ—Cunae, Kunen с. 75. Этого я рѣшительно понять не могу — здѣсь совершенной лабиринтъ! Какъ эти Мет. куны назывались прежде? Кунами? За чѣмъ же Новогородцамъ и Псковичамъ перемѣнять одно имя на другое? Къ чему тутъ Нѣмцы, называвшіе ихъ не marder, а кунами?

„Мордки ходили въ Петерб. губерніи при Петрѣ Великомъ.... и вѣроятно означали полушку" (с. 77). Но почему же не назывались полушки тогда своимъ именемъ? Какая связь полушки съ мордкою?

За симъ Каченовскій предупреждаетъ возраженіе на свою систему: „если куны и мордки были металлическими монетами, а не кожаными, то куда же онѣ дѣзались?" и отвѣчаетъ: „незная, гдѣ найти *куны*, можемъ указать на мѣдныя *пула* Новгородскія, Тверскія, Кашинскія, Московскія, разной величины, съ разными фигурами на нихъ и надписями. Бытіе сихъ монетъ простирается въ историческую даль до XIV вѣка, а между ними есть *пуло* Тверское съ изображеніемъ на

„Если же куны Олеговы, Владимировы, Ярославовы лѣтописей нашихъ были не лоскутки,“ заключаетъ К., „если онѣ въ тѣ времена даже не могли быть и металлическими монетами: то какія выведемъ изъ того заключенія? Для спокойствія нѣкоторыхъ любителей кожаной нумизматики, конечно было бы лучше не разрушать чудовищной системы, издавна господствующей въ нашей Исторіи. Но заронившаяся искра не погаснетъ“ (48).

Отвѣчаю: Куны Владимировы, Ярославовы, суть деньги металлическія. (49).

Куны Олеговы суть настоящія куницы, такъ какъ и векши его суть настоящія векши. Металлическихъ монетъ разумѣть здѣсь нѣтъ никакой надобности. Самъ Каченовскій говоритъ, что шкуры куньи ходили вмѣсто денегъ: „куньи шкуры дали поводъ къ наименованію кунами ходячей мѣлкой металлической монеты. Время сокрыло отъ насъ любопытную эпоху сего превращенія шкурки въ монету, равно какъ и многихъ другихъ перемѣнъ и превращеній, имѣвшихъ продолжительныя слѣдствія; но тѣмъ не менѣе достовѣрно событіе, когда признаки очевидны“ (50).

одной сторонѣ бычьей *морды* съ рогами. Не онѣ ли назывались у насъ *мордками* и даже *кунами*?“ (с. 81).

Каченовскій, отвѣчая такъ себѣ, забылъ, что онъ, вслѣдствіе всѣхъ своихъ разысканій, объявилъ куны и мордки монетами дурнаго серебра, а пула — монеты мѣдныя.

Притомъ куны и мордки монеты различныя, какъ же можно тѣ и другія разумѣть подъ пулами.

(48) с. 86. (49) См. томъ III, с. 280 и проч. (50) У Кач. с. 74.

Вотъ все разсужденіе Каченовскаго! Читатели видятъ, что еслибъ даже были вѣрны его положенія, (большею частію, весьма сомнительныя и натянутыя), то и тогда онѣ не могли бъ нисколько привесть въ подозрѣніе лѣтопись Несторову, къ коей не имѣютъ никакаго отношенія.

Разсужденіе подъ N 2 о Русской Правдѣ разобрано нами выше, с. 235 и проч.

Смотри также томъ III, с. 366 и проч.

N 3.

О баснословномъ времени въ Россійской Исторіи.

Разсужденіе начинается общими мѣстами о недостаточности свѣдѣній о первыхъ вѣкахъ во всякой Исторіи.

За симъ слѣдуютъ толкованія о доказательствахъ, почему лѣтопись приписывается Нестору. Авторъ самъ составляетъ эти доказательства, и опровергаетъ ихъ. Мы старались выше изложить дѣло въ настоящемъ видѣ.

„Въ заглавіи Патерика Печерскаго,“ говоритъ онъ, „Пр. Несторъ, пришедшій въ монастырь къ Ѳеодосію около 1073 года, названъ лѣтописцемъ Россійскимъ“ (1).

Не въ Патерикѣ, а въ составныхъ частяхъ Патерика, кои суть житіе Ѳеодосія, посланіе

(1) УЧ. 1833. N II, с. 278.

Симона и посланіе Поликарпа, (сочиненія 11, 12 и 13 вѣка). Несторъ называется лѣтописателемъ (2).

„Дѣйствительно былъ Печерскій лѣтописецъ Несторъ: слѣдуетъ ли изъ сего,“ продолжаетъ онъ, „что сборники, дошедшіе до насъ въ позднѣйшихъ и разногласныхъ спискахъ, принадлежатъ ему.“ (3)

О сборникахъ никто не говоритъ, а одинакое начало всѣхъ лѣтописей принадлежитъ ему; ибо въ этомъ началѣ находится именно то, что несомнѣнно по другимъ свидѣтельствамъ написано Несторомъ.

„Вѣренъ ли силлогизмъ,“ заключаетъ авторъ, „Былъ въ XI ст. лѣтописецъ Несторъ, о коемъ нѣтъ современныхъ извѣстій, и коего сочиненій мы не знаемъ; есть лѣтописи, составленныя неизвѣстно кѣмъ, гдѣ и когда; слѣд. онѣ составлены Несторомъ въ Кіевѣ въ XI столѣтіи“ (4).

Этого силлогизма никто не дѣлаетъ, а онъ принадлежитъ къ собственному рукодѣлью автора.

Посылки всѣ невѣрныя, ибо о Несторѣ имѣемъ близкія извѣстія; сочиненія его мы знаемъ; лѣтопись составлена въ Кіевѣ, въ началѣ XII столѣтія. (5)

Вторымъ доказательствомъ въ пользу Нестора авторъ считаетъ имя его въ нѣкоторыхъ спискахъ, и опровергаетъ:

(2) См. выше, с. 67, 72. (3) УЧ. 1833. N 2, с. 279.
(4) с. 279. (5) См. выше, с. 69, 18, 20 и проч.

„Если бы дошедшіе до насъ списки были почерпнуты изъ временника Несторова; имя его находилось бы на всѣхъ или хотя на многихъ, а не на двухъ или трехъ, и то не первокласныхъ спискахъ" (6).

Нѣтъ, не могло быть на всѣхъ, ибо сочинители не выставляли именъ своихъ на сочиненіяхъ: такъ мы не знаемъ имени даже автора Степенной книги, не только многихъ, или почти всѣхъ лѣтописателей, кромѣ перваго, Нестора, котораго имя по его славѣ сохранило повсемѣстное преданіе. Такіе примѣры встрѣчаются и въ иностранныхъ литтературахъ. Напримѣръ мы не знали бы имени Григорія Турскаго, еслибъ не упомянулъ объ немѣ преемникъ.

„Во вторыхъ: позднѣйшій сборщикъ, зная о древнемъ лѣтописцѣ Преподобномъ Несторѣ, могъ поставить сіе имя въ заглавіе своего сборника, дабы тѣмъ придать ему болѣе важности въ глазахъ современника" (7).

Это произвольно, — да и какъ позднѣйшій сборщикъ могъ бы разпространиться повсемѣстно? При этомъ мнимомъ сборщикѣ естественнѣе вопросы: кто онъ, гдѣ жилъ, когда писалъ? Откуда получилъ свѣдѣнія о древнихъ произшествіяхъ, сходныя со всѣми иностранными свидѣтельствами. Опять придется заключать, что былъ древнѣйшій лѣтописатель. И чѣмъ когда важно было имя Нестора?

(6) с. 280. (7) с. 280.

Третьимъ доказательствомъ авторъ выставляетъ мѣста о прибытіи лѣтописателя въ монастырь и открытіи мощей Св. Ѳеодосія (8).

„По многимъ признакамъ мѣста сіи можно считать вставками изъ какихъ нибудь монастырскихъ записокъ, составленныхъ первоначально, можетъ быть, и дѣйствительно Преподобнымъ Несторомъ и въ XI столѣтіи." (9).

Нѣтъ, это не вставки, а эпизодическія повѣствованія, коихъ исполнена вся лѣтопись.

„Вотъ причины, заставляющія насъ такъ думать: а) первое изъ сихъ повѣствованій находится не во всѣхъ спискахъ, и неуваженіе многихъ сборщиковъ доказываетъ, что они знали источники онаго и не хотѣли повторять не у мѣста."

Списковъ авторъ не видалъ, а выводитъ, или лучше вытягиваетъ это предположеніе изъ словъ Карамзина, который сказалъ: „въ разныхъ спискахъ." „Еслибы сіи извѣстія," прибавляетъ авторъ въ примѣчаніи, „были во всѣхъ спискахъ, то Исторіографъ упомянулъ бы объ этомъ, тѣмъ болѣе, что сіи слова служатъ, по его мнѣнію, доказательствомъ древности нашихъ лѣтописей." (10)

Нѣтъ! Эти извѣстія находятся во всѣхъ главныхъ спискахъ Нестора.

Вторая причина автора почитать сіи мѣста позднѣйшими вставками: b) „оба сіи извѣстія не

(8) См. выше, с. 28 и 70. (9) У Авт. с. 281. (10) с. 292.

имѣютъ никакой связи ни съ предъидущими, ни съ послѣдующими сказаніями лѣтописей." (11).

Это показываетъ только недостатокъ сочиненія.

Читатели видятъ, что авторъ не изложилъ надлежащимъ образомъ доказательствъ о принадлежности лѣтописи Нестору, и отвѣчалъ на списходительныя даже свои доказательства очень слабо.

За симъ предложилъ онъ свое мнѣніе, по коему онѣ суть „сборники XIII или даже XIV столѣтія, коихъ источники большею частію намъ неизвѣстны; домашніе, древнѣйшіе, (только не лѣтописи XI столѣтія), предполагаются, а о внѣшнихъ современныхъ и древнихъ не сдѣлано еще надлежащаго розысканія. Изложимъ вкратцѣ доказательства сего мнѣнія." (12).

Но доказательствъ авторъ не предлагаетъ никакихъ, а продолжаетъ опять возраженія на первое мнѣніе:

„Мы не имѣемъ списковъ древнѣе XIV столѣтія, и сіи поздніе остатки старины во многомъ разногласны." (13).

Это возраженіе ничего незначитъ, ибо ни одного лѣтописателя, ни древняго, ни новаго, во всей Европейской Литтературѣ, не осталось въ древнѣйшихъ, соразмѣрно, спискахъ.

Мысль Эверса: „Возстановленіе истиннаго Нестора ... остается, покрайней мѣрѣ, сомнительнымъ,

(11) с. 281. (12) с. 283. (13) с. 283.

если нѣтъ надежды открыть какую нибудь древнѣйшую рукопись, которая бы, являя всѣ признаки подлинности, заключала его одного, и потому могла бы считаться вѣрнымъ спискомъ," которую авторъ называетъ прекрасною, вовсе не основательна: лѣтописи, по существу дѣла, не могло быть безъ продолженія, да нѣтъ и нужды найдти такую; хотя и съ продолженіями, но она дошла до насъ въ своемъ первоначальномъ видѣ (14).

2. „Могъ ли Несторъ, монахъ XI столѣтія, написать что нибудь, хотя нѣсколько похожее на дошедшіе до насъ сборники? Принявъ въ соображеніе тогдашнее состояніе земель Славянскихъ, естественно спросить со Шлецеромъ: какимъ образомъ человѣкъ сей образовался на Днѣпрѣ?" (15).

„Въ самомъ дѣлѣ не прошло еще ста лѣтъ отъ введенія Христіанской вѣры, когда монахи и другіе духовные, (въ небольшомъ числѣ), составляли, такъ сказать, еще первое поколѣніе граматныхъ, и уже является систематическое сочиненіе!.... Или это несправедливо, или Русскія лѣтописи XI ст. въ такомъ видѣ, какъ мы оныя имѣемъ, дѣлаютъ исключеніе изъ всеобщаго хода образованности народовъ, явленіе безпримѣрное въ Исторіи, и особливо въ Исторіи нашей Сѣвера" (16).

Съ Кирилла и Меѳодія, то есть отъ 9 столѣтія начинается непрерывная цѣпь грамотныхъ людей и

(14) См. выше с. 77 и проч. (15) У Авт. с. 285. и прим. 16, с. 294. (16) с. 286.

писателей, какъ въ Болгаріи, такъ и въ Россіи. Болгарскіе лѣтописатели, нынѣ найденные, были образцами для нашего. Отличіе наше отъ Запада въ этомъ отношеніи произошло отъ того, что у насъ Священное писаніе было переведено первоначально на свой языкъ, на коемъ отправлялось и богослуженіе. У другихъ народовъ явились лѣтописатели на Латинскомъ, у насъ на Церковномъ: у насъ Несторъ, у Чеховъ Козма Пражскій, у Поляновъ Мартинъ Галлусъ, Безыменной лѣтописатель Далматскій. Не говорю уже о лѣтописателяхъ западныхъ народовъ.

3. „При повѣствованіи о древнѣйшихъ событіяхъ находятся современныя указанія и извѣстія, кои не могли быть сдѣланы и сообщены лѣтописцемъ XI вѣка (17).“ „Такъ напр. по мнозѣхъ же времен ехъ сѣли суть Словене по Дунаеви, гдѣ (нынѣ) есть Угорская земля и Болгарская.“

Объ этомъ извѣстіи говорено въ другомъ мѣстѣ.

„Тамъ же исчисляются народы, кои въ XI вѣкѣ не могли быть извѣстны монаху Кіевскому.“

Если Адамъ Бременскій зналъ Мерю, Константинъ Кривичей и Дреговичей, Іорнандъ Мордву, то Несторъ легко могъ знать о Печерѣ, Чуди, Муромѣ, въ Кіевѣ, который былъ средоточіемъ всѣхъ этихъ странъ, въ эпоху Христіанства, и перепутьемъ торговли въ эпоху язычества (18).

(17) с. 286 и пр. 27. с. 296. (18) См. томъ III, с. 275 и проч.

4. „Встрѣчается множество словъ и понятій, чуждыхъ сему вѣку; напр. Гость, Вира, Нѣмецъ, о коихъ мы не знаемъ, откуда, какимъ путемъ и когда зашли онѣ въ наше отечество" (19). „Гость, вира," прибавлено въ примѣчаніи, „зашли чрезъ Новгородъ, при сообщеніи съ Ганзейскими городами; Нѣмецъ — отъ Славянъ Балтійскихъ" (20).

Нѣтъ, этого вы не знаете, а только предполагаете, а мы предполагаемъ, что онѣ пришли гораздо древнѣе, ибо сами Ганзейцы ихъ не изобрѣтали, а также приняли отъ древнѣйшихъ хозяевъ.

5. „Такъ много неумѣстныхъ вставокъ, что сборники сіи представляются компиляціями изъ разнороднѣйшихъ частей, перемѣшанныхъ съ нелѣпѣйшими баснями и выдумками." (21)

Нелѣпѣйшихъ басенъ и выдумокъ нѣтъ въ началѣ лѣтописей, о коемъ должна быть рѣчь. Тоже должно сказать и о разнороднѣйшихъ частяхъ. А вставки есть, и объ нихъ представлено мнѣніе выше (22).

6. „Невѣрно лѣтосчисленіе." (23)

Никто не можетъ этого доказать; нѣсколько чиселъ, о которыхъ изъявилъ сомнѣніе Шлецеръ, объяснено Кругомъ. Остальныя хронологическія сомнѣнія ничтожны, и ни одна Европейская лѣтопись не представляетъ ихъ меньше.

(19) с. 286. (20) с. 297. пр. 28. (21) с. 287. (22) См. с. 89 и проч. (23) У Авт. с. 287.

7. „Однѣ и тѣ же событія описаны двумя, иногда и тремя различными образами."

Это относится не къ началу лѣтописей, т. е. не къ Нестору, а къ продолженію и поздвѣйшимъ лѣтописямъ, какъ и самъ авторъ говоритъ въ примѣчаніи 29.

Заключеніе первой части: „Если допустить невѣроятное мнѣніе о древности сихъ сборниковъ; то все отъ основанія Государства до перваго лѣтописца протекло слишкомъ два вѣка. Писменныхъ памятниковъ у народа безграматнаго предполагать невозможно: слѣдовательно до конца XI ст. всѣ повѣствованія лѣтописей основаны на преданіяхъ, уже искаженныхъ въ устахъ четырехъ или болѣе поколѣній, на поэтическихъ (часто самыхъ нелѣпыхъ) вымыслахъ, свойственныхъ всѣмъ младенчествующимъ народамъ."

Кромѣ преданія, были памятники — договоры, поминанія, иностранныя лѣтописи, а прибавленія или вымыслы столь явны, что ихъ легко отдѣлить можно.

„Если же принять, что сборники сіи (какъ и вѣроятно и справедливо) составлены не ранѣе XIII или даже XIV вѣка, и, кромѣ предполагаемыхъ записокъ XII ст., не имѣли другихъ домашнихъ письменныхъ памятниковъ; — то должно допустить преданія, еще болѣе искаженныя, и вымыслы еще болѣе нелѣпые, коими компиляторы старались замѣнить недостатокъ положительныхъ свѣдѣній."

Этого принять нельзя никакъ, ибо въ 13 и 14 вѣкѣ, послѣ разоренія Монгольскаго, нельзя было нигдѣ уже собрать тѣхъ свѣдѣній, кои мы видимъ въ лѣтописи. (24).

„Мы должны признаться," заключаетъ авторъ, „что въ лѣтописяхъ нашихъ много баснословнаго; должны, хотя съ прискорбіемъ, согласиться, что древняя Исторія наша не достовѣрна." (25)

Баснословное отдѣлимъ, — а остальное не только достовѣрно, но и совершенно вѣрно.

„Но прежде нежели произнесемъ приговоръ сей, посмотримъ, не утѣшатъ ли насъ лѣтописи современниковъ, и не найдемъ ли въ нихъ извѣстій, могущихъ служить пополненіемъ отечественныхъ нашихъ памятниковъ, или по крайней мѣрѣ, объясненіемъ позднихъ ихъ сказаній." (26)

Представляя неполный перечень Греческихъ извѣстій, авторъ говоритъ только, что ихъ мало! Чтобъ судить объ его приговорѣ, довольно замѣтить, что изъ Греческихъ писателей онъ пропустилъ — Льва діакона!

„Не говорю уже о томъ," заключаетъ онъ, „что многія изъ сихъ извѣстій гораздо естественнѣе и вѣроятнѣе могутъ быть отнесены къ Руссамъ Черноморскимъ." (27)

Почему же вѣроятнѣе — о томъ ни слова. Смотри о нихъ, томъ II, с. 253.

(24) См. выше с. 51. (25) У Авт. с. 288. (26) Тамъ же. (27) УЧ. 1833. N III. с. 678.

О Восточныхъ извѣстіяхъ авторъ говоритъ: „Очевидно, что хотя географическія и историческія свѣдѣнія Арабовъ и весьма важны; но, пока строгою критикою неопредѣлена степень ихъ достовѣрности, они уменьшаютъ только довѣренность нашу къ отечественнымъ извѣстіямъ о началѣ и первыхъ временахъ бытія народа Русскаго. Вообще они наводятъ изслѣдователя на новый путь, благоуспѣшное шествіе по коему, современемъ, быть можетъ, уяснитъ нѣсколько точекъ, едва видимыхъ вдали, сквозь густой мракъ, покрывающій наше младенчество. Но сколько неизвѣстнаго, темнаго и баснословнаго останется еще въ пространствахъ между оными свѣтлыми точками истины.“

Какъ между Греческими писателями авторъ не зналъ Льва Діакона, такъ между писателями объ Арабахъ онъ не имѣлъ въ виду Френа, котораго не могъ достать!! О восточныхъ писателяхъ говорить безъ Френа, тоже что о Русской Исторіи разсуждать безъ Карамзина.

Восточныя извѣстія разобраны нами въ другихъ мѣстахъ.

Исчисливъ Западныхъ описателей, авторъ говоритъ: „вотъ почти всѣ извѣстія“...... но развѣ ихъ мало?

И послѣ такого-то несчастнаго изложенія авторъ заключаетъ: „Мало утѣшаютъ насъ лѣтописи современниковъ, мало дополняютъ онѣ отечественныя наши извѣстія; еще менѣе объясняютъ ихъ.“

Не лѣтописи виноваты, что вы ихъ мало знаете.

„И такъ имѣемъ ли право произнести приговоръ древней нашей Исторіи? Имѣемъ ли право сказать, что въ ней много баснословнаго, что она недостовѣрна?“

Такъ, мы имѣемъ право сказать, и это давно уже сказано, что въ ней много баснословнаго, которое также давно отмѣчено и исключено, а недостовѣрности не видимъ; ибо всѣ главныя произшествія, составляющія ея основу, совершенно сходно описаны современниками иностранными, и согласны съ естественнымъ ходомъ вещей и послѣдующей Исторіей (28).

„Но нѣтъ ли у насъ, по крайней мѣрѣ, надежды сколько нибудь приблизиться къ истинѣ? — это другой вопросъ: 1) исторію Славянъ Русскихъ должно соображать съ исторіею Славянъ вообще, особливо Германскихъ, имѣвшихъ, по всей вѣроятности, великое участіе въ образованіи, даже въ населеніи Сѣвера нашего отечества“ (29).

Это дѣлалось и дѣлается. Что касается до Славянъ Германскихъ — можетъ быть, откроется что либо путемъ филологіи.

2. „Должно принять въ соображеніе всеобщій ходъ политическаго и гражданскаго образованія въ Европѣ.“

Развѣ не такъ поступали Шлецеръ, Карамзинъ, Эверсъ, Кругъ, Лербергъ и проч.?

(28) См. выше, с. 3 и проч. (29) У Авт. с. 683.

И наконецъ 3) „прежде всего критически, безпристрастно оцѣнить, домашнія и внѣшнія, историческія и географическія извѣстія, относящіяся къ первымъ временамъ бытія народа Русскаго, согласить противорѣчія, въ нихъ находящіяся — и изслѣдовать ихъ источники.“

Развѣ не такъ поступали, повторяю, всѣ настоящіе дѣлатели Русской Исторіи?

Разберемъ нѣсколько частныхъ замѣчаній.

„Что напр. подумать о чрезвычайныхъ контрибуціяхъ, взятыхъ будто бы Олегомъ и Игоремъ, если сравнить ихъ съ ничтожностію подарковъ, поднесенныхъ Ольгѣ и ея спутникамъ“ (30).

Контрибуціи велики, ибо вытребовались насильственно побѣдителями, а дары малы, ибо представлялись добровольно гостьѣ.

„Имя Руси шло съ юга — это доказывается болѣе, чѣмъ десятью мѣстами, напримѣръ Новг. Лѣтописи, гдѣ подъ Русью исключительно разумѣется Югъ, а не Сѣверъ, не Псковъ и не Новгородъ.“ (31)

Югъ получилъ имя Руси, послѣ, тогда, когда Русь оставила Новгородъ и поселилась въ Кіевѣ (32).

Къ словамъ, что должно принять въ соображеніе всеобщій ходъ политическаго и гражданскаго образованія въ Европѣ, авторъ въ замѣчаніи говоритъ: „послѣ сего соображенія“ (очень мудренаго!)

(30) с. 686. (31) Тамъ же. (32) См. т. III, с. 78.

„что будемъ думать о законахъ, торговлѣ, гостяхъ и городахъ (въ смыслѣ civitas) X вѣка, упоминаемыхъ въ нашихъ лѣтописяхъ."

Законы были у всѣхъ варваровъ; торговлю доказываютъ находимыя монеты; о гостяхъ, т. е. купцахъ, и городахъ свидѣтельствуютъ Византiйцы.

„Намъ иногда толкуютъ о какихъ-то лѣтописяхъ, яко бы X вѣка, и еще о какихъ-то письменныхъ памятникахъ, коими будто бы пользовался Преподобный Несторъ для составленiя своей Лѣтописи."

Да, изъ Георгiя Амартола, напримѣръ, Несторъ сдѣлалъ выписки,—это теперь ясно показано,—а что договоры были письменные, въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнiя.

„Шлецеру задачи о договорахъ казались труднѣе списка кораблей Гомеровыхъ (33)", но Кругъ разрѣшилъ его недоумѣнiе (34).

„Тимковскiй доказалъ, что Патерикъ несправедливо приписывается Нестору" (35).

Въ этихъ словахъ теперь нѣтъ смысла (36).

„Ни коимъ образомъ не можно даже предполагать, не только доказать, чтобы въ XI столѣтiи такъ далеко простирались открытiя Новогородцевъ" (37).

Почему же? (38).

(33) УЧ. 1835. N 2, с. 291. (34) См. выше, с. 143. (35) У авт. с. 290. (36) См. выше с. 346. (37) У Авт. с. 297. (38) См. томъ III, с. 156.

Разсужденіе въ полномъ смыслѣ классное. Свѣдѣнія скудны и собственной мысли никакой, а учителевы изложены складно, даже складнѣе, чѣмъ у него самаго, что должно сказать и о слѣдующемъ разсужденіи.

N 4.

О пользѣ изученія Россійской Исторіи въ связи со Всеобщею.

Во вступленіи авторъ доказываетъ:

„Для достовѣрной исторіи каждаго народа требуются *три главныя* основныя, положительныя *условія*, вокругъ коихъ вращаются всѣ прочія, второстепенныя, отъ нихъ зависящія: α) Государственные акты, β) современныя отечественныя лѣтописи и γ) лѣтописи современныя иностраныя. Изъ сихъ только источниковъ, очищенныхъ въ горнилѣ исторической критики, можетъ быть почерпнута достовѣрная Исторія.“ „Наши государственные акты появляются довольно поздно: древнѣйшая договорная грамота между Смоленскимъ Княземъ Мстиславомъ Давидовичемъ и городомъ Ригою и Готскимъ берегомъ относится къ 1228 году, слѣд. къ началу XIII го столѣтія.“ „И такъ до XIII столѣтія наша Исторія не имѣетъ перваго условія, необходимаго для ея достовѣрности.“ (1)

(1) УЧ. 1835. N IV. с. 20, 23, 25.

Ни одна Исторія, ни древняя, ни новая, не исполняетъ этихъ требованій. Какіе государственные акты мы имѣемъ для Исторіи Вавилонянъ, Персовъ, Македонянъ, Римлянъ, ...? Въ Исторіи Франціи, Англіи, Испаніи, ... являются онѣ чрезъ три, четыре, пять вѣковъ, послѣ основанія Государствъ.

Государственные акты — явленіе позднее: Исторія гораздо древнѣе не только ихъ, но даже вообще всѣхъ письменныхъ памятниковъ.

Современныхъ лѣтописей не имѣетъ ни Римъ, ни Греція, ни Германія, ни Франція, ни Италія. Вездѣ, въ новыхъ Государствахъ, являются онѣ уже съ Христіанствомъ, и даже долго спустя послѣ введенія.

Лѣтописей современныхъ иностранныхъ не представляетъ ни одна Исторія.

Говоримъ все это о первоначальной древности.

Слѣдовательно — еслибъ Русская Исторія представляла подобныя явленія, то въ томъ небылобы ничего необыкновеннаго.

Мы сказали—еслибъ Русская Исторія представляла подобное явленіе, — но она не представляетъ этого явленія: она столько счастлива, что, изображая государство младшее въ семействѣ Европейскихъ народовъ, она можетъ основывать свое описаніе на

Государственныхъ актахъ,

На современныхъ, со втораго вѣка Исторіи, отечественныхъ лѣтописяхъ,

И на лѣтописяхъ современныхъ иностранныхъ.

Т. е. Русская Исторія можетъ удовлетворять даже нелѣпымъ требованіямъ автора.

(Вотъ почему эта школьная школа и производитъ въ знатокѣ особое негодованіе — видѣть сокровища, попираемыя ногами по невѣжеству, не скажу ученому, но полуученому; точно такъ какъ напримѣръ слышать Русскихъ говорящихъ чужимъ языкомъ, — и мало ли сокровищъ всякихъ, кои мы Русскіе, и вообще Славяне, попираемъ ногами)!

1. Государственные акты суть: Договоры Олеговъ, Игоревъ, Святославовъ.

Русская Правда Ярославова.

Церковный уставъ Владимировъ и Ярославовъ.

Уставъ о мостовыхъ Ярославовъ.

Вы говорите, что они подложны. Вамъ доказываютъ ихъ подлинность (1): опровергните эти доказательства, и *потомъ* докажите подлогъ.

2. Отечественныя лѣтописи современныя: Несторъ жилъ въ XI вѣкѣ, и могъ слышать отъ современниковъ и очевидцевъ даже о времени Св. Владимира (2).

Сверхъ того, были древнѣйшія церковныя записки и поминанья (3), кои признаются самою школою.

Съ 12 вѣка начинается рядъ современныхъ лѣтописателей, писавшихъ изъ года въ годъ.

(2) См. выше с. 97 и проч. (3) См. выше с. 92 и проч.

Авторъ спрашиваетъ, на чемъ основываестся, что Несторъ былъ первымъ лѣтописателемъ? и отвѣчаетъ себѣ: „на свидѣтельствѣ Патерика, составленнаго въ 17 столѣтіи, и на свидѣтельствѣ заглавій трехъ списковъ.“ (4).

Нѣтъ, не на свидѣтельствѣ печатнаго Патерика, а на свидѣтельствѣ сочиненій, вошедшихъ въ составъ Патерика, напечатаннаго въ 1661 г., — и въ этихъ сочиненіяхъ лицъ 12 вѣка, одного вѣка съ лѣтописью, лѣтопись приписывается Нестору (5).

Списки сихъ сочиненій есть харатейные — почти изъ 14 вѣка.

Выдумавъ нелѣпость, авторъ самъ же и восклицаетъ: „доказывать подлинность сочиненія 11 вѣка свидѣтельствомъ 16 и 17 вѣка есть дѣло неслыханное въ историческомъ мірѣ!!“ Вольно жъ ему такъ доказывать!

„Доказывать его подлинность и несомнѣнность свидѣтельствомъ заглавій двухъ списковъ, принадлежавшихъ Татищеву и ему одному извѣстныхъ— Татищеву, выпустившему въ свѣтъ мнимую лѣтопись Іоакима — есть дѣло странное, и, осмѣливаемся сказать, даже смѣшное! (6)

Отвѣтъ, вмѣстѣ съ доказательствами важности заглавій, см. выше с. 61.

(4) УЧ. 1833. N 4, с. 28. (5) См. выше, с. 67 и проч. (6) У авт. с. 29.

„Почему Герберштейнъ и другіе путешественники не упоминаютъ объ Несторѣ?“ (7)

Потому что ему попался списокъ лѣтописи безъ имени Нестора, — да и просто не заблагоразсудилъ онъ упомянуть объ имени, которымъ дорожить стала только новая критика. Самъ Миллеръ, живя въ Россіи, и занимаясь Русскими лѣтописями, назвалъ было его, по ошибкѣ, Ѳеодосіемъ.

„И такъ ясно,“ заключаетъ авторъ (8) „никакимъ образомъ нельзя допустить приведеннаго положенія, что имя Нестора, какъ лѣтописца, никогда не исчезало въ Россіи. Простой здравый смыслъ показываетъ, что оно не было ни въ XI, ни XII, ни въ XIII, ни въ XIV, ни въ XV, ни даже въ XVI столѣтіяхъ, а слѣдовательно не могло дойти до XVII ст. и не могло быть извѣстнымъ для составителей Патерика... Словомъ, *Несторъ—лѣтописецъ*, т. е. сочинитель лѣтописи, которую нынѣ ему приписываютъ, есть *соображеніе* XVII вѣка.“

Какъ нарочно, ко всякому столѣтію можно пріискать свидѣтеля.

(7) Авторъ, какъ и другіе его товарищи, прицѣпляются здѣсь (с. 31) къ слову Шлецера: „Несторово имя никогда не исчезало въ Россіи, и было въ общемъ уваженіи.“ Если было въ уваженіи, говоритъ онъ, то какъ же незналъ его Герберштейнъ, и такъ далѣе — дѣтскіе пріемы! (8) У авт. с. 33.

Объ 11мъ говорить нечего, ибо самъ Несторъ писалъ въ концѣ онаго и началѣ 12й (9).

Въ 12мъ жилъ игуменъ Поликарпъ, который умеръ въ 13, и называетъ лѣтопись именно Несторовою.

Къ 14му принадлежалъ Татищевскій списокъ съ именемъ Нестора.

Къ 15му принадлежитъ Хлѣбниковской списокъ съ именемъ Нестора.

Къ 16му принадлежитъ Архивскій списокъ.

Издатели Патерика *несоображали*, а передали извѣстіе, до нихъ отъ вѣковъ дошедшее.

„Но возразятъ намъ," продолжаетъ авторъ, „если Несторъ не былъ въ самомъ дѣлѣ первымъ Русскимъ Лѣтописателемъ; то почему же составители Патерика назвали именно Нестора, а не другаго какого нибудь инока?" (10) И отвѣчаетъ себѣ:

„Быть можетъ, составители Патерика, желая придать нашимъ лѣтописямъ болѣе важности, приписали ихъ Преподобному Нестору, мощи коего почиваютъ въ Кіевскихъ пещерахъ; статься могло, что по той же причинѣ Преподобнаго Нестора назвали и *первымъ Русскимъ* лѣтописцемъ."

Мощей въ Кіевѣ почиваетъ нѣсколько сотъ, и самыя мощи Нестора въ спискахъ называются моща-

(9) См. выше с. 39, 61 и проч. (10) УЧ. 1833. N IV, с. 34.

ми Нестора лѣтописателя, а другой Несторъ тамъ же называется въ противоположность *некнижнымъ*.

Разсужденія автора о Патерикѣ просто смѣшны (11). Онъ приписываетъ его прямо Нестору, и говоритъ: „и что можетъ быть естественнѣе того, что монахъ XI вѣка, желая почтить память преподобнаго мужа, основателя Кіево-Печерскаго монастыря, написалъ его житіе, присоединивъ къ оному житія другихъ Св. Отецъ, въ томъ же монастырѣ подвизавшихся.“

Ясно, что авторъ не видалъ ни однаго рукописнаго Патерика: Несторъ написалъ житіе Св. Θеодосія, но отнюдь не присоединялъ къ нему житій другихъ Св. Отецъ, а упоминалъ объ нихъ, какъ случалось, въ томъ же житіи; объ другихъ же въ лѣтописи; позднѣйшіе составители Патерика извлекли житія изъ обоихъ источниковъ и изъ позднѣйшихъ посланій Симона и Поликарпа, и представили въ настоящемъ видѣ.

„Все, что говоритъ Несторъ въ Патерикѣ, находится повтореннымъ въ приписываемой ему лѣтописи въ томъ же самомъ порядкѣ и въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ, такъ, что стоитъ только сравнить ту и другую книгу, дабы увѣриться, что это одно и то же произведеніе.“

Авторъ не знаетъ, что слова лѣтописи вошли въ составъ Патерика, а не на оборотъ.

(11) с. 56.

Какъ произошло это перенесеніе, мы знаемъ документально, генеалогически, по спискамъ (12). А предположеніе автора совершенно произвольно, и противорѣчитъ всѣмъ спискамъ.

„Позднѣйшій сочинитель лѣтописи внесъ изъ Патерика извѣстія въ свою лѣтопись,“ (но почему же не всѣ?) „а составители Патерика“ (что же они составили, если Патерикъ принадлежитъ Нестору? Выходитъ, что они только присоединили сочиненія Симона и Поликарпа!), „видя сходство въ двухъ сочиненіяхъ, заключили, что лѣтопись также принадлежитъ Нестору, какъ и принадлежитъ ему Патерикъ.“

Послѣ такого-то произвольнаго предложенія авторъ и восклицаетъ торжественно: „такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, Пр. Несторъ провозглашенъ сочинителемъ лѣтописи!“ (13).

Въ примѣчаніи, авторъ спрашиваетъ: „для чего было привозить Грекамъ въ наше отечество, въ первые 60 и 70 лѣтъ своихъ сношеній, хронографы, по коимъ большею частію написаны наши лѣтописи“ (14).

Сношенія были не 60 лѣтъ, а съ начала Христіанства, т. е. слишкомъ 260 лѣтъ (15); пріѣзжали не одни Греки, но особенно Болгаре; лѣтописи ихъ, напр. дополненный Георгій Амартолъ, до

(12) См. изслѣдованіе Кубарева въ ЖМНП. 1838 г. и РИС. ч. IV. (13) с. 38. (14) с. 39. (15) См. выше, с. 96 и проч.

сихъ поръ цѣлы; онѣ продолжались только до 986 года, ибо послѣ нѣтъ Греческихъ и Болгарскихъ произшествій въ древней нашей лѣтописи; слѣдовательно онѣ были привезены первоначально въ 10 столѣтіи.

Послѣ этихъ неосновательныхъ разсужденій, авторъ заключаетъ: „Такимъ образомъ исторически показавъ (!!!), вопреки общему доселѣ господствовавшему мнѣнію, что Несторъ никогда не писалъ лѣтописи, ему присвоиваемой.... слѣдуетъ теперь опредѣлить... къ какому же времени принадлежитъ лѣтопись?.... Какимъ же путемъ достигнемъ мы до желанной цѣли? Путемъ критическаго изслѣдованія нашихъ лѣтописей, путемъ, по которому еще доселѣ, кажется, никто не проходилъ. (16)

Какова дерзость — Шлецеръ, Карамзинъ, Кругъ и прочіе, не проходили путемъ критическаго изслѣдованія нашихъ лѣтописей!

И тутъ же спохватясь авторъ, говоритъ въ *примѣчаніи* (17): „Конечно объясняя текстъ лѣтописей, Шлецеръ долженъ былъ иногда прибѣгать къ высшей исторической критикѣ; но главною цѣлію его Нестора было, кажется, очищеніе, возстановленіе текста — дѣло низшей исторической критики. Впрочемъ Шлецеръ былъ, такъ сказать, столь *влюбленъ* въ наши лѣтописи, былъ столь ослѣпленъ ими, что и съ свѣтильникомъ высшей критики блуждалъ во тьмѣ лабиринта передѣланныхъ на Русской ладъ иностранныхъ происшествій“!

(16) УЧ. 1833, N 4, с. 39 –41. (17) с. 42.

Весь комментарій Шлецеровъ состоитъ большею частію изъ изслѣдованій высшей критики, а очищеніе текста составляетъ часть самую незначительную.

Посмотримъ теперь новый путь (.!)

„Возмемъ доказательство отъ нелѣпаго, т. е. допустимъ, что однообразное начало нашихъ лѣтописей (до 1110 года) писано дѣйствительно преподобнымъ Несторомъ, жившимъ въ концѣ XI и началѣ XII столѣтія.“

Не много въ этомъ пути новаго: авторъ хочетъ доказать, когда сочинена первая лѣтопись, и для этого принимается доказывать, что она не сочинена въ 12 вѣкѣ. Это все таки есть опроверженіе, какое бы ни было, чужаго мнѣнія, а отнюдь не доказательство своего.

Разберемъ и его: „Откуда заимствовалъ Несторъ всѣ произшествія IX, X и половины XI столѣтія? Не многія изустныя преданія могли дойти до него черезъ сотни лѣтъ.“ (18)

Могли — смотри выше с. 97.

„Домашнихъ источниковъ на письмѣ также не могло быть.“

Могло — см. с. 93, 94, 105.

Въ возраженіяхъ на мое изслѣдованіе о Несторѣ самъ этотъ авторъ говоритъ: „такія записки допускалъ и Карамзинъ,—да нельзя и не допустить ихъ,

(18) с. 43.

потому что, какимъ образомъ могъ бы знать лѣтописецъ, положимъ XI вѣка, годы рожденія и смерти Великихъ Князей X вѣка? Какимъ образомъ могъ бы онъ означать время солнечныхъ и лунныхъ затмѣній и другихъ небесныхъ явленій, если бы не имѣлъ подъ руками краткихъ монастырскихъ записокъ? Онѣ велись о дѣлахъ монастырскихъ, о важнѣйшихъ происшествіяхъ, касавшихся до города, гдѣ находился монастырь, о нашествіяхъ непріятеля на оный, о пришествіи въ обитель странствующихъ, о смерти благочестивыхъ иноковъ, о любопытныхъ случаяхъ ихъ жизни, о чрезвычайныхъ явленіяхъ на небѣ, (19) и т. д." — Чего же вамъ болѣе — вотъ и Несторъ почти весь!

Выше на с. 97 и проч. предложено указаніе, откуда Несторъ могъ заимствовать всѣ свои извѣстія.

Сочинивъ свою невозможность, авторъ прямо утверждаетъ, что всѣ находящіяся въ лѣтописи происшествія до половины XI столѣтія α) или совершенно выдуманы лѣтописателемъ; или β) будучи заимствованы изъ иностранныхъ временниковъ, выданы за происшествія, въ Россіи случившіяся, или наконецъ γ) дѣйствительно случившіяся въ Россіи, въ точности почерпнуты изъ иностранныхъ временниковъ. (20)

Послѣ этого онъ начинаетъ разбирать, и что же показываетъ? Только старыя мѣста,

(19) СО. 1834, ч. 46, с. 463. (20) УЧ. 1833. N 4, с. 44.

заимствованныя изъ Греческихъ лѣтописей, по указаніямъ Шлецера, Строева (П. М.) и проч. (21).

Кромѣ Греческихъ источниковъ авторъ представляетъ выписки изъ Адама и Гельмольда, которые исчисляютъ также страны и рѣки: „какъ будто бы нашъ лѣтописецъ имѣлъ передъ глазами какого нибудь Гельмольда, или Адама Бременскаго, бралъ ихъ за образецъ, и по примѣру ихъ сталъ исчислять рѣки своего отечества, народы, въ сосѣдствѣ живущіе, между коими однако же упоминаетъ и объ Агнянахъ, Римлянахъ, Фрягахъ. (22)

Это обычай не только Западныхъ, но и Восточныхъ, и Сѣверныхъ, и Южныхъ лѣтописателей. У Арабовъ не находите ли вы подобныхъ исчисленій — что же, они заимствовали у Адама, или Адамъ у нихъ!

„Не одно сходство начала лѣтописей, какъ нашихъ, такъ и западныхъ, заставляетъ подозрѣвать, что Русскій лѣтописецъ имѣлъ передъ собою особую какую нибудь западную хронику; самыя названія нѣкоторыхъ народовъ въ нашихъ временникахъ служатъ лучшимъ доказательствомъ нашего мнѣнія; такъ напримѣръ слѣдующія: *Корсь* — у Адама Бременскаго и въ житіи Св. Ансгарія называется Chori; *Кортландіею* въ одной Исландской сказкѣ называется Курляндія. Откуда же было взять лѣтописцу сіе названіе, когда народъ, называемый имъ Корсь, самъ себя такимъ образомъ никогда не называлъ?

(21) N 5, с. 221. (22) с. 225.

Далѣе: *Свеи*—у Адама Бременскаго называются Svevi, у Гельмольда Sveones; *Пруси*—въ Латинскихъ лѣтописяхъ называются Pruzzi, Pruci. *Галичане* — такъ назывались у Сѣверныхъ народовъ Испанцы, отъ одной изъ провинцій Испаніи — Галиціи; *Нѣмцы*: Славяне Балтійскіе называли Нѣмцами — Nemetzi, Nemtzi — жителей Германіи. Изъ сего мы видимъ, что Русскій лѣтописецъ почерпалъ свои свѣдѣнія не изъ однихъ Византійцевъ, но и изъ лѣтописей западныхъ (23).“

Нѣтъ, не изъ лѣтописей западныхъ почерпалъ онъ эти свѣдѣнія, а изъ употребленія, — отъ Варяговъ, которымъ знакомы были всѣ Сѣверныя племена, — отъ Новогородцевъ, которые съ ними были въ сношеніи. Откуда Іорнандъ зналъ нашу Мерю или Адамъ Мордву, Константинъ Кривичей, и проч.? Объ этомъ было говорено уже выше.

Предпославъ небылицу, авторъ заключаетъ: „Но могли ли къ намъ зайти таковыя лѣтописи во времена Нестора, т. е. въ концѣ XI столѣтія? Разумѣется, нѣтъ. Да если бы онѣ и были занесены къ намъ въ то время (какимъ либо чудомъ); и тогда — кто бы могъ понимать ихъ? Ни монахи-Греки, ни монахи-Руссы. И такъ не показываетъ ли самый здравый смыслъ, что лѣтопись наша не могла быть писана въ концѣ XI столѣтія.“

Здравый смыслъ показываетъ, что въ 14 столѣтіи, когда, по мнѣнію автора, переведены Западныя

(23) с. 229, 230.

лѣтописи, не могли попасться въ Новгородъ Греческія съ извѣстіями только по 943 годъ (24), которыя однакожъ вошли въ составъ нашихъ, непредположительно, какъ Западныя, а очевидно. Здравый смыслъ показываетъ, что Западныя, Латинскія, лѣтописи понимать въ 14 столѣтіи также и переводить было почти не кому, какъ и въ 11. Здравый смыслъ показываетъ, что лѣтопись наша сочинена въ Кіевѣ, а въ 14 вѣкѣ Кіевъ былъ подъ пепломъ, и сочинять было тамъ не кому. Здравый смыслъ показываетъ, что Новогородскій поддѣлыватель приурочилъ бы извѣстія къ Новугороду, а не къ Кіеву, который играетъ первую роль въ лѣтописи; — но довольно объ этихъ нелѣпостяхъ, въ коихъ не знаешь, чему болѣе удивляться — дерзости или невѣжеству.

Кстати только о послѣднемъ. Авторъ, самодовольный, спрашиваетъ: „начавъ доказательства наши ab absurdo, т. е. попустивъ, что Несторъ писалъ приписываемую ему лѣтопись въ концѣ XI столѣтія, осмѣливаемся спросить: откуда могъ почерпнуть Несторъ столь подробныя топографическія свѣдѣнія о Славянахъ, разселившихся по нынѣшней Россіи? Намъ извѣстно изъ нашихъ же лѣтописей, что названія всѣхъ сихъ племенъ гораздо до него изчезаютъ.“ (25)

Всѣ эти племена не только не исчезаютъ гораздо до Нестора, но ведутся очень долго послѣ него.

(24) См. еще выше с. 168. (25) с. 231.

„Древляне въ послѣдній разъ являются при Владимирѣ, подъ 988 г.“ пишетъ авторъ, и печатаетъ Каченовскій.

А въ лѣтописяхъ читается: пакиже Ольговичи почаша воевати (1136 г.) до *Деревъ*.

Имя Дреговичей исчезаетъ еще въ 9 столѣтіи, говоритъ авторъ.

А въ лѣтописяхъ читается: Изяславъ взялъ (1149) Клецескъ и всѣ *Дрегвичи*.

Радимичи исчезаютъ въ концѣ 10 столѣтія, говоритъ авторт.

А въ лѣтописяхъ читается: Владимиръ Мстиславичь воротися на *Радимичи*.

Въ княженіе Владимира пропадаютъ и Вятичи, говоритъ авторъ.

Читайте войну Изяслава Мстиславича съ Святополкомъ Ольговичемъ, и вы найдете на всякой страницѣ *Вятичей*. (26)

Ясно ли, что ни Каченовскій, ни ученики его, не читали дальше первыхъ страницъ лѣтописи, о косѣй брались судить по одной теоріи?

И обнаруживъ такимъ образомъ свое юное невѣдѣніе, авторъ восклицаетъ:

„Изъ сего хронологическаго обозрѣнія Славянскихъ племенъ, поселившихся въ нынѣшней Россіи, мы видимъ, основываясь на самыхъ словахъ лѣтописца (!!!), что всѣ онѣ держатся не далѣе первой половины X столѣтія (!?!). Теперь спрашивается: от-

(26) См. выше, с. 49.

куда могъ знать Несторъ, писавшій въ концѣ XI столѣтія, столь подробное топографическое расположеніе Славянъ въ IX вѣкѣ?" Византійцы о семъ молчатъ; предполагать же, что Несторъ слышалъ это отъ какого нибудь столѣтняго Яна — нелѣпо, а еще нелѣпѣе думать, что кто либо до Нестора могъ у Руссовъ составить подобное описаніе. И такъ, остается одно средство: обратиться къ Западнымъ лѣтописцамъ, оставившимъ свѣдѣнія о Балтійскихъ Славянахъ. Не найдемъ ли тамъ уже намъ знакомыхъ по нашимъ лѣтописямъ племенъ Славянскихъ, которыя при семъ случаѣ вводятъ насъ въ недоумѣніе" (27).

Читатели видѣли, что обращаться къ западнымъ лѣтописямъ нѣтъ никакой нужды, потому что всѣ имена племенъ держались у насъ гораздо послѣ Нестора.

У Западныхъ Славянъ авторъ находитъ нѣсколько одинакихъ именъ съ нашими, и утверждаетъ, что нашъ лѣтописатель перевелъ ихъ оттуда, „а какъ подобная лѣтопись не могла зайти къ намъ въ концѣ XI столѣтія, то и должно заключить, что наша лѣтопись составлена позднѣе." (28).

Читайте Шафарика, и вы увидите, что по всей Европѣ разсыпаны одинакія имена Славянскихъ племенъ: однѣ и тѣ же имена есть въ Россіи, на берегахъ Балтійскаго моря, въ Помераніи, Польшѣ, въ Сербіи, Македоніи, — имена, употребительныя

(27) с. 234. (28) с. 240.

между племенами, и заключать, что лѣтописатель списывалъ ихъ одинъ у другаго, есть верхъ этнографичсекаго невѣжества.

Къ мѣсту изъ Нестора объ изгнаніи Варяговъ и рѣшеніи призвать Князей, въ четырехъ строкахъ, авторъ приводитъ для параллели совершенно непохожее въ двѣ страницы, изъ Гельмольда! (29) Возмите любое описаніе сраженія, откуда хотите, и вы съ одинакимъ правомъ можете доказать его заимствованіе.

При Несторовомъ повѣствованіи о началѣ Русскаго Государства авторъ удивляется, „какимъ образомъ четыре полудикіе, разноплеменные и разноязычные народа, живущіе на довольно большомъ разстояніи одинъ отъ другаго, могли согласиться о призваніи чужеземцовъ для прекращенія внутреннихъ раздоровъ?“ (30)

Отвѣтъ смотри томъ III, с 29 и проч.

„Какимъ образомъ сіи послѣдніе, будучи за нѣсколько времени до того изгнаны, могли добровольно снова придти къ намъ?

Отвѣтъ сморти томъ III, с. 26.

„Какимъ образомъ у вышеописанныхъ самимъ же лѣтописцемъ грубыхъ, дикихъ, живущихъ по скотски Славянскихъ племенъ, вдругъ послѣ междуусобій являются города: Новгородъ, Изборскъ, Полоцкъ, Ростовъ, Муромъ?“

(29) с. 480. (30) У авт. N VI, с. 434.

Города засвидѣтельствованы Константиномъ Багрянороднымъ, Арабами, Дитмаромъ, и проч., а племена жили не всѣ одинаково.

„Лѣтописецъ нашъ самъ видитъ въ семъ названіи (Варяги-Русь) что-то непонятное, а по сему и спѣшитъ изъяснить, что сей новоизобрѣтенный имъ народъ называется Варяго-Руссами, точно также какъ другіе народы Свеями, Урманами и Готами. Почему онъ не сдѣлалъ подобнаго объясненія, когда говорилъ объ однихъ Варягахъ?" (31).

Не нужно было тогда подобнаго объясненія, ибо говорено было о Варягахъ вообще, а онъ хочетъ объяснить теперь частное названіе: какъ эти Варяги назывались Русью.

Авторъ называетъ извѣстіе о трехъ братьяхъ—Рюрикѣ, Синеусѣ и Труворѣ, сказкою, потому что есть сказки о Чехѣ, Лехѣ и Русѣ, Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ (32).

Развѣ доказано, чтобъ все это были сказки? Но еслибъ и было, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ никакіе три брата не могли являться въ Исторіи.

„Мы не говоримъ, чтобъ наша сказка о Рюрикѣ, Синеусѣ и Труворѣ, сѣвшихъ въ Новѣгородѣ, на Бѣлѣозерѣ и въ Изборскѣ, около 862 года, была именно Ирландская о трехъ братьяхъ Амелаусѣ, Ситаракусѣ и Иворусѣ (Олавъ, Сигтригъ, Ивфаръ,

(31) с. 441. (32) с. 442.

замѣчаетъ Шлецеръ въ своемъ Несторѣ, (I, с. 349), построившихъ себѣ города: Дублинію, Гватерфордію и Лимирико около 853 года, но смѣло утверждаемъ, что наша сказка зашла къ намъ съ запада.“ (33)

Но почему же вы такъ утверждаете? Это чистой произволъ!

Утвердивъ произвольно то, чего никогда не бывало доказано, авторъ опять выводитъ слѣдствіе по прежнему методу: „Моглали она зайти къ намъ въ какой нибудь западной лѣтописи прежде XI столѣтія? Никакимъ образомъ. И такъ остается вывести снова слѣдствіе, что наши лѣтописи писаны позже XI столѣтія.“

„Слово Изборскъ есть испорченное Иссабургъ, т. е. городъ построенный на рѣкѣ Иссѣ. Откуда могло явиться у полудикихъ Славянъ въ половинѣ IX столѣтія Нѣмецкое названіе города? Явное доказательство о несуществованіи Изборска въ IX стол., равно и другихъ вышеупомянутыхъ городовъ.“ (34).

Но ктоже сказалъ вамъ, что Исборскъ есть Иссаборгъ? Борскъ есть чистое Славянское окончаніе, которое встрѣчается часто. Прочтите Ходаковскаго. А въ добавокъ рѣки Иссы никогда тутъ не бывало! (35). Опять тотъ же методъ: авторъ сочинилъ, что Изборскъ есть Иссабургъ, и говоритъ, что бурги въ 9 вѣкѣ у Словянъ быть не могли,

(33) с. 444. (34) с. 443.
(35) См. Ходаковскаго РИС. ч. I, с. 46.

слѣд. лѣтопись предлагаетъ явную ложь. Повторяю—незнаешь, чему удивляться болѣе: невѣжеству или дерзости.

Начинается Русская Исторія, —и авторъ обращается къ Греческимъ лѣтописямъ, кои необходимы ему также, какъ и западныя, для объясненія, кто былъ этотъ великій ученый 14 вѣка, (имъ созданный), знавшій по Латыни и по Гречески, и переложившій извѣстія со всѣхъ языковъ на Русскіе нравы.

Скудость извѣстій о Рюрикѣ (36) въ лѣтописи доказываетъ ея достовѣрность, а не баснословность.

Отвѣты на разсужденія автора (37) о Руссахъ 866 года, одинакія съ прежними, смотри: томъ II, с. 253 и проч.

О походахъ Олега (38) томъ III, с. 131, 132, 135, 191.

Несторъ говоритъ объ одномъ походѣ Игоря, съ судами, разбитыми бурею и Греческимъ огнемъ, и о другомъ, конченномъ безъ войны данію. Авторъ (чему нельзу бы повѣрить, еслибъ это не было напечатано) выдумываетъ самъ четвертый походъ, возпользуясь умышленно ошибкою однаго маловажнаго списка, который говоритъ, что Олегъ ходилъ съ Игоремъ въ 922 г, то есть чрезъ десять лѣтъ послѣ своей смерти и обвиняетъ за то лѣтопись!

Разсказавъ извѣстія о сихъ четырехъ походахъ, онъ прямо выводитъ заключеніе, что всѣ четыре экспедиціи составлены изъ *одного* несчаст-

(36) с. 447. (37) с. 445. (38) с. 449.

наго похода Игорева, похода, о которомъ свидѣтельствуютъ подъ 941 годомъ Византійскіе лѣтописатели: Левъ, Симеонъ, Георгій, Кедринъ и Зонара.

Но почему же 4=1?

Разсуждая о договорахъ, авторъ удивляется „по какому чуду неоднократно встрѣчаемъ слово гривна у лѣтописца Нестора, умершаго около 1110 года, слово, появляющееся въ первый разъ въ польскихъ документахъ 1125 года." (39)

Если у Поляковъ является оно въ 1125 году, то почему же у насъ не смѣетъ оно явиться прежде? Всѣ наши документы древнѣе Польскихъ. У самыхъ Поляковъ оно сочинено развѣ въ 1125 году? И почему же онъ не думаетъ, что оно тамъ выдумано?

„Или Несторъ не писалъ присвояемой ему лѣтописи, или числительный вѣсъ гривна въ его время существовалъ у насъ. Но послѣднее положеніе опровергается несомнѣнными, дѣйствительными, подлинными государственными актами. Первый подлинный нашъ актъ, въ коемъ является слово гривна, есть договоръ Смоленскаго Князя Мстислава Давидовича съ городомъ Ригою и Готскимъ берегомъ, въ 1229 году, слѣд. въ началѣ XIII стол. И такъ необходимо допустить, что Несторъ не писалъ присвоиваемой ему лѣтописи, и что лѣтопись сія относится къ позднѣйшему времени, нежели къ XI столѣтію" (40). Каково раз-

(39) с. 457. (40) с. 458. (41) с. 465.

сужденіе! Гривна есть въ договорѣ 1228 года, слѣд. она немогла быть прежде; а она есть у Нестора, слѣд. не Несторъ писалъ лѣтопись!!

Но гривна, упомянутая 1229 г., развѣ была первою, вновь сочиненною гривною! Если она была въ 1229, то почему же отвергать ея прежнее существованіе?

О прочихъ обстоятельствахъ, приводящихъ въ сомнѣніе автора: печатяхъ посланниковъ, смотри постановленія Византійскія, выше с. 133.

О гостяхъ см. у Константина, см. томъ III, с. 261.

О городахъ, даже въ смыслѣ civitates, см. у Константина, выше с. 5.

О явкахъ правительству, см. свидѣтельство Византійцевъ выше, с. 133.

О торговлѣ, см. томъ III, с. 246, а авторъ думаетъ, что она явилась только съ Ганзейцами. Откуда же Арабскія монеты 9, 10 и 11 вѣка?

Мытари и мытницы встрѣчаются въ Евангеліи, а нашъ авторъ, приведенный въ соблазнъ нѣмецкимъ словомъ maut, которое встрѣчается въ договорахъ XIII вѣка съ Нѣмцами, спрашиваетъ: „какимъ же образомъ неоднократно находимъ мы мыто въ договорахъ X вѣка и въ лѣтописи, писанной въ XI вѣкѣ“ (41). Каково знаніе!

Авторъ сравниваетъ статьи договора Олегова съ статьями Мстиславова, и заключаетъ: „недо-

вольно ли сихъ сравнительныхъ выписокъ, дабы видѣть, что договоръ Олега составленъ по образцу позднѣйшихъ грамотъ, и что лѣтопись наша писана въ концѣ XIII или началѣ XIV столѣтія?“ (42)

Это сходство въ нѣкоторыхъ статьяхъ показываетъ только, что были общія правила, которыя велись искони, и точно такъ встрѣчалися прежде, какъ встрѣчались и послѣ.

Мстиславовъ договоръ представляетъ подобіе съ Ганзейскимъ взаимными договорами — по этому и онъ выдуманъ?

Объ отношеніи договоровъ нашихъ къ Ганзейскимъ см. выше с. 149 и проч., гдѣ читатель найдетъ отвѣтъ на всѣ недоумѣнія автора.

Авторъ осмѣлился даже назвать Олеговъ и Игоревъ договоръ однимъ и тѣмъ же, хотя они по содержанію своему совершенно различны (43).

Заключимъ разборъ этого разсужденія указаніемъ безпримѣрной литературной безсовѣстности, въ подтвержденіе перваго нашего положенія, что всѣ разсужденія этой школы были случайныя, и отнюдь не имѣли никакаго значенія въ наукѣ: никто не заботился о томъ, что онъ писалъ; лишь бы съ рукъ сошло.

Игорь, какъ извѣстно, родился незадолго до смерти Рюрика, т. е. предъ 879 годомъ, ибо во всѣхъ древнихъ спискахъ сказано: умершю Рюрикови предастъ свое княженье Ольгови вдавъ ему сынъ

(42) с. 470. (43) См. выше с. 127.

свои на руцѣ Игоря; бысть бо дѣтескъ вельми (44). Чрезъ два года еще Игоря вынесли на рукахъ, чтобъ показать Аскольду и Диру, а авторъ беретъ очевидную ошибку Никоновскаго новаго списка, будто онъ родился въ 865 году, и разсуждаетъ: по Никоновскому списку Игорь родился въ 865 г., а лѣтопись говоритъ, что Олегъ въ 883 году выносилъ его подъ Кіевымъ, слѣд. послѣднее извѣстіе ложно. А надо разсуждать на оборотъ: подъ Кіевомъ Игоря выносили на рукахъ, слѣд. извѣстіе Никоновского списка ложно.

Игорь по автору началъ княжить на 49 году и умеръ 81 года, — все это доказательства недостовѣрности лѣтописей!! (45).

Съ этою цѣлію, выставляя разнорѣчія, уничтожаемыя сравненіемъ, притомъ разнорѣчія незначительныхъ списковъ, онъ силится привесть цмя въ подозрѣніе извѣстія главнихъ древнихъ списковъ.

Замѣчаю въ предосторожность молодымъ людямъ, что наука гнушается такими продѣлками, и что ими ни себя, ни ее, подвинуть нельзя.

Въ послѣдней части авторъ предлагаетъ совѣты, какъ обработывать Русскую Исторію, въ коихъ кромѣ общихъ мѣстъ, разобранныхъ нами выше, ничего нѣтъ.

Если бъ вся эта школа не прешла, предложили бы и мы ей совѣты, съ большею надеждою на успѣхъ:

(44) НЛ. с. 14. (45) У Авт. с. 473.

Вы говорите, что лѣтописи сочинены въ 14 вѣкѣ. Доказывайте же это мнѣніе положительными доказательствами, какъ будто бъ другаго мнѣнія, т. е. нашего, и небыло. Вы увидите тотчасъ, что вамъ сказать нечего, что нѣтъ года, съ котораго бы вамъ начать было можно свою Исторію! Въ 14 вѣкѣ вы встрѣтитесь тотчасъ съ Москвою — и должны будете назвать Кіевъ, Черниговъ, Переяславль, Новгородъ, подложными. Въ 13 вѣкѣ вы встрѣтитесь тотчасъ съ Монголами и сотнею Князей, и должны будете предположить ихъ отцевъ въ 12 вѣкѣ, т. е. дойдете до Нестора.

Вы собираете слова и дѣла, кои, по вашему мнѣнію, не могли быть записаны въ XI вѣкѣ; но во сто разъ больше можно найти показаній въ лѣтописи, кои не могли быть записаны въ 14 вѣкѣ, смотри, напримѣръ, выше, с. 53. На это вся школа не обратила вниманія. Слѣд. всѣ возраженія отъ противнаго рѣшительно не значатъ ничего.

N 5.

О времени и причинахъ вѣроятнаго переселенія Славянъ на берега Волхова.

И это разсужденіе, какъ четыре предыдущія и восемь послѣдующихъ, начинается жалобами на недостатокъ критики въ древней нашей Исторіи: „Причинъ, замедлявшихъ успѣхи исторической критики въ нашемъ отечествѣ, много: вопервыхъ мы слишкомъ и безотчетно довѣрчивы къ древности

и справедливости домашнихъ источниковъ Исторіи; во вторыхъ, мы небрежно сличали ихъ съ извѣстіями внѣшними; втретьихъ, мы не изучили критически и во всей подробности Исторіи Славянъ вообще; въ четвертыхъ мы мало соображали исторію отечественную со всеобщею; наконецъ мы не обработали почти ни одной изъ вспомогательныхъ наукъ Исторіи" (1).

Читатели видятъ здѣсь опять тѣже мысли, только въ другихъ оборотахъ. N 3 сказалъ ихъ въ заключеніе, какъ наставленія, извлеченныя изъ разысканій, для успѣшнѣйшихъ занятій впредь Россійской Исторіей (2). А этотъ, N 5, сказываетъ ихъ въ началѣ, какъ причины, мѣшавшія до сихъ поръ успѣху! Въ другихъ нумерахъ онѣ являтся какъ предметъ разсужденія, и проч. — Въ N 1, у самаго учителя, онѣ были предложены въ видѣ вопросовъ (3)!

И такія-то упражненія названы у насъ *школою!* Правда — можно назвать ихъ школою, но въ первоначальномъ смыслѣ.

Приступаемъ къ разбору,—но что разбирать? Встрѣчаемъ однѣ прежнія восклицанія, и никакихъ доказательствъ: „Почти ясно можно доказать, что временники наши принадлежатъ вѣку позднѣйшему. Дипломатическихъ доказательствъ употребить здѣсь нельзя; ибо, кромѣ того, что мы не имѣемъ

(1) УЧ. 1833. N 9, с. 417. (2) См. выше с. 357.
(3) См. выше с. 335.

Дипломатики (!!), древнѣйшій изъ дошедшихъ до насъ списковъ нестарѣе 14 столѣтія, и слѣдовательно тремя почти вѣками моложе подлинника. Но существовалъ ли сей подлинникъ въ 11 вѣкѣ... (4).

Прервемъ выписку, и приведемъ причины, побуждающія автора разсуждать такимъ образомъ:

„Въ лѣтописяхъ находятся многія слова, даже цѣлыя статьи, принадлежащія позднѣйшему времени"

Какія же это слова?

„Вира, гость, гривна, щлягъ, куна" (5).

Тѣже самыя, какія приводилъ и N 3 (6).

Ясно ли видятъ читатели, что эта школа есть собраніе классныхъ упражненій?

Какія статьи?

Договоры, (7) о которыхъ предложено было разсужденіе выше, см. с. 115 и проч.

Доказавъ такимъ образомъ, по примѣру предыдущихъ нумеровъ, недостаточность и подозрительность нашей лѣтописи, авторъ говоритъ, приступая къ предмету своего разсужденія:

„Вотъ на какомъ шаткомъ основаніи утверждено мнѣніе, что жители Новагорода, вмѣстѣ съ другими племенами Славянскими, притѣсненные на берегахъ Дуная Волохами, переселились чрезъ ны-

(4) У авт. УЧ. N 9, с. 422. (5) с. 425. (6) с. 427. прим. 19. (7) с. 426.

нѣшнюю Россію къ берегамъ Волхова (8). Но еслибы древность нашихъ лѣтописей и не подлежала никакому сомнѣнію; то ужели по одномъ этому должны мы безотчетно принимать извѣстіе о событіи, истинѣ коего сильно противорѣчатъ и соображеніе мѣстности, и соображеніе позднѣйшихъ событій, уже очевидно историческихъ" (9).

Точно — въ происшествіи, задолго до него бывшемъ, въ происшествіи, о коемъ онъ немогъ слышать отъ современниковъ или ихъ отцевъ, — нельзя ему вѣрить безусловно. Извѣстіе о прибытіи Славянъ въ наши края должно быть подвергнуто строгой критикѣ, какъ преданіе взятое Несторомъ изъ пѣсенъ, или изъ какой нибудь лѣтописи.

Посмотримъ, какъ же разбираетъ его авторъ.

Онъ удивляется, какъ Славяне могли зайти такъ далеко на Сѣверъ съ Юга?"

Но Финны, Скандинавы, зашли еще дальше! Какъ? Пока это есть тайна исторіи.

„Не ужели полудикіе (!?) обитатели береговъ Дунайскихъ могли имѣть какіе нибудь политическіе и торговые виды?" (10)

Кто говоритъ вамъ объ этихъ видахъ, которые могли открыться уже на мѣстѣ!

За симъ авторъ разсуждаетъ объ обществѣ, которое „въ половинѣ 9 столѣтія, а можетъ быть

(8) Н.Л. с. 3. (9) У Авт. с. 427. (10) с. 428.

и ранѣе, составилось изъ смѣшенія (!) обитавшихъ на Днѣпрѣ Славянъ, и пришедшихъ съ береговъ Чернаго моря (!?) Руссовъ, въ южной части нынѣшней Россіи.“ (11)

Въ какихъ же лѣтописяхъ вы начитали это? По какимъ же причинамъ вы это принимаете? Объ этомъ ни слова.

„Въ то же время, (!) или нѣсколько послѣ (!), на Сѣверѣ Россіи образовались другія общества, изъ коихъ главнѣйшія были: область Новогородская и Княжество Полоцкое, основанное какъ вѣроятно Норманнами.“ (12)

Каково Вавилонское столпотвореніе: въ Новѣгородѣ Вагиры-Славяне, въ Полоцкѣ Норманны, въ Кіевѣ Руссы Черноморскіе, или, какъ еще яснѣе называетъ ихъ N 9, Турки!

„Каково было начало республики Новогородской, объ этомъ мы можемъ только догадываться; знаемъ однакожъ, что оно не могло быть таковымъ, какимъ представляется въ нашихъ лѣтописяхъ.“

Почему же?

„Краткость (первыхъ извѣстій о Новѣгородѣ) не доказываетъ ли, что для лѣтописца нужна была только система, нужно было только начать съ Сѣвера.“ (13)

Для чего же нужно? Краткость, напротивъ, ручается всегда за достовѣрность.

(11) с. 429. (12) Тамъ же. (13) с. 430. Срав. ниже N 9, с. 404.

Чтобъ связать свое начало съ извѣстіемъ Византійцевъ о нападеніи Руссовъ на Царьградъ, онъ вымыслилъ Аскольда и Дира, будто бы пришедшихъ съ Рюрикомъ." (14)

А Аскольдъ и Диръ найдены въ Болгарскихъ переводахъ и дополненіяхъ Георгія Амартола!

Авторъ исчисляетъ извѣстія о Новѣгородѣ, извѣстія совершенно достовѣрныя, кои взаимно подтверждаются, извѣстія, кои согласны съ послѣдующею Исторіей, напр. о дани Олега, объ испрошеніи Владимира, о замыслѣ Ярослава, о умерщвленіи Новогородцевъ, и порѣшаетъ разомъ: „всѣ сіи извѣстія.... очевидно баснословныя."

Почему же? Отсылаемъ его къ нашему III тому, гдѣ всѣ эти происшествія разобраны обстоятельно.

„Соображая внимательно (?!) событія сихъ временъ, мы еще болѣе убѣждаемся въ той мысли, что Сѣверъ и Югъ первоначально образовались и развивались совершенно инымъ образомъ, нежели какъ повѣствуется въ нашихъ лѣтописяхъ."

Опять почему же?

„Что общества, возникшія на берегахъ Днѣпра и Волхова, не могли имѣть одного начала, это открывается при первомъ взглядѣ на внутреннюю организацію и внѣшнія отношенія оныхъ." (15)

Допускаю различіе въ особыхъ обстоятельствахъ (16) — что же далѣе?

„Южное общество образовалось изъ смѣшенія двухъ воинственныхъ и полудикихъ народовъ."

(14) У Авт. с. 430 (15) с. 432. (16) См. ниже томъ III, с. 413.

Совершенной вздоръ! Поляне—племя самое тихое, а Черноморскіе Турко-Руссы зародились только въ головѣ вашей школы, да тамъ и скончались.

„Оно составилось вслѣдствіе опасности.“

Нельзя читать безъ смѣху—какой опасности? Можно ли *выдумывать* такія вещи.“

„которою угрожало близкое Косѣдство подобныхъ же варваровъ.“

Козары—невоинственное племя; Печенѣги явились поздно, а Половцы уже въ 11 столѣтіи.

„Связью сему обществу служилъ мечь; жизнь его обнаруживалась войною, набѣгами“ и проч.

Авторъ разумѣетъ здѣсь, кажется, Олега, Святослава; но если они были Черноморцы, Турки, то кто же былъ Вагирами?

Какъ хохочетъ теперь, я думаю, самъ авторъ, читая эти нелѣпицы, кои разбирать мнѣ пришлось. Все это можно сказать о Сѣверѣ, гдѣ опасность отъ Норманновъ заставляла соединяться, а онъ говоритъ:

„Совсѣмъ противное зрѣлище представляетъ взору наблюдателя Сѣверъ, гдѣ съ 12 столѣтія является исторически разцвѣтающая республика—Новгородъ. Что былъ поводомъ къ составленію сей республики? Достовѣрно незнаемъ.“

Удивительное смѣшеніе понятій! о Сѣверѣ есть положительное извѣстіе лѣтописи— авторъ не вѣритъ ему; о Югѣ нетолько нѣтъ извѣстія, но есть множество противорѣчій — онъ вѣритъ мечтѣ.

Каченовскій съ своими студентами находит-ся принужденнымъ отдѣлять совершенно Сѣверъ отъ Юга, а ихъ отдѣлять никакъ нельзя. Кіев-скіе Князья находились въ безпрерывной связи съ Варягами: если бы они были Турки, какъ могли бы они безпрестанно получать помощь изъ глубины Скандинавіи, и ѣздить туда при всякомъ нужномъ случаѣ?

Связь Новгорода съ Кіевомъ авторъ принимаетъ только съ 12 столѣтія, а о прежней умалчиваетъ, но связь 12 столѣтія, касательно избранія Князей, была совершенно иная. Не могу держаться однакожъ, чтобъ не выписать одного предположенія автора, которое напоминаетъ политическія соображенія Го-голева уѣзднаго судьи о планахъ министеріи: „въ періодъ удѣловъ, когда Югъ и Юго-западъ нынѣшней Россіи находились въ крайнемъ разстройствѣ отъ внутреннихъ раздоровъ и внѣшнихъ враговъ, тогдаш-ніе владѣтели наперерывъ старались пробрѣсть влія-ніе на Новгородъ. Не служилаль вышесказанная систе-ма (лѣтописей — вести происхожденіе съ Сѣвера) нѣкоторымъ предлогомъ ихъ домогательствъ?“ „Или не хотѣлиль Новогородцы придать оною болѣе важ-ности достоинству Князя, коего права въ Новѣ-городѣ были столь ограничены“ (17).

То есть: Князья искали Новагорода, и потому заставляли лѣтописателей выдумывать его прежнюю зависимость! Какова связь Исторіи съ Политикой!!!

(17) с. 458. Точно тоже толкуетъ и N 10. См. ниже с. 404.

Хорошо и другое предположеніе, (NB совершенно противоположное): Новогородцы заставляли лѣтописателей (Кіевскихъ) выдумывать, что бы придать болѣе важности достоинству Князя!! Во вредъ себѣ? Съ какою же цѣлію?

Ясно, авторъ не имѣлъ никакаго понятія но о Новгородской Исторіи, ни объ Кіевской.

Разсматривая Новогородъ въ 12 стол., онъ спрашиваетъ: „что было поводомъ къ составленію сей республики? Достовѣрно не знаемъ, можемъ однакожѣ догадываться, что первоначальное основаніе оной положено колоніей народа, уже достигшаго нѣкоторой степени гражданственности, народа промышленнаго, а не воинственнаго, какъ повѣствуютъ наши лѣтописи" (18).

Отвѣчаю: во первыхъ на чтоже догадываться, когда есть положительное извѣстіе, и какъ можемъ мы отвергать его, не имѣя никакаго основанія! Во вторыхъ: что дѣлать съ извѣстіями 9, 10 и 11 вѣковъ, кого всѣ составляютъ одну цѣпь съ 12 г. Во третьихъ: Лѣтопись наша не говоритъ объ основаніи колоніи народомъ воинственнымъ. Она говоритъ, что воинственный народъ пробылъ въ Новѣгородѣ короткое время, и ушелъ потомъ на Югъ, въ Кіевъ, а Новгородъ, какъ прежде, такъ и послѣ, оставался въ своемъ положеніи.

(18) с. 433. (22) с. 467.

„Изъ всего вышесказаннаго,“ говоритъ авторъ, „можно вывесть слѣдующія положенія:

1. „Повѣствованіе лѣтописей о началѣ Новагорода не заслуживаетъ довѣренности, ибо лѣтописи принадлежатъ, по крайней мѣрѣ, къ концу 13 вѣка, и суть отголосокъ сего времени, а можетъ быть, и еще позднѣйшаго“ (23).

2. Повѣствованіе сіе оказывается невѣроятнымъ, при соображеніи мѣстности событій, очевидно историческихъ.“

Это соображеніе, на оборотъ, подтверждаетъ достовѣрность событія: берега Балтійскаго моря, по всѣмъ лѣтописцамъ Европейскимъ, были подвержены нападеніямъ Норманновъ. Норманны напали на Новгородъ. Новогородцы отразили ихъ однажды, но тотчасъ увидѣли, что не могутъ бороться вновь съ такими сильными врагами, и призвали къ себѣ ихъ единоплеменниковъ, столь же воинственныхъ, для защиты? Что можетъ быть вѣроятнѣе съ перваго взгляда, и вмѣстѣ что болѣе и согласнѣе засвидѣтельствовано лѣтописями?

О 3-мъ положеніи (Новгородъ — республика промышленная), и 4-мъ (вѣроятно основанъ колоніей народа, уже достигшаго нѣкоторой степени гражданственности), мы говорили прежде.

Разсужденія автора (24) объ отношеніяхъ Новогородскихъ Князей къ Кіевскимъ и къ народу нейдутъ къ нашему періоду, а о состояніи Нѣмецкихъ Славянъ (25) еще менѣе. Читатели мо-

(23) с. 436, и пр. (24) с. 434. (25) с. 438.

тупъ судить объ ихъ достоинствѣ, когда я представлю здѣсь ихъ заключеніе; „удалившіяся съ береговъ Балтійскаго моря колоніи положили основаніе республикѣ на берегахъ Волхова", или въ эпоху „междоусобій и внутреннихъ безпорядковъ послѣ смерти Генриха II и далѣе почти до конца 11 столѣтія," или въ эпоху „совершеннаго порабощенія чуждой власти въ началѣ второй половины 13 столѣтія" (26)!!

А Софійской Соборъ, въ Византійскомъ вкусѣ, откуда взялся? А Греческое исповѣданіе вѣры откуда взялося? А что дѣлать съ Немогардой Константина Багрянороднаго? А что дѣлать съ извѣстіями Адама Бременскаго, съ Данами Дитмара въ Кіевѣ?

Если Нѣмецкіе Славяне пришли на берега Волхова, то почемуже они не сохранили связей съ своими единоплеменниками? Почему не осталось никакихъ извѣстій въ лѣтописяхъ, которыя тогда вездѣ уже сочинялися?

Могутъ ли нелѣпости возходить или низходить далѣе? Г. Бутковъ разобралъ ихъ подробно въ ОРЛ с. 129. Мы увидимъ ихъ еще разительнѣе у N 9. Тамъ поговоримъ объ нихъ подробнѣе.

Авторъ полагаетъ здѣсь, что Новгородъ основанъ въ 11 или 12 вѣкѣ, а выше долженъ былъ сказать, что онъ былъ основанъ „въ тоже время, или нѣсколько послѣ" перваго знакомства Руси съ Греками, то есть въ 9 вѣкѣ (27). Что можно говорить съ такими учеными!

(26) с. 449. 450. (27) с. 429.

Новгородъ представляетъ примѣчательное явленіе, это правда, но это явленіе можно и должно разбирать независимо отъ Варяговъ, былиль они Вагиры или Норманны. Можетъ быть, Новгородъ былъ колоніей такъ называемыхъ Нѣмецкихъ Славянъ; но до 9 вѣка, и эта колонія приняла къ себѣ въ 9 вѣкѣ другую — Варяговъ-Русь (28), которая вскорѣ обратилась большею частію къ Югу. Филологія должна помочь въ этомъ отношеніи Исторіи, и объяснить, есть ли какая связь Новогородскаго нарѣчія съ Польскимъ, которое принадлежало такъ называемымъ Нѣмецкимъ Поморскимъ Славянамъ.

Разсужденіе подъ N 6, о Москвѣ, не относится къ періоду нашихъ изслѣдованій. Замѣтимъ только, что и здѣсь авторъ *считалъ своею обязанностію* бросить, хоть мимоходомъ, свой камешекъ въ древнія лѣтописи. Такъ называетъ онъ ихъ ненадежными (1), отвергаетъ существованіе законовъ въ X вѣкѣ (2), отдаетъ преимущество грамотамъ: „опираясь на нихъ, мы находимся въ безопасности отъ заблужденій, въ которыя вводятъ насъ пристрастіе, незнаніе, невѣжество лѣтописцевъ, часто несовременныхъ или удаленныхъ отъ мѣста описываемыхъ ими событій"!!! (3)

(28) См. томъ III. с. 413.
(1) УЧ. 1834. N 1, с. 44. (2) N. II, с. 250. (3) с. 259.

Тутъ тоже должно сказать и объ N 7 и 8 — ясноли что ни одна диссертація не могла проходить безъ брани лѣтописей (1), безъ почестей Черноморцамъ, безъ упрековъ Русской Правдѣ, и проч.?

Въ первомъ, напримѣръ, авторъ, приводя мнѣніе Болтина объ Іоакимѣ, восклицаетъ: „какъ странно читать это въ наше время, когда открываются уже слѣды позднѣйшаго происхожденія и въ самой даже лѣтописи, приписываемой Пр. Нестору (2).

О Руссахъ Черноморскихъ повторяется тоже, что видѣли мы у N 4 и др.: „нѣтъ сомнѣнія, что Фотій разумѣетъ Черноморскихъ Руссовъ, въ чемъ послѣ Шлецера трудно и сомнѣваться" (3).

А я думаю, что трудно ссылаться на Шлецера, послѣ отвѣтовъ ему Эверса и Карамзина.

Варяги являются Ваграми, безъ всякихъ доказательствъ (4), о чемъ см. томъ II, с. 214, и также отдѣляются отъ Варанговъ греческихъ (5), о чемъ см. томъ II, с. 49.

Рюрикъ называется прямо баснословнымъ лицемъ (6), на что приводятся слѣдующія причины, кои мы видѣли уже въ N 3, 4, 5 и проч. „1) Начальная исторія почти каждаго народа покрыта баснословнымъ мракомъ; 2) Тройственность основателей государствъ, часто встрѣчаемая, сама по себѣ уже подозрительна. 3) Есть въ виду источники заимствованія: Рюрикъ, Синеусъ, Труворъ — Амелаусъ, Сита-

(1) См. выше с. 331. (2) УЧ. 1835. N XI, с. 308.
(3) с. 311. (4) с. 318. (5) с. 317. (6) N XII, с. 468, и проч.

ракусъ, Иворусъ—Ререкръ, Сиггеиръ, Туаресъ; 4) Сказаніе, основанное единственно на недостовѣрномъ отечественномъ преданіи, и неподкрѣпляемое никакимъ посторонпимъ свидѣтельствомъ, по здравой критикѣ, сомнительно; 5) Наше повѣствованіе объ основателяхъ государствъ утверждается единственно на сказаніи лѣтописи, (памятникѣ XIV вѣка), исполненной баснословія и въ позднѣйшихъ событіяхъ: слѣдственно уже и по этимъ причинамъ, сказанное повѣствованіе, если и не совсѣмъ еще отвергнется, то безпорно должно почитаться сказаніемъ миѳическимъ" (7).

Замѣтимъ, что эти пять причинъ равняются двумъ: 1, 4, 5 — суть варіанты одной: мракъ преданіе, миѳъ. 2 и 3 — также. Отвѣчаю на эти двѣ причины въ дополненіе къ сказанному,—на первую: Если многія Исторіи начинаются мракомъ, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ непремѣнно такъ было и со всякой. Какъ ни мрачно начало, однако и въ немъ вездѣ есть ясныя и свѣтлыя точки. Наше преданіе доставляетъ намъ только имя — что же въ немъ баснословнаго? Игоря мы знаемъ по Ліутпранду, Константину, Льву Діакону,—это лице совершенно историческое, въ которомъ никто не сомнѣвается. У него долженъ быть однакожъ отецъ—вотъ вамъ и историческій Рюрикъ.

Отвѣтъ на второе возраженіе: есть сказки, точно о трехъ братьяхъ, но есть однакожъ и

(7) с. 470.

вѣрныя преданія объ нихъ: неужели же тремъ братьямъ и быть ни гдѣ нельзя? Довольно объ N 7!

N 8, исчисляя труды, и излагая мнѣнія Миллера, при словахъ его: „всѣмъ извѣстно, что начало лѣтописаній Россійскихъ приписать должно Кіевопечерскаго монастыря монаху, Пр. Нестору," восклицаетъ на тотъ же голосъ, какъ и прежніе нумера: „*Всѣмъ извѣстно*! Вотъ начало этой увѣренности, которую до сего времени истребить (!!) невозможно, увѣренности, что Пр. Несторъ написалъ лѣтописи, въ томъ видѣ какъ онѣ дошли до насъ. *Всѣмъ извѣстно*! Кто же это всѣ?" (1).

А мы спросимъ: кто же эти не всѣ!

Замѣтимъ еще вотъ что: Миллеръ, весьма справедливо, говорилъ о *началѣ* лѣтописей, а авторъ утверждаетъ, будто „онъ разумѣетъ лѣтописи до насъ дошедшія."

Въ томъ-то и дѣло, оттуда-то и ошибка автора, его товарищей и учителя: они смотрятъ на всѣ лѣтописи вдругъ, а надо отдѣлять начало отъ продолженій. Начало имѣетъ одинъ характеръ; продолженія—другой. Что можно сказать съ ними о продолженіяхъ, того нельзя сказать о началѣ.

„Шлецеръ вѣроятно смѣялся (надъ почтительнымъ упоминовеніемъ Миллера о Стриковскомъ), но не имѣемъ ли и мы права находить страннымъ, когда великій критикъ, продолжая и разпростра-

(1) 1835. N 1, с. 14.

няя энтузіазмъ Миллера, говоритъ: Несторъ, еще разъ смѣло повторяю, на всемъ этомъ обширномъ поприщѣ (Славянскомъ и Скандинавскомъ сѣверѣ), есть одинъ только настоящій въ своемъ родѣ полный и справедливый лѣтописатель." (2)

Вмѣсто восклицанія, лучше бы автору указать другаго лѣтописателя, полнѣе и справедливѣе! Шлецеръ зналъ всѣ лѣтописи среднихъ вѣковъ, и отдалъ предпочтеніе Несторовой: молодымъ людямъ слѣдуетъ быть почтительнѣе къ его отзыву.

Миллеръ говорилъ, что не должно отвергать „изустныхъ преданій о происшествіи чрезъ 6 съ половиною столѣтій." Авторъ съ состраданіемъ прибавляетъ: это кажется не требуетъ замѣчаній!" (3).

Точно—это не требуетъ замѣчаній! восклицаемъ съ состраданіемъ и мы: авторъ не понималъ натуры преданія и отношенія его къ Исторіи.

Авторъ заключаетъ любимою темою всей школы: „новый взглядъ не ограничивается скептицизмомъ. Нѣтъ! Онъ указываетъ, какимъ образомъ, изучая отечественную Исторію *въ связи со всеобщей....*" А связи-то и недостаетъ у всей школы!

N. 9.

О мнѣніяхъ касательно происхожденія Руси.

Авторъ начинаетъ разсужденіями о началѣ Исторіи, потомъ переходитъ къ исторіи Русской,

(2) с. 142 (3) с. 144.

и изъ множества извѣстій Несторовыхъ разбираетъ только одно, какъ главное: „идоша за море къ Варягамъ—Руси," и какъ разбираетъ его? Вынимая изъ всего контекста только эти слова, и опуская всѣ объяснительныя, съ коимъ управиться было бы ему трудно, т. е.: идоша за море къ Варягомъ Руси; *сице* бо ся зваху тьи Варязи Русь, *яко* се друзіи зовутся Свое, друзіи же Англяне, друзіи Урмане, Готи, тако и си". Послѣ такаго *опущенія* можно судить объ его добросовѣстности! Да и взятыя имъ слова онъ разбираетъ, не обращая вниманія ни на какія прочія объясненія. Мѣсто Несторово объяснено нами въ II т. с. 22.

Замѣтимъ, что авторъ, пропустивъ самовольно наиважнѣйшія слова, и потемнивъ столь же произвольно ясной смыслъ оставшихся, восклицаетъ: „мы разсмотрѣли(!) главное мѣсто... и... не открыли въ немъ ничего въ пользу (мнѣнія о Норманскомъ происхожденіи). Гдѣ же то безпристрастіе, коимъ столько хвалятся защитники сего мнѣнія? Гдѣ добросовѣстность изслѣдователя" и проч. Черезъ десять лѣтъ даже отвратительно читать такія выходки! (*)

За симъ авторъ переходитъ къ лѣтописи: „Если бы даже въ лѣтописи именно сказано о Варяго-Руссахъ, то и тогда прежде всего слѣдуетъ доказать древность сей лѣтописи, то, что она несомнительно написана Кіевскимъ монахомъ XII столѣтія. Безъ того какъ можно толковать

(*) См. тамъ же Буткова ОРЛ, с. 123.

съ такою свободою и самоувѣренностію о событіяхъ за нѣсколько вѣковъ предъ симъ, единственно по сказанію лѣтописцевъ позднѣйшаго времени!"

О лѣтописи Несторовой, онъ говоритъ все то же, что говорили N 3, 4, 5, 6, 7, 8, напримѣръ: „Допустимъ, что Несторъ сочинилъ лѣтопись. У кого могъ онъ заимствовать свѣдѣніе о происшествіяхъ VII, VIII, IX, X и ½ XI столѣтія? У Византійцевъ? Ничего нѣтъ у нихъ о народахъ, обитавшихъ при Балтійскомъ морѣ, о нашемъ Сѣверѣ, и т. п., то откуда? Изъ народныхъ преданій? Изъ преданій чрезъ сотни лѣтъ.!!! Пусть такъ: скажите же, можно ли положиться на этотъ мутный источникъ," и проч. и проч. (1).

За симъ предлагаетъ авторъ свое мнѣніе, что лѣтопись сочинена въ XIII и XIV вѣкахъ, одинаково съ своими товарищами, къ которому прибавляетъ онъ себя собственную догадку, слишкомъ оригинальную: „Не могла ли (лѣтопись) быть составленною во время Кирилла или Кипріана. Оба сіи пастыри заботились о разпространеніи Греческихъ и Славянскихъ книгъ" (2).

Довольно о дѣтской опрометчивости автора!

„Мнѣніе наше подтверждается еще и тѣмъ, что древнѣйшіе списки Нестора оканчиваются въ XIII столѣтіи, напр. изъ писанныхъ на сѣверѣ самый древній Лаврентьевскій (1377 г.). Слѣдственно до се-

(1) СО. 1835, ч. 51. с. 73 (2) с. 76.

го времени Сѣверъ нашъ не имѣлъ никакихъ лѣтописей, и потому всѣ свѣдѣнія о немъ, находящіяся въ нашихъ лѣтописяхъ, должны быть отнесены къ сему періоду“ (3).

Ясно, что авторъ не читалъ вовсе лѣтописи: иначе онъ увидѣлъ бы, что монахъ Лаврентій былъ только переписчикомъ, а не сочинителемъ; что онъ переписывалъ съ ветшаныхъ книгъ, кои разобрать ему было трудно, что наконецъ впродолженіи XII, XIII, XIV, столѣтій было нѣсколько лѣтописателей (4).

Потомъ начинаются предположенія о составленіи лѣтописи:

Кіевскій лѣтописецъ (который? когда?) заимствовалъ изъ Византійскихъ хронографовъ, народныхъ преданій и повѣрій; Новогородскіе переписчики и продолжатели (когда?) выдумали по этому образцу у себя, или намѣренно заимствовали изъ другихъ источниковъ и выдали ихъ за случившіяся на Руси.

„Мы объяснимъ напередъ,“ говоритъ авторъ, „что насъ заставляетъ думать такъ о Новогородцахъ.“

„Новгородъ, „какъ было уже однажды доказано (?!), (т. е. въ N 8) рѣшительно не могъ существовать до XI столѣтія.“

Доказательства эти были разобраны нами выше; мы предложимъ здѣсь только Исторію Новагорода, которую авторъ выдумываетъ еще смѣлѣе своего товарища:

(3) с. 79. (4) См. опытъ Перевощикова.

„Новгородъ основанъ поселенцами изъ Вагріи въ половинѣ или концѣ XI столѣтія.“

У Варяговъ или Вагровъ былъ собственный лѣтописатель Гельмольдъ, жившій въ 2 половинѣ 12 вѣка (ок. 1168 г.). Онъ написалъ хронику той страны, гдѣ повѣствуетъ подробно о всѣхъ событіяхъ, раздорахъ, войнахъ, принятіи Христіанской вѣры, —который безпрестанно твердитъ о „своей Вагирской провинціи.“ Говоритъ ли онъ о переселеніи къ намъ Вагировъ, объ ихъ сообщеніяхъ съ нами? *ни слова.* Продолжатель его Арнольдъ также *ни слова.* Прочіе лѣтописатели *ни слова.* Нигдѣ нѣтъ *ни слова* ни о какихъ выселеніяхъ. А между тѣмъ Гельмольдъ знаетъ нашу Россію сѣверную, говоритъ объ ея предѣлахъ, объ ея имени у Датчанъ, объ ея сосѣдяхъ, о Вѣрѣ, и даже о самомъ Кіевѣ. Какъ бы не упомянуть ему при этихъ случаяхъ о такомъ короткомъ знакомствѣ и родствѣ Вагировъ съ нами?

Каченовскій и его ученики сочиняютъ намъ Варяговъ для 12 и 13 вѣка, когда ихъ у насъ не было по современнымъ лѣтописямъ, которыя, по ихъ мнѣнію, тогда начался, и уничтожаетъ Варяговъ 9, 10, 11 вѣковъ, которые дѣйствительно были и засвидѣтельствованы!

Эти господа основывали свое мнѣніе на одномъ сходствѣ имени Вагировъ или Вагровъ съ Варягами, но развѣ Варанги-Норманны Греческихъ писателей и Веринги-Норманны Сѣверныхъ, менѣе похожи на Ва-

ряговъ, чѣмъ Вагиры? Почему же отвергать послѣднія сходства и принимать первое, между тѣмъ какъ послѣднія имѣютъ за себя множество другихъ доказательствъ, а первое никакихъ.

Одно сходство ничего не значитъ, и отвергается не только высшею, но и низшею критикою.

Вы сами, говоря о Руси, отвергаете доказательную силу всѣхъ урочищъ этого имени на сѣверѣ: и старую Русу, и заливъ Куришгафской Русну, и самую Пруссію, къ которымъ можно прибавить пятдесятъ Русей, собранныхъ Г. Мухановымъ, и полтораста Русей, собранныхъ Ходаковскимъ по землямъ Славянскимъ.

Скандинавы нашихъ Русскихъ Славянъ называютъ безпрестанно Греками; такъ Адамъ Бр. говоритъ, что Греки ходятъ ворожить къ Финнамъ (5).

Объясняя Варяговъ, эти господа жестоко проговариваются, т. е. принимаютъ Несторову лѣтопись, ибо Варяги встрѣчаются только въ ней по произшествіямъ 9, 10, 11 вѣка. За чѣмъ же вы уважаете людей, выдуманныхъ ею, и трудитесь объяснять эти призраки? Если же считаете нужнымъ объяснять, то принимаете ихъ подлинность, соглашаетесь, что они ходили въ Кіевъ, въ Грецію—вотъ въ какомъ кругу кружится школа!

(5) Этотъ обычай остался до позднѣйшаго времени: къ Грозному и Годунову приходили еще волхвы изъ Лапландіи.

„Потомъ," продолжаетъ авторъ, „постепенно къ нимъ прибывали и другія колоніи единоземцевъ (Ререги, Ругіяне и проч.)"; „Со временемъ (?) они построили городъ, который и назвали по имени однаго изъ столичныхъ городовъ въ прежнемъ своемъ отечествѣ, т. е. Мекленбурга или Магнополиса."

„Эти поселенцы.... вошли въ сношенія съ сосѣдями, особенно же съ южною Русью, изъ среды коей.... для обезпеченія себя отъ нападенія притѣсненій воинственныхъ Князей Юга, начали постоянно выбирать изъ нихъ одного въ покровители."

Можно ли самовольное и ложное простирать далѣе? Мстиславы, Святополки, Всеволоды, были даже и не Вагирскаго рода, не Славяне, а Турки. Турецкіе Князья явились изъ Кіева въ Новѣгородѣ! Какъ же Норманскія имена — Рюрика, Трувора, Олега, Игоря, могли попасться къ Турецкому племени Руссовъ?

Могъ ли Новугороду быть опасенъ отдаленный Югъ? Опасность ему была отъ ближайшихъ сосѣдей, на Сѣверѣ, Норманновъ. Какое племя на Югѣ было воинственное? А Половцевъ и Монголовъ какъ будто не бывало.

Какова нелѣпость! И это смѣли говорить въ наше время одни, печатать другіе, хвалить третьи, называть высшею критикою четвертые! О Шлецеръ, Шлецеръ! Что сказалъ бы ты, еслибы увидѣлъ, какія плевела ростутъ на нивѣ, воздѣланной твоими руками. Нѣтъ! Ты не сталъ бы говорить!....

Продолжаю выписку, чтобъ читатели видѣли ясно всю нелѣпость покойной системы:

Новогородцы старались распространять свою торговлю, „но чтобы еще лучше успѣть въ своемъ намѣреніи, выставить на видъ, какъ городъ ихъ многозначущъ (!!), сколько почести тому, съ кѣмъ онъ знается (!!!), или кто у него служитъ, одного лишь ему не доставало, т. е. древности происхожденія и первородства.“ (Какая же дѣйствительная связь у торговли съ древностію и славою, и чѣмъ слава и древность могутъ помогать торговлѣ?) „чтобы пособить и этому горю, очень могло статься (?!), что какой нибудь смѣтливый Новогородецъ тотчасъ принялся за родословную“, (удивительный патріотъ долженъ быть этотъ Новогородецъ!) „и всѣ замѣчательнѣйшія, важнѣйшія происшествія въ Исторіи своихъ соотечественниковъ (какія же?), когда они жили въ прежней своей землѣ, смѣлою рукою перенесъ изъ нее въ лѣтопись Кіевлянина, добытую посредствомъ связей съ Югомъ; другія вымыслилъ,“ (и все это для торговли и славы!) „въ нѣкоторыхъ подражалъ своему предшественнику, и все это съ знаніемъ принаровилъ къ своей отчизнѣ.“ (А куда же дѣвалась такъ названная чистая лѣтопись Кіевлянина?) „Князья и прочіе Юго-Славяне не изобличали тщеславнаго Новагорода потому, что находили въ томъ свою выгоду;“ (и Новогородцы, и Кіевляне, и Юго-Славяне, находили выгоду въ одномъ и томъ же дѣйствіи, умышленномъ искаженіи лѣтописи!!)

„они въ такомъ случаѣ открыто могли домогаться верховной власти надъ Новогородцами ссылаясь на права своихъ предковъ, похищенныя народомъ потомковъ.“ (Да когда, кто изъ Князей, ссылался на лѣтописи, въ 12, 13, 14 столѣтіи?).

Довольно этой выписки! Историческая безсмыслица не можетъ идти далѣе.

Разберемъ частныя замѣчанія автора.

Онъ недоумѣваетъ, почему имя Руси стоитъ два раза въ этнографическомъ исчисленіи Нестора. Мои объясненія читатели найдутъ въ 11 томѣ изслѣдованій, с. 284.

Авторъ повторилъ ихъ, прибавивъ отъ себя только вопросы—почему (5), и не разобравъ ни однаго доказательства. „Нѣтъ“, говоритъ онъ, „компилатору нужно было только поставить имя Руси, а о приличіи мѣста онъ вовсе не заботился.“

Да на чтожъ ему было *нужно* говорить это два раза? Никакой цѣли не можетъ придумать авторъ и его товарищи, которые также хлопочутъ объ этомъ имени. Если же нельзя имъ даже придумать цѣли, то какое же значеніе могутъ они придавать ему?

Въ доказательство подделки авторъ указываетъ на слово Корсь, какъ и N 3, на слово Ляховъ, которые, по его мнѣнію, названы такъ „по имени Леховъ, Лешковъ, своихъ Князей, жившихъ гораздо послѣ Нестора“!!! (6)

(5) с. 83 (6) с. 84.

Объ именахъ племенъ Славянскихъ авторъ говоритъ также, какъ и N 4, что онѣ исчезаютъ, (Древляне, Радимичи, Вятичи) задолго до Нестора“ (7).

Мы видѣли, что онѣ всѣ продолжаются долго послѣ Нестора (8).

Изъ этого повторенія однѣхъ и тѣхъ же замѣчаній у всѣхъ нумеровъ ясно видно, какъ замѣчено выше, что они записывали только слова своего профессора.

„Можетъ быть,“ прибавляетъ авторъ „Кіевскій лѣтописатель имѣлъ передъ глазами Константина Багрянороднаго; сказаніе его о Славянахъ Другувитахъ, Деревлянахъ, Ультинянахъ и Сѣверянахъ, живущихъ при Дунаѣ и въ Солунской области, перенесъ цѣликомъ въ свою лѣтопись, измѣняя по своему сіи названія, а нѣкоторыя, при немъ или до него только показавшіяся, принялъ за древнія“ (9).

Хорошо—лѣтописатель перенесъ названія изъ чужаго сочиненія въ свое, но какъ же эти чужія названія очутились у самыхъ нашихъ племенъ, и нѣкоторыя продолжались долго, даже до нашего времени? Константинъ говоритъ о племенахъ, жившихъ около Кіева, а не Селуня (10).

»...Сказка о Кіевѣ (построенномъ тремя братьями) подала поводъ Новгородцу вымыслить съ своей стороны подобную же о трехъ братьяхъ: Рю-

(7) Тамъ же. (8) См. выше с. 374.
(9) с. 85. (10) См. выше с. 6.

»рикѣ, Синеусѣ и Труворѣ, изъ коихъ первый тоже »строитъ городъ и называетъ его Новымъ городомъ." „Еще лучше (нехужели?): не перенесъ ли Новгородецъ сказанія Гельмольда о 9 братьяхъ, призванныхъ Германскими Славянами.... Такимъ образомъ »призваніе Рюрика, Синеуса и Трувора, будетъ просто »эпизодомъ изъ Исторіи Славянъ Германскихъ, искусно передѣланнымъ и принаровленнымъ къ Новогородцамъ, въ противоположность тремъ же братьямъ южныхъ Кіевскихъ Славянъ. По крайней мѣрѣ это возможно и очень вѣроятно" (11).

Повѣрятъ ли наши дѣти, что въ наше время печатались такія нелѣпости и выдумки?

Какія же доказательства представляетъ авторъ для своихъчудныхъ положеній? Вотъ какія:

»Но чтобы событіе о пришествіи трехъ »братьевъ въ Новгородъ дѣйствительно случилось »такъ, какъ оно написано въ нашихъ лѣтописяхъ, »этому, кромѣ прочаго, сильно противорѣчитъ:

»а) Несуществованіе въ то время никакихъ »городовъ на Сѣверѣ."

Но почему же вы знаете, что никакихъ городовъ не существовало тогда на Сѣверѣ? А монеты 9 вѣка, не говоря о прочемъ, находимыя въ Новогородской области! А извѣстность Новагорода Константину Багрянородному въ 10 вѣкѣ?

(11) У авт. с. 118. Подробной разборъ у Буткова ОЛР. с. 63 и проч.

»b) Двоякое покореніе Новагорода, сперва Сла-»вянами съ Дунайскихъ береговъ, потомъ Рюрикомъ.“

Дерзость и невѣжество безпримѣрныя: какая лѣтопись говоритъ, чтобъ Новгородъ былъ покоренъ когда Дунайскими Славянами? У Нестора мы читаемъ: „Словѣни же (пришедши съ Дуная) сѣдоша около езеря Илмеря, прозвашася своимъ имянемъ, и *сдѣлаша градъ*, и нарекоша и Новгородъ“ (12).

Гдѣ сказано о покореніи Новагорода Рюрикомъ? У Нестора читаемъ, по Лавр. списку: „и избрашася 3 братья съ роды своими, пояша по собѣ всю Русь; старѣйшій Рюрикъ.... а другіи Синеусъ на Бѣлѣозерѣ, а третій Изборьстѣ Труворъ. Отъ тѣхъ прозвася Русская земля *Новугородьци*.“ Въ друг. спискахъ на мѣстѣ пропуска сказано послѣ слова Рюрикъ: *сѣдѣ въ Новѣгородѣ* (13). Въ Кенигсбергскомъ спискѣ читаемъ: „и сѣде въ Ладозѣ старѣй Рюрикъ... по двою лѣту умре Синеусъ, и братъ его Труворъ. И прія всю власть Рюрикъ одинъ, и пришедъ ко Илмерю, и *сруби городокъ* надъ Волховымъ, и прозва Новгородъ“ (14). Гдѣ малѣйшій намекъ о покореніи?

»c) Самое названіе городовъ, относимыхъ лѣ-»тописями къ сему времени, указываетъ на подоб-»ные же города Славянъ Германскихъ: Альденбургъ, »Ольденбургъ=Ладога.“

12) НЛ. с. 4. (13) НЛ. с. 12.
(14) См. томъ III, с. 46 и проч.

Альденбургъ, по Слав. Старгардъ — что же есть общаго у него съ Ладогою?

„Магнополисъ, Нейштадтъ — великій Новгородъ.“

Магнополисъ и Нейштадтъ два имени, а великій Новгородъ одно имя. Нейштадтовъ, Неаполей и Новгородовъ есть множество — развѣ они переведены одинъ съ другаго?

„Иссабургъ — Изборскъ,“ и др.

Иссабурга, ни Иссы, никогда здѣсь не бывало (*).

»1) Мгновенное царствованіе трехъ братьевъ, »ничѣмъ не ознаменованное, не смотря на то, что »они были призваны за свои храбрыя, доблестныя »дѣла, (?) на царствованіе, которое можно вполнѣ »заключить въ двухъ, трехъ словахъ“ (15).

Если бы школа имѣла малѣйшее соображеніе, то не должноли бъ остановить ее одно это обстоятельство? Какое поле открывалось здѣсь для сказочника, а въ лѣтописи мы находимъ только двѣ строки! Ясно ли, что сказки сказывать лѣтописатель не имѣлъ никакаго расположенія? Мало дошло до него преданія, мало и написалъ онъ: характеръ добросовѣстности!

Презабавно читать заключеніе автора (16): »однѣ только долговременныя, глубокомысленныя „(!!!) соображенія всѣхъ дѣяній Новгородцевъ и ихъ

(*) См. выше с. 378.
(15) У авт. с. 119.
(16) с. 120. см. о немъ у Буткова ОРЛ. с. 134.

„отношенія къ своимъ сосѣдямъ и прочимъ народамъ, могли уяснить намъ происхожденіе Новгородцевъ, *снять маску съ этого хитраго чуднаго народа....*"

Кончивъ безотчетныя свои толкованія о лѣтописи, авторъ приступаетъ къ разбору мнѣній о происхожденіи Руси, по обыкновенной методѣ всей школы, скрывая и искажая противныя доказательства, смѣшивая вопросы, и тому подобное. Мы скажемъ здѣсь и объ немъ нѣсколько словъ, дабы читатели видѣли вполнѣ развитіе скептической школы со всѣми ея отраслями, хотя предметъ относится собственно втораго тома нашихъ изслѣдованій, посвященнаго происхожденію.

Авторъ говоритъ, что „обыкновенно тождество Варяговъ и Норманновъ основываютъ на „нашихъ лѣтописяхъ," и утверждаетъ, что „въ „нихъ напротивъ, подъ Варягами разумѣются всѣ „сѣверо-западные народы" (17).

Нѣтъ, не всѣ, а опредѣленные, смотри томъ II, с. 94 и проч.

„Принимать же подъ Варягами предпочтительно Норманновъ нельзя потому, что у Нестора „сіи послѣдніе называются своимъ именемъ — „Нормани, Урмани, Мурмане."

Нѣтъ, не сіи послѣдніе такъ называются у Нестора, потому что въ томъ же мѣстѣ Несторъ говоритъ особливо о Готахъ, о Свѣяхъ, объ Агля-

(17) У авт. с. 121.

нахъ, которые всѣ были Норманцы. Ясно, что подъ Нормани, Урмане, онъ разумѣлъ частное племя, а не всѣхъ Норманновъ вообще.

„2. На словопроизводствѣ. Но уже одно то, „что слово Варягъ производятъ отъ нѣсколь-„кихъ словъ, взятыхъ изъ различныхъ Сѣверо-„Германскихъ языковъ, говоритъ о неестественно-„сти такого словополкованія.“ (18)

Никто *недоказывалъ* происхожденія Варяговъ ихъ именемъ. Вопросъ объ имени нерѣшеный, смотри томъ II, с. 167 и проч.

„3. На свидѣтельствѣ Византійцевъ. Но слово „Варягъ является у нихъ не ранѣе половины XI „столѣтія“ (19)....

Нѣтъ, не въ XI, а IX столѣтіи.

„...Напротивъ въ нашихъ лѣтописяхъ о нихъ говорится еще въ VIII стол., какъ о народѣ уже сильномъ и извѣстномъ.“

Нѣтъ, неговорится такъ въ VIII столѣтіи — это ложь.

Авторъ отвергаетъ рѣшительно Норманство Византійскихъ Варанговъ, и называетъ ихъ Славянами: наше мнѣніе см. томъ II, с. 41 и проч.

„Въ сіе то (?) время, (по N 5 въ 11 или 12 столѣтіи), безъ всякаго сомнѣнія они (Вагиры) удалились частію въ нынѣшнюю Новгородскую губерніи, частію въ Грецію, гдѣ вступили въ гвардію Византійскихъ Императоровъ“ (20).

(18) с. 122. (19) с. 123. (20) с. 126.

А упоминовеніе Фаргановъ Константиномъ? А безпрерывныя названія Варанговъ Англичанами, Бриттами, Келтами, и особенно въ 11 и 12 столѣтіи? Славянъ Византійцы знали лучше, чѣмъ Норманновъ, потому что ихъ всегда было множество въ Константинополѣ, и однакожъ нѣтъ нималѣйшаго намека о Славянствѣ Варанговъ, — но это такой вздоръ, о которомъ и говорить стыдно.

Здѣсь авторъ взвелъ и на меня небылицу: „Г. Погодинъ, послѣ всѣхъ усилій произвесть названіе Руси отъ Варяго-Руссовъ Норманновъ," (никогда не заботился я объ имени см. томъ II с. 167) „видя, наконецъ, всю шаткость и невѣроятность такой гипотезы," (не шаткость и невѣроятность, а твердость и достовѣрность увидѣлъ я наконецъ, и сказалъ это рѣшительно, см. томъ II с. 91.) „прибѣгаетъ къ послѣднему средству: рѣшается выводить Руссовъ съ Юга, только все таки отъ своихъ любезныхъ Варяговъ. Вотъ что онъ говоритъ о семъ: на берегахъ Чернаго моря, находилось, можетъ быть, поселеніе Скандинавскихъ Руссовъ, которые поселились здѣсь точно также, какъ Аскольдъ и Диръ во время Рюрика въ Кіевѣ, Рогьвольдъ въ Полоцкѣ. Уступка важная." (21) Отнюдь не прибѣгалъ я къ этой гипотезѣ, какъ послѣднему средству, а предложилъ се Гну Нейману для объясненія нѣкоторыхъ восточныхъ извѣстій о Руссахъ на Черномъ морѣ. Я сказалъ тамъ же, чего не при-

(21) с. 129.

велъ авторъ: „Впрочемъ, повторяю, и безъ сей „догадки, всѣ сказанія Историковъ Византійскихъ „и Арабскихъ достаточно объясняются и Кіев-„скими Руссами“ (22). Я не говорилъ и не думалъ выставлять этой колоніи отчизной Рюрика, не назначалъ даже и времени ея начала, уподобляя ее колоніи Аскольдовой, времени Рюрикова, Рогвольдовой, времени Святославова, и проч. Колоніи Руссовъ могли быть на Черномъ морѣ, какъ о томъ случалось мнѣ утверждать въ разныхъ мѣстахъ Изслѣдованій.

Авторъ уничтожаетъ эти колоніи, потому что „а) Скандинавскихъ Руссовъ“ „небыло“ „нигдѣ,“ „то слѣд. и колоніи ихъ несуществовало на Югѣ.“ Ясно! потому что с) Аскольдъ и Диръ, Рогвольдъ и Туръ, подобно Рюрику, Олегу и проч. очевидно (!!) вымышленныя имена,“ (23) и проч.

Авторъ, уничтоживъ такимъ образомъ выбранныя имъ самимъ, искаженныя доказательства, и прейдя молчаніемъ прочія, начинаетъ доказывать Турецкое происхожденіе Руси, т. е. переписываетъ изъ моего перевода Неймана (и зачемъ я переводилъ Эверса и Неймана!) Арабскія извѣстія о Руси (24), и умалчиваетъ о толкованіи оныхъ, чьемъ? — Френа!

Точно также поступаетъ и съ Византійцами, выписывая извѣстія изъ Стриттера (25), и преходя молчаніемъ всѣ объясненія критиковъ.

По отечественнымъ лѣтописямъ авторъ находитъ доказательства Турецкому Черноморству Руси

(22) ЖДР. с. 108. (23) с. 128. (24) с. 131 и проч. (25) с. 137.

въ названіи Чернаго моря Русскимъ (26), также какъ и его товарищи, списывающіе просто Эверса и Неймана.

Отвѣтъ, смотри см. томъ II, с. 291 и проч.

Въ извѣстіи Нестора: наченшу Михаилу царствовати, начася прозывати Руска земля. (27)

Объясненіе смотри томъ II, с. 296.

Въ извѣстіи Нестора о походѣ 866 года, гдѣ Русь не названы Варягами (28)

Отвѣтъ, смотри томъ II, с. 300 и проч.

Въ примѣчаніи Никоновскаго списка о Руси иже и Кумани. (29)

Отвѣтъ, смотри томъ II, с. 257.

Въ названіи Русью Кіевской области (30).

Отвѣтъ смотри томъ II, с. 302. (31).

Авторъ полагаетъ эту Русь въ Роксоланахъ (32)....!!

Роксолане=„горные Руссы, Россы, перваначально обитавшіе на Кавказѣ," съ перваго вѣка по Р. Х. (33).

Но развѣ Роксолане были Турки, какими авторъ представляетъ Руссовъ, въ IV своемъ положеніи: „Руссы были народъ Турецкаго племени, обитавшій въ нынѣшней Южной Россіи, по сказанію Арабскихъ и Византійскихъ писателей и по свидѣтельству достойныхъ вѣроятія мѣстъ изъ нашихъ лѣтописей" (34)

(26) с. 140. (27) с. 173. (28) с. 174. (29) с. 175. (30) с. 176.
(31) См. у Буткова ОРЛ. с. 103 и проч. (32) У авт. с. 186.
(33) с. 187.
(34) с. 199. см. подробное опроверженіе у Буткова въ ОРЛ. с. 95 и проч.

Заключимъ разборъ нашъ разсужденія подъ N 9, разсужденія, которымъ поставлены геркулесовы столпы, nec plus ultra, всѣхъ нелѣпостей скептической школы, и которое самъ основатель не рѣшился напечатать въ Ученыхъ запискахъ, такъ что оно явилось уже въ Сынѣ Отечества.

Разсужденіе подъ N 10 о Скандинавскихъ сагахъ разобрано нами выше с. 306 и проч.

Мнѣ остается отвѣчать на возраженія, предложенныя Г. Скромненкомъ, на мои изслѣдованія о Несторѣ, какъ онѣ были первоначально напечатаны въ Библіотекѣ для чтенія, 1834 года, то есть разобрать N 11, 12, и 13-й, къ которымъ я теперь и приступаю.

На первое мое разсужденіе (1), послѣ общихъ мѣстъ, извѣстныхъ уже читателямъ, Г. Скромненко говоритъ:

„Вѣренъ ли силлогизмъ Г. Погодина? Посмотримъ: изо ста или даже болѣе, произшествій древней нашей исторіи, есть 12 достовѣрныхъ: слѣдуетъ ли изъ этого заключить что Исторія наша достовѣрна" (2)

Эти двѣнадцать произшествій составляютъ основаніе всей Исторіи: онѣ однѣ могутъ представлять ее, — вотъ въ чемъ дѣло! Я выбралъ эти

(1) См. выше, с. 3—14. (2) СО. 1834, ч. 46, с. 397.

двѣнадцать, какъ засвидѣтельствованныя *современниками* иностранными, очевидцами, въ доказательство, что наша лѣтопись достовѣрна, представляя совершенно *тѣ же* извѣстія. Если свидѣтель представляетъ безспорно 12 вѣрныхъ показаній, то и въ остальныхъ, согласныхъ съ здравымъ смысломъ, съ ходомъ вещей, съ послѣдствіями, мы не имѣемъ права безъ особенной причины не вѣрить ему. Впрочемъ счетъ Г. Скромненка не вѣренъ: не 12 происшествій засвидѣтельствовано иностранцами, а развѣ 112: перечтите хоть однихъ Грековъ и Арабовъ, не говорю о множествѣ другихъ свидѣтельствъ (*).

Сравненіе древней Русской Исторіи съ зданіемъ, въ коемъ освѣщено по нѣскольку ѳконъ въ этажѣ, не вѣрно: мы не однѣ окна видимъ, а все зданіе, хотя не въ полномъ свѣтѣ.

„Да и напрасно трудился Г. Погодинъ выписывать изъ Шлецера и Карамзина всѣ эти факты: въ нихъ (за исключеніемъ двухъ-трехъ) никто никогда не сомнѣвался, ихъ никто не опровергалъ, всѣ принимаютъ ихъ за достовѣрные, ибо они дѣйствительно таковы, и суть почти единственные въ древней нашей Исторіи.“ (3)

Важная уступка школы! Чего же вамъ болѣе! Какая Исторія представитъ болѣе вѣрныхъ происшествій въ началѣ? Если эти происшествія, однѣ

(*) У Г. Буткова ОРЛ., с. 44—54, читатель найдетъ подробнѣйшее исчисленіе.

(3) с. 397, 398.

эти произшествія вѣрны, и не сомнительны, то вотъ вамъ и Исторія!

„Но почему Г. Погодинъ, ревностный защитникъ достовѣрности Русской Исторіи, не только не разобралъ критически, но даже и не упомянулъ о тѣхъ ея произшествіяхъ, которыя именно составляютъ предметъ спора, съ опроверженіемъ которыхъ древняя Русская Исторія должна потерять свою достовѣрность" (4).

Нѣтъ — эти произшествія суть самыя важныя. См. мои доказательства выше с. 13.

Какія же важнѣе ихъ? Какія составляютъ предметъ спора? Договоры? Разсужденіе объ нихъ, см. выше, с. 115 и проч.

Г. Скромненко составляетъ по этимъ вѣрнымъ извѣстіямъ очеркъ древней Исторіи, и сравниваетъ съ очеркомъ Исторіи, которой дѣлаютъ наши Историки, совершенно, положимъ, отличный отъ его. Это дѣло совершенно другое. Одно дѣло — данныя; другое — Исторія по даннымъ. Я вооружаюсь за достовѣрность данныхъ, и не отвѣчаю, какъ разные Историки составляютъ Исторію изъ данныхъ. Всякой Историкъ имѣетъ свой взглядъ на вещи, и лѣтописатель, критикъ, не отвѣчаютъ на него. Французскими лѣтописями такъ ли пользовался l'abbé Velly, Mezeray, какъ теперь Гизо и Тьери? Чтоже — за отца Даніеля развѣ долженъ отвѣчать Григорій Турскій: вотъ примѣръ совершенно соотвѣтственный противъ... оборота

(4) с. 398.

Г. Скромненка, и вмѣстѣ отвѣтъ на его разглагольствія отъ с. 17 до 29.

Даже и въ первомъ очеркѣ, основанномъ якобы на показаніяхъ свидѣтелей, Г. Скромненко вставилъ превратныя понятія школы, на примѣръ онъ говоритъ: „изъ Византійскихъ писателей мы знаемъ, что они (Руссы) жили при Черномъ морѣ" (5).

А Константинъ Багрянородный вотъ что говоритъ: Въ верхъ по рѣкѣ Днѣпру жительство имѣли Россіяне.

Арабскіе писатели, говоритъ онъ, называютъ Русское племенемъ Турецкимъ, а Арабы говорятъ: Руссы суть народъ, которыхъ области граничатъ со Славянами и Турками. Турецкое происхожденіе есть очевидная, по доказательству Френа, ошибка рукописи 15 и 16 вѣка (6)!!

Не довольно ли этихъ примѣровъ въ доказательство, какова добросовѣстность была у нашихъ скептиковъ!

Я сказалъ: „вы отвергаете наши лѣтописи. Но позвольте спросить: онѣ противорѣчатъ извѣстіямъ, на которыя указалъ я теперь? Нѣтъ. Покрайней мѣрѣ лѣтописи наши не представляютъ этихъ извѣстій, а даютъ намъ иныя?"

Смыслъ моего вопроса былъ: представляются ли въ нашихъ лѣтописяхъ *тѣ же* извѣстія, или другія, вмѣсто сихъ? Я даже объяснилъ этотъ смыслъ прибавя: наши лѣтописатели говорятъ

(5) с. 17. (6) См. Томъ II, с.

и объ раздѣленіи племенъ, и о сбираніи дани Руссами съ Славянъ, и о походѣ Игоря, и о путешествіи Ольги, и о двукратной войнѣ Святослава, и о намѣреніи его остаться въ Болгаріи, и о договорѣ съ Цимискіемъ, и объ умерщвленіи Печенѣгами, и о помощи Болеславовой Святополку, и о междоусобіи сыновъ Ярославовыхъ, и о посольствѣ Нѣмецкомъ. (7)

А Г. Скромненко превращаетъ смыслъ моего вопроса, говоря, будто я спрашивалъ: естьли въ нашихъ лѣтописяхъ извѣстія *кромѣ* этихъ, и отвѣчалъ нѣтъ. Взведя на меня такую нелѣпицу, онъ восклицаетъ: Какъ! лѣтописи наши не даютъ намъ иныхъ извѣстій? Ужъ не опечатка ли это нѣтъ" (8)

Здѣсь Г. Скромненко проговорился за всю школу. Онъ сказалъ:

„наши лѣтописи говорятъ намъ, что Руссы пришли изъ за Балтійскаго моря, и слѣд. происхожденія Европейскаго:	Онъ не понялъ, что этимъ положеніемъ лишаетъ главной, хотя и бренной, подпоры все зданіе Каченовскаго. Эверсъ посвятилъ значительную часть своей книги на доказательства, что Русскіе лѣтописи не говорятъ этого. Нейманъ истязалъ лѣтопись Нестора, чтобъ только затемнить это положеніе.
Изъ писателей иностранныхъ мы узнаемъ, что они происхожденія Азіатскаго.	Изъ какихъ? Нѣтъ не узнаете изъ нихъ, а взводите на нихъ напраслину. Они говорятъ противное: Руссы ведутъ родъ отъ Франковъ, и проч.

(7) с. 417. (8) с. 10.

Наши лѣтописи говорятъ намъ, что Руссы первоначально поселились въ Сѣверной Россіи;	Да, и это также противно Эверсу и Нейману, которые утверждаютъ, что лѣтописи не говорятъ того.
Изъ писателей иностранныхъ мы узнаемъ, что они жили при Волгѣ и при Черномъ морѣ;	Изъ какихъ? Нѣтъ—Греки говорятъ вамъ, что они жили въ верховьяхъ Днѣпра.
Наши лѣтописи говорятъ намъ о побѣдоносныхъ экспедиціяхъ Олега и Игоря на Константинополь, Византійскіе писатели объ нихъ ни слова не знаютъ, а упоминаютъ объ одномъ неудачномъ нападеніи Игоря" (9).	Неправда! Наши лѣтописи не говорятъ также ни слова о побѣдоносномъ походѣ Игоря, а разница у нихъ пока только объ Олегѣ.

И потомъ Г. Скромненко начинаетъ исчислять *всѣ* извѣстія лѣтописи какъ будто я говорилъ обо всѣхъ.....

На согласіе Нестора съ Константиномъ объ отношеніи Руси къ Славянамъ (10) онъ возражаетъ: „сколько я ни читалъ (?) Константина Богрянороднаго, ни чего не узналъ отъ него объ отношеніяхъ Славянъ къ Руссамъ, исключая того, что первые были подвластны послѣднимъ" (11).

Но чего же вамъ болѣе? Славяне подвластны Руси — развѣ это не выраженіе отношенія?

(9) с. 418. (10) Это замѣчаніе, помѣщенное въ БЧ. въ первомъ разсужденіи, отнесено мною въ этомъ изданіи съ слѣдующими въ шестое, см. с. 210.

(11) с. 419. См. выше с. 211.

На согласіе Эймундовой саги съ Несторомъ о договорахъ Варяговъ съ Князьями, (12) онъ возражаетъ: „Искалъ въ нашихъ лѣтописяхъ какъ Варяги договариваются съ Русскими Князьями, и какія порученія на нихъ возлагаются, но ничего не нашелъ. Посему я попросилъ бы Г. Погодина указать мнѣ на тѣ мѣста нашихъ лѣтописей, изъ коихъ можно видѣть найденное имъ сходство" (13)

Читайте: „се градъ нашъ", говорятъ Варяги Владиміру, „и мы пріяхомъ е, да хочемъ имати окупъ на нихъ, по 2 гривнѣ отъ человѣка. И рече имъ Володимеръ: пождѣте, да же вы куны сберутъ за мѣсяцъ. Ждаша за мѣсяцъ, и не дастъ имъ", и проч. (14) Вотъ еще гдѣ: „приведоша Варягы, (Новогородцы при Ярославѣ) и вдаше имъ скотъ" (15).

На сходство дѣяній нашихъ Варяговъ-Руси съ Норманнами онъ отвѣчаетъ: „Если бы я нашелъ въ нашихъ лѣтописяхъ, что Варяги описаны сходно съ Руссами Арабскихъ писателей и Норманнами (т. е. Скандинавами) въ Англіи, Франціи и Италіи, то сказалъ бы: вотъ доказательство, что въ нашихъ лѣтописяхъ Варяги описаны не вѣрно! Ибо Варяги, Руссы и Норманны три народа совершенно различные: одни (Варяги, Вагры, Вагиры) Славянскаго происхожденія, другіе (Руссы) Азіатскаго, третьи, (Норманны), Скандинавскаго)."

(12) У авт. с. 420. (13) НЛ. с. 47. (14) НЛ. с. 103. (15) У Авт. с. 420.

Какова рѣшительность! Но кто же доказалъ, что Варяги и Русь разные народы? Кто же доказалъ, что Варяги Славяне, а Русь Азіатцы? Вамъ только это кажется, Исторія говоритъ другое. См. выше с. 403 и проч.

Въ доказательство, что основаніе Русскимъ лѣтописямъ положено не Несторомъ, противъ втораго моего разсужденія, Г. Скромненко возражаетъ, что до 1110 года три человѣка говорятъ о себѣ въ первомъ лицѣ: подъ 1096 г. Несторъ, подъ 1098 Василій, подъ 1110 Сильвестръ (16).

Отвѣтъ: Лѣтопись Нестора была переписываема безпрестанно, можетъ быть даже при немъ. Василій, переписывая ее, вставилъ, что онъ зналъ лишнее о 1098 годѣ, въ коемъ самъ дѣйствовалъ; Сильвестръ подъ 1110 годомъ, въ концѣ Несторовой лѣтописи, заявилъ, что онъ ее переписывалъ. См. выше с. 21, Кубарева РИС. ч IV, с. 429 (*) и проч. Буткова ОРЛ. с. 209 и проч.

„Отдѣльныя сочиненія, писанныя различными лицами и въ различныя времена, вносились подъ извѣстными годами, въ сборники, извѣстные у насъ подъ именемъ лѣтописей, большею частію безъ

(16) с. 457 и проч.

(*) По типографской ошибкѣ въ нумераціи это число поставлено тамъ вмѣсто 369.

всякой перемѣны, со всѣми мѣстоименіями перваго лица: *азъ*, *ми*, *мнѣ* и проч. Теперь спрашивается: можно ли посредствомъ этихъ *азъ*, *ми*, *мнѣ*, опредѣлять время написанія какой нибудь лѣтописи, и означать имя ея сочинителя" (17)?

Отвѣчаю—можно, въ отношеніи къ тому повѣствованію, которое предлагается отъ перваго лица. Если Василій говоритъ подъ 1098 г.: Давидъ послалъ меня къ Васильку, то ясно, что Василій посланъ въ это время, и былъ дѣйствующимъ лицемъ въ этомъ происшествіи. Если Силвестръ свидѣтельствуетъ, что онъ переписалъ лѣтопись въ 1110 году, то ясно, что онъ жилъ въ это время. *

За симъ слѣдуетъ у автора описаніе новѣйшихъ историческихъ Сборниковъ, съ показаніемъ, какъ они составлялись. — Но объ новѣйшихъ Сборникахъ и составѣ ихъ никто и недумаетъ иначе; составъ виденъ безъ вашего разсужденія. Мы говоримъ о *началѣ* лѣтописей.

Противъ признаковъ современности лѣтописателя съ описанными происшествіями авторъ не употребляетъ доказательствъ, а говоритъ только, что аминь встрѣчается во многихъ мѣстахъ (18). Отвѣчаю: гдѣ онъ ни встрѣчается, вездѣ показываетъ, что на томъ мѣстѣ оканчивалъ одинъ

(17) с. 468. (18) с. 469. * См. о семъ у Буткова ОЛР. с. 219, 220, гдѣ онъ молча принимаетъ мою сторону.

лѣтописатель, а потомъ начиналъ другой, кромѣ благочестивыхъ обращеній или вставокъ.

Здѣсь же говоритъ онъ, что *до сего дне* естѣ обыкновенная поговорка, не обращая вниманія, что всѣ окружныя обстоятельства даютъ смыслъ тому или другому выраженію, и дѣло критики оцѣнить по разнымъ мѣстамъ это выраженіе.

Въ мѣстѣ о Митроп. Іоаннѣ, см. выше с. 27, не одно слово *вѣмъ* (19), а тонъ всего выраженія показываетъ современность.

Объ уродѣ, см. выше с. 26, авторъ дерзско восклицаетъ: „говоритъ ли о такихъ дѣтищахъ Исторія Медицины? Возможно ли такое перемѣщеніе членовъ тѣла нашего? Словомъ, описанное дѣтище не есть ли плодъ воображенія лѣтописца" (20)?

Я обращался нарочно съ вопросами къ Анатомикамъ, и въ Минхенскомъ анатомическомъ кабинетѣ нашелъ самъ двухъ именно такихъ уродовъ.

На доказательство перерыва, см. выше с. 23, авторъ возражаетъ:

„Во первыхъ, если такой перерывъ находился въ самомъ дѣлѣ въ нашихъ лѣтописяхъ, онъ долженъ бы быть во всѣхъ спискахъ, а не во многихъ только. Если онъ находится только во многихъ, то слѣдовательно есть списки, въ коихъ его нѣтъ. Если же есть списки, въ коихъ его нѣтъ, то слѣ-

(19) с. 470 (20) с. 471.

доватедьно нельзя допустить его и въ подлинной лѣтописи, съ которой были сняты тѣ списки" (21).

Есть списки, въ которыхъ совершенно сглажены слѣды первоначальнаго происхожденія, и если въ нихъ не примѣчается перерыва, то изъ этого отнюдь нельзя заключать, чтобъ не было его въ подлинномъ спискѣ. Списки не всѣ описаны, и потому пока должно довольствоваться только замѣчаніями объ нихъ Карамзина.

Я сказалъ, и теперь повторяю, что для окончателвнаго разсужденія объ этомъ предметѣ надо ожидать подробнаго описанія списковъ.

Авторъ продолжаетъ: „во вторыхъ, если бы за 1103 годомъ слѣдовало описаніе 1110 г.; а за 1110 годомъ описаніе 1111, 12, 13, и т. д., то я видѣлъ бы перерывъ между 1103 и 1110 годами, т. е. одинъ лѣтописецъ кончилъ 1103 годомъ, а другой началъ 1110-мъ. Но такъ какъ за 1110 годомъ слѣдуетъ описаніе 1104, 5, 6, 7, 8 и 9 годовъ, то я вижу, что здѣсь нѣтъ никакого перерыва, что всѣ годы описаны, и что только 1110 годъ стоитъ не на своемъ мѣстѣ. Изъ сего я заключаю, что переписчикъ сбился въ числахъ, и вмѣсто того чтобы переписывать за 1103 годомъ произшествія 1104-го, онъ сталъ переписывать 1110 года. Заключеніе мое тѣмъ справедливѣе, что есть списки, въ коихъ всѣ годы отъ 1103 до 1111 и т. д. описаны въ надлежащемъ порядкѣ" (22).

(21) с. 472. (22) с. 473.

Авторъ не понялъ, въ чемъ дѣло. Предлагаю поясненіе:

Лѣтописатель остановился положимъ на 1110 году; другой продолжатель не вставлялъ описаніе пропущенныхъ, или описанныхъ кратко въ его сочиненіи, лѣтъ, а описалъ ихъ самъ, разумѣется послѣ 1110 года, начавъ ими свое сочиненіе. Вотъ почему третій годъ является вдвойнѣ, и послѣ десятаго; вотъ почему въ этомъ промежуткѣ видны два лица, однимъ словомъ перерывъ.

„Въ третьихъ, если первый лѣтописецъ кончилъ 1103 годомъ, то почему второй началъ 1110 годомъ, а не 1104-мъ. Возразятъ мнѣ: онъ не зналъ, что первый остановился на 1103 году. Нѣтъ онъ это зналъ, потому что послѣ 1110 года сталъ описывать именно 1104 годъ, а не 1106 или другой какой нибудь. И такъ если бы за 1103 годомъ былъ дѣйствительно перерывъ въ нашихъ лѣтописяхъ, то продолжатель перваго лѣтописца началъ бы не 1110, а 1104 годомъ" (23).

Отвѣчаю: во первыхъ — предположеннаго возраженія ни кто не сдѣлаетъ. Продолжателю нельзя не знать, потому что лѣтопись была предъ его глазами. Во вторыхъ: продолжатель и началъ 1104 годомъ, но не вставлялъ этого года, на его мѣсто, назначенное предшественникомъ, а поставилъ его въ началѣ своего собственнаго сочиненія, которое такимъ только образомъ и *могло отдѣляться* явственно отъ перваго.

23) с. 473.

На замѣчанія Карамзина, мною употребленныя, с. 23, авторъ отвѣчаетъ:

„Во первыхъ, въ печатныхъ спискахъ (Кенигсбергскомъ, Софійскомъ Временникѣ и друг.) извѣстія около 1125 или 1127 года нисколько не подробнѣе предъидущихъ. Это всякой, имѣя печатные списки въ рукахъ, можетъ самъ повѣрить" (24).

Отвѣчать двумя списками нельзя.

На этихъ то отличіяхъ собственно и должно основываться распредѣленіе списковъ, а его сдѣлать нельзя до тѣхъ поръ, пока они не будутъ *основательно* описаны.

Карамзинъ, имѣвшій многіе предъ глазами, свидѣтельствуетъ, и его свидѣтельства не принимать мы не имѣемъ права.

„Во вторыхъ если допустить, что 1103 годомъ кончилъ первый лѣтописецъ, какъ думаетъ Г. Погодинъ, и что около 1125-го, или 1127 года, начинаетъ писать новый лѣтописецъ, какъ полагаетъ Карамзинъ, то спрашиваю, кто же описалъ произшествія, случившіяся между 1103 и 1125 годами (25)?"

Могло случиться, чтобъ и никто не описалъ. Развѣ мы мало видимъ подобныхъ пропусковъ въ лѣтописяхъ? Умираетъ одинъ лѣтописатель, а другой является не непосредственно за нимъ, а чрезъ нѣкоторое время, болѣе или менѣе долгое.

(24) с. 474. (25) Тамже.

„Въ третьихъ, если бы съ 1125 года началъ писать новый лѣтописецъ, то почему жъ бы ему не описать подробно пятнадцати лѣтъ, предшествовавшихъ 1125 году? вѣдь онъ былъ бы современникомъ произшествій, случившихся въ эти пятнадцать лѣтъ“ (26).

Онъ могъ, по какимъ бы то нибыло причинамъ, незнать о случившихся прошествіяхъ, или хотѣлъ записывать только то, что предъ его глазами случалось.

На замѣчаніе о двойномъ описаніи нѣкоторыхъ произшествій въ это время, доказывающемъ также перерывъ, авторъ замѣчаетъ:

„Наши лѣтописи представляютъ намъ произшествія описанныя вдвойнѣ, одинъ разъ коротко, другой разъ подробно, не въ одномъ только концѣ XI ст., но также въ XIV и XV столѣтіяхъ. Почему же въ XIV и XV столѣтіяхъ не находятъ перерыва, а въ концѣ XI го оный находятъ. (27)“

Нѣтъ—и въ XIV и XV стол. подобныя мѣста доказываютъ непремѣнно перерывъ.

На замѣчаніе мое о вѣрности изображенія Варяговъ у Нестора, доказывающей очевидность, которой послѣ, въ 13, 14, вѣкахъ, небыло, с. 47, Авторъ съ торжествомъ приводитъ мѣста, доказывающія, что Варяги были извѣстны до позднѣйшихъ вѣковъ (28).

(26) с. 475. (27) с. 475. (28) с. 476 и пр.

Отвѣчаю: всѣ эти мѣста взяты изъ моего же сочиненія о происхожденіи Руси, гдѣ я собралъ ихъ, слѣд. я очень хорошо знаю, что Варяги были извѣстны у насъ безпрерывно, и употребилъ эту извѣстность въ доказательство, что они не могли быть Вагирами. Но во всѣхъ сихъ мѣстахъ говорится о Варягахъ-купцахъ (все таки Норманскихъ, Нѣмецкихъ), или употребляется только ихъ имя (*), а я говорилъ объ изображеніи воинственныхъ Норманновъ, ихъ походовъ и образа дѣйствій; этого въ 13 и 14 вѣкахъ нельзя было описать изъ воображенія.

Касательно именъ племенныхъ, см. выше с. 48, авторъ пишетъ: „имена Славянскихъ племенъ начинаютъ пропадать не въ XII ст., а въ половинѣ X-го; слѣдов. лѣтописцу XII столѣтія также трудно было знать ихъ, какъ лѣтописцу XIII вѣка (29).

Отвѣтъ предложенъ выше, при разборѣ разсужденія того же автора подъ N 4.

О выраженіяхъ лѣтописей, показывающихъ близость произшествій съ описаніями, авторъ говоритъ, — о приведенномъ мною на с. 40:

„Почему *нынѣ* должно относить къ XI столѣтію, а не къ XIII-му? Развѣ Г. Погодинъ доказалъ, что гора, на которой, по словамъ лѣтописца,

(29) с. 479.

(*) Въ БЧ., 1834, гдѣ первоначально были напечатаны мои изслѣдованія, вслѣдствіе такъ сказать lapsus linguae, было сказано, что лѣтопись 14 вѣка не могла знать имени Варяговъ, къ чему авторъ и прицѣпился.

были погребены Аскольдъ и Диръ, не называлась болѣе Угорскою въ XIII столѣтіи? Только въ послѣднемъ случаѣ это нынѣ можетъ имѣть силу доказательную, иначе имъ нисколько нельзя подтверждать древность нашихъ лѣтописей“ (30).

Отвѣчаю: горы Угорской, послѣ Татаръ нельзя было знать; точно тоже должно сказать и объ Олминѣ дворѣ и о церкви Св. Иліи, слѣд. все это могло быть написано только до Татаръ.

О выраженіхъ *до сего дне*, см. выше с. 426.

Здѣсь авторъ выдумываетъ, какъ замѣтилъ Г. Бутковъ, будто Несторъ сказалъ, что колодезь съ сытою въ Бѣлгородѣ стоитъ до сего дне (31).

Что Ольгины сани или сѣни хранились еще въ Несторово время — въ томъ нѣтъ ничего удивительнаго (32).

Въ отвѣтъ на мое замѣчаніе, см. выше с. 43, объ различіи языка авторъ приводитъ начало Игорева договора 10 вѣка, и отрывокъ изъ Мстиславова договора 13 вѣка, и говоритъ, что слогъ послѣдняго древнѣе. (33)

Отвѣчаю на коварное сближеніе, которымъ можно обмануть только незнающихъ: это примѣры двухъ разныхъ нарѣчій, которыхъ нельзя сравнивать: Игоревъ договоръ переведенъ съ Греческаго на Болгарское церковное нарѣчіе, а Мстиславовъ договоръ писанъ на собственномъ Новогородскомъ нарѣчіи!

(30) с. 480. (31) с. 482. У Буткова ОЛР. с. 24. (32) Тамъ же. (33) У авт. с. 483, 484.

Драматическую форму многихъ повѣствованій Нестора я употребилъ только въ дополненіе къ доказательствамъ, отнюдь не придавая ей особенной силы. (См. выше с. 45). Авторъ приводитъ эту форму изъ сочиненій 14 вѣка, и говоритъ (34), что изъ нея заключать ничего нельзя. Ее можно привесть и изъ нашего времени, но форма формѣ рознь; одна она разумѣется не много значитъ, а въ соединеніи съ другими признаками она дополняетъ наше понятіе о первой лѣтописи и ея характерѣ. Я думаю, что приведенныя мною мѣста на с. 43 даже древнѣе Нестора.

N 12.

Кто писалъ нынѣ намъ извѣстныя лѣтописи.

На доказательства, см. выше с. 61 (35), что Несторъ писалъ лѣтопись, авторъ возражаетъ, (36) что говорилъ и въ разсужденіи своемъ подъ N 11 (37): „личныя мѣстоименія ничего незначатъ.“

Отвѣтъ мой, см. выше, на с. 425.

2. „Три лица являются писателями въ началѣ лѣтописи.“

Отвѣтъ мой, см. выше, на с. 424.

На доказательство въ заглавіи списковъ, см. выше с. 61, онъ повторяетъ, что говорилъ въ разсужденіи подъ N 4.

(34) с. 485. (35) Въ БЧ. 1834, это доказательство я ставилъ на первомъ мѣстѣ.

(36) с. 47, с. 163. (37) См. выше с. 425.

Отвѣтъ мой, см. выше, с. 364 и проч.

Воскресенскій списокъ я считалъ очень важнымъ по его прибавленіямъ, а авторъ, полагая, что я говорю здѣсь объ однѣхъ прибавленіяхъ съ Карамзинымъ (38), возражаетъ: „важныя прибавленія басень!" Прибавленія, о коихъ разумѣлъ я, относятся къ удѣльному періоду, о чемъ будемъ говорить въ свое время.

„Слова азъ грѣшный лѣтописанье се въ то время писахъ, которыя Г. Погодинъ на одной страницѣ своего разсужденія приписываетъ Нестору, а на другой называетъ вставкою переписщика, кажется, принадлежатъ къ числу этихъ важныхъ прибавленій" (39). Нѣтъ! на всѣхъ страницахъ приписывалъ я ихъ переписщику. „Ибо описывая въ своей лѣтописи перенесеніе мощей Св. Ѳеодосія, могъ ли бы Несторъ сказать: я грѣшный въ то время писалъ сію лѣтопись?" (Почему же не могъ? Развѣ немогу я сказать: въ такомъ то году было такое-то происшествіе, въ коемъ я принималъ мало участія: тогда я писалъ и это сочиненіе?) „Человѣкъ сидитъ и пишетъ лѣтопись, а между тѣмъ говоритъ, что онъ писалъ ее въ другое время! Есть ли тутъ смыслъ?" (Смысла нѣтъ въ пародіи автора, но въ подлинныхъ словахъ смыслъ есть. Да, человѣкъ сидитъ и пишетъ, то есть продолжаетъ писать лѣтопись, и вмѣстѣ говоритъ, что онъ писалъ ее и прежде, впродолженіи такаго-то произшествія).

(38) Карамзинъ, I, с. XXXI. (39) у авт. с. 167.

„Что же касается до замѣчанія Г. Погодина, что хотя эти слова вставлены перепищикомъ, но онѣ показываютъ, что перепищикъ считалъ лѣтопись сочиненіемъ Нестора, то я не вижу, начемъ бы оно могло быть основано; ибо перепищикъ не упоминая ни о комъ, говоритъ только: азъ грѣшный лѣтописанье се въ то время писахъ. Почему же подъ Азъ должно разумѣть Нестора“ (40)?

Потому что все дѣйствіе, здѣсь описанное, принадлежитъ Нестору какъ значится въ другихъ свидѣтельствахъ (41).

При третьемъ доказательствѣ авторъ наконецъ уступаетъ, и соглашается не только на то, что Несторъ былъ лѣтописателемъ, но и на то, что были записки до Нестора.

„Предварительно замѣчу, что скептики нисколько не отвергаютъ, что Несторъ былъ лѣтописцемъ Кіево-Печерскаго монастыря, т. е. велъ монастырскія записки; они утверждаютъ только, что Нестору не принадлежатъ нынѣ намъ извѣстныя лѣтописи, составленныя гораздо позднѣе его, именно въ концѣ XIII стол. Что существовали монастырскія записки, въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія, потому что признавъ даже Нестора за сочинителя нынѣ намъ извѣстныхъ лѣтописей, спрашиваю, какимъ образомъ могъ

(40) с. 168. См. Буткова объ этомъ мѣстѣ, ОЛР. с. 422.

(41) Впрочемъ я согласенъ съ Г. Кубаревымъ признать вообще это доказательство слабѣйшимъ другихъ. РИС. ч. III, с. 427.

лѣтописецъ, жившій въ концѣ XI столѣтія, знать годы рожденія и смерть Великихъ Князей X го вѣка? Какимъ образомъ могъ бы онъ означать время солнечныхъ и лунныхъ затмѣній, если бы не имѣлъ подъ руками краткихъ монастырскихъ записокъ? Въ существованіи ихъ былъ убѣжденъ и Карамзинъ.

Давно бы такъ!

„Монастырскія записки должно отличать отъ нынѣ намъ извѣстныхъ лѣтописей, — сборниковъ, заключающихъ въ себѣ большею частію истори-ческія свѣдѣнія, простирающіяся не на одно какое нибудь Княжество, а на всѣ; свѣдѣнія, приведенныя въ нѣкоторый родъ системы по образцу Греческихъ временниковъ; между тѣмъ какъ кругъ монастырскихъ записокъ былъ весьма тѣсенъ и ограничивался тѣмъ городомъ, (много-много Княжествомъ), гдѣ находился монастырь, въ коемъ трудолюбивый монахъ велъ дневникъ главнѣйшихъ событій. Пришествіе въ обитель богомольцевъ, смерть благочестивыхъ иноковъ, любопытные случаи ихъ примѣрной жизни, перемѣны въ монастырѣ случавшіяся, нашествіе непріятелей на оный, рожденіе и смерть Князей и т. п. — вотъ что вносилось въ монастырскія записки, изъ коихъ въ послѣдствіи составились сборники, извѣстные нынѣ намъ подъ именемъ лѣтописей" (42).

(42) с. 169.

Все недоумѣніе автора и его товарищей происходитъ отъ того, что онъ смѣшивалъ позднѣйшія лѣтописи съ началомъ лѣтописей. Къ позднѣйшимъ сборникамъ относится понятіе, какое они себѣ составили, а не къ началу нашихъ лѣтописей, вездѣ одинакому, началу Несторову.

Противъ свидѣтельства Поликарпова, см. выше с. 67, авторъ ничего немогъ уже сказать, кромѣ того, что Поликарпъ, говоря о лѣтописцѣ, разумѣлъ монастырскія записки. (43)

Нѣтъ, онъ говоритъ не объ монастырскихъ запискахъ, а именно объ лѣтописи, и что́ онъ указывалъ въ ней, то и теперв находится въ лѣтописи, такъ называемой нами Несторовой.

N 13 и послѣдній.

О первобытномъ видѣ и источникахъ нынѣ намъ извѣстныхъ лѣтописей.

На мысли изложенныя въ разсужденіи моемъ о первобытномъ видѣ и источникахъ Несторовой лѣтописи, с. 77 и проч., авторъ возражаетъ еще менѣе.

„Со всѣми этими положеніями новаго (?) мнѣнія Г. Погодина я совершенно согласенъ и вмѣстѣ — совершенно несогласенъ“ (44).

Причины несогласій — всѣ прежнія, онѣ разобраны нами прежде.

Въ остальной части своего возраженія, авторъ только что разглагольствуетъ. Считаемъ нуж-

(43) с. 175. (44) ч. 48, с. 187.

нымъ отвѣчать о времени списковъ на слѣдующее сужденіе о моемъ мнѣніи:

„Онъ (т. е. я) полагаетъ ни на чемъ не основываяся, не представляя никакихъ доказательствъ, что которымъ годомъ оканчивается какой нибудь списокъ, къ тому году и долженъ относиться подлинникъ этого списка, на пр. Радзивиловскій списокъ оканчивается 1206 годомъ, слѣдовательно подлинникъ его принадлежалъ къ началу XIII столѣтія. Не знаю, въ слѣдствіе какого логическаго закона поставлено здѣсь это слѣдовательно! Что переписщикъ напр. Радзивиловскаго списка, остановился на 1206 году, изъ этого слѣдуетъ, что подлинникъ, съ коего онъ переписывалъ, оканчивался этимъ же годомъ и былъ написанъ въ 1206 году?" (45)

Разумѣется слѣдуетъ, ибо всякой переписщикъ списывалъ съ подлинника. Съ чегоже станемъ мы предполагать, что бъ кто нибудь списывалъ часть его!

„Сколь ложно заключеніе Г. Погодина о спискахъ нашихъ лѣтописей, видно съ перваго взгляда. Допустимъ, что оно справедливо; и мы тотчасъ дойдемъ ad absurdum. Всѣ наши списки сняты съ одного подлинника, по признанію самого Г. Погодина, — ибо извѣстія въ нихъ большею частію одни и тѣ же, — и всѣ наши списки оканчиваются различными годами; изъ сего слѣдуетъ, придер-

(45) с. 192.

живаясь логики Г. Погодина, что подлинникъ, съ коего списаны наши списки, оканчивался различными годами, или другими словами, что одинъ и тотъ же подлинникъ принадлежалъ къ различнымъ столѣтіямъ." (46)

Нѣтъ! авторъ не понялъ, въ чемъ дѣло: постараюсь растолковать теперь яснѣе: одинъ переписщикъ списалъ весь свой подлиникъ, положимъ оканчивавшійся 1206 годомъ.

Другой переписщикъ списалъ его также, но сталъ продолжать, положимъ, до 14 вѣка.

Третій переписалъ сполна первой списокъ и съ продолженіемъ до 14 вѣка.

Четвертый сталъ продолжать еще, и такъ далѣе.

Пятый могъ списать одно первое начало.

Вотъ происхожденіе разныхъ списковъ и разныхъ окончаній! Не подлинникъ оканчивался разными годами, а списки съ подлинника, дѣланные въ разныя времена и разными лицами, изъ которыхъ иные были вмѣстѣ и продолжателями.

„И какъ противорѣчитъ себѣ Г. Погодинъ! списокъ Софійскаго Временника оканчивается 1418 годамъ, слѣдовательно подлинникъ этого списка Г. Погодинъ долженъ бы былъ отнести къ началу XV столѣтія; но нѣтъ! Г. Погодинъ относитъ его къ XII или XIII столѣтію." (47).

Софійскій временникъ есть одинъ изъ сборниковъ, о которыхъ сказано выше. Начало его окан-

(46) Тамъ же. (47) с. 193.

чивается 1206 годомъ, когда вѣрно и жилъ этотъ продолжатель Несторовъ, за которымъ слѣдовали прочіе.

Противъ до-Несторовыхъ записокъ, см. выше с. 89, авторъ возражаетъ:

„Точно, лѣтописи наши говорятъ, что въ 9 вѣкѣ у насъ были Христіане (вотъ ужъ наконецъ на что принужденъ былъ онъ согласиться: Христіане у насъ въ 9 вѣкѣ, — такъ какъ же мы исключимъ ихъ изъ Исторіи, и будемъ начинать ее съ 14 вѣка!),—но умѣли ли писать эти Христіане,— объ этомъ лѣтописи молчатъ. Не всякой Христіанинъ грамотенъ, и многіе ли Христіане даже нашего времени умѣютъ писать" (48).

Я здѣсь разумѣлъ Христіанъ Священниковъ, блюстителей Религіи, а не новообращенныхъ: безъ грамоты не могли они и обѣдни служить!

„Какихъ Русскихъ Князей священникъ Ольги могъ записывать, даже въ своихъ поминаньяхъ, когда всѣ наши Князья до Владимира были язычники" (49).

Какихъ — Ольгу, которая была супругою сына Рюрикова, Владимира, и сына его Ярослава, сыновъ его, внуковъ, — вотъ сколько было Князей до Нестора.

„Но допустимъ даже", говоритъ авторъ, „что гораздо до Нестора были у насъ записки, подоб-

(48) с. 194. (49) Тамъ же.

ныя тѣмъ, которыя ведутся нашими провинціальными помѣщиками въ ихъ календаряхъ, могъ ли Несторъ вставить въ нихъ разсказъ о тѣхъ происшествіяхъ, кои нынѣ заставляютъ относить составленіе нашихъ лѣтописей къ XIII вѣку? Могъ ли онъ вставить о пришествіи трехъ братьевъ Рюрика, Синеуса и Трувора, о походахъ Олега на Константинополь, о договорахъ Олега и Игоря съ Греческими Императорами"? и такъ д. (50).

О Рюрикѣ, Синеусѣ и Труворѣ могло дойти до него преданіе, Сага, и она была безъ всякаго сомнѣнія, ибо нельзя же было Варягамъ, поселившимся въ нашихъ сторонахъ, позабыть имя того, съ кѣмъ они пришли сюда впервые. Это было бы не похоже на нихъ, и находилось бы въ противорѣчіи съ ихъ жизнію во всѣхъ прочихъ Европейскихъ странахъ!

О походѣ Олеговомъ, безъ сомнѣнія, была Сага, что показываютъ многія подробности, приводимыя Несторомъ. Могло быть какое нибудь Болгарское или Греческое извѣстіе, которое, можетъ быть, найдется, какъ предъ нашими глазами нашлось извѣстіе объ Аскольдѣ и Дирѣ, объ Игорѣ.

Какъ договоры могли дойти до Нестора (51), предложено разсужденіе выше с. 115 и проч.

О Болгарскихъ лѣтописяхъ авторъ говоритъ: „къ стыду моему я сознаюсь въ своемъ невѣже-

(50) с. 198. См. у Буткова ОЛР. с. 71. (51) с. 198. ОЛР. с. 76.

ствѣ: до сихъ поръ я не зналъ, что существуютъ лѣтописи Болгарскія, не зналъ, что и Болгары имѣли своихъ лѣтописцевъ. Сколько ни читалъ я книгъ историческихъ, но нигдѣ до сихъ поръ не случалось мнѣ найти о существованіи такихъ лѣтописей. Почему, сознаваясь въ своемъ невѣжествѣ, я осмѣливаюсь просить Г. Погодина объяснить мнѣ: когда появились Болгарскія лѣтописи, по какой формѣ, гдѣ и кѣмъ были писаны, и наконецъ гдѣ нынѣ хранятся? Надѣюсь, что Г. Погодинъ не откажетъ сообщить своихъ свѣдѣній о столь любопытномъ предметѣ" (52).

Георгій Амартолъ по своимъ продолженіямъ и вставкамъ есть Болгарская лѣтопись. Константинъ Манассія — также (53). Увѣренъ, что найдемъ тоже въ Симеонѣ Логоѳетѣ и Зонарѣ.

„Имѣя нужду въ Г. Погодинѣ, я на сей разъ соглашусь съ нимъ, что лѣтописецъ пользовался разсказами Варяговъ и преданіемъ. Но вотъ бѣда: самъ Г. Погодинъ этими двумя источниками лишилъ наши лѣтописи всякой достовѣрности. Если мы вспомнимъ, что изъ Греческихъ Временниковъ лѣтописецъ заимствовалъ только форму своего сборника, космографію и т. п. (о Руссахъ же собственно почти ничего), то единственными источниками нашихъ лѣтописей останутся разсказы

(52) с. 202. (53) См. изслѣдованіе Черткова въ РИС. ч. VI.

Варяговъ и преданіе. И такъ лѣтописи наши основаны на разсказахъ и на преданіи" (54).

Въ томъ то и заключается задача критики: разобрать извѣстія лѣтописи — однѣ, согласныя въ здравымъ смысломъ, съ ходомъ вещей, съ иностранными свидѣтельствами, съ послѣдствіями, признать за истинныя; другія, затемненныя преданіемъ и даже сказками, очистить, третьи отвергнуть. Это говорилъ я нѣсколько разъ, и повторилъ въ изслѣдованіи своемъ о Несторѣ, но изъ за нѣсколькихъ невѣроятныхъ, маловажныхъ подробностей, осуждать всю лѣтопись, — есть нелѣпость, которой нѣтъ примѣра ни въ одной исторической литтературѣ.

Сравненіе автора лѣтописи съ житіемъ Ѳеодосія показываетъ, что авторъ не читалъ вполнѣ ни той, ни другаго. (55)

Далѣе — изъ примѣровъ грамотности въ Несторово время, приведенныхъ мною, онъ признаетъ путешествіе Даніила. Но по методу школы здѣсь слѣдовало бы воскликнуть, какъ они восклицали о государственномъ кредитѣ, объ этнографіи, о любви къ искусству и проч., слѣдовало бы, говорю, воскликнуть: какъ — въ 11 вѣкѣ путешествіе, описаніе путешествія, дорожныя мемуары!

О духовной Владимира Мономаха авторъ изъявляетъ свое сомнѣніе, не прилагая доказательствъ, а

(54) с. 202. (55) с. 205. См. у Буткова ОЛР. с. 243.

только говоря: „странно, что всѣ другіе переписщики, кромѣ монаха Лаврентія, выпустили или не помѣстили такого драгоцѣннаго сочиненія, если бы оно принадлежало Владиміру Мономаху“ (56).

О Сборникѣ Святославомъ: „Сборниковъ Святослава я не видалъ; но не могу здѣсь умолчать о замѣчаніи одного знатока древней Русской Палеографіи, который не одинъ разъ имѣлъ случай разсматривать Сборники Святослава. По словамъ его, приписка, въ слѣдствіе коей относятъ эти сборники ко временамъ, столь отдаленнымъ, писана чернилами совершенно черными; между тѣмъ какъ вся рукопись писана чернилами блѣдными; онъ же замѣчаетъ, что трудно съ точностію опредѣлить, одной ли и тою же рукою писана приписка, какою писана и самая рукопись. Повторю опять, я самъ не видалъ сборниковъ Святослава, но тѣмъ не менѣе почелъ не излишнимъ сослаться на человѣка, чрезъ руки котораго прошло нѣсколько сотенъ древнихъ и новыхъ рукописей“ (57).

Не знаемъ, кто этотъ знатокъ, а знаемъ, что всѣ наши филологи, палеографы, которыхъ больше, чѣмъ изслѣдователей, единогласно признаютъ древность Святославовывъ сборниковъ.

„Что касается до Грамоты Мстислава, то я не знаю, какъ наши изслѣдователи, имѣя вѣрныя

(56) У авт. с. 205, ОЛР. с. 243.
(57) У авт. с. 206. ОЛР. с. 244.

понятія о Русской Дипломатикѣ, могли считать ее за подлинную. Самый поверхностный взглядъ можетъ убѣдить въ противномъ. Да притомъ же, если бы даже и доказали подлинность этой граммаmы, и тогда чѣмъ бы она могла подтвердить существованіе нашихъ лѣтописей XI столѣтія. Тоже самое можно сказать о вопросахъ Кирика и отвѣтахъ на оные." (58)

Вотъ какъ смѣло эти господа рѣшаютъ важнѣйшіе вопросы! „Самый поверхностный взглядъ можетъ убѣдить въ противномъ!" Поверхностный — такъ, а глубокій? И что же увидѣлъ поверхностный взглядъ? Ничего.

Подтверждать лѣтопись грамотою и вопросами я не думалъ, а ссылался на нихъ, какъ на доказательства грамотности Несторова времени.

Вотъ всѣ замѣчанія! Авторъ, предлагая послѣднія, въ N 13, начиналъ, кажется, сознаваться въ слабости своихъ доводовъ, и убѣждаться въ противныхъ.

(Разсужденія о лѣтописи напечатаны мною сперва въ БЧ. 1834. Авторъ на нихъ и дѣлалъ свои замѣчанія. Въ 1838 году я напечаталъ ихъ вновь, исправленныя и дополненныя, какъ онѣ предлагаются здѣсь. Эти остались безъ возраженій).

(58) У авт. с. 206; ОЛР. с. 245.

Я разобралъ всѣ разсужденія Скептической школы, отвѣчалъ на всѣ возраженія. Пусть укажутъ мнѣ хоть одно, пропущенное! Я не касался только до общихъ мѣстъ, которыми обилуетъ, за неимѣніемъ существеннаго содержанія, всякое разсужденіе; не указывалъ на противорѣчія ихъ между собою, ибо это не стоило бы труда, и не принеслобы пользы; не обращалъ вниманія читателей на придирки къ словамъ и черты несноснаго хвастовства (59), наконецъ пропустилъ всѣ личности, собственно до меня относившіяся, въ разсужденіяхъ подъ N 11, 12 и 13. Авторъ этихъ разсужденій, (его уже нѣтъ на свѣтѣ) могъ бы принести пользу Русской Исторіи своей способностію соображенія, своимъ трудолюбіемъ, своимъ искусствомъ писать, еслибъ сталъ на прямую дорогу. Возражать, сомнѣваться, показалось для него сначала гораздо легче, и вмѣстѣ гораздо виднѣе; но подъ конецъ онъ увидѣлъ, какъ говорятъ достойные свидѣтели, свои заблужденія.

(59) Одинъ юноша, напримѣръ, восклицалъ въ своей диссертаціи (СО. ч. 46. с. 392.): „что сказалъ бы Шлецеръ, еслибы увидѣлъ *разрушеніе самаго театра*, которымъ дорожилъ еще Эверсъ, преобразованіе сцены, исправленіе драмы, измѣненіе декорацій?.. Время такого совершеннаго переворота въ Русской Исторіи не замедлило наступить....“

Наступило,— но уже и прошло! (Замѣчательно, что оже кричитъ теперь и Славянская школа!)

Итогъ скептическихъ положеній и возраженій на оныя.

Выберемъ теперь для легчайшаго обозрѣнія всѣ главныя положенія школы и школьниковъ, изъ лабиринта ихъ логомахіи, и опровергнемъ вкратцѣ свидѣтельствами, избирая оныя изъ вышепредложенныхъ.

Варяги=Вагры, Славяне.

Новгородъ основанъ въ 11 или 12 вѣкѣ.

Имя Руси принадлежитъ Югу.

Византійцы свидѣтельствуютъ, будто бы, что Русь жила при Черномъ морѣ.

Что Русь есть племя Азіатское, Турецкое.

Арабы говорятъ, будто бы, тоже.

Договоры Олега, Игоря и Святослава, не могли быть заключены сими Князьями.

Торговли въ 11 вѣкѣ не могло быть никакой.

Исландскія саги безполезны для Русской Исторіи.

Русской Правды не могло быть въ XI вѣкѣ.

Лѣтопись Несторова сочинена въ 13 или 14-вѣкѣ.

Не было кожаныхъ денегъ.

Варяги были Вагры, Славянское племя, обитавшее при Балтійскомъ морѣ, отчасти въ нынѣшней Голштиніи.

Въ 12 и 13 вѣкѣ Варягами назывались у насъ Шведы и прочіе Норманны: почему же въ 11 и 10 разумѣть подъ ними Славянъ — Вагровъ? Всѣ извѣстія о Варягахъ идутъ въ нашихъ лѣтописяхъ *безпрерывно* отъ 9 вѣка до 13 и далѣе, а одному имени нельзя давать въ такомъ случаѣ разныхъ значеній.

Какъ опровергнуть Нестора, который именно говоритъ, что Новогородцы прозвались Русью отъ призванныхъ Варяговъ — Рюрика, Синеуса и Трувора: пи суть людье Ноугородци отъ рода Варяжска, преже бо *бѣша Словѣни*.

Игорь, Владиміръ, Ярославъ, звали къ себѣ на помощь Варяговъ — неужели это были Вагры?

Вы не вѣрите Норманству нашихъ Варяговъ, потому что Сѣверные лѣтописатели будтобы молчатъ объ нихъ, но почемуже вы принимаете ихъ Славянство, о которомъ молчитъ современный Вагирскій лѣтописатель? Почему съ 12 столѣтія небыло сношенія съ этими Вагирами-Славянами? И напротивъ въ 12 столѣтіи Варягами называются у насъ уже именно Норманны—Нѣмцы—Шведы и тому под.

Гельмольдъ говоритъ, что Сѣверная Русь крестилась прежде Вагровъ. Чтоже — язычники Вагры приходили къ намъ Христіянамъ?

Положимъ — Варяги были Вагиры, но подъ какимъ же именемъ приходили къ намъ и чрезъ нашу землю въ Грецію Норманны? Подумали ль

толковники, что для Норманновъ не остается уже никакого имени?

Или Норманны не были у насъ?

То есть, Норманы ѣздили и селились въ Голландіи, Франціи, Англіи, Ирландіи, Испаніи, Сициліи, на островахъ Оркадскихъ, Ферерскихъ, на отдаленной и холодной Исландіи, въ Америкѣ, — и не были у насъ, ближайшихъ своихъ сосѣдей! Вотъ что Г. Строевъ называетъ высшей критикой!

Что дѣлать со всѣми извѣстіями Сѣверныхъ и Византійскихъ лѣтописателей о путешествіяхъ Норманновъ къ намъ и въ Грецію? Съ Греческими Варангами изъ Норманновъ и Сѣверными Верингерами? Откуда Норманскія имена должностей? Откуда Тіуны, Виры, Губы, Гридни и проч.

Естьли у Вагровъ имена похожія на Рюрика, Трувора, Олега, Игоря, Свѣнельда, Руалда и проч.?

Въ заключеніе можно опереться и на авторитетъ такого писателя, какъ Шафарикъ, котораго зоркій глазъ отыскиваетъ Славянъ вездѣ, гдѣ можно, и который рѣшительно говоритъ, что наши Варяги были Норманны.

Все это пустое мнѣніе основано на одномъ созвучіи: Вагиры, Вагры, и Варяги. Но развѣ менѣе созвучія у Варанговъ или Верингеровъ съ Варягами? А послѣднія созвучія подкрѣпляются сверхъ того множествомъ доказательствъ и соображеній историческихъ, коихъ Вагиры не имѣютъ за себя.

Новгородъ основанъ въ 11 или 13 вѣкѣ!

А Константинъ Багрянородный, жившій въ X вѣкѣ, говоритъ о Новѣгородѣ:

„Суда, на которыхъ Руссы приходили къ Царюграду, были изъ Немогарда, столицы Россійскаго Князя Свендослава, сына Игорева, также изъ Миличиски (Смоленска), Телюча (Любеча), Чернигога (Чернигова), и Вусеграда (Вышеграда). Отъ сихъ городовъ привозили ихъ сперва на рѣку Днѣпръ, наконецъ собиралися у Кіева, которой прозванъ былъ Самватасъ.“

Но Адамъ Бременскій, жившій во второй половинѣ XI столѣтія, говоритъ, что въ его время Датчане пріѣзжали въ Новгородъ иногда въ 4 недѣли, а отъ устья Одера въ 43 дня.

Но Гельмольдъ, Вагирскій лѣтописатель, жившій именно *въ то время*, не говоритъ ни слова о переселеніи своихъ соотечественниковъ.

Но Остромирово Евангеліе, (на которомъ Добровскій и Востоковъ основываютъ систему языка) написано въ Новѣгородѣ въ 1056 году.

Но въ 12 столѣтіи въ Новѣгородѣ была только одна церковь Варяжская — какъ же бы могло это случиться, еслибъ городъ былъ основанъ Варягами? Откуда стеклись туда жители? Или всѣ были пришельцы? Тогда мы должны были найдти тамъ иное нарѣчіе, Польское?

Но въ 12 столѣтіи Императоръ Фридрихъ называетъ жителей Новагорода Русинами, а не Варягами.

Какъ же Русь зашла сюда съ Чернаго моря? Какъ все это соединить можно?

Но Вагиры въ 12 столѣтіи исповѣдывали Латинскую вѣру. Откуда же въ Новѣгородѣ Греческая?

Когда, по какому случаю, эти Вагиры перемѣнили тамъ исповѣданіе Римское на Греческое? Съ 12 столѣтія вѣдь все уже совершенно ясно вездѣ, все описано. Въ 12 столѣтіи (1156 г.) Епископъ Нифонтъ запрещаетъ носить дѣтей Варяжскому попу на молитву, зане же яко двувѣрци суть.

Но Святославъ Ольговичь, въ Новогородской грамотѣ 1137 года, дошедшей до насъ съ подробнымъ описаніемъ Новогородскихъ Княжескихъ владѣній, говоритъ о своемъ дѣдѣ и прадѣдѣ.

А Софійскій Соборъ? Или нѣтъ его? Онъ подложный? Съ 12 г. столѣтія строеніе всѣхъ церквей записано въ Новѣгородѣ.

Но Мстиславъ цѣловалъ крестъ на всѣхъ грамотахъ Ярослава, а Ярославъ когда жилъ? Вѣдь его Византійцы знаютъ.

Насъ увѣряютъ, *будто Византійцы свидѣтельствуютъ*, *что Русь есть племя Азіатское.*

А продолжатель Өеофановъ, жившій въ X вѣкѣ, говоритъ при описаніи похода Игорева, что Руссовъ производятъ отъ Франковъ.

Въ другомъ же мѣстѣ, что Никифоръ Фока противъ бунтовщиковъ послалъ Руссовъ и Азіатцевъ.

А Симеонъ Логоөетъ, писавшій въ началѣ X вѣка, говоритъ: Руссы ведутъ свой родъ отъ Франковъ.

А Ліутпрандъ, — (прибавимъ здѣсь и западнаго Лѣтописателя тѣмъ болѣе, что онъ былъ тогда въ Константинополѣ, и писалъ со словъ Грековъ) — говоритъ: Есть народъ на сѣверѣ, которой *мы* называемъ по положенію мѣста Норманнами. Тесть мой, (бывшій посломъ въ Константинополѣ), разсказывалъ часто, какъ Императоръ побѣдилъ Руссовъ. Царь ихъ, именемъ *Ингоръ*, и проч.

Какъ же вы смѣете говорить намъ въ глаза, что Византійцы называютъ Русь Азіатцами. Если бъ у Византійцевъ попалось какое выраженіе подобное, то его слѣдовало бы сравнить съ другими, провѣрить, изслѣдовать, и потомъ уже выставлять. Самъ Эверсъ, который вытягивалъ себѣ доказательства со всѣхъ сторонъ, никакъ не смѣлъ взять приведенныхъ мѣстъ въ доказательство Черноморства, и призналъ, что Византійцы производятъ Русь отъ Европейцевъ.

Руссовъ называютъ Византійцы Тавроскиөами. Такъ чтоже! Извѣстно, какъ они перемѣшиваютъ

имена. Но тутъ же Левъ Діаконъ говоритъ: Тавроскиѳы, которыхъ мы называемъ Руссами. Тутъ же Болгаръ называетъ онъ Мисянами, Древлянъ Германцами. Кого лѣтописатели среднихъ вѣковъ не называли Гуннами! Какъ смѣшиваютъ имена Восточные писатели!

Насъ увѣряютъ еще, *будто Византійцы свидѣтельствуютъ, что Русь жила по Черному морю.*

Но Императоръ Константинъ Багрянородной говоритъ, что *вверхъ по рѣкѣ Днѣпру* жительство имѣла Русь, и что къ полудню, то есть къ Черному морю, Русь вездѣ смежна была съ землею Печенеговъ.

Византійцы говорятъ о Руссахъ впродолженіи нѣсколькихъ столѣтій: почемуже предполагать, что первое извѣстіе о Руссахъ относится не къ нашимъ, хотя оно вполнѣ прилично имъ?

Насъ увѣряютъ, будто Арабскіе писатели полагаютъ Русь по Черному морю.

Но Ибн-ел-Верди говоритъ, что они живутъ въ верховьяхъ Днѣпра, и что на Западъ отъ нихъ находится Данія.

Но Мукаддези говоритъ, что Руссы живутъ на островѣ Вабіи, то есть Даніи, по ясному изслѣдованію Френа.

Но Массуди говоритъ, что одно Русское племя называется Ладожанами.

Но Ибн-Гаукалъ говоритъ о выдрахъ у Руси, кои водятся только въ сѣверныхъ рѣкахъ.

Насъ увѣряютъ, что *Русь Арабскіе писатели считаютъ Восточнымъ народомъ.*

Но Ибн-Фоцланъ, Аравитянинъ, въ городѣ Итили, наполненномъ Турецкими и восточными племенами, говоритъ, что у Руссовъ особой языкъ, религія и божескій законъ, коимъ они не сходны ни съ какимъ другимъ. Ясноли, что это не Восточный народъ?

Но всѣ Оріенталисты Френъ, Д'оссонъ, Шармуа, Размуссенъ, Сенковскій, Григорьевъ, не видятъ ничего восточнаго въ Руссахъ Арабскихъ писателей, а напротивъ, считаютъ Сѣвернымъ, Норманскимъ племенемъ.

Нейманъ, выразившій послѣднюю Эверсову мысль, не осмѣливается сослаться на Восточныхъ писателей, — а эти школьники, не зная восточныхъ языковъ, не читая даже Нѣмецкихъ разсужденій, а только мои переводы изъ Эверса и Неймана, смѣло утверждаютъ восточное происхожденіе Руси, и говорятъ, что Восточные писатели свидѣтельствуютъ такъ!

Почти всѣ мѣста о Руссахъ у Арабовъ можно легко прилагать къ Кіевскимъ Руссамъ и ихъ от-

раслямъ. Есть очень, очень немногія, нѣсколько противорѣчащія, или лучше инорѣчащія, но какъ же принимать ихъ за главныя, какъ опираться на нихъ, не смотря на всѣ прочія, многочисленнѣйшія, прежде сравненія, изслѣдованія?

Византійцы и Руссы не могли договариваться, и договоры Олега, Игоря и Святослава подложные.

Но Константинъ Багрянородный, въ книгѣ своей о церемоніяхъ двора Византійскаго, говоритъ именно, что грамоты къ Русскимъ Князьямъ, (за золотою печатью, цѣною въ два солида или червонца), подписывались вотъ какъ: „грамота Христолюбивыхъ Римскихъ Императоровъ Константина и Романа къ Россійскому Князю.“

Но Левъ Діаконъ, описавъ войну Цимискія съ Святославомъ, говоритъ, что сей послѣдній просилъ у Императора мира на такихъ условіяхъ: „Тавроскиѳы должны отдать Римлянамъ Дористолъ, отослать плѣнныхъ, выйти изъ Мизіи, и возвратиться въ свое отечество; а Римляне должны дать имъ безопасно отплыть на судахъ своихъ, не нападая на нихъ съ огненосными кораблями.... позволить привозить къ себѣ хлѣбъ и посланныхъ для торговли въ Византію считать по прежнему обычаю друзьями.“

Но Византійцы договаривались и имѣли обыкновеніе, договариваться съ Персами, (и договоры

писались по Персидски и Гречески), Болгарами и другими варварами, хотя сохранились очень немногіе изъ нихъ. А Норманны съ своей стороны такъ же договаривались съ Франками и другими народами, съ которыми входили въ соприкосновеніе.

—

„Договоры Олеговъ, Игоревъ, Святославовъ, съ Греками сходны съ договорами Ганзейцевъ съ Новогородцами.“

Укажите — въ чемъ они сходны?

Есть сходство у нихъ съ договорами Римлянъ и Карѳагенянъ, Калмыковъ и Русскихъ. Чтоже — Карѳагеняне, Калмыки, списывали также съ Ганзейцевъ?

Откуда напримѣръ Новогородскій плутъ-переводчикъ Ганзейскаго договора, приписавшій свой переводъ Игорю или Олегу, узналъ о предмѣстіи Св. Мамы?— Одна такая черта достаточна свидѣтельствуетъ подлинность.

Какъ выдумать вотъ это извѣстіе: Руссы не должны покупать паволокъ. И мы точно знаемъ, изъ Западныхъ лѣтописателей и самихъ Византійцевъ, что у нихъ было такое запрещеніе.

Справьтесь съ юристами, которые скажутъ вамъ, что всѣ статьи этихъ договоровъ совершенно приличны степени, на которой находилось тогда наше гражданское общество, и имѣютъ всѣ внутренніе признаки достовѣрности и подлинности.

Имя Руси принадлежитъ Югу.

Но Гельмольдъ, на котораго толкователи часто ссылаются, говоритъ вотъ что: „по Балтійскому морю живутъ многія племена. Датчане и Шведы, которыхъ мы называемъ Норманнами, занимаютъ сѣверной берегъ и острова. Южной же—Славянскія племена, изъ которыхъ первые къ востоку Руссы, а потомъ Поляки, имѣющіе на Сѣверѣ Пруссовъ...“

Русь называется отъ Датчанъ Острогардомъ, потому что лежитъ на Востокѣ.

Но Адамъ Бременскій, Саксонъ Грамматикъ, говорятъ вездѣ о Руси на Сѣверѣ. Есть такія извѣстія у самихъ Арабовъ. Византійскіе Греки называютъ Русь часто Гиперборейскими Скиѳами.

„Торговли у Руссовъ не могло быть никакой.“

Но Константинъ Багрянородной, описывая посѣщеніе Ольги, говоритъ, что въ ея свитѣ было сорокъ три человѣка купцевъ, которые получили подарки на аудіенціи и проч.

Но Сѣверные лѣтописатели Адамъ, Саксонъ, Егингартъ, доставляютъ множество извѣстій о торговлѣ Руской на Сѣверѣ, собранныхъ даже у Шлецера.

Но Кедринъ говоритъ, что по ссорѣ купцевъ Русскихъ въ Константинополѣ произошла война при Ярославѣ, которой прислалъ на Грецію сына своего Владимира.

Но какъ зашли къ намъ *безъ* торговли Арабскія монеты 8, 9, 10, вѣка, которыя выкапываются на всемъ пространствѣ Сѣверной и Средней Россіи?

—

Исландскія Саги безполезны для Русской Исторіи.

Но это мнѣніе сказано Шлецеромъ *за 70 лѣтъ*, и рѣшительно опровергнуто новыми изслѣдователями; *но* съ тѣхъ поръ найдено множество другихъ Сагъ; *но* съ тѣхъ поръ надъ Сагами трудились долго многіе ученые, ученые первокласные, которые разобрали ихъ, сравнили, изслѣдовали, и отдѣлили ложь отъ истины; *но* съ тѣхъ поръ доказано, что многія Саги записаны, по малой мѣрѣ, въ 12 столѣтіи; а чрезъ сколько времени записана Иліада послѣ ея сочиненія? Наконецъ не должно терять изъ виду и того, что множество ихъ до сихъ поръ не напечатано.

Русской Правды не могло быть въ XI столѣтіи.

Главная ошибка здѣсь состоитъ въ томъ, что считаютъ Русскую Правду какимъ-то систематическимъ правомъ, и, сравнивая позднѣйшее появленіе такого права у всѣхъ сосѣднихъ народовъ, заключаютъ, что она не могла явиться такъ рано. Но Русская Правда есть собраніе записанныхъ обычаевъ, еще болѣе, чѣмъ законы варварскіе, законы Франковъ Салическихъ, Рипуерскихъ, законы Бургиндіоновъ, Вестготовъ, перемѣшанные съ

Римскими. Вотъ съ какими законами она должна быть сравниваема! Русская Правда явилась совершенно параллельно съ ними, и имѣетъ за собою всѣ доказательства подлинности. А положительное систематическое право, на которое указываютъ наши критики, должно сравнивать уже съ Судебникомъ, Уложеніемъ и тому под.

—

Въ Разсужденіяхъ *о кожаныхъ деньгахъ* нельзя добраться до того, что хотѣлъ доказать сочинитель и его послѣдователи.

Кожаныхъ денегъ не было?

Нѣтъ, они были. Сочинитель самъ приводитъ слова изъ Указа Петра Великаго, и говоритъ: „не отрицаю употребленія и кожаныхъ лоскутковъ, вмѣсто мѣлкой монеты. Всякое сомнѣніе уничтожается словами Указа Императора Петра Великаго: изъ него видимъ, что въ Калугѣ и иныхъ городахъ, за недостаткомъ денежекъ для размѣна, торговали... не только кожаными, но и еще какими-то иными жеребьями — можетъ быть, костяными, деревянными палочками, или же суконными лоскутками.“

Что же берется онъ доказывать намъ съ такимъ усиліемъ, съ такимъ напряженіемъ? Самъ вообразилъ себѣ при кожаныхъ деньгахъ Государственный кредитъ, банковыя ассигнаціи, и началъ ихъ опровергать!

Для 18 вѣка мы слышали свидѣтеля, Петра Великаго.

Герберштейнъ, свидѣтель 16 вѣка, говоритъ, что древніе Россіяне употребляли, вмѣсто денегъ, мордки и уши бѣлокъ и другихъ животныхъ.

Для 13 вѣка есть свидѣтель Рубруквисъ, которой говоритъ, что обыкновенная монета Россійская состоитъ изъ кожаныхъ пестрыхъ лоскутковъ.

Если при Петрѣ Великомъ, въ 18 столѣтіи, ходили кожаные лоскутки, то почему жъ не вѣрить въ нихъ Рубруквису и Герберштейну? Гораздо труднѣе предположить ихъ въ 18 в., чѣмъ въ 16, или 13.

Подъ какими же именами ходили эти кожаные лоскутки? Гдѣ монеты изъ чернаго серебра? Развѣ послѣ не было чернаго серебра?

Даже самая догадка, справедлива ли она, или нѣтъ, предложена у насъ уже давно.

Вотъ что говоритъ Г. Успенскій въ своемъ опытѣ о Русскихъ Древностяхъ: „весьма вѣроятно предполагать можно, что упоминаемыя въ лѣтописяхъ нашихъ, напр. бѣльи лобки и куньи мордки, суть не части сихъ звѣрковъ вещественныя, какъ многіе сіе утверждаютъ, почитая оныя, яко бы по неимѣнію вещественной или дѣйствительной металлической монеты, за настоящіе или подлинные лобки и мордки, но названія особыхъ и цѣною различныхъ монетъ, съ изображеніемъ оныхъ частей или самыхъ звѣрковъ въ маломъ видѣ; а потому хотя монеты сіи были и металлическія, но

или удерживали старинное названіе, или именованы такъ по находившимся на нихъ изображеніямъ.“

Въ Русской Исторіи, напечатанной при И. Екатеринѣ для народныхъ училищъ, сказано тоже.

Въ Польщѣ были такія же извѣстія о кожаныхъ деньгахъ, и ученыя догадки объ ихъ сомнительности, которыя теперь только переносятся къ намъ съ приложеніемъ ссылокъ на Ликурга и Плутарха.

Можетъ быть, имена кожаныхъ денегъ сдѣлались впослѣдствіи именами денегъ металлическихъ,— это можетъ быть.

Лѣтопись сочинена въ 13 или 14 вѣкѣ.

Но въ 13 и 14 вѣкахъ были уже Монголы, и Кіевъ опустошенъ совершенно; монастыри разрушены, жители разбѣжались. Много лѣтъ путешественники находили здѣсь однѣ развалины. Въ надгробной надписи обновителя Печерской церкви, Симеона Олельковича, Князя Слуцкаго, сказано, что сія церковь со времени Батыя, 233 года, оставалась только въ щебнѣ. Кому было тогда писать?

Откуда взять въ 13 и 14 вѣкѣ имена двухъ или трехъ сотъ Князей, описать ихъ междоусобныя войны, и не сбиться въ ихъ родословіи?

Но въ ней безпрестанно упоминаются, какъ современные враги, Половцы, которые въ 13 и 14 вѣкѣ исчезаютъ уже изъ Россіи,

Но въ 13 и 14 вѣкѣ съ чего можно было такъ вѣрно описать военныхъ Варяговъ, которые тогда уже перестали наѣзжать къ намъ въ такомъ количествѣ.

Но въ 13 и 14 вѣкѣ не было никакой возможности размѣстить по всей Россіи племена Славянскія и прочія, коихъ имена уже выходили изъ употребленія.

Но о произшествіяхъ Кіевскихъ 13 и 14 вѣка мы рѣшительно не знаемъ почти ничего изъ этой лѣтописи, — доказательство, что она не тогда писана.

—

Наконецъ предложу я здѣсь общее замѣчаніе: все, что ни толковано намъ въ послѣднее время о древней Исторіи, все то взято отъ противнаго, какъ говорится въ Логикѣ, а доказательствъ прямыхъ не представлено ни для одного положенія.

Пусть толкователи испытаютъ вмѣсто такихъ доказательствъ, —(напримѣръ, что начало лѣтописей нашихъ не могло быть написано въ XI столѣтіи), —пусть испытаютъ начать свои разсужденія положительно: „Лѣтопись наша сочинена въ 13 вѣкѣ", и потомъ пусть доказываютъ это положеніе. Толкователи увидятъ сами, что такимъ образомъ нѣтъ возможности прибрать ни одного доказательства. Точно тоже окажется и при другихъ положеніяхъ, напримѣръ: „Новгородъ основанъ въ XII вѣкѣ" и т. п.

А возраженій отъ противнаго можно найдти, и очень легко, множество, даже на самыя несомнѣнныя историческія положенія.

Объ апоөегмахъ Г. Строева.

Мы должны теперь сказать нѣсколько словъ о нѣсколькихъ словахъ Г. *Строева*, коими онъ, въ своемъ Хронологическомъ указаніи (1), объявилъ себя спутникомъ этой системы, не солнечной.

Сперва послушаемъ его мнѣніе о Несторѣ, выраженное при изданіи Софійскаго временника (2).

„Излишне былобы доказывать достовѣрность и достоинство нашей исторіи."

„Богатство нашей исторіи заключается наиболѣе въ лѣтописяхъ, или историческихъ запискахъ, продолжающихся почти непрерывно чрезъ девять (IX—XVII) столѣтій".... (3)

„Честь перваго бытописателя Русскаго приписываютъ *Нестору*, монаху Кіевопечерскаго монастыря, жившему во второй половинѣ XI столѣтія. Подражая Византійскимъ писателямъ хроникъ, онъ составилъ историческій *Временникъ*, въ которомъ довольно обстоятельно описалъ начало Государства и дѣла Князей, жившихъ въ первыхъ трехъ вѣкахъ по его основаніи. Будучи очевиднымъ свидѣтелемъ однихъ позднѣйшихъ событій, онъ долженъ былъ древнѣйшія изъ нихъ описывать по *преданію*, или по *нѣкоторымъ свидѣтельствомъ письменнымъ*.".... (4)

(1) См. выше с. 330. (2) СВ. ч. I, с. IV. (3) Тамъ же. (4) с. VI

„*Продолжателями*, и даже *дополнителями*. Временника Несторова, отъ исхода XI столѣтія до половины XVI, были, безъ сомнѣнія, весьма многіе. Сіи трудолюбивые Бытописатели, люди болѣе духовные, тщательно записывали важныя и неважныя событія, коихъ большею частію были они очевидцами, или о которыхъ знали по слухамъ, кажется, достовѣрнымъ. Монахи среднихъ вѣковъ, сочинители Хроникъ во всей Европѣ, по набожному смиренію, скрывали имена свои; тоже самое было въ обыкновеніи и у нашихъ бытописателей. Занимаясь работою болѣе для себя и своихъ современниковъ, нежели для потомства, часто изъ одного подражанія, безъ всякаго домогательства на авторскую славу, вовсе имъ не извѣстную, они не передали намъ никакихъ свѣдѣній о самихъ себѣ, и имена ихъ остаются въ неизвѣстности. Позднѣйшіе сборщики сберегли разсѣянные труды сихъ дѣятельныхъ писцовъ; но не почтили ихъ памяти должнымъ воспоминаніемъ. Мы не можемъ даже означить предѣловъ, гдѣ каждый изъ нихъ начиналъ, чѣмъ оканчивалъ, и что именно принадлежитъ тому и другому."…. (5)

„До насъ насъ дошли одни сборники….. Мы не знаемъ, кто первый началъ собирать сіи отдѣльныя бытописанія; но, какъ кажется, сборники ведутъ свое начало отъ временъ ближнихъ къ Нестору. Нельзя отнять чести *перваго*

(5) с. VII.

лѣтописателя у сего Печерскаго инока; но нельзя также и отрицать совершенно, чтобы не было и другихъ, ему современныхъ. Въ Новгородѣ, Смоленскѣ, Полоцкѣ и иныхъ городахъ знатнѣйшихъ тогдашней Россіи, были люди, безъ сомнѣнія, столь же любопытные, какъ и Несторъ; да и самыя Правители областей не могли ли записывать примѣчательнѣйшихъ событій, кои въ нихъ случались? Руководствуясь, вѣроятно, подобными записками, первые продолжатели Нестора прибавили къ нему нѣкоторые частные случаи, другіе пополнили недостатокъ въ подробностяхъ; а смѣлые коснулись и самаго слога."…. (6)

Ктобы повѣрилъ, что этотъ же изслѣдователь чрезъ нѣсколько времени будетъ писать вотъ что въ своемъ знаменитомъ „Хронологическомъ указаніи матеріаловъ отечественной Исторіи, Литтературы и Правовѣденія, до начала XVIII столѣтія".

„Много писано," говоритъ онъ, въ § 5, „(въ новѣйшее время о Несторѣ, монахѣ Кіевопечерскомъ, лѣтописателѣ, но критика не довольствуется ипотезами." (А гдѣ же ваши не ипотезы?). „Да и гдѣ лѣтопись Несторова? Ужели въ сборникахъ позднѣйшихъ вѣковъ, въ коихъ она будто бы образуетъ начало (до 1110 г. или до 1116 г.)? Подобное мнѣніе доселѣ всеобщее указываетъ только на отсутствіе критики въ нашей Исторіи."

(6) с. VIII, IX, X.

„Не болѣе можно сказать о Василіѣ, Сильвестрѣ и другихъ будто бы продолжателяхъ Нестора" (7).

Когда же положено начало нашимъ лѣтописямъ? Пересматриваемъ слѣдующіе параграфы.

„§ 21. Іоаннъ священникъ, и Тимоѳей пономарь, лѣтописатели Новогородскіе (подъ 1230 г.) входятъ въ категорію § 5" (8).

Мало утѣшительнаго! продолжаемъ:

„§ 39. Лаврентій, монахъ Суздальскій, написалъ (собралъ?) въ 1377 году лѣтописецъ Русскій, оканчивающійся 1305 годомъ. Это древнѣйшій изъ извѣстныхъ намъ сборниковъ (лѣтописныхъ). Самые поздніе продолжаются до 1630 года".... (9)

Вы спрашиваете, не собралъ ли Лаврентій въ это время лѣтописецъ? Вы ставите его между кончиною Алексѣя Митрополита въ 1378 г., и переводомъ Георгія Писиды въ 1383 году, слѣдовательно считаете его не простымъ переписчикомъ. Но читалиль вы его послѣсловіе?

„Радуется купецъ прикупъ створивъ, и кормьчій въ отишье приставъ, и странникъ въ отечьство свое пришедъ; такожс радуется и книжный *списатель*, дошедъ конца книгамъ; такоже и азъ худый, недостойный и многогрѣшный рабъ Божій Лаврентей мнихъ. *Началъ* есмъ *писати* книги сія, глаголемый Лѣтописецъ, мѣсяца Ген-

(7) ЖМНП. 1834. ч. I, N 2, с. 154. (8) с. 156. (9) с. 158.

варя въ 14, на память святыхъ отець нашихъ аввадъ, въ Синаи и въ Раифѣ избьеныхъ, Князю великому Дмитрію Костянтиновичу, а по благословенью священьнаго Епископа Діонисья, и *кончалъ* есмъ мѣсяца Марта въ 20, на память святыхъ отець нашихъ, иже въ монастыри святаго Савы избьеныхъ отъ Срацинъ, въ лѣто 6885, при благовѣрнѣмъ и христолюбивѣмъ Князи великомъ Дмитріи Костянтиновичѣ, и при епископѣ нашемъ христолюбивѣмъ священномъ Діонисьѣ Суждальскомъ и Новгородьскомъ и Городьскомъ. И нынѣ, господа отци и братья, оже ся гдѣ буду описалъ, или переписалъ, или недописалъ, чтите исправливая Бога дѣля, а не клените, занеже книгы *ветшаны*, а *умъ молодъ не дошелъ*; слышите Павла Апостола глаголюща: не клените, но благословите. А со всѣми нами Хрестьяны Христосъ Богъ нашь, Сынъ Бога живаго, ему же слава и держава и честь и поклапянье со Отцемъ и съ пресвятымъ Духомъ и нынѧ и присно въ вѣкы, аминь." (10)

Развѣ не ясно говоритъ вамъ м. Лаврентій, что только списывалъ лѣтопись?

Развѣ не ясно говоритъ онъ вамъ, что принялся писать 14 Января, а кончилъ чрезъ два слишкомъ мѣсяца, 20 Марта?

Развѣ не ясно онъ говоритъ вамъ, что онъ молодой человѣкъ, и могъ легко ошибаться: гдѣ не дописалъ, гдѣ переписалъ?

(10) СРЛ. т. I, с. 209.

Развѣ не ясно говоритъ онъ вамъ, что книги, съ которыхъ онъ списывалъ, были *ветхи*, и онъ не могъ иногда, по молодому своему уму, догадаться. Такъ напримѣръ онъ не разобралъ даже имени города, куда прибылъ Рюрикъ!

Больше этой несообразности Г. Строевъ ничего не сказалъ о Лѣтописяхъ. Напрасно пересматриваете вы всѣ параграфы, вы не находите нигдѣ ни одной лѣтописи. Выходитъ, что наши лѣтописи сочинились всѣ собою! Ни къ одному году пріурочить ихъ нельзя.

Хорошо указаніе хронологическое матеріаловъ отечественной Исторіи, въ коемъ не находите вы ни одной лѣтописи! Какъ же безъ лѣтописей будемъ мы писать Исторію! Это напоминаетъ Французскую академію, которая позабыла въ первый разъ въ своемъ Словарѣ поставить слово: академія.

Перемѣнять свое мнѣніе можно, и это случается со всякимъ изслѣдователемъ, вслѣдствіе ученія, опыта, новыхъ открытій, доказательствъ — у Г. Строева мы не видимъ никакихъ, кромѣ произвола! Если есть — пусть предложитъ!

За то воспитанникъ и товарищъ Г. Строева, Г. Бередниковъ, склонявшійся также на его сторону судя по нѣкоторымъ прежде выходкамъ, превозноситъ теперь торжественно Нестора:

„Временникъ Нестора, современника Зонарѣ и Космѣ Пражскому, и предварившій Гельмольда и Кадлубка, составляетъ первоначальный памятникъ отечественнаго бытописанія, по справедливости пользующійся всемірною извѣстностью. Онъ проливаетъ свѣтъ на глубокій Сѣверъ IX, X и XI столѣтій, увѣковѣчиваетъ бытіе Руси непреложностью сказаній о ея происхожденіи и сообщаетъ свѣденія о дѣяніяхъ древнихъ Князей, на пространствѣ вѣковъ, непосредственно слѣдовавшихъ за эпохою Государственнаго возрожденія. Это „Священная книга народа." На нее ссылались какъ на скрижаль, сообщившую, такъ сказать, святость истины преданію о началѣ Русскаго имени и о древности царственной династіи, неусыпно бодрствовавшей надъ судьбами Россіи, и въ теченіе вѣковъ дѣлившей съ нею и славу и бѣдствія (11)."

Вмѣсто этого безполезнаго велерѣчія, мы желали бы лучше найдти учное, критическое описаніе списковъ Несторовой лѣтописи, о какомъ говорили во многихъ мѣстахъ изслѣдованій, но нашли самое поверхностное, недостаточное для науки, въ настоящемъ ея состояніи.

(11) СРЛ. т. I, с. XIX.

О трудахъ ГГ. Буткова и Кубарева относительно Нестора.

Г. Бутковъ, принадлежащій къ числу заслуженныхъ нашихъ писателей историческихъ, объявилъ себя съ самаго начала противъ нелѣпостей Славянской, а потомъ и Скептической школы, въ разныхъ журнальныхъ статьяхъ. Въ 1840 г. издалъ онъ цѣлую книгу подъ заглавіемъ: Оборона лѣтописи Русской, Несторовой, отъ навѣта Скептиковъ.

Хотя она вышла чрезъ пять лѣтъ послѣ моихъ статей о Несторѣ и черезъ два послѣ полнаго изслѣдованія, по долгъ справедливости требуетъ сказать, что Авторъ шелъ совершенно своимъ путемъ, дѣлалъ изслѣдованія съ своей точки зрѣнія, и представилъ доказательства своимъ собственнымъ, ему принадлежащимъ образомъ. Тоже должно сказать и о Г. Кубаревѣ. Мы сходимся только въ заключеніяхъ, пришедъ по разнымъ путямъ къ одной цѣли: убѣжденію въ подлинности, достовѣрности и древности Несторовой лѣтописи. Это согласіе должно обратить на себя вниманіе молодыхъ людей, которые могутъ видѣть здѣсь примѣры различныхъ пріемовъ браться за одно дѣло, и вмѣстѣ разностороннихъ наблюденій надъ одними предметами.

Я укажу здѣсь на тѣ разысканія, коими должна воспользоваться наука, и вмѣстѣ на возраженія общимъ нашимъ противникамъ, кромѣ приведенныхъ по мѣстамъ.

I.

ОЛР. с. 1—10, 13 и проч. Противъ мнѣній о состояніи образованности у Славянъ, выраженныхъ въ N 3, см. выше с. 351; въ N 4, см. выше с. 376. въ N 5, см. выше с. 387.

с. 10—12. О словахъ гость, щлягъ, и проч., противъ которыхъ вопіютъ N 3, см. выше с. 353, N 4, см. с. 381, N 5, см. с. 386.

с. 30 и проч. О мнимыхъ скептиками источникахъ лѣтописи Русской см. выше о N 3, с. 350, строка 10 и проч., с. 354; о N 4, с. 370 и проч., о N 9, с. 401.

с. 32. О Болгарахъ, Волохахъ, см. выше въ N 3 с. 352, что у меня нечаянно пропущено; о Ляхахъ, въ N 9, см. с. 407.

с. 43—53. Распространеніе и дополненіе моего исчисленія несомнѣнныхъ иностранныхъ свидѣтельствъ, о древней Русской Исторіи, противъ N 11, см. выше с. 418.

с. 54. Къ отвѣту на выходку N 4го и др. о подобіи Нестора Адаму Брем. и Гельмольду, о словѣ Корсь и проч. см. выше с. 371.

с. 59. Очень хорошъ отвѣтъ на сходство племенныхъ именъ у Константина съ Несторовыми, въ N 4, УЗ. 1833, N V, с. 239; въ N 9, см. выше с. 408.

с. 61 Объ Изборскѣ, къ нашей с. 378.

с. 63. Сравненіе сказанія Несторова съ Гельмольдовой повѣстію, противъ N 4, см. выше, с. 376, и противъ N 9, см. выше с. 419.

с. 68. Замѣчаніе о трехъ братьяхъ, противъ N 1, см. выше с. 377, и противъ N 9, см. выше с. 409.

с. 67. Очень забавный очеркъ Исторіи по мечтаніямъ нумеровъ, въ особенности 5-го и 9-го.

с. 70. О Византійскихъ договорахъ, противъ нумеровъ, 4 го, см. выше с. 379; противъ N 5, см. с. 386; N 11, см. с. 419.

с. 78. Сравненіе нѣкоторыхъ статей изъ древнихъ договоровъ съ Ганзейскими, къ нашей с. 382.

с. 84. Руссы 866-го года ходили изъ Кіева,— прекрасное дополненіе къ отвѣту Карамзина Шлецеру, также противъ N 4, къ с. 379.

с. 90. О наружности Святослава, къ с. 314.

с. 95. Важно замѣчаніе объ обычаѣ Руссовъ сражаться пѣшими, въ противоположность съ Азіатскими племенами, которыя сильны своей конницею, къ с. 415.

с. 91—122, разобрано смертоносно разсужденіе подъ N 9, касательно происхожденія Варяговъ и Руси, см. выше с. 415.

с. 133 и проч. касательно основанія Новагорода, см. выше о N 5, особенно с. 139 о тревогахъ между Сѣверными Славянами, противъ N 5, къ с. 387.

с. 145. О сходствѣ городовыхъ и другихъ мѣстныхъ именъ, противъ N 9, къ нашей с. 410.

с. 150. О торговлѣ на Сѣверѣ, см. выше о первомъ разсужденіи Г. Каченовскаго, с. 239.

с. 190. Сравнивая лѣтопись съ житіями Св. Бориса и Глѣба, и Ѳеодосія, Г. Бутковъ говоритъ: „Тутъ Несторъ и обнаруживается истиннымъ сочинителемъ Лѣтописи гражданской: ибо когда въ повѣсти о Борисѣ и Глѣбѣ читаемъ: „Владиміръ былъ милостивъ, якоже и на возѣхъ возити брашно по граду и овощь и медъ и вино, и просто рещи еже на потребу болящимъ и нищимъ, и проповѣднику глаголющю спрошеніемъ, егда кто болитъ кто гдѣ?“ то и въ Лѣтописи находимъ подъ 996 годомъ, слѣдующія слова: „Повелѣ Владиміръ пристроити кола, вкладаше хлѣбы, мяса, рыбы, овощь различная, медъ въ бчелкахъ, а въ другихъ квась, возити по граду впрашающимъ: кде больніи и нищь и не могій ходити? тѣмъ раздаваху на потребу.“ Съ такою же, едва замѣтною разностію, составленъ Несторовъ разсказъ въ Лѣтописи и въ помянутыхъ двухъ отдѣльныхъ повѣстяхъ, что Владиміръ, по водвореніи Христіанства въ своемъ народѣ, создалъ въ Кіевѣ церковь Св. Василія; что сыновей своихъ отпустилъ на области; что Святополкъ, по кончинѣ Владиміра, началъ убивать братьевъ своихъ; что Ярославъ, по погибели Святополковой, принялъ княженіе въ Кіевѣ, построилъ Софійскую церковь

и многія другія; что наслѣдовалъ ему въ княженіи старшій сынъ Изяславъ; что, по смерти Ростислава, въ Тмутаракани отъ отравы Котупана Грека, Святославъ Черниговскій послалъ туда на княженіе сына своего Глѣба; что въ трехъ Князьяхъ Ярославичахъ (1073 г.) произошло смятеніе, И изяславъ, по смерти Святослава, возвратился въ Кіевъ и положилъ душу свою за брата (Всеволода 1078 года).“

с. 191. Кончина Ѳеодосіева расказана въ лѣтописи сокращенно такъ же изъ сочиненнаго Несторомъ подробнаго житія его; это подтверждаютъ самыя слова Временника: „въ лѣто 6582 (1074) Ѳеодосій Игуменъ преставися; скажемъ же *мало* о успеніи его.“

На с. 196 и проч. прекрасно изложено, какимъ образомъ Несторъ могъ собрать свѣдѣкія о разныхъ племенахъ нашихъ (выше къ с. 159; также въ отвѣтъ N 3 му, см. выше, с. 352; N 4 му, см. выше, с. 374). Считаю полезнымъ и нужнымъ выписать все это мѣсто:

„Не станемъ спорить, что въ XI столѣтіи міръ незнакомъ былъ съ географическими экспедиціями, хотя не далеко указать на Отера и Вульфстана, которые для описанія разныхъ странъ Европы, совершили морскія путешествія въ концѣ IX вѣка, такъ и на пытливость Скандинавцев IX и X вѣка къ познанію чужихъ государствъ. Не будемъ тратить словъ и на противорѣчіе скеп-

тикамъ въ томъ, что Правительство наше, въ XI столѣтіи, не имѣло понятія объ Этнографіи, или что техническое названіе сей науки, также какъ Географіи и Статистики, были въ тѣ времена предкамъ нашимъ неизвѣстны. Однако не можемъ умолчать, что праотцы наши знали тогда и прежде дорогу къ Царюграду, водяную и сухопутную; знали путь въ Сирію, Іерусалимъ, Аѳонскую гору, Карпатъ, Тавриду, Кавказъ, на Каспійское море и въ Уральскій хребетъ; что Правительство наше вѣдало мѣстопребываніе племенъ ему подвластныхъ, и облагало ихъ податьми сообразно ихъ промышленности и способамъ къ уплатѣ; знакомо было съ государствомъ своимъ, по крайней мѣрѣ, не меньше Константина Багрянороднаго, который, не бывавъ самъ въ Россіи, писалъ, въ 949 году, по разсказамъ Руссовъ о племенахъ Славяно-Россійскихъ, о городахъ ихъ, о торговлѣ, промышленности, судоходствѣ и даже о Славянскихъ и Русскихъ именахъ пороговъ Днѣпровскихъ. Если скептики лишаютъ Нестора свѣдѣнія о жителяхъ рѣкъ Припяти, Семи, Сулы потому, что изъ Кіева нельзя видѣть устьевъ этихъ рѣкъ за 70, за 150, и за 185 верстъ, то, по крайней мѣрѣ, допустили бы его смотрѣть съ горъ Кіевскихъ хоть на Десну, которая вливается въ Днѣпръ отъ Кіева только въ 7 верстахъ, особливо когда Несторъ хаживалъ изъ Кіева въ Вышгородъ, какъ самъ говоритъ въ повѣсти о Борисѣ и Глѣбѣ. Притомъ позволили бы Несто-

ру приближаться къ посѣтителямъ монастыря не съ отрывистымъ вопросомъ *кто ты?* похожимъ на ночной окликъ будочника, а приступать къ нимъ съ другими предложеніями, ближе ведущими къ удовлетворенію его любопытства, и не къ однимъ простолюдинамъ, но съ нѣкоторою разборчивостію, какъ онъ собиралъ матеріалы для отдѣльныхъ повѣстей своихъ о Борисѣ и Глѣбѣ, о началѣ Печерскаго монастыря и о Θеодосіевой жизни. Безъ сомнѣнія, не по вопросу *кто ты?* Новогородецъ Юрій Тороговичъ сообщилъ ему въ 1092 году, извѣстіе о Югрѣ и Самояди. Читая же въ Несторовой лѣтописи, подъ 1093 годомъ, изображеніе страданій плѣнниковъ Русскихъ въ землѣ Половецкой, глаголавшихъ другъ къ другу рыдающе: „азъ бѣхъ сего града, а инъ инаго, овже: а азъ тоя веси, и тако съ плачемъ другъ другу родъ свой сказующе," можемъ полагать, что тогдашніе простолюдины яснѣе давали знать о себѣ, чѣмъ тѣ, надъ которыми скептики дѣлали свой опытъ."

„Къ пріобрѣтенію свѣдѣній о народахъ и о событіяхъ Россійскихъ Нестору предоставлялись, какъ мы видимъ изъ собственныхъ его сочиненій, слѣдующія пособія, полученныя имъ частію изъ первыхъ, частію изъ вторыхъ рукъ."

„Въ самой обители Печерской онъ находилъ свѣжія преданія, живыя записки въ цѣлой сотнѣ ея иноковъ: Антоній родился въ Любечѣ, и ходилъ два

раза въ Грецію; Өеодосій родился въ Василевѣ, ходилъ въ Курскъ; Никонъ былъ въ Тмутораканѣ,“ и проч. и проч.

„При жизни Несторовой собирались въ Кіевъ Епископы: въ 1089 году на освященіе церкви Печерской, — Черниговскій, Ростовскій, Юрьевскій, Бѣлогородскій, и въ 1091 году на перенесеніе Өеодосіевыхъ мощей, Переяславскій, Владимірскій, Черниговскій, Юрьевскій-Поросскій; каждый изъ нихъ конечно не отрекался содѣйствовать Нестору въ въ благомъ его дѣлѣ, сообщая ему о паствѣ своей и географическія и этнографическія извѣстія, на пріобрѣтеніе которыхъ они имѣли особую удобность при сборѣ съ городовъ и селъ десятины, извѣстной намъ изъ посланія Симонова къ Поликарпу. Должно еще помнить, что всѣ Епархіальные Архіереи Россійскіе, Греки ли они были, или Россіяне, люди, безъ сомнѣнія, просвѣщенные, какихъ и въ тѣ времена предки наши умѣли отличать отъ простоумныхъ, по обязанностямъ званія своего и по правиламъ Вселенскихъ и Помѣстныхъ Соборовъ, состояли въ необходимыхъ отношеніяхъ къ главѣ Церкви Россійской.“

Но довольно. Совѣтую молодымъ людямъ прочесть со вниманіемъ всю эту главу.

с. 221. О Татищевѣ, къ наш. с. 62, 363.

с. 225. Объ Іоакимѣ, къ наш. с. 363.

с. 237. Забавное опровержение выдумокъ нумера девятаго къ нашей с. 403. Особенно смѣшно слѣдующее замѣчаніе на предположеніе о М. Кипріанѣ: „Скептикъ не подумалъ,... что если Лаврентьевскій списокъ, оканчивающійся 1305 годомъ, снимаемъ былъ въ Суздалѣ съ 14 Января по 20 Марта 1377 года, съ книгъ ветшаныхъ, отъ чего же могло бы прийти въ такое состояніе Кипріаново рукописаніе? Да и когда Кипріанъ имъ занимался, бывъ посвященъ въ Константинополѣ въ Митрополиты Россійскіе 2 Декабря 1376, и пріѣхавъ въ Кіевъ въ 1377 году.“

Я указалъ здѣсь разсужденія изъ сочиненія Г. Буткова, кои могутъ служить подкрѣпленіемъ моихъ, а важнѣйшія, кои считаю необходимыми, выписалъ сполна. Мнѣ остается упомянуть о тѣхъ, съ коими несогласенъ: онѣ большею частію относятся къ незапамятной древности, мало, и не непосредственно, принадлежатъ къ Русской Исторіи, притомъ допускаютъ много произвола, напримѣръ о построеніи Аорсами - Амаксобіями на томъ мѣстѣ, которое Иродотъ называетъ Керри, города Кіева, во имя старшаго своего бега (1); о произведеніи имени Волоховъ отъ глаголовъ влачу, волочусь, и тожествѣ ихъ съ Гуннами (2); о извѣстности Славянъ-Чеховъ Иродоту, который называетъ ихъ Цигами (3)....

(1) с. 15. (2) с. 34. (3) с. 39.

Главное разногласіе наше — о Рюсаландѣ, какъ отчизнѣ Руси, о коей говорится у меня во II томѣ, с. 156.

Г. Бутковъ отвергаетъ, противъ школьниковъ, существованіе монастырскихъ записокъ до Нестора, кои я утверждаю такъ же, см. выше с. 89 и проч. Вотъ его причины:

„Удивительно, что отъ множества монастырскихъ записокъ, вылитыхъ въ одну форму, чистыхъ, неискаженныхъ никакою примѣсью, не осталось намъ ни одного листка, даже изъ XIII вѣка, какъ будто онѣ составляли тягостное бремя архивовъ монастырскихъ, либо всѣ истреблены были огнемъ, по особенному распоряженію Правительства, подобно разряднымъ книгамъ, отъ которыхъ однако многіе акты сбережены до нашихъ дней. Скептики въ этомъ мнѣніи своемъ прикрываются слѣдующими словами Карамзина: „вѣроятно, что Несторъ по запискамъ церковнымъ означалъ дни преставленія нѣкоторыхъ Князей.“ Гдѣ же тутъ увѣренность Исторіографова о такихъ монастырскихъ запискахъ, въ которыхъ говорится о годахъ рожденія и смерти Великихъ Князей, о солнечныхъ и лунныхъ затмѣніяхъ и о другихъ небесныхъ явленіяхъ въ XI вѣкѣ? Годы смерти Олега, Игоря, Ольги, Святослава и сыновей его Олега и Ярополка, въ лѣтописи дѣйствительно означены, и конечно не по запискамъ монастырей еще у насъ не

существовавшихъ; а о годахъ рожденія этихъ Князей, также Владиміра I и ни одного изъ сыновей его, нѣтъ ни слова. Дни кончины Князей, даже до 1060 года, показаны только о Владимірѣ *I*, о Ярославѣ I, о супругѣ его и сынѣ Владимірѣ, больше ни о комъ," и пр. (4).

Отвѣчаю: самъ же Г. Бутковъ въ другомъ *мѣстѣ* своего сочиненія говоритъ: „Василіева повѣсть можетъ быть признаваема токмо подтвержденіемъ давняго основательнаго мнѣнія, что и тогда и *прежде* находились въ разныхъ областяхъ Россіи люди, занимавшіеся веденіемъ записокъ о современныхъ произшествіяхъ, наипаче о такихъ, въ которыхъ они сами принимали какое либо участіе (5)."

Развѣ это не все тоже? Вы не хотите называть записки монастырскими. Пожалуй — назовемъ ихъ церковными, или какъ хотите. Я самъ употреблялъ о нихъ разныя выраженія: „Источниками Нестору были *какія нибудь* прежнія записки, церковныя или монастырскія; хронографическія отмѣтки и тому подобныя" (6).

с. 217. Г. Бутковъ доказываетъ между прочими принадлежность лѣтописи Нестору, противъ возраженій мнѣ Г. Скромненка (7), тѣмъ, что „въ

(4) с. 179. (5) с. 211. (6) См. выше с. 89. 132.
(7) См. выше с. 433 и проч.

повѣсти, имѣющей надписаніе: Нестора мниха монастыря Печерскаго о принесеніи мощей Святаго Преподобнаго отца нашего Ѳеодосія Печерскаго, Августа 14 го., „Повелѣ Игуменъ (Іоаннъ) въ печеру ити, да мѣсто назнаменуютъ, идѣже суть мощи Святаго отца нашего Ѳеодосія, его же (Игумена) благому изволенію и азъ грѣшный Несторъ сподобленъ быхъ, и прьвіе самовидецъ святыхъ его мощей: еже извѣстно вамъ повѣмъ, не отъ иныхъ слышахъ, но самъ начальникъ быхъ тому.“ Во временникѣ же написано подъ 1091 годомъ: „Повелѣ Игуменъ рушити, гдѣ лежатъ мощи отца нашего Ѳеодосія, его же (Игумена) повелѣнію быхъ *азъ* первое самовидецъ, еже и скажу, не слухомъ бо слышахъ, но самъ о семъ начальникъ (8).“

Это было бы прекрасное доказательство, но дѣло въ томъ, что Несторовой повѣсти о пренесеніи мощей не существуетъ: эта повѣсть извлечена изъ лѣтописи въ новѣйшее время, и не Несторъ далъ ей такое заглавіе, а позднѣйшій составитель (9).

И такъ слѣдующія разсужденія Г. Бушкова не могутъ имѣть мѣста:

с. 191. „Въ самомъ слогѣ лѣтописи Несторовой встрѣчаются во многихъ случаяхъ такія выраженія, какія находятся въ вышеозначенныхъ повѣстяхъ его, особливо при переходѣ отъ одного предмета къ другому; но еще ближе сходны между собою

(8) с. 217. (9) РИС. ч. IV, N 4, с. 427.

нижеслѣдующія сказанія Несторовы, пространное и сокращенное, о началѣ Печерскаго монастыря":

Сказаніе.	*Лѣтопись.*
..	..
с. 194. Игуменъ рече (Антонію) иди паки въ Руссію... и буди благословеніе имеа Святыя горы, яко мнози имутъ быти отъ тебе черноризцы, и благословивъ его отпусти... Антонію же пришедшу къ Кіеву граду, и пріиде на *холмъ*, и дѣ же бѣ Иларіонъ печерьку ископа малу, и возлюби *мѣсто то*, и вселись *въ немъ*.	Иди въ Русь опять и буди благословеніе отъ Святыя горы, яко отъ тебе многи черноризцы имутъ быти, и благословивъ его и отпусти рекъ ему: иди съ миромъ. Антоній же пріиде къ Кыеву, и мысляше, гдѣ жити и пріиде *на холмъ*, идѣ же бѣ Иларіонъ ископалъ печерку и возлюби *мѣсце се* и вселись в *немъ*.

с. 194. „Въ послѣдующихъ строкахъ сего сказанія, отдѣльнаго и лѣтописнаго, находится подобное-же согласіе, до конца, или до той фразы, которою Несторъ даетъ знать о прибытіи своемъ въ Печерскій монастырь, при чемъ онъ называетъ себя въ повѣсти *Несторомъ*, а въ лѣтописи *азъ*. Не менѣе однообразно и Слово Несторово въ Патерикахъ Румянцовскомъ и Толстовомъ о перенесеніи Θеодосіевыхъ мощей, съ сокращеннымъ повѣствованіемъ о томъ лѣтописи, въ которой равномѣрно мѣстоименіемъ *азъ* замѣнено Несторово имя, безъ сомнѣнія, самимъ Несторомъ, а не таинственно кѣмъ либо другимъ на чужое лице"

с. 231. Въ харатейныхъ Прологахъ и Минеяхъ, писанныхъ въ XV вѣкѣ, между прочимъ сказано:

„О всемъ же житіи Владиміровомъ, бывшемъ въ невѣдѣніи Бога и въ нечестіи, о храбрости и многихъ бранехъ его, пишется пространно въ лѣтописцѣ Святаго Нестора Печерскаго."

Незнаю я ни однаго харатейнаго Пролога и Менеи, съ такимъ извѣстіемъ, а указанныя Г. Бутковымъ въ Толстовской библіотекѣ, писаны *на бумагѣ*.

с. 189 и проч. Г. Бутковъ разсуждаетъ подробно о связи лѣтописи съ Несторовыми отдѣльными повѣстями о Борисѣ и Глѣбѣ, о началѣ Печерскаго монастыря и о житіи Ѳеодосіевомъ — я коснулся этого предмета мало. — Поговоримъ о нѣкоторыхъ его мысляхъ.

„Простительно ли было бы," спрашиваетъ Г. Бутковъ, „Нестору, составляя повѣсть о Борисѣ и Глѣбѣ, умолчать, что они сыновья Владиміровы, не сказать ни слова о ихъ воспитаніи; забыть о походѣ Бориса противъ Печенѣговъ о постигшей Владиміра въ то время кончинѣ, о восшествіи Святополка на Великокняжескій престолъ, и о всѣхъ другихъ событіяхъ въ лѣтопись внесенныхъ, сопровождавшихъ убіеніе Бориса и Глѣба?

Кажется, это основательно, но развѣ Несторъ писалъ житіе послѣ лѣтописи?—Г. Кубаревъ доказываетъ напротивъ (10).

(10) РИС. ч. 227. IV, с.

Предположить, что Несторъ задумалъ вдругъ написать всѣ три сочиненія, и составилъ себѣ заранѣе планъ, гдѣ, что помѣстить надо — такъ же мудрено.

Слѣд. опущеніе Несторово должно было имѣть другую причину и представляетъ болѣе затрудненія изслѣдователю, нежели облегченія.

Точно тоже должно сказать и о слѣдующихъ вопросахъ Г. Буткова:

с. 189. „Изъ отдѣльныхъ же повѣстей о началѣ Печерскаго монастыря и о житіи Ѳеодосіевомъ позволяло ли бы Нестору благоразуміе его исключить извѣстія: о тревогахъ, нанесенныхъ обители за принятіе въ иноки ея Варлама, сына Боярина Яна, и Великокняжескаго евнуха Ефрема; о смутѣ въ Князьяхъ, побудившей Никона удалиться изъ Печерскаго монастыря на островъ Тмутараканскій; о благодѣяніяхъ, оказанныхъ обители Князьями, такъ же и о другихъ дѣйствіяхъ, имѣвшихъ съ происшествіями гражданскими тѣсную связь.“

II.

Объ изслѣдованіи Г. Кубарева.

РИС. ч. IV с. 417, 418, къ с. 66, и противъ нумера 12, с. 433. Имена сочинителей не надписывались на сочиненіяхъ.

с. 419—425, противъ N 4 го, къ с. 364. Именамъ не придавалось вообще важности.

с. 425 къ нашей с. 67. Г. Кубаревъ считаетъ свидѣтельство Поликарпово о Несторѣ важнѣйшимъ, — оно послѣ было употреблено переписчиками, внесшими имя Нестора въ разныя мѣста.

Такъ, но имя Нестора, какъ перваго лѣтописателя, могло вестись и въ преданіи.

с. 429 къ с. 424, противъ N 11, и 433-й противъ N 12. Объ отношеніяхъ Нестора, Василія и Сильвестра между собою.

с. 389 Почему Несторъ не заключилъ своей лѣтописи послѣсловіемъ? Точно — этотъ вопросъ предложить можно, и можно отвѣчать такъ, какъ Г. Кубаревъ.

Я прибавлю здѣсь слѣдующее замѣчаніе: Скептики твердили о подлогахъ — ну вотъ былъ случай ихъ призракамъ повершить свое рукодѣлье, и рѣшительно приписать его Нестору. Однакожъ приписки никакой нигдѣ не оказывается. Ясно, что о обманахъ недумалъ никто, а они померещелись нашимъ недоспѣлымъ Нибурамъ.

с. 391, 392. Несторъ представляется сочинителемъ *первоначальной* лѣтописи.

Здѣсь впрочемъ нѣтъ ни малѣйшаго противорѣчія съ тѣмъ, что я сказалъ о прежнихъ запискахъ, которыя вошли въ составъ лѣтописи.

с. 393. Г. Кубаревъ прекрасно объясняетъ нѣкоторыя противорѣчія и несогласія лѣтописи съ

прочими сочиненіями Нестора, т. е. житіями Св. Θеодосія, Бориса и Глѣба. *Въ этой части его разсужденія заключается главное достоинство и право на благодарность друзей исторіи*, и вмѣстѣ восполняется недостатокъ въ моемъ разсужденіи.

Замѣчу: вотъ эти противорѣчія и несогласія, какъ онѣ ни малосильны въ сравненіи съ доказательствами, можно было приводить противъ мнѣнія о принадлежности лѣтописи Нестору, а объ нихъ ни одинъ скептикъ и не подумалъ. Почему? Потому что замѣтить ихъ можно только при глубокомъ изученіи, а они только рабски записывали слова учителя, незнакомаго съ рукописями, и украшали общими мѣстами.

Г. Кубаревъ доказываетъ убѣдительно, что разногласія рѣшительно не значатъ ничего, и не могутъ поколебать нисколько довѣренности нашей къ лѣтописи Несторовой.

РУССКАЯ ПРАВДА.

Дополненія и исправленія къ I тому.

Страница 4, къ примѣчанію 4. Бердаа при рѣкѣ Тертерѣ въ Карабагѣ.

Къ с. 22, прим. 11. Сильвестръ въ 1117 году поступилъ на Епископію Переяславскую вмѣсто Лазаря. Карамзинъ II, с. 128 въ прим.

С. 23, къ прим. 12. На что была нужна ему довѣренность къ лѣтописи, о коей сомнѣваться никому и въ голову не могло придти?

Къ с. 25. строка 5. Подъ г. 1128, по случаю войны Мстислава Владимировича съ Полоцкими князьями, подробно описаны причина вражды между Изяславомъ и Ярославовымъ потомствомъ, покушеніе Рогнѣды на жизнь Владимірову, равно какъ и прежнія ея отношенія къ Владиміру. Ясно, что все это принадлежитъ не тому лѣтописателю, который описывалъ прежде Владиміра: тотъ помѣстилъ бы описаніе въ свое мѣсто и время.

Къ с. 32. Подъ 1096 годомъ: сеже хочю сказати, яже *слышахъ* преже сихъ 4 лѣтъ, еже сказа мнѣ Юря Тороговичь Новъгородецъ, глаголя сице.... *Мнѣ* же рекшю къ Юрятѣ и пр. НК. с. 145.

Къ с. 42. И проиде (истуканъ Перуновъ, брошенный по приказанію Владиміра въ Днѣпръ) сквозѣ пороги, изверже и вѣтеръ на рѣнь, *яко и до сего дне словеть Перуня рѣнь*, с. 83.

И пришедъ Тмутораканю, (Мстиславъ по одержаніи побѣды надъ Редедею), заложи церковь (1022 г.) святыя Богородицы, и соверши ю, яже стоитъ и *до сего дни* въ Тмутаракани. НК. с. 102 (о Тмутаракани въ 12 вѣкѣ не было помину.)

Къ с. 46. Въ нашей лѣтописи встрѣчаются Греческія и Болгарскія происшествія отъ 852 года и до 943. Ясно, что Греческія и Болгарскія лѣтописи, бывшія въ рукахъ нашихъ лѣтописателей, простирались только до этого времени, т. е. до половины 10 вѣка, а это не могло быть иначе, какъ въ 10 или 11 вѣкѣ, позднѣе — онѣ простирались бы далѣе.

Къ с. 51 строка 13: Напримѣръ (Н.Л. 10) „яко же се и при насъ нынѣ Половци законъ держать отецъ своихъ кровь проливати" и пр.

Къ с. 53. Затмѣніе солнца было, по сказанію Нестора, въ 1091 году, Маія 21, во второмъ часу дня: такъ точно показано и въ Астрономическихъ таблицахъ, напечатанныхъ въ L'art werifier les dates, t.I. c. 72. Кар. II. пр. 152.

Къ с. 63. У Г. Лохвицкаго въ Кіевѣ есть новѣйшій списокъ Нестора съ слѣдующею надписью: „Исторія Россійскаго, албо Славянскаго народа, лицъ и дѣлъ знаменитѣйшихъ, со обстоятельствомъ прочіихъ знаковъ прилучающихся вещей. Написано же Преподобнымъ отцемъ нашимъ Несторомъ, лѣтописцемъ Свято-Печерскимъ, въ лѣто отъ созданія міра ҂абг. А переписанъ въ лѣто отъ Адама ҂з.ни, (второй знакъ замаранъ, и долженъ быть ѡ, судя по году отъ Р. Х.), а отъ Р. Х. атн. За вѣдомомъ всечестнаго Отца Василія Борзаковскаго, Священника церкви Преподобнаго Отца Ѳеодосія Печерскаго, которая стоитъ недалече монастыря мурованая, въ крѣпости Печерской. А вновь переписана Алексѣемъ Германовичемъ, заграничнымъ уроженцемъ Польскимъ, а будучи дьякомъ въ той же церкви Ѳеодосія, при священнику вышеписанному, лѣта отъ Адама ҂зспѕ, а отъ Р. Х. ҂аѱωн, м҃ца Августа дня д, за Архимандрита Печерскаго Зосима Валковича, отъ Адама 7286, а отъ Рожд. 1778."

Къ с. 70. Г. Кубаревъ замѣчаетъ, что имена нѣкоторыхъ иноковъ по разнымъ причинамъ записаны были для поминовенія въ памятцы или синодики, кажет-

ся съ прозваніями, напоминающими важнѣйшія событія ихъ жизни. „Евстратей,“ говоритъ Симонъ Поликарпу, „сего ради зовется Протостраторъ, въ поминаньи вашемъ... Сей убо Никонъ Сухый зовется въ поминаньи вашемъ... Моисей Угринъ“ (ЖМНП. 1838. окт. с. 19). Также точно и Несторъ некнижный и Несторъ лѣтописатель.

Къ с. 90. строка 15. Другой примѣръ (НЛ. с. 6): „и по сихъ братьи“ (Кія, Щека и Хорива) ... и за симъ исчисляются племена Славянскія, и иныя; потомъ извѣстіе о Болгарахъ и Обрахъ и др., о обычаяхъ своихъ и чуждыхъ, а потомъ чрезъ 4 страницы опять: „по сихъ же лѣтѣхъ, по смерти братьи сея.“

Еще: „Полемъ же живщимъ особѣ и володѣющемъ роды своими, иже и до сее братьѣ бяху Поляны.“ Спрашивается о какой братьѣ здѣсь говорится? впереди не было ни слова. О Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ лѣтописатель разсказываетъ уже послѣ сихъ словъ.

Вотъ еще подобныя мѣста. Лѣтописецъ, описавъ заключеніе мира съ Греками, въ 944 году, говоритъ: „Игорь же нача княжити въ Кіевѣ, миръ имѣя по всѣмъ странамъ. И приспѣ осень, нача мыслити на Деревляны, хотя примыслити большую дань.“ Въ слѣдъ за сими словами, какъ будто ихъ не было, разсказываетъ уже гораздо обстоятельнѣе. „Въ се же лѣто рекоша дружина Игореви: отроци Свѣнѣлжи изодѣлися суть оружьемъ и порты, а мы нази; поиди княже съ нами въ дань, да и ты добудеши, и мы. Послуша ихъ Игорь, иде въ Дерева въ дань, и примысляше къ первой дани, насиляше имъ.“ То или другое мѣсто принадлежитъ не Нестору.

„Вольга же бяше въ Кіевѣ съ сыномъ своимъ дѣтьскомъ Святославомъ, и кормилецъ его Асмудъ, Воевода бѣ Свѣнельдъ, тоже отецъ Мистишинъ.“ Это вѣрно написалъ не Несторъ, которому не было никакой стати

называть кого-то отцемъ Мистишинымъ, ибо Мистиши въ его время не существовало, и онъ нигдѣ объ немъ послѣ не упоминалъ ни слова. Это написалъ современникъ, у котораго предъ глазами такъ сказать былъ сей Мистиша, вѣрно слишкомъ извѣстный въ свое время.

„Радимичи повозъ везутъ и до сего дне" не могло быть написано Несторомъ, ибо Радимичи, принадлежа къ Черниговскому удѣлу, съ г. 1057 не могли везти дани въ Кіевъ.

Къ с. 92 строка 19. и даже не однѣ: въ Новгородѣ и Кіевѣ.

Къ с. 94, строка 10: о Епископѣ Новогородскомъ Іоакимѣ, и преемникѣ его Ефремѣ. (Въ НН. прибавлено даже: и бяше ученикъ его Ефремъ, *иже ны учаше* I, 132, подъ г. 1030. Эта прибавка находится въ исчисленіи Новогородскихъ Епископовъ).

с. 94. къ пр. 10. Самое имя Желѣзныхъ вратъ было загадкою даже до нашего времени: Шегренъ, ходя пѣшкомъ, нашелъ его въ устахъ далекихъ племенъ.

Къ с. 96, строка 4: иное исправилъ, другое исключилъ, разсыпалъ вездѣ набожныя христіанскія разсужденія и мѣста изъ Св. писанія, сравненія съ своимъ временемъ.

Къ с. 98, примѣчаніе къ строкѣ 12: духъ обращенія господствуетъ особенно въ первые вѣка христіанства, у всякаго народа: такъ точно и у насъ изъ Печерскаго монастыря устремились проповѣдники во всѣ стороны.

Къ с. 99. Въ житіи Св. Никона, современника Θеодосіева сказано, что онъ „совѣщався съ другимъ черноризцемъ, (иже бысть Болгаринъ отъ Святыя горы, изъ монастыря Св. Мины), отиде съ нимъ и пришедши къ морю, разлучишася: Болгаринъ убо идый къ Константину граду, обрѣте островъ среди моря, и вселился въ немъ...."

С. 100, къ строкѣ 15. Извѣстіе о Кириллѣ и Меѳодіѣ заимствовано изъ его жизнеописанія, Москвитянинъ. 1843. N 6.

С. 101, строка 8. Монахъ Михаилъ, иже бѣ пришелъ изъ Грекъ съ Митроп. Георгіемъ.

С. 102, строка 15. Не смотря па свою преданность Христу—Олавъ святый, говоритъ Гейеръ (с. 173), никакъ не могъ преодолѣть желанія жить въ памяти людей, желанія неразлучнаго съ сѣвернымъ духомъ.

Строка 23. „Тѣмъ же пришедшимъ въ землю свою, и *повѣдаху* кождо своимъ о бывшемъ и о лядьнѣмъ огни. Яко же, молонья, рече, иже на небесѣхъ, Грьци имутъ у себе и се пущающа жежаху насъ; сего ради не одолѣхомъ имъ.“

С. 103, строка 2: Замѣчательно, что у Арабовъ есть точно такія извѣстія напр. о границахъ Варяжскаго моря на востокъ до Булгаріи. Ср. въ слѣдующей книгѣ изслѣдованій.

Строка 4. У Варяговъ, я увѣренъ, была Сага о Рюрикѣ, и о прибытіи его въ Новгородъ, коею воспользовался Несторъ.

У Варяговъ были издревле книги родословныя (почему у нашихъ не быть такихъ же?) для королей и вельможъ. Стрингольмъ, I, 214.

С. 105, строка 7. Кромѣ записанныхъ Несторомъ, были и другія свѣдѣнія въ народѣ, напр. о Кіѣ, о крещеніи Владиміра; иныя заднимъ числомъ записали преемники Нестора, напр. о мести Рогнѣды.

Строка 9. Договоры Олеговъ, Игоревъ, Святославовъ, церковный уставъ Владиміровъ, Ярославовъ, грамоты Ярославовы, Кормчая книга и пр.

С. 110, строка 12. На Василія, посылаппаго Давидомъ Игоревичемъ къ Васильку.

Къ с. 120, строка 4. См. Стрингольма I, 161.

Къ с. 120, строка 21. Святославъ хотѣлъ оставаться въ Болгаріи „въ противность заключенному съ прежнимъ Императоромъ договору." ИВИ. III. с. 61.

„Россіяне.... хранить постановленный между Никифоромъ и Святославомъ договоръ и слушать не хотѣли."

С. 125, къ прим. 22. По договору, заключенному въ замкѣ Вербери 859, коего условія однако не дошли до насъ, Біорнъ обѣщалъ оставить Францію.

С. 136. Средовики въ смыслѣ людей среднихъ лѣтъ, см. у Посошкова, с. 149 на об.

С. 142, строка 2. Эти Князья подтверждаются и Константиномъ Багр., который говоритъ: „въ тоже самое время, (когда В. Кн. обѣдала у Императора) происходилъ другой столъ въ золотой залѣ, къ которому приглашены были *всѣ Россійскія Князья, посланники,* знаменитѣйшіе Ольгины служители, также и купцы Россійскіе." ИВИ. I, 53.

Къ строкѣ 12: по примѣру сихъ пословъ, при которыхъ именно означено, отъ кого каждый изъ нихъ былъ посланъ, отъ Игоря, отъ Святослава, *отъ Олега,* означаются и слѣдующіе отъ Володислава, Передславы, Турда, и пр.

Строка 21: или Прастенъ, Акунъ, Кары, отъ и пр. См. Арцыб.

Строка 25. Можетъ быть, это должно поправить сообразно съ Арцыб.

С. 143, строка 7. Замѣтимъ, что въ Олеговомъ договорѣ нѣтъ именъ на *овъ.*

Строка 18. Арцыбышевъ думаетъ, что Карлъ, имя, стоящее въ началѣ Олегова договора, есть нарицательное достоинства, а не собственное посла. По Шведски Карлъ значитъ мужъ. I, 52. Эта догадка мнѣ нравится: мы видимъ во многихъ мѣстахъ Несторовой лѣ-

тописи слово мужъ въ значеніи достоинства, а въ Русской Правдѣ еще яснѣе. Въ началѣ, въ первое время пребыванія Варяговъ у насъ, они употребляли свои имена, а впослѣдствіи перевели ихъ на языкъ Русскій.

Также должно сказать и о *гуды*. Gut по Нѣмецки и Gots по Шведски значитъ помѣстье. Князь Оболенскій замѣчаетъ, что эти люди могли быть переведены у насъ добрыми людьми. Есть чаши, чары, ковши съ именемъ добра человѣка. Не изъ этихъ лъ добрыхъ людей образовались послѣ Житые. Ср. пожитки.

С. 168, къ строкѣ 13. предшественниковъ, Болгарскихъ переводчиковъ.

С. 177 строка 7. Впрочемъ смотри у Круга ОМР с. 72. примѣры подобныхъ неосторожностей.

Къ стр. 180. ср. 29: Сыновья Эйрика сожгли сильнаго Ярля Сигурда въ домѣ его со всѣмъ его народомъ. ССВ. II. 128.

С. 193, къ концу. Такъ замѣтилъ и Болтинъ, I, 90.

С. 194, стр. 14, Дитмаръ пишетъ именно, что сама Греческая Царевна уговорила его принять вѣру Христіянскую. (Карамзинъ, пр. 453). Эльмакинъ разсказываетъ, что Василій Императоръ, боясь мятежника Фоки, послалъ къ Россійскому Князю, бывшему врагу своему, просить у него войска, что сей Князь требовалъ у него руки Царевниной, и согласился быть Христіаниномъ. (Historia Saracenica, с. 251.)

Въ сагѣ Олова Святаго есть много обстоятельствъ, совершенно согласныхъ съ Несторовой лѣтописью.

С. 200 строка 5. Житіе Св. Владимира, Бориса, Глѣба, посланіе къ Князю Димитрію, — Мниха Іакова.

С. 201 строка 12. Похвала Владимиру сочинена Митрополитомъ Иларіономъ, какъ оказалось по списку, найденному Г. Горскимъ.

С. 203 строка 6. Вм. меньшій надо: гораздо моложе всѣхъ.

С. 214 строка 3: Рѣчь Святослава подробнѣе у Льва діакона, чѣмъ у Нестора.

С. 216, строка 10: Еще болѣе—въ Болгарскомъ переводѣ находимъ мы самыя имена Аскольда и Дира.

Въ дополненіи къ Болгарскому переводу Константина Манассіи находится подтвержденіе извѣстіямъ о Болгарскомъ походѣ Святослава, крещеніи Руси и проч.

Строка 23. Требованія Варяговъ отъ Грековъ совершенно подобны требованіямъ Норманновъ съ другихъ городовъ, Парижа и пр. Хитрости Ольги, Рогнѣды, Олега, Владимира, Святополка, согласны съ извѣстіями Норманновъ.

Несторъ не говоритъ о войнахъ съ Греками съ 988 по 1042 г., и Кедринъ свидѣтельствуютъ, что миръ продолжался долго.

Насильственную смерть Игоря Левъ Діаконъ разсказываетъ съ такими подробностями, какихъ не видимъ мы даже у Нестора.

С. 219, строка 11, 12: прибавить Ольгину часовню и преданіе объ Ольгинѣ крестѣ. Евгеній ИПК. III, с. 3, 4.

С. 222, строка 18. Откуда взять луду, Норманскую одежду.

Строка 19. Такъ случилось: одинъ легкомысленный юноша объявилъ все извѣстіе лѣтописи выдумкою: такого урода, говоритъ онъ, незнаетъ Исторія Медицины! Приглашаемъ его осмотрѣть анатомической кабинетъ Мнихенскій. Тамъ увидитъ онъ двоихъ.

С. 225, строка 19. Основаніе Юрьева и дань Руси подтверждается данью Псковскому Собору, послѣ 1223 г. по сказанію Гіерна. ИПК. с. 9. Карамзинъ II, 192, 223.

Андрей Ярославичь Переяславскій урекаетъ Всеслава Ольговича, ссылаясь на происшествія со Всеславомъ при Изяславѣ I.

КОНЕЦЪ I-ГО ТОМА.

BAYERISCHE STAATS-BIBLIOTHEK MUENCHEN

Bayerische StaatsBibliothek
Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Pogodin, Michail Petrovič,

Izslědovanija, zaměčanija i lekcii, M. Pogodina, o russkoj istorii

Bd.: 1

Moskva 1846

Russ. 224 p-1
urn:nbn:de:bvb:12-bsb10783728-6